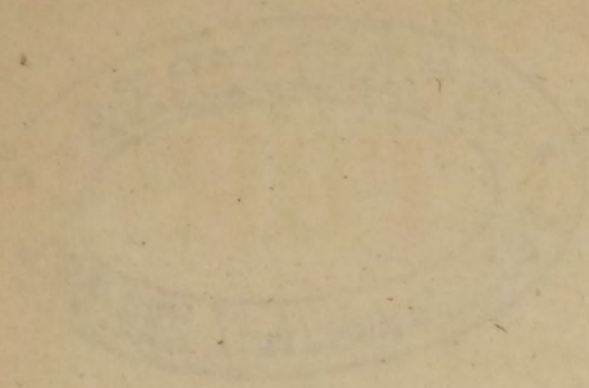

10312.

10

LIBRARY
MUSEUM
OCT 11

1894/1895
LIBRARY

ВСЕОБЩЕЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ.
v.

RECEIVED

LIBRARY

UNIVERSITY OF CHICAGO

RECEIVED

LIBRARY

UNIVERSITY OF CHICAGO

RECEIVED

LIBRARY

UNIVERSITY OF CHICAGO

1911

10317

ВСЕОБЩЕЕ

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВОКРУГЪ СВѢТА,

СОДЕРЖАЩЕЕ

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЙ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ДОНЫНѢ
МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ, КАКЪ-ТО: МАГЕЛЛАНА, ТАСМАНА, ДАМ-
ПЬЕРА, АНСОНА, БАЙРОНА, ВАЛЛИСА, КАРТЕРЕТА, БУГЕН-
ВИЛЯ, КУКА, ЛАПЕРУЗА, БЛЕЯ, ВАНКУВЕРА, АНТРАКСТО,
ВИЛЬСОНА, БОДЕНА, ФЛИНДЕРСА, КРУЗЕНШТЕРНА, ПОРТЕРА,
КОЦЕБУ, ФРЕЙСИНЕ, БИЛЛИНГСГАУЗЕНА, ГАЛЛЯ, ДЮПЕРРЕ,
ПАУЛЬДИНГА, БИЧЕЯ, ЛИТКЕ, ДИЛЛОНА, ЛАПЛАСА, МОРЕЛЛЯ,
и многихъ другихъ,

СОСТАВЛЕННОЕ

ДЮМОНЪ-ДЮРВИЛЕМЪ,

КАПИТАНОМЪ ФРАНЦУЗСКАГО КОРОЛЕВСКАГО ФЛОТА,

съ

ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

картъ, плановъ, поршрешовъ, и изображеній замѣчатель-
нѣйшихъ предметовъ природы и общежитія во всѣхъ частяхъ
свѣта, по рисункамъ Сенсона, сопровождавшаго Дюмонъ-
Дюрвиля въ его путешествіи вокругъ свѣта.

Часъ пятая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

1836.

1836

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаваніи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Октября
27-го дня 1836 года.

Ценсоръ Д. Первозииковъ.

65929

**ВСЕОБЩЕЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ.**

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Океанія: острова Гавайскіе, или Сандвичевы; острова Нукагивскіе, или Маркизскіе.

IN THE
RECORDS

JACOB HATTA.

ГЛАВА XLV.

ПЛАВАНІЕ ОТЪ ЯПОНІИ КЪ ОСТРОВАМЪ ГАВАЙ- СКИМЪ (ИЛИ САНДВИЧЕВЫМЪ).

Ноября 5-го 1830 года, я былъ совсѣмъ готовъ къ отъѣзду изъ Еддо, и не безъ нѣкотораго перепѣнія видѣлъ, что мои почтенные товарищи, г-да Фрайзеръ и Блокфіусъ располагались пробить здѣсь еще болѣе мѣсяца. Естественнѣйшій клялся, что не оставитъ Японской столицы, пока не изучитъ въ совершенной полнотѣ главнѣйшихъ деревьевъ, деревцовъ, кустарниковъ и травъ, свойственныхъ особенно Японской флорѣ. Это составляло дѣло, касавшееся ученой чести его, дѣйствительнаго члена и члена-корреспондента Башавской, Калькутской, и проч. и проч. Академій. Онъ готовъ былъ жить въ Японіи, пока износитъ всѣ свои парики, только-бы не унизиться въ глазахъ своей ученой общины. Съ докторомъ были у меня другія хлопоты. — Съ самаго пріѣзда удалось ему вылечить кое-кого изъ Японцевъ; слава

его загремѣла по всему Іеддо, и—чего добраго!—почему не могъ онъ наконецъ сдѣлаться придворнымъ докторомъ Японскаго сеугуна? По крайней мѣрѣ, болѣные его одолѣли, и онъ не могъ довольно нарадоваться, что съ ранняго утра у дверей его спучались посланные отъ людей, кошорыхъ шугемные Эскулапы обрекали на вѣрную смерть, и кошорыхъ онъ вылечивалъ шуши. Такимъ образомъ, мои почтенные сопутники совершенно погружены были каждый въ свои дѣла, и ни шощъ, ни другой не забошились, подобно мнѣ, о скоромъ отъѣздѣ.

Я принужденъ былъ успроивать отъѣздъ мой безъ нихъ. Мой переводчикъ отправился въ полицію шребовавши для меня новаго паспорта; онъ-же переговорилъ съ капишаномъ Японской жонки, кошорая, на пуши въ Корею, должна была зайдши въ Нангазаки. Цѣна за провозъ меня, день отъѣзда, все было переговорено и условлено, шакъ, что г-да Блокфусъ и Фрайзеръ ничего объ этомъ не знали. Только въ часъ отъѣзда, я все разсказалъ имъ, и надобно признаюсь, что докторъ хошѣлъ было изъявить желаніе ѣхать вмѣстѣ со мною, но, къ сожалѣнію, забылъ даже просишиться, занявшись сосшавленіемъ какой-шо Лашинской миксшуры; что касается до г-на Блокфуса, онъ почти не замѣшилъ моего прощанія, углубясь въ разсмотрѣніе лепесшковъ какой-шо рѣдкой породы *thuya japonica*, кошорую хошѣлъ назваши своимъ именемъ, и шѣмъ обезсмерпиши себя въ описаніи своего ученаго пушешествія.

Жонка, на копорую немедленно я переправился, пустилась въ путь Ноября 7-го, ушромъ. На сей разъ, намъ не было надобности идти около Японскихъ береговъ и входить въ Сикокфскій проливъ. Мы направились прямо въ открытое море, чшобы обогнуть *Къзъу* съ юга. Въшеръ былъ ошъ С. С. В., море величественно, небо свѣшло. Въ теченіе четырехъ дней плыли мы такимъ образомъ, встрѣчая шамъ и здѣсь маленькіе острова. Признаюсь—я былъ все это время въ большомъ затрудненіи, касательно будущаго маршрута въ моемъ путешествіи. Какъ неопытный странникъ, привязался я шеперь къ этой неисходимой Японіи, долженъ былъ онянь явишься въ Нангазаки, и шамъ просидѣнь, можешь бышь, при, чешыре, пашъ мѣсяцевъ, пока предшавишься мнѣ случай плышь куда нибудь на Голландскомъ кораблѣ. А гдѣ-же мечша моя, *Тихій Океанъ*, страны *Океанійскія*?—Это наводило на меня тяжелую грусь; я не могъ ни спашъ, ни ѣшь, перебиралъ въ головѣ моей десятки плановъ, и оканчивалъ каждый неизбѣжнымъ назначеніемъ — шосковать полгода, можешь бышь, еще болѣе въ Нангазакской шюрмѣ. . . .

Такъ было до полудня 12-го Ноября, когда нечаянно закричали, чшо видѣнь корабль, плывущій прямо на насъ. Эша новоспъ имѣла на меня дѣйствіе молніи, въ одно мгновеніе спопившей всѣ мои планы и проэскы въ одну новую мысль, копорая показалась мнѣ опкровеніемъ свыше, вдохновеніемъ судьбы! Я шопчасъ бросился къ капишану жонки, щедро опсчишалъ ему все, чшо слѣдовало

за провозъ меня до Нангазаки, наговорилъ ему тысячу благодарностей, и шакъ размягчилъ его Японское сердце, что онъ вполне понялъ мое предложеніе, состоявшее въ слѣдующемъ: «Этотъ корабль, который мы теперь видимъ, корабль моего друга; мнѣ хочется быть вмѣстѣ съ моимъ другомъ, и потому прошу тебя остановиться и передать меня на этотъ корабль. Для этого стоить только послать меня къ кораблю на твоей лодкѣ.» Океанъ былъ гладокъ, какъ стекло; лодка нашей жонки была свободна; ничто не препятствовало капитану исполнить мое желаніе, за что соглашался я заплатить щедро. И — мой Японскій морякъ согласился, сталъ держать прямо къ видимому нами кораблю, подобралъ наруса, приблизясь къ нему, спустилъ лодку, посадилъ меня въ нее, опдалъ мнѣ мою поклажу, и лодка направилась со мною по волнамъ Океана.

Въ это время, встрѣченный нами шунеръ (ибо это былъ шунеръ Европейскій, какъ издалика угадалъ я) сообществовалъ нашимъ движеніямъ. Сначала, опасаясь встрѣчи съ нами, онъ бралъ немного вѣво. Но видя потомъ, что мы остановились, и что онъ насъ плыветъ лодка съ пятью только людьми, онъ также остановился и ждалъ, чѣмъ это кончится? Трудно представить себѣ, какое мучительное чувство неизвестности обладало въ это время мною. «Возьмутъ-ли меня?» думалъ я. «И что это за люди: Голландцы, Англичане, Португальцы? И куда плывутъ они?» — Съ кѣмъ угодно и куда угодно — сказалъ я наконецъ —

только-бы не въ Нангазаки! — Я рѣшился идти на опвагу, смѣло, прямо; опкровенность всего лучше, особливо на морѣ. Такъ опредѣливъ мою участь, опважно спалъ я всходишь на неизвѣстный мнѣ корабль. «Что вамъ угодно?» спросилъ меня по-Англійски вахтенный офицеръ. — Капитана—опвѣчалъ я. Онъ явился немедленно.

Это былъ шипъ, образецъ моряковъ, какихъ я еще не видывалъ. Вѣроятно, кожа его опъ природы была довольно бѣлая, но когда онъ засучивалъ свои рукава, жилистые руки его оказывались желтого машого цвѣта, а кисти рукъ и лицо уже перешли за эшопъ цвѣтъ; они были цвѣта свѣтлобронзоваго, кромѣ той половины лба, по которой рѣзкая черта показывала мѣсто, до котораго надѣвалась шляпа. Тушъ, во всю ширину лба, казалось, были сшиты двѣ разные кожи—бѣлая сверху. Можно-бъ было уподобить это дѣленіе лба моего образчика моряковъ тому рѣзкому сліянію двухъ печеній, копорымъ опдѣляется сближеніе морской воды съ прѣсною. Эша фигура, не просто загорѣвшая, но перегорѣвшая въ лучахъ полуденнаго солнца, казалось, могла-бы избавишь-ся опъ загара подъ тѣнью безконечныхъ бакенбаршовъ, черныхъ, какъ смоль, и кромѣ того густыхъ бровей и щенистыхъ усовъ, но видно что ничто не могло спасти ее, и солнце испекло ее совершенно. Прибавьте къ эшому живые глаза, хотя и скрытые подъ огромнымъ лбомъ, Геркулесовское шѣло и голосъ Голіаѳа, или Спеншора, и—вы можете предсавить себѣ моего новаго знакома,

капитана *Пендлетона*, начальника Американскаго шунера *Океанія*.

— Капитанъ ! у меня къ вамъ просьба: возьмите меня съ собою. Я хочу быть вашимъ пассажиромъ.

« Пассажиромъ ? Да, куда, развѣ къ чорту поѣдете вы съ нами ? Неужли вамъ и шуда будетъ по дорогѣ ? »

— Согласенъ, только ѣдемъ вмѣстѣ !

« Какъ шакъ ? »

— Слушайте, капитанъ. Прислушимъ прямо къ дѣлу. Я былъ въ Японіи; не могъ найдши другаго случая уѣхать изъ Іеддо, какъ отправиться на Японской жонкѣ въ Нагазаки. Я не хочу шуда, и куда-бы ни былъ вашъ пупъ — я вѣрный шоварищъ вамъ. Хошите-ли взять меня — да или нѣтъ ? Цѣна въ вашей волѣ, по днямъ, по-мѣсячно, по-годно, за переѣздъ — говорите скорѣе: берете-ли вы меня, или отошлете въ Нагазаки на проклятой жонкѣ !

« Вы, м. г., настоящій Французъ. Слушайте въ свою очередь : моя *Океанія* не обыкновенный шорговый корабль, а морская рыба, бродящій жидъ между кораблями. Ему опредѣлено плавать во вѣки, пока онъ сгниетъ. Вотъ ужъ чепыре года, какъ мы пошли изъ Босфона, и, конечно, въ два года мы еще не доѣдемъ до Америки. Мы морскіе бродяги; все намъ съ руки; мы всѣмъ шоргуемъ. Мѣсяца за три мы были въ Гапарскомъ проливѣ и покупали шамъ мѣха; недѣли за три, мы были на Желномъ морѣ; шеперь плывемъ въ Гаваи; черезъ

два мѣсяца будемъ тамъ, а кто знаетъ, гдѣ будемъ мы черезъ полгода, черезъ годъ. . .

— Вы плывете въ Гаваи, на Сандвичевы острова?

« Да, на *Гавайскіе* острова. Это настоящее имя ихъ.

— Кончено, капитанъ—я вашъ! Ни слова о будущемъ. Берете-ли съю островъ за проѣздъ до Гаваи?

« Беру.

Мы ударили по рукамъ, и дѣло было рѣшено. Капитанъ крѣпко трянулъ мнѣ руку; взоръ его принялъ ласковое выраженіе. « Браво! — вскричалъ онъ — это по нашему! Но за то знайте-же, что добрая звѣзда пушеводила вами. Мы, право, не совсемъ такіе звѣри, какими кажемся съ перваго взгляда. Вы не раскаетесь, тысяча бомбъ! что перебрались къ намъ отъ вашихъ узкоглазыхъ уродовъ!» — Чудный Пендлешонъ! Въ послѣдствіи увидѣлъ я, какъ онъ умѣетъ держать свое слово.

Почти подъ 30° широты переправился я на *Океанію*. Миленькая, чистая каюта, съю съ капитаномъ, два юнга, готовые служить мнѣ—да, это было такое счастье, какого я и надѣяться не могъ! Весело и поспѣшно устроился я житьемъ, пока шунеръ нашъ распускалъ паруса и пускался въ путь свой.

« Прощай Азія!» думалъ я, стоя на палубѣ *Океаніи*.

Намъ должно было пристать къ островамъ *Бонинъ-Сима*, чтобы налитья водою и наловить чере-

пахъ. Бонинъ-Сима, по моимъ Парижскимъ замѣнкамъ, долженствовало быть превосходное мѣсто для роздыха. Обманушый Японскими извѣстіями, извѣстный хинологъ Абель-Ремюза представилъ намъ эи острова, какъ будто устроенные городами, селеніями, храмами; по его рассказамъ, это Японская колонія, подобная Лью-Чью, съ такимъ-же добрымъ, гостепріимнымъ народомъ. Когда я сказалъ объ этомъ капитану Пендлешону, онъ расхохотался. «Селенія, города на Бонинъ-Сима! Японцы на Бонинъ-Сима! Да, если бѣсенята не выстроили тамъ всего этого въ нѣсколько мѣсяцевъ, и либо какою нибудь бурей не перебросило туда какихъ-нибудь колонистовъ по воздуху, то мы ничего этого тамъ не найдемъ! Можетъ быть, когда нибудь, въ старину, были тамъ Японскіе поселенцы. Но теперь тамъ нѣтъ никого и ничего! Года съ два тому, я останавливался на Бонинъ-Сима, и нашелъ тамъ только при человѣчeskія существа — это были при Англичанина, уцѣлѣвшіе отъ кораблекрушенія, единственный остатокъ изъ экипажа одного киполовнаго корабля. Они почитали себя счастливые королей — только имъ скучно было однимъ, въ совершенной пустынѣ.»

Надобно было замолчать мнѣ, съ моими хинологическими свѣдѣніями. Невозможно было спорить съ старымъ знаменитымъ всѣхъ этихъ морей и острововъ, и впрочемъ, недалеко оставалось до повѣрки на мѣстѣ, кто правъ. Въпрямь, обыкновенно здѣсь слабые и переменчивые лѣтомъ, постоянно дули отъ С. З., въ обыкновенномъ направленіи

на зимнее время, которое приближалось. Вечеромъ, Ноября 14-го, Пендлемонъ засналъ меня на палубѣ, съ трубою въ рукахъ. «Сегодня смошрѣть еще нѣчего,» сказалъ онъ. «Завтра увидимъ мы оспровъ *Розаріо*, ушесъ, въ полъ-мили длиною, онъ С. З. къ Ю. В., почти неприступный, по причинѣ жестокаго морскаго прибоя. Открытый какимъ-то Испанцемъ; вновь найденный, въ 1801 году, капитаномъ Бишопомъ, на кораблѣ *Nautilus*, который назвалъ его оспровомъ *Лишенія*; пошомъ видѣнный Испанскимъ фрегатомъ *la Fidelidad*, 25 Сеннября 1813 года, Розаріо былъ хорошо осмошрѣнъ Русскимъ капитаномъ Липке, Апрѣля 18-го, 1828 года. Да, кажешся, шакъ,» продолжалъ капитанъ, принимаясь за книгу, для повѣрки словъ своихъ — «точно, Липке, который опредѣлилъ мѣсто его подъ $27^{\circ} 26'$ с. ш. и $138^{\circ} 42'$ долгошы восточной. Мы повѣримъ эшо завтра, поушпру.»

Но на слѣдующій день, Розаріо былъ въ споронѣ онъ пуши нашего корабля, почти на С. З., когда теченіемъ несло насъ на Ю. В. — Въ двухъ или трехъ льѣ, 15-го, передъ нами, при восходящемъ солнцѣ, открылись три средніе оспрова изъ купы Бонинъ-Сима, между шѣмъ, какъ другіе, находясь на С. С. В., уподоблялись издали громаднымъ ушесамъ, брошеннымъ въ Океанъ.

Въ полдень кинули мы якорь въ гавани *Лойдъ*, на западной споронѣ оспрова *Пилля*. Гавань эшу можно было узнать по высокому полуоспрову, образующему никъ въ южной споронѣ, и по огром-

ному вулканическому утесу, въ видѣ конуса, съ противоположной спороны.

Едва шлюпка Океаніи была спущена на море, я бросился въ нее, желая осмопрѣть оспровъ. Въ настоящее позднее время года, онъ обольщалъ еще зеленѣющими деревьями своихъ обширныхъ, дремучихъ лѣсовъ, похожихъ на прекрасные, дѣвственныя лѣса Америки. Едва спувивши на землю, можно было видѣть, что здѣшняя превосходная почва могла бытъ пригодною на обрабошку всякаго рода. Всюду, подлѣ распеній умѣренныхъ климатовъ, росли прозябенія экваторіальныхъ спранъ. Тутъ видѣлъ я *corypha*, съ его вѣрными лиспьями, *pandanus*, съ его алыми, блестящими плодами; *calophyllum*, съ лиспьями, испещренными жилочками, нѣсколько родовъ лавра, *terminalia*, *dodonea*, *eleocarpus*, и проч.

Берегъ оспрова являлся совершенною пусшынею — мы могли, какъ угодно, искапъ во всѣхъ направленіяхъ, кричапъ и кличапъ изъ всѣхъ нашихъ силъ — мы не опкрыли-бы здѣсь ни одного живущаго человѣка, и ни чей голосъ не опкликнулся-бы на наши призывы. Только въ южной споронѣ, нѣсколько обломковъ хижины показывали мѣсто, гдѣ жили Англичане, спасшіеся здѣсь нѣкогда отъ кораблекрушенія. Садовая загородка окружала еще это разрушенное жилище человѣческое, но большая часпъ полезныхъ распеній маленькаго садика, съ успѣхомъ насажденныхъ временными жишелями Пила, уже не сущесшвовала болѣе; свиньи, оспавленные ими на оспровѣ, и одичавшія, вырыли ихъ.

65929
 Далѣе обратила на себя мое вниманіе мѣдная дощечка, прибитая къ дереву. Это былъ знакъ, оставленный Бичеемъ, возобновившимъ здѣсь забавный обычай старинныхъ моряковъ, которые называли каждый по своему видѣнные ими острова, и принимали ихъ во владѣніе, распусшивши на нѣсколько минутъ знамя на берегу cadaго острова. Сколько земель, и даже архипелаговъ, считались послѣ этого, поочередно, Португальскими, Испанскими, Французскими, Англійскими, Голландскими, пошому, что каждый вновь приходящій ниспровергалъ мнимое владычество своего предшественника, и даже называлъ землю снова по своему. Странное честолюбіе въ этомъ отношеніи было превожною мечшою сполькихъ вѣковъ, но въ XIX-мъ столѣтіи, Бичей могъ освободить себя отъ присоединенія острова Пила къ Англійскимъ владѣніямъ, посредствомъ маленькой дощечки, прибитой къ дереву, и шѣмъ болѣе, что не онъ первый нашелъ Бонинъ-Симскую купу. Болѣе похвалы и чеспи можно воздашь ему за то, что онъ первый хорошо осмошрѣлъ это собраніе острововъ.

Мой лихой Пендлешонъ остановился здѣсь не для разсмошрѣнія шолько красотъ природы; у него недоспавало воды и свѣжихъ запасовъ, и ему надобно было наполнишь бочки водою и наловишь здѣсь черепахъ. Каждое ушро шлюпка перевозила нашихъ машпрозовъ на побережье залива, называемаго *Ten fathoms hole* (разсѣлина десяти брассовъ), и шущъ, каждое ушро, мы принимались за ловлю

ч. V. 2

черепахъ, обыкновеннымъ образомъ. Отъ 10-ти до 12-ти черепахъ, изъ которыхъ инныя вѣсили до 300 фунтовъ, были добываемы и перевозимы на корабль. Товарищами нашими въ этой ловлѣ были огромныя акулы, казалось, оспаривавшія нашу добычу. Они слѣдовали за черепахами, пока мы гнали ихъ по водѣ, и въ виду нашемъ бросались на бѣдныхъ животнохъ; опорванные лапы показывали, что прожорливые эти враги иногда успѣвали вредить бѣдняжкамъ, не смотря на ихъ крѣпкій черепъ. Вѣроятно, черепахи лакомая їда для акулъ, пошому, что шлюпку нашу, каждый разъ, когда плыла она къ кораблю, преслѣдовали 30 и 40 акулъ.

Хотя купа Бонинъ-Симская находилась въ умеренномъ климатѣ, но зимою она подвержена бурнымъ и холоднымъ вѣтрамъ сѣверо-западнымъ. Въ 1826 году, въ Январѣ, свирѣпствовалъ здѣсь такой ураганъ, съ столь ужаснымъ землетрясеніемъ и такимъ разливіемъ моря на берега, что Англичане, жившіе тогда здѣсь, опчаявались въ своемъ спасеніи и убѣжали на высоты острова. Пиль весь состоялъ изъ вулканическаго утеса, и другіе острова купы, вѣроятно, такого-же состава. Базальтовые столпы видны въ разныхъ мѣстахъ, около гавани Лойда; при устьѣ небольшой рѣчки, впадающей въ заливъ, находилась даже нѣкошое пространство, состояющее верхнюю часть базальтовой лѣспницы, въ маломъ видѣ представляющей своею фигурою нѣчто въ родѣ знаменитой Ирландской *Дороги великановъ*. Многіе изъ утесовъ острова состоятъ изъ *туфа*, сѣровашаго,

или зеленоваго цвѣта, перемѣшаннаго съ кусками халцедона и корналина.

Вокругъ большей части заливовъ оспрова морскіе полипы воздвигли изъ волнъ коралловые утесы; они занимають всю верхнюю часть залива Лойда, кромѣ Ten fathoms hole, гдѣ воспрепятствовали работѣ морскихъ насѣкомыхъ потоки прѣсной воды, стекающей съ оспрова. Не только здѣсь можно замѣтить подобное явленіе, но почти всюду теченія прѣсныхъ водъ съ береговъ препятствуютъ работѣ полиповъ; на всѣхъ оспровахъ, окруженныхъ коралловыми утесами, доступны бывають для кораблей только нѣ мѣста, гдѣ рѣки и ручьи съ прибрежья вливаются въ море.

Холмы Пиля покрыты произрастающимъ съ подошвы до вершинъ. Между изобилующими на нихъ деревьями находится довольно способныхъ для построения лодокъ, но корабельнаго лѣса видно весьма мало. Единственнымъ наземнымъ млекопитающими можно почесть здѣшнихъ летучихъ мышей, у которыхъ крылья на лету простираются до 3-хъ футовъ, а шло бываетъ длиною около 8-ми дюймовъ. Иногда порхаютъ онѣ, но наиболѣе висятъ, прицѣпясь когтями, на вѣтвяхъ деревьевъ. Самки держатъ подлѣ себя дѣтенышей, закрывая ихъ своими крыльями. Отъ времени до времени видны въ лѣсахъ здѣшнихъ прекрасныхъ черныхъ цапель, съ бѣлымъ хохломъ, зукъ, дергачей, бекасовъ, голубей, обыкновенныхъ черныхъ воронъ, маленькихъ пшичекъ въ родѣ чижиговъ, и еще пшичекъ въ родѣ щура. Море обильно рыба-

ми, изъ копорыхъ инья испещрены прелесными цвѣтами. Въ прѣсной водѣ обитаетъ здѣсь особенный родъ рыбы, похожей на карпа, и другой въ родѣ угрей, вѣсомъ иногда до 20-ти фунтовъ въ одной шпукѣ.

Нѣтъ сомнѣнiя, что острова Бонинъ-Симскiе суть нѣ-же самыя, что архипелагъ *del Arzobispo*, видимый на старинныхъ Испанскихъ картахъ. Но ихъ географическое опредѣленiе было худо сдѣлано до 1823 года, когда капитанъ Коффинъ осматривался при этой южной купѣ. Послѣ него, въ 1827 году, Бичей обзрѣлъ всѣ острова сполна, и давалъ имъ именъ; наконецъ, въ 1828 году, Липке положилъ ихъ на карту. По его изслѣдованьямъ Бонинъ-Симскiй архипелагъ заключается между $26^{\circ} 35' - 27^{\circ} 45'$ с. ш. и $140^{\circ} 30' - 140^{\circ} 39'$ долготы восточной. Всѣ эти земли, расположенныя почти подъ однимъ меридiаномъ, дѣляшся на чешыре различныя купы. Сѣверная, названная именемъ *Парри*, состоитъ изъ двухъ маленькихъ островковъ, по 3, 4 мили въ окружности, съ прибавленiемъ къ нимъ еще нѣсколькихъ отдѣльных утесовъ; южнѣе, миляхъ въ восьми, находится еще островъ, обставленный утесами; далѣе идетъ средняя купа, значительнѣе всѣхъ, состоящая изъ острововъ *Стаплетона*, *Букланда* и *Пилы*, каждый отъ 9-ти до 10-ти миль въ окружности, окруженныхъ нѣсколькими островками и дикими скалами; наконецъ, въ 26 миляхъ на Ю $\frac{1}{2}$ В., находится осальная купа, именуемая *Байли*, о копорой нѣтъ еще обстоятельныхъ описанiй.

Но эшопъ-ли самый архипелагъ знали Японцы подъ именемъ *Бонинъ-Сима*, или правильнѣе, *Монинъ-Сима* (острова безъ жителей), о которыхъ говорилъ Кемпферъ, слѣдуя Японскимъ книгамъ, какія чиналъ въ Іеддо? Не знаемъ, чѣмъ-бы можно было доказать прошивное. Можешь бышь, описаніе Ремюза, которое извлекъ онъ изъ Японскихъ извѣстій, доставленнымъ Типзингомъ, можешь служишь лучшимъ опроверженіемъ, ибо по эшому описанію на Бонинъ-Сима должны бышь цвѣщущія поселенія, памяшники, города, мѣстечки, а на дѣлѣ выходишь что на архипелагѣ, называемомъ симъ именемъ, въ настоящее время нѣтъ никакихъ слѣдовъ ничего подобнаго. Но если подумаешь о разрушительномъ дѣйствіи могучаго произраспанія, которое закрываетъ и уничтожаетъ собою на здѣшней дѣвственной землѣ всѣ слѣды бышія человеческого, можно повѣришь спариннымъ заселеніямъ архипелага, оставленнымъ съ нѣсколькихъ столѣтій, и слѣды которыхъ могли исчезнуть совершенно. Разстояніе, расположеніе острововъ, слѣдуя Японскимъ извѣстіямъ, согласуюшся удовлетворительнымъ образомъ съ выводами новѣйшихъ мореплавателей.

Островъ *Пиль* былъ нами совершенно осмошрѣнъ; наши запасы воды и черепахъ гошovy; ничто не задерживало насъ болѣе въ заливѣ Лойда, и наша Океанія пустилась въ пушь, 15-го Ноября. Обходя около скалъ, кончающихъ къ югу островъ Пиль, и пирамидами стоящихъ одна подлѣ другой, будшо копны сѣна, мы благополучно вышли въ ом-

крышое море и направились къ западу. Пендлеш-ну хошѣлось осмошрѣнь мимоходомъ купу малень-кихъ острововъ, найденныхъ капишаномъ Меджи, на корабль Маргарита, въ 1773 году, и находя-щихся, какъ говорятъ, подъ $27^{\circ} 20'$ ш. с. и $143^{\circ} 25'$ д. в. — Но нѣсколько переходовъ понапрасну держался онъ около назначеннаго меридіана; шу-манъ не допускалъ насъ ничего видѣть вдали, и при томъ повѣрялъ наблюденіе, сдѣланное лѣтъ за шестидесятъ до нашего времени, не стоило боль-шаго труда, если нельзя было сдѣлать его мимо-ходомъ. Можно полагать досповѣрнымъ, что *остро-ва Маргариты* та-же купа Бонинъ-Симская, только подъ другимъ именемъ.

Гидрографическія изслѣдованія сославляли для Пендлешона важное занятіе каждаго дня и кажда-го часа. Будучи просшимъ капишаномъ купческа-го корабля, которому должно было быть мало нужды до положенія не вполне извѣстныхъ острововъ, онъ предавался однакожъ своему шуду съ такою спрасною настойчивостью и съ такимъ упорнымъ любопытствомъ, что лейшенаншъ его долженъ былъ съ большимъ шрудомъ удерживать порыви-стые *goddam*, гошове безпреспанно вылетѣть изъ его рта. Нашъ Филиппъ (имя лейшенанша) былъ добрый, веселый морякъ, лѣтъ подъ сорокъ небо-лѣе, толстый, пухлый, съ сѣрыми большими глаза-ми, со щеками красными, и съ носомъ, на кошо-ромъ ошипнокъ пунцовой красношы давалъ силь-ное подозрѣніе, что любезный лейшенаншъ не оп-кажется хорошо погулять при случаѣ. Но за то,

нашъ Филипсъ былъ опличный масперъ своего дѣла, съ 12-ми лѣтъ перескупившій съ берега на корабль и рѣшившійся умереть на кораблѣ. Капитанъ Пендлетонъ и Океанія составляли все, что только любилъ онъ на этомъ свѣтѣ. Но любовь Филипса была капризна и своенравна. Когда видѣлъ онъ, что при попушномъ вѣтрѣ, капитанъ его сбивался съ настоящаго пути, чтобы осматривать какія нибудь малоизвѣстные острова — Филипсъ бѣсился, уходилъ въ каюту и зашучалъ досаду свою спаканомъ добраго джина. Онъ не смѣлъ однакожъ никому открытъ своей досады, а еще менѣе сказать объ ней своему капитану, ибо этимъ нарушилась-бы дисциплина, какую спарался онъ внушить каждымъ своимъ движеніемъ; но—это награждалъ онъ тысячу ругательствъ, будто-бы на море и вѣтеръ. Едва появился я на кораблѣ, съ моею угодливостью ко всякому товарищу, готовый раздѣлить съ каждымъ радость и горе, Филипсъ рѣшился сдѣлать изъ меня повѣреннаго своихъ жалобъ на капитана. Это произошло по случаю поиска нашего за купою Маргариты. вмѣсто прямой дороги, наша Океанія круто поворошила вкось, и сердитый Филипсъ, сложа руки, выпуча глаза, казалось, считалъ каждую милю, которую теряли мы по пуснякамъ. Я стоялъ подлѣ него, и могъ разслушать какъ ворчалъ онъ: « Не худо — да, почему не поискашь этого знаменитаго острова — ищи, ищи его! Его утащилъ на дно водяной дѣдушка; его акула проглотила на прошлой недѣлѣ; его Англичане изжарили и съѣли —

чтобы ему легко не было, этому дрянному швоему оспровишку ! А найдешь , шакъ сколько намъ барыша будешь ? Чай напишутъ гдѣ нибудь , напеча-
 шающъ гдѣ нибудь о капишанѣ Пендлепонѣ ! Не
 лучше-ли десятью днями ранѣе поспѣшь въ Гаваи ,
 чѣмъ хлопоташь о чеспи , что тебя внесутъ въ
 журналы , подлѣ Морелля , подлѣ Бичея , подлѣ Кинга
 — подлѣ — подлѣ Россса , пысячу имъ бурь и шшур-
 мовъ , эшимъ бродягамъ за дрянными оспровами ! »
 Монологъ Филипса изъ ворчанья разгарался бранью ,
 и во время самого злаго разгула досады я осмѣ-
 лился перебить его вопросомъ : « Вы что-то пе-
 чальны , г-нъ Филипсъ ? » — Эхъ , М. Г. , будешь пе-
 чаленъ , когда дорога лежишь намъ вонъ куда , а
 мы поворошили вошь куда ! Видите — Пендле-
 понъ дуракъ ! — « Да , вѣдь , мы шопчасъ поворо-
 шимъ , куда слѣдуешь — эшо продолжишься часа
 два. » — Часъ шамъ , часъ шущъ , и пошомъ — гля-
 дишь — ушешь подъ вѣшромъ , оспровъ на дорогѣ
 — поворачивай вправо , влѣво ! Экая рѣдкость оспро-
 ва но эшомъ Океанѣ ! Да , ихъ шущъ счешу нѣшь
 — словно крупа сквозь рѣшено , насѣяны здѣсь эши
 оспровишки ! Пендлепонъ морякъ чудо , но все
 таки онъ глупъ , что за ними гоняется . Куда ужъ
 намъ , купеческимъ бродягамъ , гоняшься за ошкры-
 шіями ! Надобно будешь оспрововъ нашимъ Шша-
 шамъ , шакъ пошлюшь казенное судно и подберушь
 ихъ дюжины двѣ , если одной мало . Ну , да если мы
 спанемъ за другими бѣгашъ , да расшибемъ себѣ
 носъ на какую нибудь мѣль , шакъ , право , эшо со-
 всѣмъ незавидно — нырнушь на закуску рыбамъ !

А кто послѣ того накормишь женъ нашихъ въ Нью-Йоркѣ? Кто спанешъ плашишь въ школу за нашихъ ребяшишекъ? Goddam! it is a bad trade that does not support its master (что за ремесло, если не даетъ хлѣба)!

Послѣ такой горячей выходки, Филипсъ не чинился болѣе со мною. Онъ началъ даже дружески опшосишься ко мнѣ съ своимъ горемъ, чувсвуя, что ему спановишься легче, когда есть кому высказать свою досаду. Надобно было видѣть его забавную печаль, когда черезъ недѣлю потомъ, Пендлешонъ позвалъ меня на палубу, рано упромъ, чтобы показатъ мнѣ спранный зрѣлище: мы шли подлѣ спѣны утесовъ, болѣе нежели въ 300 фушовъ вышиною, прямо выславившихся изъ морскихъ волнъ, и шли шакъ близко къ эшой спѣнѣ, что казалось, будто эша базальшовая громада валишься на нашъ корабль. Мы были едва-ли въ 20-ти шазахъ отъ скалы, и я даже боялся, что снаспи нашего корабля занушаюшься въ ея изгибахъ. «Что эшо» ворчалъ Филипсъ — «что эшо? — не хотимъ-ли мы вскарабкашься на эшо вороньегнѣздо?» — Пендлешонъ привыкшій къ его угрюмому виду въ подобныхъ случаяхъ, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія и спокойно разговаривалъ со мною. — «Эшонъ спранный утесъ называется *Лотова жена*, и мнѣ давно хошѣлось осмошрѣть его получше. На Испанскихъ картахъ вы найдеше его подъ великолѣпнымъ именемъ *Roca de oro* (*Золотой*), но вы сами видите, можно-ли найдти въ немъ золото — эшо чистый базальшъ! Мирсъ (*Meares*) пер-

вый назвалъ его нынѣшнимъ его именемъ, въ 1789 году. И въ самомъ дѣлѣ, онъ удивительно походилъ на человѣческую спашую, поставленную среди моря. Мѣсто его хорошо опредѣлено: $29^{\circ} 54'$ с. ш. и $157^{\circ} 04'$ д. в.—Какъ жаль—прибавилъ Пендлешонъ—что мы не можемъ спуститься до $32^{\circ} 46'$ с. ш. и $167^{\circ} 50'$ д. в., гдѣ могли-бы мыосмотрѣть *Crespo*, утесъ, названный такимъ именемъ по имени Испанскаго капишана, кошорый осмопрѣлъ его въ 1801 году; эшотъ утесъ долженъ быть шотъ самый, что на старинныхъ картахъ называли *Rosa de Plata*! — « То ешь для эшого *серебрянаго* утеса намъ надобно-бы сворошиться съ дороги на нѣсколько сотъ миль! » заворчалъ Филипсъ. Онъ не вышерпѣлъ болѣе и ушелъ въ каюту. Но на сей разъ Пендлешонъ ограничился шолько сожалѣніемъ, и не переходилъ за 30-й градусъ широты. Безпрестанно разсмашривая превосходную карту, кошорая разложена была передъ нимъ, онъ измѣрять разстоянія, соображалъ положенія всего видѣннаго съ показаніями извѣснѣйшихъ мореплавателей, и шо качалъ головою съ видомъ сомнѣнія, шо наклонялъ ее съ одобришельною улыбкою. « Чшо за смѣсъ пропущеннаго, съ шѣмъ чшо поставлено вдвойнѣ! » говорилъ онъ. « Надобно признашься, чшо почтенные мореходцы, кошорыхъ посылають для обозрѣнія здѣшнихъ морей, лучше любяшь имѣть дѣло съ людьми, нежели съ утесами. Имъ болѣе нравиться шеряшь по два, по три мѣсяца въ обществѣ Гавайцевъ и Таишянъ, нежели занимашь ся обозрѣніемъ важныхъ для географіи мѣстъ, еще

неполнѣ извѣстныхъ. Они не Робинсоны, эти господа начальники королевскихъ кораблей! Они не любящъ необитаемыхъ острововъ!» — Во время рѣчи Пендлешона, я молчалъ, и началъ говорить когда капитанъ кончилъ. «Не уже-ли,» сказалъ я,» вошъ всѣ эти острова пусты?» — Всѣ—опвѣчалъ онъ—до самыхъ Гавайскихъ, и даже ни одинъ изъ нихъ, кромѣ Бонинъ-Симскихъ, неспособенъ къ заселенію. Въ сѣверной части этого Океана, людьми заселенъ одинъ Гавайскій архипелагъ. Кромѣ его, человекъ нигдѣ не переходилъ здѣсь за 45-й градусъ широты. Только подводные вулканы выдвинули здѣсь изъ морскихъ волнъ множество базальтическихъ громадъ, осужденныхъ на вѣчное безплодіе. — Изумленный такимъ извѣстіемъ я не зналъ, что опвѣчать. «Не печалишъ-ли это вашего странническаго любопытства?» спросилъ Пендлешонъ, угадавшій мысль мою —«да, ушѣшьтесь: моря между пропиками награждаютъ васъ за всѣ здѣшнія необитаемыя скалы. Острова тамъ бездна, и они всѣ населены!»

Въ слѣдующіе дни мы еще искали острова *Colpas*, положеніе котораго назначающъ подъ 28° 53' с. ш. Но работа наша оказалась напрасною. Островъ этотъ, о существованіи котораго многіе давно сомнѣвались, не показывался намъ ни съ которой стороны. — Отсюда Океанія наша направилась къ Гавайскимъ островамъ, и такъ прямо, что лицо моего пріятели Филиппа ожило чудною радостью. Чтобы видѣть только корабль нашъ идущимъ прямою дорогою къ мѣсту, онъ говорилъ

былъ охотно отправлялъ вахту за всѣхъ своихъ
 товарищей. Я раздѣлялъ съ нимъ его прискорбіе
 — онъ дѣлился шеперь со мною своимъ восшор-
 гомъ. Множество маленькихъ признаковъ вниманія
 съ его стороны безпрестанно задерживали меня
 на палубѣ. То хотѣлъ онъ показати мнѣ на раз-
 гульнаго киша, кошорый выпускалъ игривые фонша-
 ны свои, лучше инаго Версальскаго шрипона;
 то забавлялись мы какимъ нибудь глупышемъ, фре-
 гапомъ, бурною пшицею, запутавшимися въ сна-
 сяхъ нашего корабля. Эшотъ періодъ сердечнаго
 наслажденія Филипса, вдругъ прерванъ былъ 12-го
 Декабря, крикомъ: «*Земля!*» Спраси Пендлешо-
 на опяшь обнаружилась при эшотъ случаѣ въ пол-
 ной силѣ и Филипсъ снова нахмурился. — «Гдѣ
 земля?» спрашивалъ Пендлешонъ улыбаясь. — Въ
 виду на Ю. З. — опшѣтали съ мачшы. — «Куда
 ее опбросило!» вскричалъ Пендлешонъ — «На-
 добно пошеряшь шри дня, чшобы осмошрѣшь нашу
 находку — эшо много!» По крайней мѣрѣ, онъ
 хотѣлъ посмошрѣшь, хопъ издали, на драгоцѣнную
 землю, и самъ вскарабкался на мачшу. Когда со-
 шель онъ опшуда, видъ его былъ безпокойный;
 онъ бросился къ каршѣ своей съ какимъ-шо недо-
 умѣніемъ. «Ничего нѣшъ!» вскричалъ онъ, и съ
 досадою и съ радостью — «И шакъ эшо мой о-
 шровъ — я могу его назвати *островомъ Пендле-*
тона! Но—шри дня... Нѣшъ! нѣкогда, нѣкогда!» —
 И съ героическою рѣшимостью, мой славный Пен-
 длешонъ опказался опъ ошрова, кошорымъ могъ
 обезсмертитъ свое имя на волнахъ Океана. Онъ и

не раскаявался потомъ въ этомъ, ибо, вѣроятно, онъ узналъ въ послѣдствіи, чего не зналъ теперь, что именно этотъ самый островъ былъ уже видѣнъ прежде его, 12 Іюля 1825 года, и подъ именемъ острова *Морелля* означенъ на Дюрвилевой картѣ. Американецъ Морелль, бродяга по морямъ, подобный капишану Пендлешону, рассказываетъ, что онъ видѣлъ этотъ, мнимый Пендлешоновъ, красивый островокъ; что островокъ этотъ миль чешыре въ окружности и обшавленъ огромнѣйшею цѣпью утесовъ, которая, къ З. простирается на 45 миль, а къ Ю. Ю. В. почти на 30-ть, и что эта коралловая цѣпь образуетъ на островѣ хорошее якорное мѣсто съ Ю. З. — Морелль прибавляетъ еще, что на островѣ его водятся множество морскихъ птицъ, на берегу бездна морскихъ лошадей, или вальроссовъ, а въ заливѣ обиліе черепахъ. Положеніе острова, по исчисленію Морелля, $29^{\circ} 57'$ ш. с. и $174^{\circ} 31'$ долг. вост.

Въ половинѣ Декабря вступили мы въ такую часть моря, гдѣ къ прежнимъ жалобамъ Филиппа могла прибавиться ихъ цѣлая дюжина вновь. Далеко на югъ отъ насъ осмался маленькій островокъ *Покровительства* (*Patrocinio*), открытый въ 1799 году Испанцемъ Зипіани, начальникомъ корабля *Богоматерь Пиларская* (*la Señora del Pilar*). Зипіани рассказывалъ, что длина островка при миль, отъ С. С. В. къ Ю. Ю. З. — Потомъ видѣли этотъ островокъ Американцы, и назвали его *Byers*, хотя Морелль и счавилъ сей послѣдній подъ $28^{\circ} 32'$ и $174^{\circ} 44'$ в. д., то есть, почти на

30-ть лѣ далѣе къ З. С. З. отъ того мѣста, какое назначилъ Зипіани своей находкѣ. — Но намъ по неволѣ надобно было повернуть къ утесамъ *Pearl* и *Hermes*, гдѣ Пендлемонъ хотѣлъ сдѣлать прибавку своего запаса черепахъ. Декабря 30-го, вечеромъ, мы остановились съ западной стороны эшихъ утесовъ. Нѣсколько песчаныхъ островковъ и скалъ являлись передъ нами, какъ будто выходящіе изъ морскихъ волнъ, но подводные камни просягивающія здѣсь отъ С. къ Ю. гораздо далѣе и на большемъ разстояніи.

Эти утесы были открыты въ 1822 году киполовными судами *Pearl* и *Hermes*, которыя прешерпѣли здѣсь разбиіе, оба почти въ одно мгновеніе, когда находились одинъ отъ другаго мили на двѣ разстоянія. Экипажи обоихъ кораблей добрались однакожь до земли, построили изъ остатковъ судовъ своихъ небольшой корабль шоннъ въ-тридцать, и послѣ шестинедѣльнаго пребыванія здѣсь, нагрузивъ въ построенный ими корабль что успѣли сохранить лучшаго, оправились въ своемъ шломуъ суденышкѣ къ Гавайскимъ островамъ, куда и достигли благополучно.

Лишенные всякаго произраспанія, эти островки и цѣпь окрестныхъ утесовъ, вѣроятно, суть слѣдствія такого-же волканическаго, только болѣе обширнаго изверженія, какое недавно выдвинуло изъ волнъ Средиземнаго моря, подлѣ Сицилійскаго берега, островъ Джуліа, или Нериша. Пока ученые геологи собирались осмопрѣшь новое явленіе, островъ опять исчезъ въ волнахъ моря. Утесы

Pearl и Hermes, кажешся, гораздо прочнѣе. Лава, находимая по всему пространству ихъ, уже охладѣвшая, и крѣпкая, какъ гранитъ, безъ сомнѣнія, извергнута была подводными волканами за нѣсколько столѣтій до нашего времени, и едва-ли скоро разрушится. Скалы лежатъ здѣсь отъ $27^{\circ} 31'$ до $28^{\circ} 22'$ с. ш. — Средняя длина ихъ 179° в. — Продолжаясь непрерывно на 25 лѣ, отъ В. къ С. З., онѣ представляють не одинакую глубину, и особенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находясь, измѣривая глубину лотомъ, разительные переходы; съ 25-ти брассовъ вдругъ оказывается 120-ть, и черезъ одно мгновеніе уже не лѣзя достать дна.

Черепакъ и рыбы здѣсь множество. Послѣ удачной ловли, мы спѣшили плыть далѣе, чшобы не быль заспигнувшими западнымъ вѣтромъ, обыкновеннымъ здѣсь въ позднее зимнее время. Января 4-го, утромъ, были мы въ 4-хъ, или 5-ти миляхъ отъ небольшого острова *Лисьянскаго*, открытаго въ 1805 году Русскимъ капитаномъ сего имени ($26^{\circ} 3'$ ш. с. и $176^{\circ} 2'$ д. з.); это островокъ, миль на шесть въ окружности, съ признаками произрастанія. Морелль, въ 1825 году, видѣль его совершенно покрытымъ множествомъ разныхъ морскихъ пшицъ, глупышей, гоеландовъ, албапросовъ, пещелей и фаэтоновъ. Черепакъ и тюленей здѣсь пма. Подлѣ находящася два ряда утесовъ — одинъ въ 4-хъ миляхъ на С. З., другой въ 7-ми, на Ю. В., и это дѣлаеть приближеніе къ острову опаснымъ. Островъ *Лассіонъ*, о которомъ упоминають

инные мореплаватели, вѣроятно, есть пошѣ-же о-сровъ Лисянскаго.

Прямо держась шеперь нашего настоящаго пути, мы не могли видѣть ушеса, найденнаго въ 1820 году, капитаномъ Алленомъ, который называлъ его, по имени своего корабля, *Маго* (онъ долженъ бытъ подѣ $25^{\circ} 28'$ с. ш. и $172^{\circ} 40'$ д. з.), но 8-го Января мы обошли, въ полумилѣ разстоянія, о-сровъ *Гарднеръ*. Это собственно волканическій ушесъ, 200 шуазовъ окружношью и 200 шуазовъ вышиною. Одна сторона его круша, но другая довольно покаша, шакъ, что шюленн легко могутъ взбирашья на его ушесы. Когда мы проходили мимо оспрова, вершины его были унизаны эшими морскими чудовищами; они смопрѣли на насъ съ своимъ глупымъ видомъ, нисколько неспревожась и небезпокоясь о плывучей громадѣ, скользившей мимо ихъ. Впрочемъ, ни одна былинка, ни одно расшеніе, ни одинъ кусшарникъ и никакое дерево не оживляющъ эшого гнѣзда коршуновъ, возвышающаго къ облакамъ свои при раздѣльные шпица, изъ которыхъ средній выше всѣхъ. Подошвы каждаго изъ эшихъ шпицовъ кажущя совершенно бѣлы, отъ непрерывнаго изверженія безчисленнаго множества пшицъ. Единспвенные обшпашели здѣшнихъ скалъ, испуганные нашимъ приближеніемъ, спада пшицъ поднимались шучами, и образовывали собою какъ будто черныя пашна на небесахъ. — Оспровъ *Гарднеръ*, найденный и названный въ 1820 году, капитаномъ Алленомъ, былъ вновь осмопрѣнъ Американцемъ Паульдингомъ,

на корабль *Dolphin*. Онъ назначаетъ мѣсто его $25^{\circ} 2'$ ш. с. и $170^{\circ} 40'$ д. з. — Этого самый о-сровъ, на нѣкоторыхъ картахъ, называется *Баллардъ*, или *Поллардъ*, вѣроятно, по имени плава-теля, первоначально его открывшаго. На Ю. Ю. З. отъ Гарднера, сущесивуетъ еще донинѣ, какъ го-ворятъ, утесъ, на кошоромъ погибъ корабль *Два брата*. Впрочемъ, все это пространство моря за-бросано утесами. Кажется, что ихъ должно по-чесать продолженіемъ горъ Гавайскихъ, и нѣтъ со-мнѣнія, что шутъ много опасныхъ мѣстъ, кошо-рья споили-бы добросовѣснаго изслѣдованія.

Оставя вспоронѣ о-сровъ Гарднеръ, мы взяли на югъ съ нашего пуши, чтобы приблизиться къ Гавай. Вмѣстѣ съ бѣднымъ Филипомъ, упомянутый о-сровами, о-сровками и скалами, я надѣялся, что теперь мы не увидимъ уже болѣе никакой земли, кромѣ архипелага, къ кошорому шли мы такъ дав-но. Но Пендлешонъ готовилъ мнѣ еще *сюрпризъ*. Около полудня извѣстили насъ, что видны опять скалы. «А!» вскричалъ капитанъ, поширая руки — «не спрягалась отъ насъ!» — Такъ — завор-чалъ опять Филиппъ — онъ рѣшился до тѣхъ поръ гоняться за этой дрянью, пока Океанія не изло-маетъ себѣ объ нихъ ребра! — «Видите-ли вы» — говорилъ мнѣ Пендлешонъ — «вонъ эту полосу пѣнистыхъ валовъ? Тутъ чуть было не погибъ вашъ славный Лаперузъ. Онъ осмошрѣлъ маленькій о-сровокъ *Неккеръ*, на В. Ю. В., $23^{\circ} 24'$ ш. с. и $166^{\circ} 52'$ д. з., дикую скалу, съ клочкомъ зелени на вершинѣ, окруженную, на пространствѣ десяти

милъ, высокими мѣлями, гдѣ глубина измѣняется отъ 25-ми до 50 брассовъ. Потомъ продолжалъ онъ путь на западъ, когда въ часъ утра, длинная цѣпь камней открылась передъ нимъ, на разстояніи недалѣе двухъ кабельшововъ отъ его кораблей. Если-бы не успѣли тотчасъ повернуть по вѣтру — Лаперузъ погибъ-бы здѣсь непременно.»

Въ самомъ дѣлѣ, внимательно разсматривая это опасное мѣсто, мы увидѣли огромную цѣпь утесовъ, едва покрытыхъ водою, на двѣ, или на три льѣ въ поперечникѣ, которые можно было примѣтивъ только по обрыву одной скалы, торчащему выше другихъ, и названному Лаперузомъ *Острою вершиною* (de Piton). Тамъ и здѣсь, въ разныхъ разстояніяхъ, покрытая пескомъ и кремнями, высивались на три и на чешыре фуша изъ моря низкія мѣли. Безъ ловкаго и скорого оборота, корабли Лаперуза могли здѣсь рѣшительно погибнуть, и кто зналъ, что и теперь не должно было и нашей Океаніи оставить здѣсь свои обломки, на память забвеннаго бытія? Но, сужденный на гибель при берегахъ Ваникоро, Французскій мореплавецъ избѣжалъ благополучно опасности, и по его наблюденіямъ «Оспрая вершина» находится подъ 23° 45' с. ш. и 168° 40' долг. зап.

Наконецъ — мы достигали Гавайскихъ острововъ, мы увидѣли ихъ. Островъ *Моду-Ману*, или *Птигій* (Bird), какъ называютъ его Англичане, извѣстный Гавайскимъ шужемцамъ, потому что они бывающъ здѣсь за ловлею тропическихъ птицъ,

фаэтоновъ, блестящими перьями которыхъ очень дорожантъ, эптовъ оспровъ, подѣ 23° 6' ш. с. и 164° 42' д. з., въ первый разъ видѣнный капитаномъ Дугласомъ, на кораблѣ *Ифигенія*, въ 1789 году, потомъ посѣщенный Броутономъ и Ванкуверомъ, и въ 1826 году осмопрѣнный капитаномъ Персивалемъ, на кораблѣ *Dolphin*, поперявшемъ здѣсь плюнку въ прибрежномъ волненіи, эптовъ Моду-Ману осшался у насъ на сѣверѣ, довольно далеко, хошя неясно мы могли разсмопрѣшь его голия, дикія скалы, образованныя пикомъ среди морскихъ волнъ, около прехъ миль въ окружности. Вершины Тауаи видѣлись послѣ того на горизонтѣ. Филипсъ первый замѣшилъ ихъ. Часа чешыре сидѣлъ онъ для эшого на мачѣ, и когда сошелъ опшуда, лицо его свѣшилось радостью. «Ну! вошъ, наконецъ, эши Гавайскіе оспрова!» говорилъ Филипсъ. Вѣшеръ былъ ровный и благопріятный. Вскорѣ цѣпи оспровныхъ горъ обозначились передъ нами ясно. Послѣ оспрова Тауаи явился оспровъ *Ninaga*; ночью мы были опъ того и другаго оспрова недалѣе 45-ти льѣ. Всю ночь шли мы, и такъ успѣшно, что къ ушпру миновали Нипгау, и въ нѣсколькихъ миляхъ опъ насъ, во всемъ своемъ величіи, возвышались передъ нами горы оспрова *Oaгу*. Въ 12-шъ часовъ по полуночи, мы были уже передъ гаванью *Гано-Руру*, и въ полдень, при помощи прилива и нѣсколькихъ буксирныхъ лодокъ, Океанія спала на добромъ якорномъ мѣспѣ, шузахъ въ двухъ-сплахъ опъ крѣпосши. Мы салютовали, и намъ опвѣчали по-Европейски, рав-

нымъ числомъ выстрѣловъ. Мое пребываніе на Гавайскихъ островахъ началось отъ этого невольнымъ удивленіемъ. Какъ? Въ землѣ дикарей *артиллерія* и *салюты* по-Европейски! Но это было только начало диковинокъ.

ГЛАВА XLVI.

ОСТРОВА ГАВАЙСКІЕ. — ОАГУ.

И такъ, я былъ теперь подлѣ одного изъ Гавайскихъ острововъ, именно того, который прежніе мореплаватели называли « Садомъ » эсихъ острововъ, подлѣ очаровательнаго *Оагу*, сшоль славнаго роскошью своего произраспанія и своими чудесными видами. Но пріѣздъ былъ 18-го Января 1831 года, въ такое время года, когда природа всего сѣвернаго полушарія погружена въ зимній сонъ, ожидая для своего пробужденія счастливаго времени, когда солнце оставишъ Австральную зону. Поэтому приморье острова казалось дико и обнаженно, земля неблагоприятна, бесплодна и бѣдна. Большаго надѣялся я опъ дальнѣйшихъ впечатлѣній, опъ обозрѣнія полнаго и подробнаго.

Едва спали мы на якорь, Пендлешонъ спустилъ на море шлюпку, и приглашалъ меня съ собою. « Опсправимся къ г-ну Джонсу—говорилъ онъ мнѣ

— нашему Американскому консулу, превосходному человеку; надобно вамъ съ нимъ познакомиться!» Мы проплыли по гавани, гдѣ была замѣтна большая дѣятельность. Двѣнадцать, или пянадцать кораблей, одни стоявшіе немного внѣ гавани, другіе въ самой срединѣ ея, и нѣкоторые изъ нихъ съ Гавайскимъ флагомъ, нагружали и выгружали шовары; прибрежные бошмы и рыбацкія лодки мелькали во всѣхъ направленіяхъ, съ своими шреугольными парусами и спранными пловцами, между нѣмъ, какъ, подѣ разбросанными по берегу купами кокосовъ, мы замѣчали укромныя жилища обитателей Гоно-Руру.

На каменной набережной, подлѣ самаго мѣста выгрузки, нашли мы нашего консула Джонса; онъ издали узналъ Океанію, и спѣшилъ обнять своего стараго друга Пендлешона. Мнѣ, какъ пассажиру Пендлешонова корабля, Американскій чиновникъ сдѣлалъ самый ласковый пріемъ, предложилъ у себя полное госпепріимство, и я, безъ церемоній, принялъ это предложеніе. У него жилъ я попомъ во все время, пока Океанія оставалась въ Гоно-Рурской гавани.

Мой пріятель Филипсъ остался на кораблѣ послѣ насъ, и явился къ консулу, когда мы уже закусывали разными фруктами, запивая мадерою. Я боялся помѣшанъ, замѣчая, что моему хозяину надобно было переговорить съ Пендлешономъ о дѣлахъ, и потому обратился я къ Филипсу. «Ну» — сказалъ я — пойдѣмъ шенерь гулянь, пріятель — покажи мнѣ здѣшній городъ; за шо, что я ушѣ-

шалъ на корабль, надобно бышь на земль моимъ *гигероне*. »—Очень радъ—опвѣчалъ Филипсъ—только мы пойдемъ недалеко. У меня есть еще пріятель, кошорому надобно доставишь поскорѣ забаву — прибавилъ онъ смѣясь, и ударивъ себя по огромному брюху

Назвавъ Гоно-Руру *городомъ*, значить соображаясь съ принятымъ названіемъ Гавайскихъ географовъ, для кошорыхъ *Гоно-Руру* имѣетъ ошнoсительную важность. Но въ Европейскомъ смыслѣ, спранно придашь имя города неправильной грудѣ жилищъ, изъ кошорыхъ многія суть шалаши, самой бѣдной наружности.

Единственныя зданія, на кошорыхъ оспанавливаешся взоръ путешественника, суть: родъ арсенала, почти прилѣпленнаго въ спѣнамъ крѣпости, а пошомъ каменное, двухъ-этажное спроеніе, служащее общимъ складочнымъ магазиномъ. Мы замѣтили на верфи нѣсколько небольшихъ кораблей, изъ кошорыхъ одни были опдѣланы въ половину, другіе починивались. Недалеко ошскуда прежде находился красивый деревянный домикъ, построенный регеншомъ Карай-Муку, для жишья капишана Байрона, во время пребыванія здѣсь эшого Европейскаго мореплавателя. Но недавно эшо зданіе, построенное совершенно на Европейскій манерь, съ зелеными спавнями, съ павильономъ и бельведеромъ, перенесено къ дому резидента Джонса. Въ бышность мою на Оагу, эшомъ домъ, извѣстный подъ именемъ *Блондова* жилища, занималъ губернаторъ Оагскій, почтенный Гавасцъ, по имени *Бо-*

ки. Христіанская часовня находилась опшуда не-
подалеку.

Въ разныхъ мѣстахъ видны были другія Евро-
пейскія жилища. « Вошъ домъ Англійскаго консула
Чарлсона—говорилъ мнѣ Филиппъ — вошъ домъ
купца Фенча, а шамъ далѣе живущъ наспоющіе цари
здѣшніе, Миссіонеры, обрашившіе Гавайцевъ въ
христіанскую вѣру. Видише-ли, направо, эшо ихъ
училище, налѣво шипографія, здѣсь церковь, а
шамъ жилище. Теперь они соснавлиющъ первую
власъ на здѣшнихъ оспровахъ—да, объ эшомъ по-
дробно расскажешъ вамъ Джонсъ!»

До сихъ поръ, мы еще мало вспрѣчали шужем-
цевъ въ нашей прогулкѣ. Но по мѣрѣ приближенія
нашего къ той часши берега, гдѣ наиболѣе нахо-
дяпся ихъ хижины, начали они вспрѣчалься съ
нами цѣлою шолпою, мужчины и женщины. При-
выкнувъ безпрешанно видѣть иносшранцевъ, почти
никто не обращалъ на насъ вниманія. Только маль-
чишки бѣжали за нами, чшобы выпросишъ у насъ
какую нибудь бездѣлку, и еще, опъ времени до
времени, женщины подозрительнаго вида привѣш-
спивовали насъ, хопя наружноспъ ихъ совсѣмъ не
располагала ко взаимному привѣшу, даже самага
неразборчиваго моряка. Другіе шужемцы беззабош-
но шли по своимъ дѣламъ; нѣкошорые лежали рас-
шянувшись передъ своими хижинами, курия шрубки,
и зачивая *кавою*, крѣпкимъ напишкомъ, употребле-
ніе кошораго всеобще въ Полинезіи. Иногда мы
слышали съ разныхъ сторонъ: Good by (здрав-
ствуйше), и how d'ye do (какъ поживаете). Но,

казалось, такимъ привѣтомъ Гавайцы хопѣли только показатъ намъ, что знаютъ по-Англійски, а не думали изъяслять свою особенную вѣжливостъ. Изъ всѣхъ Европейскихъ языковъ, Англійскій всего болѣе употребителенъ между Полинезійцами, какъ по причинѣ духовныхъ сношеній туземцевъ съ Лондонскими миссіями, такъ и по торговымъ оборотамъ съ мореходцами изъ Англичанъ и Американцевъ.

Всѣ, видѣнные мною, оспровишяне казались рослы, и нѣкоторые были фузовъ до 6-ти вышиною. Вообще они складны, хошя и подвержены толстошѣ; носы у всѣхъ расплющенные, лица овальныя, глаза черныя, маленькіе, рысы большіе, губы толстыя, зубы красивые, волосы черныя, иногда гладкіе, иногда слегка курчавые; кожа смуглаго цвѣта, больше или меньше съ темнымъ опшѣнкомъ, смолъря по образу жизни и званію, и иногда почти бѣлая. Безпрестанно встрѣчались мнѣ лица съ совершенно Европейскимъ выраженіемъ. Женщины здѣшнія, хошя явно хуже мужчинъ, миловидны и съ пріятнымъ очеркомъ всѣхъ формъ, въ которыхъ ничего незамѣшно уродливаго, чѣмъ опличаются дикія породы людей. Причесанныя и одѣшныя съ нѣкоторымъ кокешествомъ, онѣ вообще нравятся и ничего не замѣшите въ нихъ опшвращающаго.

За то одѣяніе мужчинъ и женщинъ была сущая умора. вмѣсто дикарской одежды, *маро* и плащей изъ рогожекъ древесной коры, древняго *палліума* Гавайцевъ, кошорый нѣкоторые изъ нихъ до сихъ

поръ не оставили, я увидѣлъ въ Гоно-Руру самую спиранную смѣсь Европейскаго съ сшариннымъ шуземнымъ. Можно было подумашъ, что весь эшонтъ народъ одѣлся въ маскарадъ какой-нибудь. У каждаго было *это-нибудь* изъ нашего Европейскаго костюма, и ни одинъ не былъ одѣшъ вполнѣ, или однимъ приборомъ одежды. Тушъ павлинился Гаваецъ, росшомъ съ добраго шамбуръ-мажора, въ шляпѣ съ перьями, и—все оспальное шѣло его было совершенно нагое; шамъ шелъ другой, нагой шакже, но въ красномъ жилешѣ съ золошыми пуговицами; у прешьяго были надѣшны шолько паншалоны; иной разгуливалъ, какъ мамъ родила, но въ преогромныхъ сапожищахъ, или въ модныхъ башмачкахъ. Нѣкошорые просширали еще далѣе щегольство, были нагіе, но—въ шелковыхъ чулкахъ, накинувши на плеча рогожку, или въ офицерскомъ мундирѣ, со шпагою, съ кинжаломъ, и—ничего болѣе у нихъ не было. Немногіе среди эшого смѣшнаго маскарада имѣли благоразуміе сохраняшъ свой первобышній нарядъ, состоящій въ большихъ плащахъ, изъ полосашихъ и мягкихъ плешушекъ.

Мы уже далеко ушли ошъ мѣста нашего опшрвления, увлекаемые, шо шѣмъ, шо другимъ предметомъ, любопышсшвуя все увидѣшъ и разсмошрѣшъ. Наконецъ, Филипсъ началъ просишъ у меня пощады—онъ задыхался ошъ усшалосши, и мы повернули обратно въ домъ консула. Еще издали, увидѣвъ меня, Пендлешонтъ побѣжалъ ко мнѣ на всшрѣчу. « Я предсшавлю васъ одному изъ добрыхъ Гавайскихъ друзей моихъ — сказалъ онъ —

пийишнему царю Гавайскому, Его Величеству Кау-ике-ули. Онъ теперь въ Гоно-Руру, и завтрашній день назначилъ намъ аудіэнцію. Океанійскіе цари весьма ласковы и доступны. Они сами продають , покупають , торгують ; съ Его Гавайскимъ Величествомъ у меня шорговые счеши , и за то онъ применъ насъ дружески. »

Въ самомъ дѣлѣ, на слѣдующій день, губернаторъ Гоно-Рурскій , Боки явился къ намъ на корабль , чшобы сопровождашь капишана на царскую аудіэнцію. Обыкновенный церемоніаль здѣшній былъ исполненъ при семъ случаѣ. Мы привѣщивовали знаменишаго чиновника семью пушечными выстрѣлами. Боки, шолспякъ и высокій роспомъ, показался мнѣ человѣкомъ очень недалънымъ и съ посредшвенными способностями. Онъ младшій сынъ и наслѣдникъ славнаго Караи-Муку (болѣе извѣснаго подъ принятымъ имъ именемъ *Питта*), бывшаго нѣкогда миниспромъ великаго Тамеа-Меа , преобразователя Гавайскаго. Эшого самого Боки крестили на корвешѣ Уранія , когда, совершая пушешесшвіе вокругъ свѣша, подѣ начальшвомъ Фрейсине , она осшанавливалась здѣсь.

Уговорясь объ обрядахъ аудіэнціи , мы отправились въ шлюпкѣ, кошорой салюшовали съ Тамеа-Меа, адмиральскаго корабля въ Гавайскомъ флотѣ. Боки не хошѣлъ ошсшашъ въ вѣжливосши ошъ Пендлешона. Вскорѣ процессія наша , умноженная Джонсомъ , величешвенно шесшвовала къ мѣсту пребыванія царскаго. Не смопря на палочные удары, кошорыми полицейскіе офицеры очищали намъ до-

рогу, внушая скромность народу, толпа ребяшишек прыгала вокруг насъ и бросалась намъ подъ ноги.

Такимъ образомъ доспигли мы большихъ бѣлыхъ ворошъ, которыми входящъ въ царское жилище. Онѣ отворились только для насъ однихъ, и шущъ можно было видѣть, что Кау-ике-ули хотѣлъ изумить насъ великолѣпнѣе истинно царскимъ. На площадкѣ передъ дворцомъ, въ два ряда, по обѣимъ сторонамъ, стояло по ешу человекъ воиновъ, съ ружьями, все одѣтые въ полный мундиръ, бѣлаго цвѣта, съ красными отворотами, и въ черныхъ шляпахъ. Начальникъ, капитанъ *Кагуэу*, отличался отъ всехъ краснымъ мундиромъ съ золотыми галунами. Онъ держалъ свою шпагою съ самымъ воинственнымъ видомъ. Когда мы шли между рядами этихъ солдатъ, насъ приветствовали ружьями на караулъ. Далѣе, у самого входа во дворецъ, встрѣтили мы главнаго начальника Гавайскаго войска, генерала *Ке-куа-ноа*, въ великолѣпномъ Англійскомъ генеральскомъ мундирѣ, съ блестящими эполетами. Онъ взялъ за руку Пендлешона и повелъ его во дворецъ. Мы слѣдовали за ними, Джонъ, Филипсъ и я, и—«Неправда-ли»—шепнулъ мнѣ Филипсъ — «вѣдь молодецъ-генералъ, страхъ какъ походишь на варенаго рака?»

Дворецъ Кау-ике-ули состоялъ изъ одной связи, строенія обширнаго, красиваго, даже величественнаго. Кровля его сдѣлана изъ чернаго дерева, прочнаго и крѣпкаго, обшесаннаго весьма опрятно. Связки, изъ толстыхъ волоконъ кокоса, выбѣлены

известкою, и выложены весьма искусно. Цвѣта, употребленные въ разныхъ частяхъ украшеній, противоположены одинъ другому, такъ, что общность ихъ производить дѣйствіе весьма пріятное и величественное, согласное съ простотою всего осязательнаго. Стараясь закрыть непріятный видъ соломы, изъ которой сдѣлана крышка, съ внутренней стороны обдѣлали ее рѣшенкою, образующею высокій и красивый пополокъ. Рѣшенку эту составляютъ тонкіе лѣаны, переплетенные одни съ другими, и ихъ свѣтло-темный цвѣтъ пріятно разнообразитъ черному цвѣту перекладинъ и бѣлизнѣ связокъ. Вся внутренность дворца, съ полу до крышки, будетъ въ вышину до 40 футовъ. Полъ дворца составляетъ также отступленіе отъ прежней архитектуры дикарей, и роскошь, неизвѣстную другимъ туземцамъ. Въмѣсто земли, углаженной, перемѣшанной съ рубленою соломой, и потомъ крѣпко убитой, какъ это дѣлалось прежде, дворцовый паркетъ образуетъ каменный помостъ, складенный на известкѣ, и залишой потомъ известкою сверху, такъ, что онъ кажется гладокъ и крѣпокъ, какъ будто мраморный. Въмѣсто ковровъ, его покрываютъ разноцвѣтными рогожками. Большая зала, футовъ 80-ти длиною, вся устлана ими, и видъ этой крыши великолѣпенъ и красивъ. Со всѣхъ сторонъ сдѣланы окна, широкія и прекрасныя; на двухъ концахъ двери, убранныя стеклами, и по сторонамъ ихъ бархатныя занавѣсы, щегольскіе шолы, со столбиками, и широкія зеркала. Рядъ стеклянныхъ люстръ украшаетъ

середину пошолка; на столбахъ ввинчены бронзовыя, позолоченныя канделабры, и наконецъ, писанныя масляными красками поршрешы покойнаго царя и царицы, снятыя съ нихъ въ Лондонѣ, и поставленные въ богатыя рамы, дополняютъ убранства царскаго дворца Кау-ике-ули, Гоно-Рурскаго Тюльери.

Предварительные обряды аудіэнціи при Дворѣ Гавайскомъ совсѣмъ не такъ продолжительны и затруднительны, какъ это водится въ Европѣ. Едва вошли мы, самъ царь Гавайскій явился немедленно. Его Величество, *Тамеа-Меа III-й*, болѣе извѣстный подъ настоящимъ своимъ именемъ *Кау-ике-ули*, поспѣлъ сѣсть на тронъ свой, кресла, покрытые богатымъ ковромъ изъ желтыхъ перьевъ. На немъ былъ полный мундиръ, подарокъ Георга IV-го, съ золотыми эполетами, жилетъ, коронкиа шпаны, съ шелковыми чулками и башмаками. Все это показывало утонченную роскошь, и составляло костюмъ церемоніальнаго пріема. По правую руку царя, во всей своей величавой пышности, засѣдала регентша *Каагуману*, и были еще двѣ опшавныя царицы, *Кинау*, шеперь жена генерала Кекуа-ноа, и *Ке-кау-руоге*, жена чиновника Канаина. Далѣе, въ нѣкоторомъ разстояніи, и въ самомъ почтительномъ видѣ, спали Гавайскіе полководцы и вельможи, всѣ въ самыхъ блестящихъ одѣянiяхъ.

Двойной рядъ креселъ былъ поставленъ для насъ, и для другихъ Европейцевъ, раздѣлявшихъ съ нами честь торжественнаго пріема. Едва царь увидѣлъ

Пендлешона, какъ далъ ему знакъ приблизиться, дружески пожалъ ему руку, и спрашивалъ его о слѣдствіяхъ послѣдняго путешествія. Представленный въ мою очередь, какъ путешественникъ и Французъ, я удостоился самаго лестнаго привѣтствія царскаго. «Вашъ Король совсѣмъ не посылаетъ къ намъ кораблей» — сказалъ мнѣ Его Гавайское Величество — «а между тѣмъ, мы оказали, кажется, всю дружбу нашу кораблю его Уранія, послѣднему изъ посѣщавшихъ насъ Французскихъ судовъ. Чего-же боишься вы посылать къ намъ ваши корабли?» На все это, мнѣ довольно трудно было отвѣчать.

Кау-ике-ули красивый, молодой человекъ, высокій ростомъ, съ пріятною, открытою физіогноміею, знаніемъ приличій и ловкими приемами. Парадный костюмъ дѣлалъ его нѣсколько связаннымъ, но когда пошомъ видѣлъ я его въ охотничьемъ, туземномъ платьѣ, съ лукомъ и стрѣлами, онъ поразилъ меня своею воинскою, юношескою ловкостью, и выраженіемъ лица, гдѣ въ одно время видны были крошечность и смѣлость, доброта и умъ. Кудрявые волосы его прекраснаго чернаго цвѣта, лобъ у него высокій и широкій, брови совершеннымъ полукругомъ, и лицо составляетъ прекрасный овалъ. Въ глазахъ его видна пронизательность, и даже ротъ и носъ, самыя некрасивыя части его лица, не представляющъ однакожъ грубаго туземнаго шипа. Всего болѣе плѣняющъ въ этомъ юномъ Полинезійскомъ власшитель важность и благородство его пріемовъ. Наслѣдникъ Европейскаго го-

сударства, приученный съ дѣйствъ къ Дворскимъ церемоніямъ, не покажетъ болѣе ловкости, болѣе знанія вѣжливости и болѣе пріятности. Во всемъ, что говорилъ Кау-ике-ули, видны были основательность, умѣнье сказать къшаши, и даръ слова. Прилежность къ дѣламъ, замѣченную г-мъ Фенчемъ, во время его посольства, я видѣлъ самъ, и могу доказать примѣрами. Можно полагать, что Кау-ике-ули общается въ себѣ достойнаго преемника Гавайскому Наполеону, предку своему, великому Тамеа-Меа, наследникъ котораго, Ріо-Ріо, не могъ замѣнить его вполне. Нынешній монархъ Гавайскій, безъ сомнѣнія, продолжитъ дѣло начатаго преобразованія, и конечно дополнилъ бытъ Полинезійскаго царства, снятый съ государствъ нашей Европы.

Разговоръ, сдѣлавшійся общимъ, былъ прерванъ самимъ царемъ Гавайскимъ. Онъ взялъ за руку Пендлешона и подвелъ его къ буфету, наполненному прекраснымъ хрусталемъ. Всѣ мы слѣдовали шуда, по приглашенію Кау-ике-ули, который хотѣлъ каждому изъ насъ наливать, своими руками, спаканъ мадеры. Безъ сомнѣнія, присушествіе Пендлешона доставило намъ такой прекрасный почестъ. Власишель Гавайскій особенно любилъ нашего капишана. Онъ умѣлъ понять, какъ надеженъ былъ его характеръ, какъ мужественна была его смѣлая душа. Любовь къ познаніямъ, оживлявшая моего браваго Американца, не скрылась отъ юнаго государя Гавайскаго. Въ разныя времена, онъ дѣлалъ Пендлешону самыя прекрасныя предложенія. Однажды,

даже не шутя разсердился онъ, когда другъ его (иначе Кау-ике-ули не называешь Пендлемона) упрямо отказался отъ званія Адмирала Гавайскаго флота.

Послѣ часа, проведеннаго во взаимныхъ разговорахъ, мы раскланялись. Пендлемонъ еще оспался у царя, уже за-просто. Пренія почести, какими встрѣтили насъ по приходѣ, снова были намъ отданы при выходѣ. Гвардія, все еще стоявшая рядами, опять сдѣлала ружья на караулъ. Ни что не разрушало очарованія—мы могли думать, что находимся въ Лондонѣ, или Парижѣ.

И между тѣмъ, это былъ тотъ самый дикій народъ, который найденъ былъ Кукомъ, за шестидесять лѣтъ прежде, въ совершенно грубомъ, варварскомъ состояніи. Какое удивительное, быстрое преобразование! Какіе неимовѣрные успѣхи! Какая чудесная способность, такъ скоро забыть свою прежнюю жизнь и вступить въ жизнь совершенно новую! Что за сила подражанія! Вмѣсто шалашей—дворцы; вмѣсто дикарей, вооруженныхъ стрѣлами—регулярное войско — и при всемъ этомъ Европейскій Дворъ, зала, великолѣпно меблированная, аудіенція по всѣмъ Европейскимъ правиламъ! Было чему удивляться. Но теперь оставалось рѣшить важный вопросъ: шутятъ-ли до сихъ поръ за всю эту Европейскую роскошь образованія? Англичане, послѣ введенія здѣсь своихъ нравовъ, своего языка, своей религіи, своихъ обычаевъ, могутъ-ли создать здѣсь общественность и торговлю, которыя поддержали-бы

новое направленіе Гавайцевъ? Долго-ли продолжались выгоды Англичанъ возить такъ далеко мебели и одежду Европейскую, и всегда-ли найдутъ они здѣсь что нибудь для промѣна? Эти мысли занимали меня, и на нихъ могъ я пріискать разрѣшеніе только въ послѣдствіи, при помощи Джонса и Пендлепона.

Мой капитанъ Океаніи былъ чрезвычайно занятъ въ это время; ему надобно было плашить учтивостями за учтивости вельможъ Гавайскаго Двора, и даже ихъ знаменитыхъ семействъ. Пендлепонъ объявилъ, что не сдѣлаетъ ни одного визита безъ меня, и я сдѣлался невольнымъ спутникомъ, неизбѣжною шѣнью его. Такимъ образомъ, на другой день былъ я свидѣтелемъ ласковаго пріема, какой оказалъ Пендлепону генераль Ке-куаноа. Когда извѣстили хозяина о нашемъ приходѣ, онъ прогуливался въ обширной загородкѣ, гдѣ, опдѣльными спроеніями, расставлены различныя части его жилища — здѣсь спальня, тамъ пріемная комната, далѣе кухня, потомъ столовая. Насъ приняли въ столовой, которую можно было узнать по огромному буфету, и по большому столу изъ туземнаго дерева. Комната эта провѣвалась большими дверями, сдѣланными на обоихъ концахъ ея. Полъ былъ покрытъ красивыми рогожками. По срединѣ, широкая лавка, съ желтымъ чехломъ, и кресла, съ обоихъ концовъ лавки расставленные, составляли родъ дивана, такъ расположенный, что сидящіе могли наслаждаться пролетнымъ воздухомъ изъ дверей. Другой такой-же диванъ

устроенъ былъ на одномъ концѣ комнашы, но, по сшаринному обычаю, состоялъ изъ пандановыхъ рогожекъ. На другомъ концѣ, красною занавѣскою, недоходившею фуша на два до полу, поднимаемою и взвѣвемою вѣшромъ, отдѣлялось особенное мѣсто, въ родѣ будуара для Ея Превосходительства, генеральши Ке-куа-ноа. Единственную мебель, какую открывалъ нескромный взоръ, проникая въ это убѣжище красоты, составлялъ письменный столикъ, просшой, но щегольской, покрытый бумагами и книгами на Гавайскомъ языкѣ. Впрочемъ, Ея Превосходительства не было тогда въ ея будуарѣ. Едва услышала она о приходѣ нашемъ, какъ поспѣшила встрѣпить насъ, держа въ рукѣ небольшую, переплетенную рукопись, кошорую чила въ то время; это было Евангеліе, переведенное на Гавайскій языкъ. Одежда Ея Превосходительства была такъ щегольская, что едва-ли не готовилась она для принятія нашего. Ловко и съ любезною привѣшливостью сѣла генеральша подлѣ насъ, какъ будто Европейская женщина. При помощи Ке-куа-ноа, разумѣваго немного по-Англійски, мы могли поддерживать общій разговоръ.

Генералу угодно было оказать особенную къ намъ благосклонность. Онъ захопѣлъ быть нашимъ церемоніймейстеромъ и переводчикомъ при визитахъ, какіе намъ надобно было еще сдѣлать. Вмѣстѣ съ нимъ отправилась мы къ другой эксъ-королевѣ, Ке-кау-руоге, и она представила насъ своему мужу Канаину. И въ этомъ домѣ все показывало довольство. Двое дѣтей, мальчикъ и дѣ-

вочка, играли на колѣняхъ спарухи бабушки. Здѣсь, какъ у Ке-куа-ноа, у царя, и у всѣхъ Гавайскихъ вельможъ, намъ дружески предлагали по спакану мадеры, и опказаться опъ шакого подчиванья значило бытъ невѣждой.

Когда мы кончили наши церемоніальныя визиты, перебивавши у пѣши, или шеспи придворныхъ особъ, Пендлешонъ захопѣлъ опдохнуть, и мы опправились къ нашему консулу Джонсу. По дорогѣ завернули мы однакожъ въ типографію Миссіонеровъ. Множество Гавайцевъ, сная передъ кассами, или подлѣ печатныхъ станковъ, занимались шупъ наборомъ и оппискомъ. Впрочемъ, все, что печаталось здѣсь, состояла Библія. Ничего еще неиздано по-Гавайски ни объ наукахъ, ни объ искусствахъ и ремеслахъ.

Не доходя шаговъ двухъ-сотъ до жилища Джонса, подъ шѣнью кокосовъ, подлѣ какого-то домика шуземнаго, я увидѣлъ моего пріятеля Филиппа, беспечно курившаго свою сигару. Молодая и недурная собою ошровишанка сидѣла подлѣ него, ласково согнувшись на колѣняхъ, по здѣшнему обычаю. Казалось, что эта новая Калиппа очаровываетъ нашего Телемака своимъ привѣтомъ, но любезный морякъ казался при этомъ, какъ всегда, важнымъ и угрюмымъ. « Опять подруга! » вскричалъ смѣясь Пендлешонъ. « Этомъ проклятый Филиппъ вездѣ находитъ знакомыхъ, хошь въ его рождѣ я до сихъ поръ не нашелъ ничего привлекашельнаго! » Мы оставили Филиппа въ пріятной бесѣдѣ и спѣшили домой.

Боки оцѣмъ ожидалъ насъ у Джонса. Онъ присланъ былъ отъ царя, пригласилъ насъ на завтрашній день, къ большой увеселительной поѣздкѣ въ поле, гдѣ должны были присутствовать всѣ знаменѣйшія Гавайскія дамы. Мѣстомъ ошдыха назначалась прелестная долина *Нууану*, гдѣ у Кау-ике-ули былъ построень загородный домъ. Долина эша находилась недалѣе двухъ миль отъ Пари, высокаго ника, прикрывающаго собою эдемъ Оагу, или лучше сказать, всего Гавайскаго архипелага, спороу обильную плодородіемъ и естественными красонами, славную между шугемцами, предметъ удивленія Европейцевъ. Предложеніе приняло было нами съ большимъ удовольствіемъ. Джонсъ, Пендлешонъ, нѣсколько Европейцевъ, постоянныхъ жителей въ Оагу, и офицеровъ съ Англійскихъ кораблей, находившихся въ гавани, были приглашены къ Его Гавайскому Величеству. Противъ Филипса сдѣлали мы общій заговоръ, насильно испоргли его изъ роскоши Океанійской Капуи, и онъ не могъ отказатьсь.

Едва разсвѣло, лошади изъ царской конюшни были уже приведены къ намъ, и царскіе конюхи находились при нихъ. Въ числѣ этихъ лошадей, многія были очень хороши; мнѣ достался рыжакъ, ошлично выѣзженный, ловкій, небольшого росла, но красивый. Я спѣшилъ сѣсть на него и пусшиться въ поле. Джонсъ и Пендлешонъ слѣдовали моему примѣру, и въ это самое время слышали мы за собою тысячи ругательствъ — то были возгласы любезнаго нашего Филипса, котораго едва мог-

ли два конюха усадишь на его сердишую лошадку. Долго искавши равновѣсія, онъ уѣлся наконецъ. По несчастію, мы опередили его нѣсколько, и едва конь взялъ немного рыси, спараясь догнашь своихъ поварей, неловкій ѣздокъ, припрыгивая ужаснымъ образомъ на сѣдлѣ, качаясь, то шуда, то сюда, увлекаемый направо и налево своимъ огромнымъ брюхомъ, копорому нѣгдѣ было помѣститься на сѣдлѣ, думалъ, что уже насталъ послѣдній часъ его, ругался, бранился, держался за сѣдло, за гриву, и такимъ образомъ доскакалъ до насъ, чудно спасенный опъ порядочнаго прыжка вверхъ ногами. «Чершовская качка!» кричалъ онъ—«прескверный кораблишко! Я спускаю паруса, какъ хошите—goddam! Это хуже всѣхъ Голландскихъ кораблей—пысачу имъ бурь!» Едва могли мы уговорить Филиппа оспашься на лошади. Я общалъ ѣхалъ подлѣ него, и удерживалъ его Россинанта каждый разъ, когда вздумаетъ онъ прибавлять рыси. Филиппъ опважился продолжалъ свое наѣздничество на этомъ условіи, надѣясь хорошо пообѣдать послѣ прогулки.

Между шѣмъ, при Дворѣ была исторія въ родѣ Филипповой. Дѣло шло о томъ, какъ опсправишься Регеншиѣ. Царское семейство имѣло много экипажей, и между ними щегольской кабріолетъ, въ копоромъ любила она прогуливаться. Изъ своего Манайскаго дворца выѣзжала она въ кабріолетъ, управляемомъ Ке-куа-ноа, копорый считался опмѣнно ловкимъ Авшомедонтомъ Гавайскимъ. Но нѣсколько неудачъ разрушили славу генерала, и охолодили любовь царицы къ ея кабріо-

лешу. Однажды, проѣзжая мимо рва, наполненнаго до краевъ грязью, генераль не поосперегся, кабріолешъ повалился, и двѣ громадныя шуши, царицы и генерала, изъ кошорыхъ въ каждой, по крайней мѣрѣ, по 300 фуншовъ, повалились въ грязный ровъ. Такая-же бѣда случилась въ городѣ, при поворотѣ изъ улицы, и съ шѣхъ поръ кабріолешу дана была опсшавка. Вмѣсто его, царица начала ѣздитъ въ шѣлежкѣ на двухъ колесахъ, а вмѣсто лошадей шѣлежку эту возили двѣ полсныя бабы, и для сходства съ лошадьми, на нихъ надѣвали козлиныя кожи, въ родѣ сбруи. Но иногда царица вспоминала о своемъ кабріолешѣ. И шеперь объ немъ шли шолки. Впрочемъ, когда мы явились, она сидѣла уже въ шѣлежкѣ своей, держа въ рукѣ огромный зоншикъ. Шесперо, или болѣе, здоровяковъ окружали шѣлежку, одни держа разныя вещи, другіе готовясь кашишь свою шучную власшшпельницу по дорожкамъ, и отвѣчая за то, что не допусшашъ ее повалишься среди шоржеспшеннаго поѣзда.

Совсѣмъ не такъ приготошвилась на прогулку княжна Гарріэшша, или Нагейна-Гейна, сеспра царя, и, если вѣришь сплешнямъ Гоно-Рурскимъ, болѣе нежели сеспра, молодая и прелеспная дѣвушка, лѣтъ 18-ши, или 20-ши, съ длинными, кудрявыми волосами, и выраженіемъ лица умнымъ и миловиднымъ. Одѣшная въ апласный плащъ алаго цвѣта, съ шелковою повязкою на головѣ, она легко вспрыгнула на небольшую, горячую лошадку, и ловко зашавляла ее прыгашъ и скакашъ. Подлѣ княжны неоплучно былъ секретарь ея *Мааро*, и чело-

вѣкъ двѣнадцать щеголеватыхъ молодыхъ воиновъ сославляли ея свиту. — Царь Гавайскій явился на сѣрой лошади, окруженный придцашью молодыми всадниками, изъ опличнѣйшихъ семействъ придворныхъ, всегдашними спутниками забавъ своего владѣтеля. Караванъ нашъ составлялъ такимъ образомъ болѣе сотни чловѣкъ, конныхъ и пѣшихъ.

Едва замѣшилъ насъ Кау-ике-ули, онъ приблизился къ намъ, пожалъ руку Пендлешону, и каждого изъ насъ подарилъ ласковымъ словомъ. Въ это время, служители, замѣняющіе лошадей, впрягались въ шѣлежку Регенши; княжна Нагейна-Гейна расправляла свои локоны, и улаживала свое платье на продолжительный путь; конюхи осматривали удила и сѣдлы, а носильщики запасовъ и разныхъ снадобьевъ двинулись впередъ съ носилками. Среди всего этого шума и движенія, раздумье взяло моего пріятеля Филиппа объ удобности верховой ѣзды. Возбуждаемый присущимъ споль многихъ шоварищей, конь Филиппа шочно вздурилъ, и напрасно всадникъ его кричалъ ему: Stop! какъ будто дѣло шло о бросаньи лоша — дерзкая лошаценка не унималась. «Если ты не останешься непрерывно подлѣ меня, во все время поѣздки—я рѣшительно не плыву на этомъ скверномъ кораблѣ—спо бурь съ половиною шому, кто выдумалъ ѣздить верхомъ!» говорилъ мнѣ Филиппъ. Я снова увѣрилъ его въ неизмѣнной моей помощи, и онъ успокоился.

Часовъ въ десять утра двинулся нашъ поѣздъ. Многіе изъ Гавайскихъ всадниковъ оказались опи-

личными ѣздоками, и правили своими лошадьми весьма ловко и пріятно. Опъ времени до времени, какъ будто Англійскіе денди, они осмавляли обыкновенную дорогу, и во весь галопъ пускались по долинь, возвращаясь потомъ послѣ многихъ лихихъ оборошовъ. Самъ царь, спраспный охощникъ до верховой ѣзды, былъ не изъ послѣднихъ въ эпомъ удальспвѣ. Ошличпый ѣздохъ, по всѣмъ правиламъ модной скачки, переданнымъ ему опъ искуснаго грума, нарочно выписаннаго изъ Лондона, онъ былъ масперъ обѣзжашъ самыхъ задорныхъ коней, и щегольски правилъ ими въ ѣздѣ.

Въ одной изъ шакихъ нечаянныхъ варіацій нашей поѣздки черезъ поля и долины, молодой сопущникъ царя прихлыснулъ мою лошадь, помчался галопомъ, и хоща самъ я усидѣлъ, но не могъ удержашъ моего рыжака — надобно было данъ ему волю. И едва пустился я во всю прышь, какъ вспомнилъ о Филицѣ — ворошилъ назадъ — поздно! Мой лихой шоварищъ уже лежалъ на землѣ, вылетѣвши изъ сѣдла, когда лошадь его помчалась за нами. Къ счастью, онъ не ушибся, былъ цѣлехонекъ, и лежа на землѣ, казалось, размышлялъ шолько о суешѣ міра. Но когда мы обступили его, подняли, начали ушѣшашъ — ругашельспва, брань, проклятія рѣкою лились изъ его огромнаго рта, и онъ поклялся, что лучше поидешъ пѣшкомъ, нежели еще разъ согласишся сѣспъ на мерзкую клячу, кошорая спокойно ворошилась, и какъ будто вызывала его на новые подвиги. Дѣлашъ было нѣчего, и къ счастью, нашлась запасная шѣлежка. Любезный

Филипсъ съ радостью ввалилъ огромный живошъ свой въ эшо сѣдалище. Вскорѣ увидѣли мы его, везомаго Гавайскими скороходами, рядомъ съ шѣлежкой Регеншии, какъ будто онъ и она хошѣли пощеголяшъ другъ передъ другомъ огромностью шушъ своихъ. Освобожденный опъ даннаго мною слова, и не мучась болѣе совѣстью, я поспѣшилъ присоединиться къ царской свитѣ.

Долина кончилась. Мы пустились черезъ горную сторону, пересѣкаемую рышвинами и водопадами. Нѣсколько миль продолжалась эша гористая и ушесная дорога, и по мѣрѣ того, какъ мы подавались впередъ, низменность, оставшаяся ниже, развивалась и распахивалась болѣе и болѣе. Долина Гоно-Рурская, съ ея насажденіями, селеніе, съ его хижинами, заливъ съ его кораблями, водяной поясъ моря окресшъ береговъ — вошъ изъ чего состояла величественная панорама, бывшая передъ нами. Кау-ике-ули ушѣшался впечатлѣніемъ, какое все эшо на меня производило. Видя меня въ восторгѣ при каждомъ шагѣ, гдѣ зрѣлище измѣнялось въ новый видъ, онъ приближался ко мнѣ, помогалъ мнѣ движеніями руки находить лучшія мѣста, увлекалъ меня своею привѣпливою ласкою. Удивляясь царству, я сдѣлался любимцемъ царя, и онъ былъ почти неразлученъ со мною. Доспигнувъ обширной равнины среди горъ, онъ остановился, обратилъ мое вниманіе на эшо мѣсто, и знаками объяснялъ мнѣ, что достопамятная бипва была да на эшой возвышенной равнинѣ. Но какая бипва? Знаками не лзя было эшого располковать, и Пен-

длешонъ былъ призванъ на помощь. Здѣсь совершилось окончательное и блестящее дѣло, послѣ котораго великій Тамеа-Меа сдѣлался единовластнымъ царемъ всѣхъ острововъ Гавайскихъ. На этой равнинѣ онъ побѣдилъ и уничтожилъ своего послѣдняго соперника, царя Оагскаго. Тридцать шесть лѣтъ прошло со времени этого событія, памятнаго въ лѣтописяхъ Гавайскихъ, почешнаго и славнаго для царствующей династіи. Поэтому, стараясь изъяснить мнѣ незабвенное воспоминаніе, какое возбуждало это мѣсто побѣды, Кау-ике-ули принялъ выраженіе важное, благоговѣйное, почти торжественное.

Въ нѣсколькихъ миляхъ далѣе, нашъ караванъ остановился для отдыха въ красивомъ увеселительномъ домикѣ. Онъ принадлежалъ Боки, и хозяинъ угостилъ насъ хорошо. Мѣсто было лѣсистое, шѣнистое, окруженное ручьями, журчащими по каменистымъ логовищамъ, по волнуясь серебряною скакертшью, по расшибаясь водопадомъ. Тѣнь, вода, свѣжій вѣтерокъ, благоуханный воздухъ, садики, огороды, прелестныя хижины — слишкомъ много было даже и этого, для того, чтобы задержавъ насъ на нѣсколько часовъ, если-бы превосходный обѣдъ, приготовленный по методѣ туземцевъ, не увлекъ насъ своею гастрономическою роскошью.

Отсюда надобно было намъ отправиться къ Парри, этому романтическому пику острова Оагу. Сначала одинъ Пендлешонъ хотѣлъ ѣхать туда со мною, но княжна Нагейна-Гейна никакъ не думала отспавъ въ такой прогулкѣ отъ насъ. Филипсъ

восхищался, что его оставляютъ въ покоѣ. «Прогоулка возбудила во мнѣ спрашный аппетитъ—говорилъ онъ — и теперь обѣдъ предпочту я всѣмъ горамъ на свѣтѣ. Бросаю якорь—плывите одни.»—Мы опправились съ шрема, или чешырьмя челоуѣками придворныхъ.

Сперва дорога шла черезъ рышвины и перелѣски. Среди ихъ воздухъ казался почти неподвижнымъ, и ни одинъ лиспочекъ на деревьяхъ не колебался. Вотъ почему, я испыталъ чувство недовѣрчивости, когда проѣхавши одну, или двѣ мили, княжна совѣтовала намъ сойдти съ лошадей и быти оспорожными опъ порыва жестокаго вѣтра. Мы не послушались ея совѣта и беспечно продолжали пушъ нашъ, когда при поворотѣ опъ одного изъ ушесовъ—порывъ урагана ринулся на насъ, съ такою силою, что я едва имѣлъ время уцѣпиться за ушесъ и удержаться. Шумъ вихря уподоблялся здѣсь реву во внутренности волкана, шуму огромнаго водопада. Къ изумленію вскорѣ присовокупилось чувство ужаса, когда я разсмотрѣлъ, что нахожусь на краю бездны, кошую ограничивала опвѣсная спѣна ушесовъ, почти на 1000 футовъ. Горы оканчивались здѣсь волканическою спѣною, при подошвѣ кошорой расспилалась долина, цвѣтущая и плодородная. Сила вѣтра и видъ бездны заспавили меня запрепешать, и какъ ни мужественъ былъ Пендлешонъ, и онъ, подобно мнѣ, ухватился за скалу съ невольнымъ шрепешомъ. Голова у него закружилась—у него, безспрашнаго моряка—судите о моемъ положеніи! Но княжна была

здѣсь спокойна , будно въ безопасной комнаѣ , и ошважно уцѣпясь за ушесы , она почти наклонялась на края ихъ , будно ппичка , гошова полевѣть .

Таково Пари , убѣжище горныхъ орловъ , воздушный бельведеръ , съ кошораго раскрывается передъ взорами безкопечная долина . Зрѣлище ошсюда поражаешь удивленіемъ и ужасомъ . Передъ нами расширялись обрабошанные поля , населенныя деревни , съ серебряною ленипою воды , разбиавшейся о прибрежныя ушесы , и лазурнымъ пространствомъ моря , далѣе ихъ разспилавшагося ; вправо и влево ошъ насъ шли разновидныя вершины изъ гранишныхъ ушесовъ , шамъ конусомъ , здѣсь пирамидою , покрытыхъ зеленою до самой всршины ихъ ; наконецъ , далѣе , на ошдаленномъ планѣ , слѣдовали ряды горъ , образуя въ перспективѣ родъ полукружія , немного вогнушаго , кошорый сходилъ на каждую спорону къ морю , ушесисшими и живописными полуостровами . Эши двѣ оконечности сопровождались ошдѣльными оспировками и ушесами , явно обломками , ошпавшими ошъ первобытной ихъ громады . За нами лежала долина , черезъ кошорую мы проѣхали , съ ея рощами , домомъ Боки , портомъ Гоно-Руру ; все эшо представлялось намъ ошсюда въ миніашюрѣ , и оняпъ оканчивалось безконечнымъ и неизбѣжнымъ Океаномъ .

Между эшими двумя перспективами , почти безпредѣльными , на эшомъ гребнѣ горъ , съ кошораго нисходяпъ двѣ покашоспи Оагу , впечатлѣнія не ограничивались шолько взоромъ на ошдаленныя

предметы. Свирѣпство горнаго вѣпра вздымало окрестъ насъ , и вихрями несло намъ въ глаза лишня, песокъ, даже каменья, между шѣмъ какъ, извиваясь по воздуху въ кругахъ порывистыхъ и безмѣрныхъ, пепрели и фазшоны, крича своимъ однообразнымъ голосомъ, вились надъ бездною и окрестъ горныхъ вершинъ.

И между шѣмъ здѣсь, на этой почкѣ горы, совершилось самое окончательное дѣло послѣдней войны. Послѣ жестокаго кровопролитія, мѣсно кошораго мы проѣхали прежде, когда уже Тамеа-Меа разбилъ дружины царя Оагскаго, приспа воиновъ побѣжденнаго власшителя опсступили къ спонрѣ Пари. Сбѣжавшись здѣсь, на шемъ горѣ, видя неизбежную участь попастся въ руки непріателя, эши смѣльчаки не думали сдаваться, и побросались въ бездны, одинъ послѣ другаго.

Черезъ нѣсколько минушъ опдыха на вершинахъ Пари, мы спустились съ горы, и опправились къ увеселительному дому, гдѣ ожидали насъ царь и его свиша. Филипса моего нашелъ я восхищеннаго славнымъ обѣдомъ, какой уклалъ онъ въ свой желудокъ, и гошоваго миришься съ цѣлымъ міромъ, исключая негодную клячу, кошора вышибла его изъ сѣдла. Неловкаго ѣздока опашь помѣспили въ спокойную шѣлежку, и мы прибыли безъ всякихъ приключеній въ городъ, около захожденія солнца. Ужинъ пригошвленъ былъ во дворцѣ, по повелѣнію царя, и всѣ бывшіе на прогулкѣ приглашены раздѣлишь царскую шпанезу.

Въ девять часовъ вечера сѣли мы за столъ. Ужинъ былъ царскій, роскошный. Тридцать служителей въ ливреѣ служили за столомъ. Блюды были три перемѣны — первая состояла изъ кушаньевъ холодныхъ, вешчины, колбасъ, маринованныхъ языковъ, сухарей, масла, и проч.; вторая изъ кофе, чаю и разныхъ пирожковъ; третья изъ фруктовъ, дынь, винограду, банановъ, и проч.—Все это смачивалось сидромъ и разными сортами винъ; последнее не было оплично. Кау-ике-ули, какъ видно, плохаго знашока въ винахъ, безсовѣстно обманывали пославщики его погреба. На бутылкахъ, правдѣ, были наклеены ерлыки, съ надписями: *Bordeaux, Madeira, Alicante, Champagne*, но это были фальшивыя вывѣски, и *Бордо, Мадера, Аликантъ, Шампанское* царскаго стола показались мнѣ подозрительными, представляя явныя доказательсва грубой поддѣлки; можетъ быть, въ нихъ ничего не было иносстраннаго, кромѣ ихъ названій и бутылокъ. Но никто не жаловался на плохое вино, и за ужиномъ всѣ были свободны, дружны, даже болтливы. Мы пили круговую за здоровье Его Величества, который отвѣчалъ намъ очень мило. Послѣ этого данъ былъ знакъ къ прощанью, и каждый изъ насъ отправился отдыхать дома.

Другія поѣздки во внутренность острова означили мое пребываніе на Оагу. Въ одну изъ нихъ посѣтилъ я соленое озеро, одну изъ главныхъ диковинокъ здѣшнихъ. Прямымъ размѣромъ, озеро это миляхъ въ четырехъ отъ города, но разстояніе умножается почти вдвое извилинами, какія

надобно проѣхать для доспѣженія къ нему. Въ моей поѣздкѣ осмошрѣлъ я предварительно еще одну изъ шугемныхъ рѣдкоспей — виноградникъ г-на Мариини, производящій сполько винограда, что хозяинъ его выдѣлываетъ много пипъ вина. По краямъ виноградника, плешень, его окружающій, украшенъ Дамасскими розами, копорыя яркими красками своими прелеспно опшѣняютъ блѣдые и желтые цвѣты кокосовъ. Тупъ-же видны были ананасы, плоды копорыхъ, иные въ цвѣту, другіе уже поспѣлые, представлялись во всѣхъ степеняхъ произраспанія шучнаго и быспраго. — Далѣе переѣхали мы потокъ, кошорому національная гордоспъ шугемцевъ даетъ названіе рѣки. Къ поршу, это ручей, нѣсколько шуазовъ въ ширину, но выше, гдѣ онъ раздѣленъ на двѣ водяныя ниши, его нерѣдко переходятъ сухими ногами, и всегда въ бродъ. Все, что называется *рѣками* на Гавайскомъ архипелагѣ, не больше и необширнѣе рѣки Гоно-Рурской.

За обширными насажденіями *таро* (*arum esculentum*) представилась намъ обнаженная и дикая долина, шамъ и здѣсь покрывшая шощими деревцами, чахлыми и больными. Черезъ двѣ мили опсюда, земля, вдругъ перерѣзанная пикомъ, показала намъ, на спофушовъ ниже, прелеспную Темпейскую долину, усаженную купами кокосовъ и омываемую ручьями свѣшлыми и шихими. Всупивъ въ эту очаровательную долину, мы слѣдовали изгибамъ ея аллей и перелѣсковъ. Огромные куски черноватой лавы показывали намъ, что не вдалькѣ должна бышь

огнедышащая гора, и даже иногда, влѣво отъ насъ особливо, базальшовыя спѣны, вышиною въ нѣсколь-ко сотъ фушовъ, возвышались пиками, или сгиба-лись навѣсами надъ нашею головою. Последнюю часть этой долины было трудно проѣхать, по при-чинѣ ея утесовъ. Но какъ хорошо были мы вознаграждены, когда спали на равнинѣ, и передъ нами открылась почти вся часть оспрова, находящаяся подъ вѣтромъ, а подъ ногами нашими былъ пред-метъ нашего путешествія — соленое озеро!

Озеро это будетъ мили двѣ, или три въ окружности, но глубина его вообще невелика; берега и дно его совершенно покрыты солью, и кристаллы соли, издали, представляющъ видъ пруда, замерзшаго, блестящаго отъ лучей солнца, и покрышаго отчасти водою, какъ будто во вре-мя оттапели. На южномъ краю озера собралъ я нѣсколько прекрасныхъ кусковъ соли, кристаллы которой густо росли на каменья, растенія, и даже на вѣтви деревьевъ, находящихся на поверх-ности солоноватой воды и облѣпленныхъ соляны-ми частицами. Дѣйствіе это происходишь такъ быстро, что посредствомъ его можно собрать большое количество соли. Наши соленые источники южной Франціи представляющъ такое-же явленіе.

При возвращеніи нашемъ въ кокосовую долину, мы нашли тамъ почтеннаго губернашора Боки, пріѣхавшаго сюда на два, или на три дня, и не для прогулки. Онъ продалъ Англійскому капитану 400 боченковъ соли, по 3 доллара за боченокъ, и сво-имъ собственнымъ надзоромъ хотѣлъ придашь бо-

лѣе добротѣ этому шовару , обѣщавшему впредь большія выгоды. Онъ отдавалъ окончательныя приказанія работникамъ , когда я вспрышилъ его , и послѣ опсправленія людей на работу, я не могъ опспказаться опъ легкаго завшпрака , наскоро пригошвеннаго губернашоромъ Гоно-Руру. Арбузы , кокосы, наполненные прохладительнымъ, вкуснымъ сокомъ, служили мнѣ въ одно время кушаньемъ и пишемъ.

Оспавалось обозрѣть два любопытныя мѣста — заливъ Ваи-Тиши и долину Уа. Окружность залива не представляла ничего особеннаго , но на мило далѣе, въ роцѣ , покрывающей подошву мыса Діамондъ-Гилльскаго, находяшся развалины *гейау* , бывшаго нѣкогда знаменимымъ капищемъ въ Оагу. Я опсправился смопрѣть эти развалины. Мѣсто уединенно, пустынно, окружено слоями лавы ; ни одного деревца по срединѣ, и едва нѣсколько чахлыхъ расшеній и бѣдныхъ кустарниковъ. Мершвая, угрюмая природа этого уединенія , кажется , нарочно была выбрана для свяшосши храма. Опъ зданія едва оспалась одна огорожа , и по моимъ вычешамъ въ ней будешъ шуазовъ двадцать длины и десять ширины. Только съ шрехъ споронъ видны еще спѣны , вышиною въ 6-шь , шолщиною въ шрифуса , въ подошвѣ и сверху. Каменья въ нихъ , темнаго цвѣша и волканической породы, были прибраны съ большою правильностью. Западная спорона , опкрышая посрединѣ, служила входомъ во храмъ, черезъ три широкія шеррасы , положенныя одна на другую равными ушшупами. Различныя зда-

нія, служивніа часовнями и алшарями, существовали прежде въ эшой оградѣ, но теперь только шелуха кокосовыхъ орѣховъ и осшайпки человѣческихъ костей, неоспоримый признакъ бывшихъ тушъ кровавыхъ жершвоприношеній, напоминали первоначальное назначеніе гейау. Мой проводникъ, прежде бывшій жрецъ эшого храма, сдѣлавшійся ревностнымъ христіаниномъ, не безъ замѣшательства, и съ невольнымъ угрызениемъ совѣсти, признался мнѣ, что нѣкогда не-разъ опшправлялъ онъ жершвоприношенія на здѣшнихъ ужасныхъ алшаряхъ. Здѣсь, въ эшой обштели идолослуженія, за 25-шъ лѣтъ прежде, десять человѣкъ были принесены въ жершву богамъ, для испрошенія опъ нихъ здоровья царицѣ Кеопу-Олани, сдѣлавшейся попомъ христіанкою и ревностною покровительницею Миссіонеровъ.

Видъ съ высоты шеррасъ эшого гейау превосходень. Взоръ опкрываетъ Гоно-Руру, заливъ и долины Ваи-Типи; далѣе шемныя побережья около соленого озера, наконецъ цѣпь горъ, образующихъ основу сѣверной оконечности опшрова. На восшокъ зрѣлище принимаетъ другой характеръ — красоты дики и мрачны: рашелины полуопшрова Діамондъ-Гилля, нагоша земли, лишенной всякаго украшения лѣсовъ, обрывы горъ, спранныя формы ихъ, голая и безплодная вершина! Чувства, раждающіяся опъ соединенія всего эшого, составляютъ какое-шо благоговѣйное безмолвіе, съ невольнымъ ужасомъ. Очевидно, что избирая эшо мѣсто для кровавыхъ празднествъ своего идолослуженія, жре-

цы Гавайскіе многого ожидали отъ сильного впечатлѣнія, какое производить зрѣлище этой величественной и угрюмой природы.

Мнѣ говорили о долинѣ *Уа*, ближайшей къ Гоно-Руру, какъ о мѣстѣ очаровательномъ, и я рѣшился осмолтрѣть ее. Это естественная площадь, въ глубинѣ рытвины, которую огораживаютъ двѣ высокія горы. Бока ихъ идутъ съ такою малою оплосью, что долина, заслоненная ими отъ солнца, наслаждается почти непрерывною свѣжестію и тѣнью. Въ прехъ направленіяхъ видите здѣсь только стѣны ущесовъ, но къ сторонѣ Гоно-Руру, небольшая скважина въ скалахъ даетъ средство видѣть хижины города и корабли въ портѣ. Еслибы перейдя черезъ загрозу лавы, которая обхватываетъ долину стѣною, въ 4000 футовъ вышины, можно-бы полюбоваться еще однимъ изъ тѣхъ великолѣпныхъ зрѣлищъ, которыми столь изобилуетъ гористый островъ Оагу.

Такъ, въ первую недѣлю моего пребыванія, я приступилъ къ обозрѣнію здѣшнихъ любопытныхъ странъ, начавши обзоромъ земель, взглядомъ на долины и на прежніе шеземные памятники. Подъ тонкимъ еще и новымъ слоемъ позднѣйшаго образованія, старался я угадать прежде всего прежнее состояніе этого общества и земли его. Когда кончилась такая работа, я перешелъ къ современной физіогноміи здѣшняго, еще въ колыбели находящагося царства, его политическому общественному и религіозному преобразованію. Здѣсь гла-

внымъ представились мнѣ христіанскіе проповѣдники, копорымъ суждено было измѣненіе Гавайской земли. Не смотря на преувеличенія, какими Миссіонеры украшаютъ иногда личные о себѣ рассказы, я старался ошъ нихъ именно узнатьъ всѣ подробности испытаній, коими шли они къ своей цѣли, препянешвій, какія были ими побѣждены, гоненій, копорыя они прешерпѣли. Нѣсколько честолюбія, безспорно, должно было вмѣшиваться въ благочестивую мысль распространенія ими здѣсь истинной вѣры, но и самые враги Миссіонеровъ здѣшнихъ сознающа, что въ основаніи подвига была ревность истинно Евангельская, и что она завлекла сподвижниковъ въ дальнѣйшія отношенія. Полипическая власшь являлась для Миссіонеровъ не цѣлью, но необходимымъ средствомъ. Надобно было, для образованія и обращенія здѣшнихъ ди-карей, сдѣлаться полными ихъ власшелинами, пріобрѣсти сильное временное могущество, чтобы съ большею силою дѣйствоватьъ духовною власшью надъ умами шугемцевъ.

Европейцы, поселившіеся на островахъ Гавайскихъ, не всегда понимая, или не хотя понимать поведенія Миссіонеровъ въ самомъ благородномъ смыслѣ его, обременяли ихъ упреками въ честолюбивыхъ наклонностяхъ, излишесствѣ суевѣрія, неблагоразумной полипикѣ съ шугемцами; ихъ обвиняли въ пожертвованіи иногда шорговыхъ выгодъ Англійскихъ и Американскихъ переселенцевъ общешвеннымъ своимъ выгодамъ; объ нихъ говорили, что по примѣру своихъ Таишскихъ собраний,

спремиаяся они, мало по малу, захвааишь себя монополію власти, оставая Гавайскому царю и вельможамъ его только одни имена повелителей, и пользуясь для этого набожностью изъ корыстныхъ видовъ владычества. « Долго опрааемые швердымъ сопровивленіемъ Тамеа-Меа — говорятъ прошивники Миссіонеровъ — они успѣли въ своихъ замыслахъ въ царствованіе Ріо-Ріо, и еще болѣе въ несовершеннѣшіе юнаго Кау-ике-ули, своего воспитанника и ученика. Слабоумный Боки, бывшій регеншомъ, допустилъ себя унижожить своею наклонностью къ пьянству, и шѣмъ, что совершенно предался торговымъ расчешамъ; никогда не могъ онъ при этомъ показашъ достоинства силы и власти прошивъ честолюбія духовныхъ властителей. Только нѣкоторые изъ другихъ начальниковъ, во главѣ коихъ былъ Куа-Кини, прошивопославили оплотъ ихъ честолюбію. Требованія Миссіонеровъ были уже столь неограниченны, что однажды они хотѣли согласія регенша на изгнаніе всѣхъ Французовъ, пребывающихъ на островахъ Гавайскихъ. Можешъ бытъ, это дерзкое желаніе было-бы утверждено, еслибы Куа-Кини не возсталъ прошивъ него въ публичномъ засѣданіи, и не убѣдилъ въ несправедливости дѣла. Въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ говорилъ онъ о заслугахъ, какія оказалъ царю Тамеа-Меа Французъ Ривесъ. Орошоръ пошелъ далѣе. Какъ возмездія за смѣлосшь прошивниковъ, потребовалъ онъ изгнанія самихъ Миссіонеровъ. Такое несообразное требованіе было горячо опровергнуто царицею правительницею, и

потому не имѣло послѣдствій. Но тогда-же утвердили, что земли Гавайскія оспаяются свободными и открытыми для всѣхъ иностранцевъ, какая-бы ни была ихъ отчизна.»

Вошъ что говорили Европейскіе резиденцы о Миссіонерахъ Гавайскихъ, и въ свой чередъ, Миссіонеры излагали противъ заѣзжихъ Европейцевъ жалобы, неменѣе сильныя, приводя для нихъ доказательства болѣе явныя, и едва-ли не болѣе дословѣрныя.

«Безпорядочность поведенія переселенцевъ—говоряшъ они—ихъ грубое обхожденіе съ туземцами, неоднократно уничтожали всѣ наши усилія, угрожали будущности христіанства въ Гавайскихъ земляхъ, и, слѣдственно, подрывали самыя торговые выгоды Европы. Какъ могли Гавайцы повѣрить этой чистой нравственности, которую спаралось передать имъ христіанство, когда въ ихъ глазахъ, христіане, рожденные подъ законами христіанской вѣры, жили безпушно, забывая всѣ свои обязанности?»

Такимъ образомъ, обѣ спороны обвиняли себя взаимно, и споры ихъ, разумѣется, не могли бытъ назидательнымъ примѣромъ для новообращенныхъ дикарей. Однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ обвиненій Миссіонеровъ противъ переселенцевъ Европейскихъ было сопротивленіе, какое оказывали сіи послѣдніе, не повинаясь законамъ, установленнымъ собраніемъ туземныхъ власнителей. Эти законы, написанные подъ вліяніемъ и подъ диктовкою Миссіонеровъ, относящяся недалѣе 1825 года. Прежде

шого, нѣкоторыя туземныя обычаи и повелѣнія начальниковъ сославляли единственное уложеніе здѣшной земли, исполняемое практически, но не написанное. Въ 1825 году, по приглашенію коммодора Байрона, старшины всего архипелага, чиновники военные и гражданскіе, собрались для изложенія нѣкотораго собранія законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, кошорые подвели въ яскыя и простыя правила нравственности, ничего не устанавливая касательно наказаній. Европейскіе переселенцы, узнавшіе объ эшомъ предпріятіи, сильно заспорили, и довели до того, что обнародованіе закона было отсрочено. Но въ Декабрѣ 1829 года, въ торжественномъ собраніи, не смотря на сопротивление Европейцевъ, многія частныя уголовныя узаконенія были утверждены и обнародованы, и именно: опредѣлена казнь за убійство и шюрма за воровство. Самъ юный царь, вспомошествоваемый регентшею Каагу-Ману и губернаторомъ Боки, объявилъ новые законы народному собранію. Немедленно напечатали ихъ и раздали по островамъ въ многихъ тысячахъ экземпляровъ. Сіи первыя статьи вскорѣ были послѣдуемы множествомъ другихъ. Поочередно опредѣлялись наказанія за пьянство, распутство, нарушеніе праздничныхъ дней запрещенными забавами, или работою; также наказанія объявлены за незаконныя связи безъ супружескаго союза. Такъ, поспешенно, старались подчинить строгости закона всѣ важныя преступленія, а пошомъ и прегрѣшенія, кошорыми оскорблялось христіанское благочестіе.

Европейцы рѣшились оставить Миссіонеровъ законодательствовати , какъ имъ было угодно, пошому, что имъ вдругъ пришло въ голову, будто, сославленные для однихъ туземцевъ, новыя послановленія касающія только ихъ, и Европейцы не должны имъ подчиняться. Они продолжали поступать по прежнему, ничего не перемѣнили въ своемъ поведеніи и въ своихъ отношеніяхъ къ туземцамъ. Эти отношенія, должно признаться, не всегда соотвѣтствовали совѣтамъ благоразумной политики и иногда показывали такой характеръ злѣрства и гордости, что просвѣщенныхъ Европейцевъ можно было послать подъ науку къ дикарямъ, чтобы научились они тамъ уважать законы общежитія. Поступки этого рода вывели наконецъ изъ терпѣнія Гавайскихъ начальниковъ, и они уступили убѣжденіямъ Миссіонеровъ: издано повелѣніе, по которому всѣ чужеземцы уравнивались съ туземцами въ отвѣтственности по законамъ. Гавайское уложеніе утверждено одинаково дѣйствующимъ на всѣхъ, живущихъ въ государствѣ Гавайскомъ. Изъ множества событій, которыя принудили къ этой необходимости, достаточно разсказать одно, могущее показать ихъ общій характеръ.

Слѣдуя прежнимъ обычаямъ Гавайскимъ, каждое живошное, изломавшее загородку чью нибудь, и причинившее убытокъ чужой собственности, дѣлалось принадлежащимъ обиженному, въ награду его убытковъ. Всего чаще однакожъ дѣло рѣшалось полюбовно, и владѣлецъ живошнаго опредѣля-

вался плашежемъ убышковъ. Жалобы спарались у-
ничтожать въ самомъ началѣ, чшобы ничтожными
неудовольствіями не возмущають добраго согласія
между различными владѣльцами имѣній. Одинъ изъ
переселенцевъ Европейскихъ, Англичанинъ, будучи
характера не столь уживчиваго, явно не хотѣлъ
подчиняться благоразумной уступкѣ и кончалъ
ссоры примиреніемъ. Едва только чужое живош-
ное, коза, свинья, даже курица, входили въ его
собственность, онъ убивалъ ихъ и не слушалъ
жалобъ сосѣдей. Оскорбленные такимъ неумоли-
мымъ опиривленіемъ правосудія, шугемцы, сосѣди
его, возненавидѣли своего упрямаго сосѣда, и жда-
ли случая заплашить ему обиды. Длинная долина
на воспокъ отъ Гоно-Руру не принадлежишь ни-
кому; она объявлена общею собственностью, и
служишь пастбищемъ для лошадей и скопины всѣхъ
окрестныхъ жишелей, иносшранныхъ и шугемцевъ.
Пашаціи, окружающія эту долину, были-бы под-
вержены вреду отъ бродячаго по ней скоша,
если-бы днемъ не приспавляли шущъ пашуховъ, а
по ночамъ, владѣльцы скопины не обязывались за-
гонять ее въ хлѣва. Столь спрогій для всего, что
вредило ему, Англичанинъ былъ не шакъ грозень,
когда дѣло шло объ убышкахъ другаго; вмѣсто
шого, чшобы запирашь свою скошину на ночь, онъ
оспавлялъ ее спокойно бродить по долинь. Отъ
эшого произошло однажды, что лучшая корова его
была поймана сосѣдомъ на мѣстѣ пресшупленія, и
задержана, какъ залогъ плашежа убышковъ, ею
причиненныхъ. Такъ и слѣдовало, и пришомъ пой-

мавшій корову не присвоивалъ ее себѣ, но требо-
валъ плашежа убытковъ. Не думая удовлетворишь
обиженного, Англичанинъ разругалъ его, силою
опиная у него свою корову, и грозилъ прибишь,
если еще разъ осмѣлился онъ сдѣлать что нибудь
подобное. Разсерженный шутемецъ поймалъ корову
въ другой разъ въ своей планшати, и заспрѣлилъ
ее. При такой неслыханной смѣлости, судите о
бѣшенствѣ просвѣщеннаго Европейца! Съ помощью
своихъ служившелей, онъ прибилъ дерзкаго сосѣда,
связалъ ему руки, привязалъ его къ хвосту лоша-
ди, и пошацилъ несчастнаго, связаннаго такимъ
образомъ, въ городъ, до котораго цѣлая миля.
Бѣднякъ скоро не въ состояніи былъ бѣжать за ло-
шадью, упалъ—его поволокли безжалостно. Пора-
жаемый копытами живошнаго, котораго спаралось
освободиться отъ неловкой шажески, раздрае-
мый камнями по дорогѣ, оставляя вездѣ клочки
своего плаща, и даже куски кожи, Гаваецъ былъ-
бы привлеченъ въ городъ совершенно изувѣченный,
и, можетъ быть, мертвый, если-бы одинъ изъ зе-
мляковъ не перерубилъ веревки, которою привя-
зали его къ лошадиному хвосту. Не смотря на
безчеловѣчіе, котораго бѣднякъ сдѣлался невинною
жертвою, Англичанину все еще казалось этого
мало. Избишаго и полумертваго Гавайца, онъ опи-
далъ по прибытіи въ Гоно-Руру правительству;
несчастнаго посадили въ крѣпость, гдѣ онъ жес-
токо заболѣлъ. А между тѣмъ — можно-ли повѣ-
рить?—Европейцы сославили между собою совѣтъ,
и принесли начальнику острова жалобу въ обидѣ.

Утверждая, что на Оагу нѣтъ никакой безопасности ихъ имѣніямъ, они всѣ подписались въ эшомъ, и представили царю просьбу, требуя его разсмотрѣнія въ свою пользу. Не смотря на безсовѣстность жалобы, на то, что всѣ подробности были уже извѣсны Кау-ике-ули изъ разсказа Миссіонеровъ и изъ негодованія всеобщаго, онъ все еще не посмѣлъ отказать въ снисхожденіи людямъ, которымъ много разъ угождалъ своимъ пошворствомъ. Но теперь собранъ былъ тайный совѣтъ, въ которомъ разобрали пререванія обѣихъ сторонъ. Взаимныя права и причины дѣла были торжественно оспариваемы, и слѣдствіемъ всего былъ циркуляръ къ Европейцамъ, въ отвѣтъ на просьбу ихъ. Эшомъ циркуляръ напечатали въ типографіи Миссіонеровъ, по-Англійски, по-Гавайски, и въ большомъ числѣ экземпляровъ раздали всюду. Сужденіе, и акты, которымъ объявили его, были слѣдствіемъ внушенія Миссіонеровъ, но поведеніе Европейцевъ въ описанномъ мною случаѣ не заслуживало-ли, чтобы имъ предписали условія болѣе снисходительныя и щадящія? Англичанинъ въ Бенгалѣ не посмѣлъ-бы обходиться такъ съ Индійцемъ, и Аншильскій планшажистъ, конечно, не былъ-бы столь безчеловѣченъ прошивъ Негра, своего невольника. И на все это звѣрство, на это насиліе всѣхъ чувствъ человѣческихъ, вошъ какъ отвѣчалъ царь. Гавайскій:

«Кау-ике-ули, царь, Каагу-ману, правительница, Боки, губернаторъ Оагу, Адамсъ Куа-кини, губер-

напоръ Гаваи , Мануа , Кекуа-ноа , Гинау , Аика-Нана , Паки , Кинау , Джонъ Ии , Джамесъ Кагузу .

Оагу , 7-го Октября , 1829 г .

« Вотъ мое рѣшеніе для васъ . Мы снисходимъ на просьбу Англійскихъ поселенцевъ , мы опдаемъ всѣхъ покровительству законовъ . Такова была цѣль вашего прошенія .

« Посему вотъ мое объявленіе , которое дѣлаю вамъ вѣдомымъ , такъ , какъ и всѣмъ людямъ иноземнымъ . Законы моей земли запрещаютъ убійство , воровство , развратъ , продажу крѣпкихъ напитковъ въ винокурняхъ , забавы въ праздничный день , плутовство и азартныя игры , въ дни праздниковъ и во всѣ другіе дни .

« Если кто нарушитъ сіи законы , подлежитъ наказанію , какъ иностранецъ , такъ и уроженецъ здѣшнихъ оспоровъ . Каждый нарушитель будетъ наказанъ .

« Христіанское супружество опредѣлено для мужчинъ и женщинъ . Когда женщина принадлежитъ мужчине , какъ своему единственному мужу , и мужчина принадлежитъ женщинѣ , какъ своей единственной женѣ , да будутъ они законно супруги . Но если обѣ стороны необвѣнчаны , и не принадлежатъ взаимно одна другой , да разлучатся немедленно .

« Вотъ еще наше рѣшеніе , которое теперь вамъ объявляю . Мы видѣли злыя дѣла ваши донынѣ . Вы не предупѣдомляли , что ваши огороды и ваши загородки были табу (священные , неприкосновенны) , пока наши живошныя не вошли въ ваши плантаціи . Тогда , безостановочно , вы ихъ убили . Но мы васъ предупѣдомили о табу нашихъ насажденій задолго напередъ , и мы предупреждали васъ удерживать ваши спада . Мы узнали , что ваши живошныя вошли въ наши насажденія и опустошили ихъ . Поэтому нѣкоторые изъ вашихъ живошныхъ были убиты .

« Вотъ какое было средство получить правосудіе . Если вы почивали человека виновнымъ , вы не должны были

его поспчасъ наказывають. Надлежало ожидать сужденія съ нашей спороны, и попомъ, если-бы мы нашли его виновнымъ, мы даровали-бы вамъ возмездіе. Но нѣтъ, вы жестоко и немедленно его наказали. И поспъ и другой были виноваты. Но мы предспавляемъ вамъ, что рана звѣря никакъ не сравнится съ человѣческою раною, поспому, что человѣкъ повелитель всѣхъ живошныхъ.

« Это сообщеніе наше для всѣхъ васъ, опцы земель, изъ копорыхъ идуть въспры. Пожалѣйте о народѣ малыхъ дѣшей, весьма слабыхъ и весьма юныхъ, копорыя сущъ еще во мракѣ ума. Помогите намъ дѣлать благо, и наблюдайте съ нами то, что должно сдѣлать наиболѣе блага нашей земли.

« Что касается до смерти коровы, она погибла нарушивъ табу, установленное для покровительства плантацій. Мѣсто было загорожено плетнемъ, копорый поспавилъ владѣлецъ. Когда онъ загородилъ свою собственность, остальное надобно было исполнять хозяевамъ спадъ, копорые, будучи предупреждены надзирашелемъ долины, должнысповали каждый вечеръ убирать свою скошину. Онъ объ этомъ говорилъ, но его не послушали, и скошина оспавалась на свободѣ по ночамъ. Тогда владѣлецъ жилища помыслилъ пріобрѣсти возмездіе, ибо многія живошныя были пойманы, и ихъ господа не заплашили никакихъ убытковъ. Поспому хозяинъ жапвы рѣшился убить одно изъ живошныхъ, ее опуспошавшихъ. Поспому, что было сказано, что если какое живошное изломаепъ огорожу и опустошитъ жапву, будепъ конфисковано и опдаспса владѣльцу жапвы. Многія были пойманы, поспомъ поспребованы и возвращены, и это было много разъ. Для чего-же тогда были вы такъ поспѣшны въ вашемъ гнѣвѣ? Въ самыхъ огорожахъ корова была захвачена, и поспомъ оппущена изъ нихъ. Для чего-же въ вашемъ объявленіи упоминаете, что корова была злобно убита на общей землѣ? Корову убили не поспому только, что она паслась на об-

щей землѣ ; хорошо развѣдано , что въ самой огорожѣ она находилась, и всѣ это подтвердили, кто занимается плантаціями. »

Подпись : Кау-ике-ули.

Этотъ актъ , столь крошкѣй , благоразумный , исполненный превосходныхъ доказательствъ , поразилъ Европейцевъ неожиданно, и показалъ, что имъ нельзя , какъ прежде, дѣлать что только они разсудятъ за благо. Особливо оскорбило ихъ настояніе царя , напоминающаго шеземные законы , которыми доселѣ не считали они себя ни подлежащими , ни подвластными. Для нихъ весьма важно было , чтобы потомъ на дѣлѣ не приложили того , что теперь было всюду обнародовано. Поэтому старались они всячески уничтожить новый законъ , начали ласкать Миссіонеровъ , чтобы они не печатали новаго постановленія. Но ихъ убѣжденія были напрасны, и Миссіонеры распроспранили законъ во множествѣ экземпляровъ. Воля Кау-ике-ули, на сей разъ такъ ясно опредѣленная, стала основною точкою , отъ которой провели направление политики, которую должно было соблюдать Гавайскому правительству противъ чужеземцевъ. Но за то, тѣмъ глубже сдѣлалась черта , раздѣляющая выгоды Миссіонеровъ и переселенцевъ Европейскихъ. Раздоры ихъ не могутъ быть полезны въ будущности никому, и всего меньше шеземцамъ. Поспавленные между двумя дѣленіями Европейцевъ, движимые съ двухъ различныхъ сторонъ, Гавайцы, рано или поздно, спанутъ со-

мнѣваюсь въ нашемъ образованіи, если будущъ видѣнь его дѣятельнымъ болѣе въ ненависпи, нежели въ благодѣпельствѣ, и если оно безпресланно будетъ имъ являться споль своекорыстнымъ, приспираснымъ, ненавиждающимъ. Можно многого ожидать отъ искренняго сознанія ошибокъ. Есть слишкомъ много общихъ пользъ между Миссіонерами и переселенцами изъ Европы, и отъ этихъ пользъ, вѣроятно, со временемъ погаснутъ ихъ непримиримая непріязнь.

Иногда, къ причинамъ разъединенія болѣе важнымъ, присоединялись здѣсь причины особенныя, и совершенно личныя. Таково, между прочимъ, было начало непріязни всего царскаго семейства Гавайской земли противъ Европейскихъ поселенцевъ, и особенно противъ Американцевъ. Вотъ чѣмъ началось дѣло: за годъ до моего пріѣзда, Американскій капитанъ Фентъ осшановился въ Гоно-Руро, былъ на обѣдѣ у одного изъ своихъ земляковъ, гдѣ находились многіе изъ его офицеровъ, и между прочимъ духовникъ его, Спюарсъ, долго жившій въ обществѣ Гавайскихъ Миссіонеровъ. Разговорились о туземной полишикѣ, и рѣчь зашла какъ-то о дружбѣ между царемъ Гавайскимъ и его сесп-рою, Гарріешною, или Нагейна-гейною, споль милою и умною княжною. Много оскорбительнаго сказано было для чести княжны, и Спюарсъ, вмѣстѣ со споль, чинобы прекрашитъ разговоръ, началъ спорить, защищая княжну съ Пуришанскою ревностью, и называя обидные для нея слухи клеветною. Этого мало—онъ не осшавилъ дѣла, перегово-

ворилъ обо всемъ этомъ съ своими прежними товарищами, и вскорѣ ничтожное и соблазнительное неудовольствіе это сдѣлалось чрезвычайно важнымъ. Слухъ дошелъ о разговорѣ до царскаго семейства и ужасно оскорбилъ его. Не только рѣшилось оно прошивопославить ложнымъ клеветамъ оприцаніе формальное, но, отъ имени собранія начальниковъ Гавайскихъ, препроводило къ Фенчу опношеніе, гдѣ жаловалось на поведеніе многихъ Американскихъ переселенцевъ, ихъ насилія прошивъ туземцевъ, и злобную клевету прошивъ самыхъ власпишелей Гавайскаго государства. Опношеніе заключено было шребованіемъ, чшобы виновные были подвергнушы публичному наказанію, если не оправдаюшъ себя совершенно въ обвиненіи, на нихъ лежащемъ. Разумѣеся, что капишанъ Фенчъ былъ чрезвычайно смущенъ, получивъ такое шребованіе. Онъ угадывалъ, откуда былъ направленъ ударъ, но доказательствъ на это у него не было, и впрочемъ жалобы, изложенныя въ опношеніи Гавайскомъ, были существенны и неоспоримы. Фенчъ принужденъ былъ хипришъ — опшвѣчалъ на бумагу нѣмъ, чшо совѣщивалъ пренебречь клеветою, прошипъ виновныхъ, и обѣщался, что по возвращеніи въ Соединенные Штаты переговоры обо всемъ этомъ съ Президентомъ, и убѣдитъ его оказанъ правосудіе. Семейство царское добродушно удовлетворилось этимъ косвеннымъ извиненіемъ.

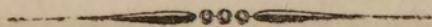
Исторія обо всѣхъ подобныхъ несогласіяхъ, болѣе нежели иной воображаешь, служишъ къ ура-

зумѣнію настоящаго состоянія Гавайскихъ острововъ, и будущности, какой долженъ ожидать сей Океанійскій архипелагъ. Бичей и Коцебу, отдавая впрочемъ всю справедливостъ трудамъ Миссіонеровъ, шѣмъ неменѣе обвиняли эсихъ проповѣдниковъ въ суровой нешерпимости. Безспорно, что объ эшомъ можно говорить много дѣльнаго и красиваго. Но, если сообразить, что были Гавайскіе острова за пятьдесятъ лѣтъ, если вникнуть основательно въ эту мысль, что для покоренія воли дикарей, для покорности ихъ новому образованію, было недоспащочно однихъ политическихъ, или коммерческихъ средствъ, что дѣйствіе религіи было единственнаго дѣйствительнаго средства, которое удержало ихъ въ повиновеніи и благоговѣніи, то согласишься должно, что вопросъ пребудетъ еще размышленія, и взгляда не столько поэтическаго, но наиболѣе философическаго. Кто оспоришь, что эта строгость обрядовъ, эшомъ неумолимый пуританизмъ, эта религіозная шайнспивенность не были для нововводимаго на Гавайскихъ островахъ вѣроученія, истинными условіями успѣха? Кто докажетъ намъ, чтобы поверхностное и снисходительное ученіе нашло ревностныхъ послѣдователей между Гавайцами? Пересоздать въ христіанъ всѣхъ эсихъ дикарей, значило чудесно приготовить ихъ къ нашему общественному и промышленному образованію, но для эшого потребно было сдѣлать ихъ христіанами послушными, покорными, напичанными благочестивымъ убѣжденіемъ Библии и Евангелія, проникнутыми такою мыс-

лю, что религія есть основаніе и сущность всего другаго. Спавнясь на сію почву зрѣнія можно понять, сколь прискорбны были Миссіонерамъ препяшствія въ ихъ дѣлѣ, полагаемыя поведеніемъ Европейцевъ, ихъ нравами, споль неблагочеспивыми, беспушствомъ, споль обычнымъ у всѣхъ искашелей приключеній, бѣгущихъ для наживы въ опдаленныя часши свѣпа. Опсюда ссоры и обвиненія. Впрочемъ, надобно прибавить, что со стороны Миссіонеровъ все это было больше недоразумѣніе, нежели внушеніе ненависти, ибо они сполько-же, сколько и переселенцы въ Гаваи, помышляли о пользѣ своихъ Европейскихъ собрашій.

Рышась хорошо разсмопрѣшь здѣшнюю спорону, и судить объ ней по собспвенному убѣжденію, во все время плаванія опъ Бонинъ-Сима до Гоно-Руру, я изучалъ Гавайскій языкъ, кошорый соспавляетъ одно изъ опдѣленій Полинезійскихъ нарѣчій. У Пендлемона былъ довольно полный словарь, соспавленный Миссіонерами, и я прилежно перебиралъ его. Тушъ находилъ я слова, а Пендлемонъ, самъ полу-Океаніецъ, объяснялъ мнѣ произношеніе. Довольно свѣдущимъ почиалъ уже я себя, когда сходилъ на Гавайскую землю, но вскорѣ увидѣлъ свою ошибку. Въ первую недѣлю моего пребыванія въ Гаваи, мнѣ невозможно было понять ни одного слова изъ рѣчей оспровишянъ. Мало по-малу ухо мое приучилось къ мелопеѣ языка шуземцевъ, и языкъ привыкъ передавать ее. Филологическія свѣдѣнія мои, соспавленные сначала изъ немногихъ фразъ, посшепенно распроеспранились. Вскорѣ я

могъ уже разговаривашь. Языкъ Гавайскій пріятенъ , легокъ , даже благозвученъ. Главная трудность его, какъ въ Кишайскомъ, состоишь въ возможности различать по одному измѣненію удареній, иногда едва замѣтныхъ, слова , по видимости похожія , когда ихъ произносятъ , и совершенно сходныя , когда они написаны.

ГЛАВА XLVII.

ОСТРОВА ГАВАЙСКІЕ. — ГАВАЙ.

Едва пробылъ я дней двѣнадцать въ Гоно-Руру, какъ уже совершенно узналъ Оагу, одинъ изъ любопытнѣйшихъ острововъ Гавайскаго архипелага; но мнѣ надобно было узнать самый большой изъ Гавайской купы, по которому дается ей имя — *островъ Гаваи*. Мало казалось мнѣ знать его изъ книгъ — я хотѣлъ самъ видѣть, осмошрѣть, описать. Судите о моей радости, когда генераль Куа-кини, обязанный шуда опсправиться по дѣламъ правишельсва, предложилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ. Если надобно объяснять причину такой услужливости, то должно похвастать моими успѣхами при Гоно-Рурскомъ Дворѣ. Царь изъявилъ мнѣ небольшую благосклонность, и — его придворные не знали послѣ этого, какъ обласкать меня. Люди — вездѣ люди! Только-бы угодили власпителю, подчиненные гошovy были придумаютъ для меня новое званіе, какого нибудь «Генераль-Пушешесивенника

Гавайскихъ острововъ,» и даже съ жалованьемъ, доллера по 4-ре на день. Я не употреблялъ во зло, однакожь пользовался моими успѣхами, и шоржесвенно отправился къ Гаваи, на царскомъ шунерѣ *Pio-Pio*. Машрозы были пуземные, хошя капитанъ былъ Американецъ, и командовалъ по-Англійски. Ловкій, сильный, хорошо обученный, Гавайскій экипажъ маневрировалъ своимъ кораблемъ почти шакъ-же исправно, какъ дѣлалъ-бы это экипажъ Европейскій. Только не могутъ еще добиться отъ Гавайцевъ, чшобы они исполняли свое дѣло съ шакимъ глубокимъ молчаніемъ, какое соблюдаютъ Англичане.

Отправясь Февраля 2-го, мы обогнули на слѣдующій день маленькій островокъ *Тагу-Раве*, и отсюда, хошя отдаленныя еще на 20-ть льѣ, высокія крушизны *Муна-Кеа* и *Муна-Роа* уже зашемибли передъ нами, какъ будто два отдѣльные острова на небосклонѣ. Мало по малу, ихъ основанія расширились, потомъ соединились, и вся громада Гаваи раздвинулась на поверхность водъ — волканическая груда, выдвинутая подводными волканами, съ ея коническими горами, неровною поверхностью, черными, скалистыми ушесами, мрачнымъ, расщелистымъ видомъ. По мѣрѣ того, какъ шли мы подлѣ западнаго берега острова, я могъ разсмапривать эти разишельныя изгибы глубокихъ впадинъ и возвышенныхъ пиковъ, могъ дивишся этой геологіи въ лицахъ, этой системою горъ, проявлявшей дѣйствіе огня во всей этой громадѣ заспывшей лавы. Обплывши шакимъ образомъ Га-

ваи, ошъ сѣверной оконечности *Упулу*, мы остано-
 вились, Февраля 5-го, на пристани *Кеара-ке-куа*, въ
 дальнемъ разстояніи ошъ земли, по причинѣ силь-
 ныхъ буруновъ западнаго вѣтра, обыкновенныхъ
 въ это время года. Вооруженная шлюпка быспро
 перемчала Куа-кини и меня на берегъ.

Видъ этого берега угрюмъ и печаленъ. Мрачный
 ушетъ лавы высихся надъ заливомъ и селеніемъ
Каава-Роа. Можно подумашъ, что онъ клонился,
 шеряетъ равновѣсіе, и, рано или поздно, рухнетъ
 въ заливъ, завалишъ его и задавишъ жилища чело-
 вѣка. Но выше этой мрачной пологости раскры-
 вается цвѣпущая, веселая спорона. Терраса обра-
 бошанныхъ полей, огородовъ, плешней, древес-
 ныхъ купъ, примыкаетъ къ ошдаленной полосѣ ди-
 кихъ лѣсовъ и величешвенныхъ пиковъ. Муна-Роа,
 оканчивая каршину, кажется властительемъ всего
 просшранства.

Какъ будшо нарочно все было здѣсь придумано
 для удаленія малѣйшихъ заботъ моихъ. Кваршира
 была мнѣ гошова у благородной Гавайки Капіо-Лани,
 владѣтельница красиваго домика, съ опрашнымъ
 палисадомъ. Онъ построень почти подлѣ шого
 мѣсна, гдѣ погибъ Кукъ въ 1777 году. Я посѣшилъ
 самое мѣсто этой кровавой драмы, недавно озна-
 менованное надписью, посшавленною здѣсь капиша-
 номъ Байрономъ, въ 1825 году.

Моя хозяйка, предупрежденная Куа-кини, приняла
 меня съ опимѣнною ласковостію. Меня запощивали
 чаемъ, пирошками, фрукшами, мадерою; показали

мнѣ павильонъ , гдѣ устроена моя спальня , и залу общаго обѣда ; ввели меня во всѣ подробности хозяйства. Добрая и толстая Капіо-Лани была женщина, судя по ея плуноспи и походкѣ, между 40-ка и 50-ми лѣтъ.

Но Куа-кини надобно было здѣсь ожидать только кой-какіе приказы, и къ сожалѣнію моему, я только одинъ день провелъ у гостепріимной г-жи Капіо-Лани. На другіе суши, корабль нашъ уже направился къ Каи-Руа , обыкновенной резиденціи Куа-кини, какъ губернатора Гавайскаго острова. Мы сшли въ Каи-Руйской гавани, прошивъ крепости, защищаемой придепью пушками.

Мѣстоположеніе здѣсь было такое-же угрюмое , такое-же волканическое , какъ и видѣнные нами прежде. Всѣ горы являютъ характеръ древнихъ изверженій окаменѣвшей лавы. Къ этому присоединяется здѣсь еще важное неудобство. Не смотря на здоровоспъ и населенноспъ здѣшняго мѣста , въ немъ вовсе нѣтъ прѣсной воды. Единственная, которую можно пить , добывается въ болопахъ, или ошдаленныхъ ошъ берега испочникахъ.

Моими хозяевами въ Каи-Руа были Куа-кини и его жена, еще очень молодая, пошому, что старый губернаторъ вступилъ уже во вторую бракъ. Я оставилъ друзей въ Гоно-Руру, но друзья Каи-Руйскіе превзошли всѣхъ пріятелей моихъ на Гавайскомъ архипелагѣ. Можно-бы сказапъ , что моя счастливая звѣзда назначила мнѣ всюду на пуши

моемъ встрѣчанъ ласковыя лица, доброе гостепріимство и пріятельскую дружескую дружескую. До сихъ поръ, я походилъ на пилигрима, каждый вечеръ находящаго въ пустынь зеленый оазисъ, пальмовую рощу, фонтанъ и караванъ-сарай—памятники общесуветнаго благочестія. Въ странѣ, гдѣ на золото не купишь пристанища и пропитанія, жизнь моя всюду была счастливая, праздничная, обильная и спокойная. Я сдѣлался какимъ-то гостемъ міра, безъ определенной отчужденности, находя на каждомъ материкѣ и на всѣхъ островахъ родныхъ, болѣе или менѣе приближенныхъ, братьевъ, и часомъ лучше принимаемый въ хижинѣ дикаря новаго свѣта, нежели подъ кровомъ колониста, перешедшаго сюда изъ нашего стараго свѣта. Если быніе странника всегда должно быть исполнено такихъ благопріятныхъ случайностей, чудное дѣло, почему цѣлый міръ не пустился въ путешествіе! Видно, что необходимо надобно ему отшатнуться домошествомъ, и мнѣ, право, жаль этого за другихъ.

Любезность г-жи Куа-кини завлекла меня въ счастливыя мечтанія. Это потому, что истинно я ничего не могу представить себѣ болѣе нѣжнаго, болѣе милаго, болѣе добраго, какъ предупредительность, какою она меня очаровала. Будь я немного щеславнѣе — Богъ знаетъ что можно-бы подумашъ. Но всякая щеславная мысль была отъ меня далеко, и шѣмъ утѣшительнѣе было мое положеніе. Прибавлю, что самъ Куа-кини былъ такъ любезенъ со мною, до такой степени отшатвлялъ всѣ свои дѣла, чтобы угождать мнѣ, что нельзя было не полюбить его отъ всего сердца.

Въ самый день прїѣзда, онъ самъ сопровождалъ меня въ окрестности, исполненныя естественныхъ пещеръ, самыхъ любопытныхъ, какія только можно видѣть гдѣ нибудь. Одна изъ нихъ, называемая *Рани-Акеа*, явила намъ всѣ свои таинственные лабиринты. Они, по змѣились переходами, низкими и узкими, по расширялись залами, обширными, высокими, длинными фушовъ на 26-ть. Мы шли по нимъ съ факелами, въ провожаніи пуземцевъ, почти 4200 фушовъ подъ землею. Внутреннія стѣны не представляли ничего замѣчательнаго, кромѣ снранныхъ въ иныхъ мѣстахъ образованій глыб унеса. Можно-бы иныя изъ нихъ почестъ спашуями, обдѣланными рѣзцомъ, другія Гошическими нишами, длинными Греческими колоннадами, барельефами и красивыми фризами. Спалакшишовъ и спалагмишовъ здѣсь нигдѣ не было. Въ концѣ всѣхъ изгибовъ и залъ, вдругъ открылось неожиданное препятствіе—глубокое и обширное озеро соленой воды. Мы опдохнули на берегахъ его. Нѣкоторые изъ пуземцевъ, сопровождавшихъ насъ, передали факелы свои споварищамъ, бросились въ озеро и переплыли его. Это казалось чѣмъ-то фаншасшическимъ. Водное пространство, къ кошорому сверху висѣли бахрамами, сосульками, пузырями окаменѣлости лавы, эшопъ сводъ, въ кошоромъ все было шакъ разнообразно, освѣтъ факеловъ на поверхности воды, темныя головы дикарей, выходившія изъ полуосвѣщенной воды, безмолвіе и мракъ, шклики голосовъ въ подземельномъ эхѣ — все это составляло изумительную картину, одинъ

изъ шѣхъ сновъ , кошорые находимъ въ Апулеѣ , оспроумномъ изъяснителѣ іерофаній Египетскихъ , или , лучше сказашь , одно изъ шѣхъ изображеній , кошорыя оставили намъ древніе мифологи — ихъ Спиксъ , ихъ Ахеронъ , ихъ Коцитъ — пещеру Какуса , или гротъ Мелузины. — Входъ въ подземелья находишся въ полу-миль отъ моря , а глубина подземнаго озера будетъ отъ 50 до 60-ти футовъ. Дѣйствіе прилива и отлива въ немъ замѣтно , и вѣроятно , что есть подземное сообщеніе между моремъ и этимъ озеромъ.

Подлѣ входа въ подземелье видны слѣды древняго укрѣпленія , нѣкогда , по видимому , бывшаго весьма обширнымъ. Пещеры служили убѣжищемъ народу въ военное время , и весьма достоверно можно положишь , что укрѣпленіе имѣло цѣлю соккрышь , или защишишь входъ въ него. Весь остатокъ отъ него состоишь въ обломкахъ стѣны , футовъ 20-ти вышиною и 12-ти въ основаніи. Верхняя часть предсшавляетъ зубцы , и между ними широкіе промежутки , безъ сомнѣнія , служившіе амбразурами.

Въ этотъ-же день Куа-кини захопѣлъ проводишь меня на сѣверный мысъ залива Каи-Руа. « Я видѣлъ , какъ родились эти земли , » говорилъ онъ мнѣ. И дѣйствительно , образованіе этого мыса несшарѣе придцати лѣтъ. Муна-Гуарарай извергла однажды потокъ лавы , на три мили вошедшій въ море , и , обхваченный водою , онъ составилъ утесы полуострова. Но пока прибавился этотъ мысъ къ прежнимъ берегамъ , и океанъ уступилъ

сыну огня — опустошеніе пало на островъ, погубило селенія, уничтожило насажденія, завалило заливъ, измѣнило видъ береговъ, испребило тысячи людей и животныхъ. Одинъ изъ Англичанъ, свидѣтель эшого бѣдствія, рассказывалъ, что попоки лавы текли съ неизъяснимою свирѣпостью. Они налегали слоями, разрушали все передъ собою, жгли деревья на корняхъ, заливали рвы, спремаясь къ морю. Въ теченіи ихъ видно было, какъ встрѣчая груды прежней, отвердѣлой лавы, они производили свое дѣйствіе надъ ними, ломали ихъ, расплющали и увлекали съ собою, будпо союзниковъ въ безмѣрной работѣ разрушенія.

Безчисленныя жертвоприношенія были совершены въ это время для удержанія бѣдствія. Живыхъ свиней кидали въ попоки лавы, думая укропшъ эшимъ духа, ихъ двигавшаго. Но духъ пожиралъ свиней, а лава шла своею дорогою. Долго продолжалось великое изверженіе эшо, славное въ Гавайскихъ лѣтописяхъ. Тщепно старались остановить его молитвами, жертвами, пѣніемъ жрецовъ — говоряшъ шуземныя лѣтописи — пока Тамеа-Меа не появился съ своими главнѣйшими чиновниками. Онъ пошелъ къ волкану, опрѣзалъ у себя пукъ волосовъ, считавшихся великимъ *табу*, и бросилъ ихъ въ попокъ лавы, и черезъ два дня лава остановилась. Клочекъ волосовъ Тамеа-Меа оказался сильнѣе духа. Тогда удостоверились всѣ, что боги были довольны, и что приношеніе царское было выше всякихъ другихъ приношеній. Нечаянное, или напередъ расчитанное, эшо событіе немало спо-

собствовало къ возвышенію власпи Тамеа-Меа въ глазахъ оспровишянъ. Убѣжденные съ того времени, что боги, власпители волкана, оказывали великое вниманіе царю, и щадили народъ ради его, они стали почищать царя своего, какъ существо одаренное сверхъ-естественными силами, и спрашивались, оскорбляя его, разгнѣвать боговъ.—Громады лавы, заспывшей на мысъ Каи-Руа вмѣщаяшъ въ себѣ огромныя пустошы, и море вливается въ нихъ, до глубины 15 и 20-ти фуазовъ; попомъ хлещетъ оно изъ нихъ верхними опверзшіями, шакъ, что образуешъ волнами множество высокихъ водометовъ, падающихъ на утесы и быспро спекающихъ опять въ океанъ. Когда море разыгрывается здѣсь опъ усилій западнаго вѣтра, эша гидравлическая игра представляешъ видъ необыкновенный и величественный.

Обязанности Куа-кини пребовали опъ него поѣздки по управляемому имъ оспрову. Едва провелъ онъ при дня въ Каи-Руа, какъ принужденъ былъ опсправиться къ заливу Ваи-акеа, находящемуся на восточномъ берегу, опшанавливаясь въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ присушествоіе его было необходимо. Въ числѣ предположеній моихъ была прогулка къ великому волкану Кирау-Еа, чуду оспрова, и какъ ни желалось мнѣ долѣе наслаждаться ласковымъ госпепріимствомъ, которое вспрѣшилъ я здѣсь, но едва узналъ я о новомъ назначеніи нашего корабля, шо и просилъ у моего хозяина какъ милоспи, взявъ меня съ собою. Мы распустили паруса немедленно, и вечеромъ доспигли *Коган-Ган*,

одного изъ самыхъ значительныхъ селеній Гаваи ,
 миляхъ въ пяпи на сѣверъ отъ Каи-Руа. Здѣсь бы-
 ло любимое мѣстопребываніе Тамеа-Меа , но съ
 лѣхъ поръ, какъ Гоно-Руру предпочтено его пре-
 емниками , и сдѣлалось царскою резиденціею , по
 причинѣ-ли хорошей гавани, или по спеченію шуда
 иноспранцевъ, Кагаи-Гаи много пошерялъ прежней
 своей важности. Теперь онъ замѣчашеленъ только
 обиліемъ соли, собираемой здѣсь на озерахъ , гдѣ
 она опсѣдаетъ, безъ всякаго труда со стороны
 жителей.

Ночью поплыли мы, чпобы обогнуть мысъ *Упулу*,
 при помощи вѣшера съ земли, и ушромъ направи-
 лись уже къ Ю. В., обплывая восточный край Га-
 ваи. Прошивъ насъ были тогда округи *Когала*,
Гама-Куа и *Гиро*; вечеромъ оставили мы за собою
 западныя прибрежья *Ваи-Меа* и *Куа*. Юго-восточ-
 ная сторона острова занимается округами *Кау* и
Пуна.

Подлѣ мыса Упулу, Куа-кини далъ мнѣ замѣшпшъ
 селеніе *Пау-Эпу*, гдѣ сущесшвовалъ нѣкогда храмъ
Мокини, знаменишый въ преданіяхъ Гавайскихъ.
 Говоряшъ они, что сей храмъ былъ построенъ
 иноземнымъ жрецомъ, по имени *Паао*, ушвердив-
 шимся въ *Пау-Эпу*, и основавшимъ здѣсь новое
 богослуженіе. Это было, сказывающъ, въ царствво-
 ваніе Кагу-Капу. *Кагуна*, или жрецъ, былъ человекъ
 бѣлый, прибылъ изъ отдаленной земли, съ двумя
 идолами, однимъ огромнымъ, другимъ поменьше, и
 оба они были приняты въ число боговъ архипела-
 га. Имъ воздвигли храмъ въ *Мокини*, гдѣ *Паао*

сдѣлался жрецомъ. Своими молитвами спасти онъ отъ шяжкой болѣзни одного изъ дѣтей Кагу-Капу, рожденнаго отъ женщины низкаго происхожденія. Преемникомъ Паао былъ сынъ его *Опири*, служившій царю переводчикомъ, при другомъ появленіи бѣлыхъ людей на берегахъ Гавай. Такова положительная часть разсказа, сколько можно понять ее среди басенъ.

Недалеко отсюда, если повѣрить преданію еще болѣе баснословному, было пребываніе брата Кана, чего-то шакого въ родѣ мифологическихъ Гигантовъ, Океанійскаго Полифема, который переходилъ съ острова на островъ, шагая по морю. Эпосъ родня Колоссу Родосскому сплывалъ иногда, говорятъ шеземцы, одною ногою на Гавай а другою на Оагу, шакъ, что между ногами его было около 60-ти льѣ. У Гавайцевъ множество разсказовъ объ эпосѣ великанѣ. Вотъ одинъ изъ шиссячи: Гавайцы разсердили какъ-то царя Таишскаго, и шотъ, чтобы наказати ихъ, спрятали солнце. Проживши нѣсколько дней въ спрашной шемношѣ, Гавайцы испугались и просили помощи у брата Кана. Добрый великанъ надѣлъ свои сапожищи, перешелъ по морю и пришелъ въ Таиши, гдѣ обиталъ тогда *дѣлатель солнца*, Кагоа-Аріи. Онъ переговорилъ съ нимъ, получилъ обратно Гавайское солнце, и чтобы впредь не случилось подобной бѣды, ушвердилъ его шакъ на небѣ, что оно уже не движется съ шѣхъ поръ. При лучшемъ знаніи Гавайскаго языка, безъ сомнѣнія, въ эшихъ аллегорическихъ разсказахъ можно-бы найти положительность, объясняющую исторію здѣш-

нихъ земель. Это солнце, котораго надобно искать на Таиши, этошь человекъ, имѣвшій возможность переходить по морю, и идши ось 22° с. ш. до 48° ш. ю., все это не означаетъ-ли древнѣйшаго образованія и незапамятуемыхъ слѣдовъ въ искусствѣ мореплаванія?

Впрочемъ, другія, болѣе положительныя преданія, кажется, подтверждаютъ, что Гавайцы совершали, во времена весьма удаленныя, различныя путешествія къ *Ноу-Гива* и *Тагу-Ата* (очевидныя измѣненія именъ Нука-гива и Тао-Ваши), и даже въ Таиши. По одному изъ ихъ преданій, повѣствуется о путешествіи Кама-пи-каи (эти слова значатъ: *кама*, дитя, *пи*, бѣжащъ, *каи*, море). Онъ былъ жрецъ храма, посвященнаго *Кане-нуи-акеа*, и этошь богъ, являсь во снѣ жрецу своему, открылъ ему существованіе и положеніе Таиши, приказывая идти туда. Въ слѣдствіе этого божескаго повелѣнія, Кама-пи-каи отправился, съ множествомъ соопечесвенниковъ своихъ, въ чешырехъ двойныхъ лодкахъ, и ворошилъ въ Гаваи только черезъ 45-ть лѣтъ отсутствія. Плѣнительную картину страны, имъ посѣщенной, передавалъ онъ по возвращеніи своемъ, называя ее *Гаупо-Кане*. Обильныя жапвы покрываютъ ея долины; рѣки, лѣса, луга составляютъ тамъ очаровательное мѣсто жилища, говорилъ Кау-пи-каи, и особенно рассказывалъ о прибрежьи *Оне-рау-ена*, населенномъ прекраснымъ поколѣніемъ людей, обильномъ раковинами и превосходными плодами. Наконецъ, повѣствовалъ онъ о настоящемъ источникѣ юности,

именуя его *Вай-ора-роа* (вода долгой жизни). Три путешествія попомъ совершилъ разскащикъ, въ страну имъ открытую, и каждый разъ увозилъ шуда съ собою множество земляковъ. Въ четвертый разъ поѣхалъ онъ, и не возвратился болѣе; думая, что онъ, или погибъ въ морѣ, или оспался на Таиши. Большая часть сопутниковъ жреца въ этихъ опдаленныхъ и опасныхъ прогулкахъ, были подвигнуты желаніемъ искупаться въ водахъ Вай-ора-роа, ибо онъ увѣрялъ, что всѣ болѣзни, всѣ уродливости, всѣ раны исчезали отъ качества этой чудесной воды, и что изъ ея источника люди выходили прекрасными, юными и сильными.

Такія преданія, народныя на Гавайскомъ архипелагѣ, задолго до появленія здѣсь Кука, свидѣтельствуютъ, по крайней мѣрѣ, что Гавайскіе туземцы имѣли, болѣе или менѣе, точныя свѣдѣнія объ островахъ Нука-Гива и Таиши, съ которыми были у нихъ древнѣйшія сообщенія. Это можно впрочемъ утвердить *à priori* сходствомъ языковъ, обычаевъ и физіогномій.

Собирая такимъ образомъ на пуши своемъ все, что представляла мнѣ указаній и объясненій мѣстность земли, переправился я въ *Галауа*, область на с. з. берегу, гдѣ Куа-кини надобно было провести нѣсколько часовъ. Этою областью правилъ въ то время *Міо-Міон*, воитель, прославившійся подвигами въ войнахъ Тамеа-Меа. Онъ наследовалъ здѣсь самому этому великому царю, здѣсь родившемуся, и въ началѣ своей жизни имѣвшему во

власши только эшотъ родовой учаспокъ, съ незначительною еще землею въ округѣ Кауа. До самой смерти Тараи-Опу, будущій власникъ архипелага не обладалъ ничѣмъ болѣе. Міо-Міои былъ другъ дѣшства, товарищъ по войнѣ, любимецъ Тамеа-Меа, и рассказывалъ намъ, что самая юность эшого государя показывала умъ великій и характеръ смѣлый. Начальствуя молодыми спаршинами его лѣшъ, онъ осуществлялъ съ помощью ихъ самыя необыкновенныя дѣла. Здѣсь, на крушоярѣ, образованномъ отъ природы подъ прямымъ угломъ, опшвѣсною спѣною, юный вождь и его товарищи пробили на разсояніи спа фушовъ уклонъ, по которому спускались ихъ рыболовныя лодки. Тамъ, желая добыть воду изъ камня, онъ рѣшился съ друзьями своими продыришь крѣпкіе ушесы. Уже много слоевъ камня успуило ихъ усиліямъ, но толстый и крѣпкій слой лавы заставилъ пошомъ опказаться отъ подвига невозможнаго. Безъ пороха, и не имѣя средствъ взорвать ушеса, надобно было обладать изумительною предприимчивостью, чтобы возымѣть мысль о подобномъ предпріятіи. Иногда Тамеа-Меа занимался сельскимъ хозяйствомъ, удобреніемъ земель, улучшеніемъ средствъ зсмледѣлія. Поля Галауаскія опличаются отъ другихъ часшей острова прекрасною пѣнью его насажденій. Тамеа-Меа раздѣлилъ ихъ между своими друзьями, имѣя собственнй свой учаспокъ, подобно другимъ. Каждый долженъ былъ сперва наблюдать за своею долею, а пошомъ помогать другимъ въ улучшеніи ихъ часшей. Такъ знамени-

пый эшопъ челоуѣкъ предвѣщаль великую учаспъ, долженспвовавшую прославипъ его въ послѣдспвіи. Трудъ, порядокъ, смѣлоспъ возвели его на прешолъ, и эшо изъясняль онъ своему народу, показавъ сначала примѣромъ, происходящія опъ всего эшого великія слѣдспвія.

Міо-Міои указаль намъ на многія деревья, посаженныя собственными руками Тамеа-Меа. Онъ проводиль насъ въ семейный храмъ великаго царя, посвященный имъ идоу Таири, опъ чего произошло и названіе его: *гаре о Таири* (домъ Таири). Эшо была груда камней, безъ порядка приложенная къ оспрому углу одного ушеса. Но при Тамеа-Меа здѣсь было наложено самое спрожайшее шабу. Эша груда камней почиалась священной, до такой степени, что смерспью наказывался каждый, пересшупившій ея предѣлы, или коснувшійся кошораго либо изъ окрешныхъ ушесовъ. Много безразсудныхъ было сожжено на ближней горѣ, въ возмездіе за нарушеніе спрашнаго шабу. Вѣра Тамеа-Меа въ покровишельспво родовыхъ боговъ его, была глубокою его мыслию. По совѣспи-ли, или въ слѣдспвіе полишического расчеша, въ глазахъ своихъ подданныхъ предспавляль онъ ее основаніемъ всѣхъ своихъ предпріятій. «Приверженносспью къ моимъ богамъ — повшоряль онъ безпрешанно — одолженъ я всегдашнею побѣдою, и имъ должно приписашъ все благоденспвіе моего царспвованія.»

Какъ ни занимашельно было слушащъ рассказы о Тамеа-Меа, но надлежало осшавипъ его родимую

спорону, и предпринять снова наше прибрежное плаваніе. Съ палубы нашего корабля легко можно было разглядѣть всѣ изломы эшой изковерканной земли. Мы увидѣли узкую долину, раздѣляющую округъ *Когала* отъ *Гама-Куа*; потомъ, неподалеку отъ *Лаупа-Гоигои*, открылась намъ широкая рещелина въ горѣ. За нѣсколько лѣтъ, огромная груда ушесовъ, подрывая въ основаніи моремъ, вдругъ обрушилась здѣсь въ бездны океана. Теперь ошапокъ горы, высящейся надъ моремъ, почти на 600 фушовъ, шакъ прямъ и ровень къ сторонѣ прибрежья, будто спѣна. Волканическій ушесъ здѣшній состоишь изъ многихъ слоевъ порисшой лавы. Во многихъ мѣстахъ, вода брызжетъ изъ него серебряными скапершами, съ высоты шрехъ сошъ фушовъ. Нѣсколько хижинъ, прицѣпленныхъ на эти висячіе ушесы, или укрытыхъ въ ихъ изломы, нѣсколько признаковъ бышія человѣческаго среди эшой природы въ обломкахъ и эшихъ мрачныхъ вершинъ, дополняющъ увлекашелейный и неизобразимый видъ общности.

Туземцы рассказываютъ, что въ день паденія ушеса, шуманъ закрывалъ вершину, и послѣ захождения солнца, свѣшъ, подобный блудячимъ огнямъ, мелькалъ на шемѣ горы. Изъ эшого заключили они, что свѣшъ предвѣщаешъ прибышіе *Пеле*, богини огнедышащихъ горъ, по ешъ, близкое изверженіе. Жрецъ *Пеле*, жившій съ семействомъ своимъ въ деревнѣ у подножія горы, разувѣрилъ другихъ обиташелей, говоря имъ, что принесешъ молишвы своей богинѣ, и шѣмъ спасешъ ихъ отъ погибели.

Но молишвы его не удались. Около 10-ти часовъ вечера, гора лопнула, будто гранапа, въ длину на полъ-мили, и осколокъ, опбишый подземнымъ потрясеніемъ, рухнулъ въ море. Два небольшія селенія были уничтожены, и человекъ 20-ть жителей погибло. Такимъ образомъ, одно вознаградилось другимъ. На западѣ пошокъ лавы создалъ новую гору; на воспокъ сотрясеніе внутреннихъ жерлъ повалило гору въ волны океана.

Какая любопытная мѣстность мелькала мимо насъ! Какая земля, благопріятная разысканіямъ геолога, изученію дѣйствія вулкановъ, кошорое наши новѣйшіе Эмпедоклы и Плиніи разбирають только по умозрительной теоріи, удаленные отъ огненныхъ жерлъ вулканическихъ явленій!

Но вскорѣ, другія картины раздвинулись передъ нами. Мы увидѣли селенія *Vai-Manu* и *Vai-Pio*, названныя такъ по орошающимъ ихъ попокамъ. Особливо послѣднее очаровывало дикостью мѣстоположенія. Задвинутое съ трехъ сторонъ горами, гладкою сѣбною, оно опкрывалось къ морю, какъ будто для того только, чтобы выказать намъ свои легкія хижины, высокіе кокосы и шумящіе попоки. *Vai-Pio* славно въ Гавайскихъ народныхъ пѣсняхъ, пѣмъ, что служило убѣжищемъ *Миру* и *Акеа*, первымъ царямъ острова; попомъ *Уми* и *Рироа*, игравшимъ важныя роли въ здѣшней исторіи; наконецъ *Гоу-Кау*, царю этой части Гаваи, памявному въ преданіяхъ по своей жестокости. Когда этому злодѣю хвалили чье нибудь красивое

лицо, пошчасъ посылалъ онъ одного изъ своихъ услужниковъ срубить голову красавцу и принести къ нему. Оно наслаждался послѣ этого пѣмъ, что рѣзалъ и безобразилъ ее. Однажды, онъ велѣлъ опрубить руку какому-то несчастному, пошому только, что она была папуирована красивѣе его руки.

Подлѣ Ваи-Піо находишся *Пуго-Нуа*, или мѣсто убѣжища всей этой части острова. Хотя менѣе Гонау-Нау, этотъ памятникъ имѣетъ такую-же форму, и представляетъ также характеръ опдаленной древности. Посреди его загорожи, подъ пѣнью спараго пандана, была часовня, заключавшая въ себѣ, по словамъ жрецовъ, кости Рироа, внука Уми, жившаго здѣсь, по ихъ-же вычесамъ, почти пашнадасть поколѣній. Кто хотѣлъ видѣть бранные остатки этого долговѣчнаго свящаго, долженъ былъ заплашишь за такую чесъ, по крайней мѣрѣ, принесеніемъ въ жертву свиньи. Самые Та-меа-Меа и Ріо-Ріо не исключались изъ этой плашы, и когда въ 1823 году, Миссіонеры хотѣли здѣсь полюбопытствовашъ, имъ ничего не показали, ибо они не подчинились уставленному взносу. Все, до чего добились они, сосщояло въ показаніи имъ камня, грубо обшесаннаго, кошорый называющъ *тін*, или изображеніемъ Рироа.

Воспоминаніе варварства соединяется еще съ долиною Ваи-Піо. Царь Уми, побѣдивъ въ сраженіи царей шести другихъ обласшей Гаваи, праздновалъ здѣсь побѣду, принесеніемъ на жертву плѣн-

никовъ. Когда было уже зарѣзано досташочное число жершвъ, побѣдитель хопѣлъ оспановишья. Но голосъ бога его, Куа-Горо, слышался и велѣлъ продолжати: «Поражай непрерывно — говорилъ голосъ—поражай, поражай!» Наконецъ оспавался одинъ плѣнникъ, единственнѣй, которому Уми желалъ дати пощаду. Поэтому, когда голосъ Куа-Горо продолжалъ требовати крови, царь сначала отказался, и только въ послѣдней необходимости приказалъ онъ довершити кровопролитіе окончательнымъ убійствомъ. Царь оспался на мѣстѣ побоища одинъ съ жрецомъ своимъ. Восемьдесятъ жершвъ, лежавшихъ по землѣ окрестъ, были поочередно зарѣзаны въ честь божества свирѣлаго и ненасытнаго кровью.

Такъ осматривалъ я всѣ части побережья и когда историческое событіе, или черта нравовъ, соединялись съ какою либо мѣстностью, мой почтенный спутникъ пошчасъ принимался удовлетворяти моимъ вопросамъ. Капу-Лена, Коло-Ага, Кумо-Ари, Маніе-Ніе, Геала-Кака и Неупеа, маленькія селенія, при небольшихъ заливахъ, доставили намъ немного любопытнаго. Послѣднимъ оканчивается съ этой стороны округъ *Гама-Куа*. Съ моря, берегъ Гама-Куа представляется скалистымъ утесомъ, вышиною въ 500 футовъ, украшеннымъ перелѣсками и кусарниками, пересѣкаемымъ обработанными рышвинами. Все это исчерчено брызжущими пошодами; водопады спремяны съ вершины пиковъ; ихъ видишь, по падающимъ пѣною и водяною пылью въ море, по змѣйкой вьющимся

по скашу ушесовъ , и умирающими на прибрежьи , въ ихъ маленькихъ , каменистыхъ ложбинахъ. Однимъ взглядомъ открывалъ я иногда до 20-ти ша-кихъ водопадовъ. Если другой стороной оспрова недоспаетъ прѣсной воды , за то здѣшняя споро-на снабжена ею обильно.

На слѣдующій день , мы видѣли долину *Каура* , образующую собою верхъ округа *Гиро* , и попомъ плыли около всего гористаго берега этой об-ласши , надъ кошорою господствуетъ вершина *Муна-Кеа* , покрывая вѣчными снѣгами. Далѣе от-крылись намъ *Лаупа-гои-гои* , въпоря деревня сего имени на этой прибрежной линіи, *Велока* , *Камасе* , и наконецъ доспигли мы обширнаго и глубокаго залива *Ваи-Акеа* , настоящей цѣли нашего плаванія.

Послѣ продолжительнаго слѣдованія мрачными , неровными берегами , горами , падами , ушесами и узкими удолями , *Ваи-Акеа* показалаь мнѣ опи-ченною изъ всѣхъ обласью оспрова , какъ *Лиманъ* среди горъ *Овернскихъ*. Никакая другая часть оспрова не являетъ произрастанія столь прекрас-наго , полей съ шаро , сахарными проспиями , паша-тами и дынями , столь шучныхъ. Все расшетъ по желанію на этой почвѣ , все улучшается здѣсь , фрукшы , зерновыя , овощныя расшенія. Кокосы здѣсь могучѣе , бананы обильнѣе плодомъ. По хижинамъ , болѣе просторнымъ и лучше поспроеннымъ , по опряшству одежды , легко узнать , что это мѣсто самое богатое и самое промышленное изъ всего архипелага.

Впечатлѣніе , поразившее меня издали, еще съ самой середины гавани, оправдалось и увеличилось, когда лодка перенесла насъ къ берегу. Я увидѣлъ озеро и рыбные пруды, въ долинѣ покрышой спадами дикихъ упокъ. Рыбаки, облокошясь на низенькія , каменные огорожи, копорыми окружены эши садки, казалось , не сполько были заняты ловомъ рыбы , сколько кормленьемъ ея улишками , собираемыми по берегу. Приближаясь къ берегу , вскорѣ могъ я различить при пошока, впадающіе въ заливъ: *Ван-Акеа* , скользящій въ океанъ по покашоспи, послѣ быспраго излепа своего изъ-подъ лавы, нѣсколько миль выше , и образующій прелесный ручей при своемъ впаденіи , гдѣ глядясь въ него самые красивые кокосы долины. За тѣмъ , *Ван-Рама* представляеть почти одинакій характеръ съ *Ван-Акеа*, вырываясь подобно ему изъ волканическаго логовища , и падая въ заливъ на небольшомъ разстояніи. Наконецъ слѣдуетъ самый значительный , самый неукрошимый , самый славнѣйшій изъ всѣхъ — *Ван-Руку* ; сбѣгая съ вершинъ Муна-кеа, онъ на много миль вьется изгибиснымъ , бурнымъ печеніемъ. Никакой пошокъ воды не представишя вамъ въ зрѣлищѣ споль романшическомъ, споль разнообразномъ. При его впаденіи, онъ поглощается надолго между двумя сѣнами , скалисшими, ушесисшими , покрышими дикимъ , блестящимъ произраспаніемъ. Прорвавшись сквозь эшопъ зашворъ , печеніе увеличивается , разливаеься громаднѣ , и вода падаетъ въ глубокую рышвину, гдѣ отражающя въ ней зеленые холмы. Пошокъ спекаетъ сюда, въ эшопъ

новый и обширный бассейнъ свой, двумя водопадами, изъ коихъ одинъ 20-ть, другой 8-мь фузовъ въ вышину, и оба перегибающа въ множество бѣловолнисныхъ скамьей. Легкій москиъ наброшенъ на Ваи-Руру, неподалеку отъ его паденія. Одно изъ лучшихъ наслажденій обитателей долины — бросающа въ волны потока выше его водопадовъ, и дающа себя нести волнамъ его въ широкій водоемъ нижній.

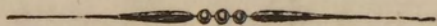
Я любовался еще этимъ ландшафтомъ, когда лодка спала у пристани. Мнѣ назначили кварширу въ томъ домѣ, гдѣ лѣтъ за пять, или за шесть прежде, жилъ капитанъ Байронъ.

Эта была хижина, весьма скромная, съ рогожками на полу, нѣсколькими стульями, двумя спорами и родомъ дивана съ одной спинкой. Куа-кини долженъ былъ занять ближнее жилище, столь же скромное и простоянское, какъ и мое. То и другое были недалеко одна шаговъ разстоянїемъ отъ жилища Миссионеровъ, помощниковъ Гоно-Рурской миссии. Помѣщеніе ихъ состояло нѣсколько хижинъ, построенныхъ на манеръ шеземныхъ. Тутъ жилища пастырей, ихъ храмъ и школа, все это на берегу прохода прѣсной воды, текущаго въ море, и окруженнаго насажденіями кокосовъ, пандановъ и *аледритовъ*.

Безчисленныя красоты долины Ваи-акеа не могли обратить меня отъ цѣли моего путешествія, огнедыщащей долины Кирау-Еа, одного изъ самыхъ

замѣчательныхъ явленій въ сисшемъ огненныхъ изверженій. Куа-кини не могъ сопутствовать мнѣ въ эпомъ путешествіи пѣшкомъ во внутренность земель, утомительной прогулкѣ отъ 20-ти до 30-ти льѣ, по гористой сторонѣ; но онъ далъ мнѣ одного изъ главныхъ чиновниковъ здѣшнихъ, которому совершенно извѣстна была дорога, храброго и почтеннаго Гавайца *Макоа*. Это былъ человекъ стараго поколѣнія, носившій еще свой паліумъ, завязавъ его на груди, запоясавшись въ свой маро, похожій на Негришанское лангуши, закрывающій средину пѣла. Макоа былъ пестро папуированъ; на щекѣ и на лбу были у него красивые рисунки; голова его была выбрита, за исключеніемъ верхушки и запылка, гдѣ волосы поднимались пукомъ, или падали кудрями. Прибавыше къ этому щегольству шуалеша, видъ, кошорымъ не пренебрегъ-бы Одри—цвѣтъ бронзовый, носъ подняшой, рошъ ужасно широкій, лобъ высокій, глаза непримѣнно сѣуженные, и—вы будеше имѣть физическій очеркъ Макоа. Но за сердечныя качества, за доброту, за предупредительность, за ласковыя услуги, превосходный дикарь мой могъ-бы поспорить съ Европейцами. Право, я не находилъ человека лучше его, и это узналъ я по опыту. Макоа зналъ немножко по-Англійски, а я немножко по-Гавайски; этого было намъ достаточнo понимать другъ друга, почти вполнѣ. Такимъ образомъ, Макоа сдѣлался въ одно время моимъ полмачемъ, моимъ чичероне и моимъ кварширмейстеромъ, разбивая ночлеги по выбору подъ шапромъ небеснымъ. Его

забою , вскорѣ составилъ для меня значительный отрядъ народа, сколько для безопасности путешествія , столько и для переноса запасовъ и снарядовъ дорожныхъ. Вечеромъ , въ день моего приѣзда, все было уже готово.

ГЛАВА XLVIII.

ПУТЕШЕСТВИЕ КЪ ОГНЕДЫШАЩЕЙ ДОЛИНѢ КЕ- РАУ-ЕА.

Мы отправились на другой день, съ восхожденіемъ солнца. Небо было свѣшное, время прекрасное; вершины Муна-Кеа рисовались на небосклонѣ ясными, прозрачными чертами. Все обѣщало успѣхъ нашему путешествію.

Послѣ довольно продолжительнаго, но легкаго и пріятнаго перехода черезъ поля по долинѣ, мы оставили за собою купы кокосовъ, пандановъ, банановъ, и вошли въ алевришовый лѣсъ. На этомъ деревѣ, обыкновенномъ въ Гавайскихъ островахъ, распушъ плоды, изъ копорыхъ извлекается масло, способное для горѣнія, и изъ нихъ-же доспаюпъ красильное вещество, которое прежде употреблялось для шапуажа. Этотъ лѣсъ, перепутанный всюду ліанами и вьющимися распеніями, былъ проходимъ только по одной узкой дорожкѣ, гдѣ острые каменья лавы рѣзали нашу обувь. Здѣсь уже начинались слѣды волкана. Но за лѣсомъ при-

ближеніе къ нему было примѣшнѣе. Здѣсь лава являлась намъ сплошь черная и сплошная, что во многихъ мѣстахъ ноги скользили по ней, какъ по гладкому мрамору. Вездѣ сохранила она видъ и форму, въ кошорой совершилось ея превращеніе въ камень. Еще можно различить длинный и широкій пошокъ ея, по краямъ кошораго прозябають искривленные деревья. Одно изъ самыхъ обильныхъ здѣсь деревцовъ приносишь мѣлкія ягоды, величиной съ смородину, желшыя и красныя, невкусныя, но довольно прохладительныя. По краямъ дороги нѣшь жилищъ, но къ опушкѣ лѣса, шамъ и здѣсь, показывающіяся крыши домиковъ, замѣшныя по длиннымъ полоскамъ дыма.

Полдневный роздыхъ нашъ былъ подѣ красивымъ алеуришомъ; вечеромъ остановились мы въ хижинѣ, гдѣ укрывающіяся шужемцы, когда случается имъ переходить черезъ эту дикую спорону. Слѣдующій день, идя съ самаго разсвѣша, часовъ въ восемь ушра замѣшили мы первый дымъ волкана. Чѣмъ болѣе приближались мы, шѣмъ гуще и ошличшительнѣе онъ спановился. Вскорѣ, неожиданный перегибъ земли показалъ намъ приближеніе къ огнедышащимъ ошверсіямъ. Крушояръ, фушовъ полпораспа, покрышый деревьями и кустарниками, свелъ насъ по покашосши пика въ долину, величиною въ полъ-мили, кошорая примыкалась къ другой долиной, фушовъ на 200 глубины. Эти оба углубленія, обрѣзанныя прямыми спѣнами, окружены каждое окраиною, полукруглою, и широкою на полъ-мили. Во внутреннемъ проспранспвѣ вшора-

го изъ нихъ раскрывается бездна, изрыгающая пары, перемѣшанные съ огнемъ, по свѣтлыя, по мрачныя, при непрерывномъ и грозномъ перекашѣ грома подземнаго.

Никакое зрѣлище въ мірѣ не можешь дать объ этомъ понятія. Вообразише обширную плоскость, около 1300 фузовъ глубины, и семь, или восемь миль окружностью, покрывшую шестидесятью коническими холмами, съ жерлами, одни попухшіе, другіе еще дѣйствующіе; представьше себѣ тысячу разнообразнейшаго этого пространства, подъ которымъ горитъ подземная печь, эти гребни изъ сѣры и лавы, эти глубокія щели, кажушіяся безднами, этотъ волнистый видъ движимаго пространства, и вы будете имѣть далеко неполное понятіе о картинѣ, открывшейся передъ моими глазами—важной, печальной картинѣ, оставшейся навсегда въ моей памяти, какъ великое свидѣтельство огромныхъ перевороговъ земли! Не безъ причины Гавайцы не почитали ни одного бога своего въ такой степени, въ какой почитали они свою богиню Пеле, владычицу огнедышащихъ горъ. Пеле одолжены были своимъ рожденіемъ острову Гавайскіе, Пеле обязаны преобразованиемъ земель своихъ, Пеле и донынѣ грозитъ ежедневно измѣнить видъ ихъ—могущій дѣятель созданія и разрушенія, болѣе грозный зломъ, нежели замѣтный благомъ!

Совершенно отличный отъ всего донынѣ извѣстнаго, вулканъ *Кирау-Еа*, вмѣсто конуса горы, болѣе или менѣе ошдѣльнаго, и кончающагося на вер-

шинѣ жерломъ , или краперомъ , представляешь углубленіе въ землю, подлѣ подошвы Муна-Роа. Къ нему доспигаешь, не переходя съ одной вершины горы на другую, но, напрошивъ, нисходя по двумъ обширнымъ шеррасамъ. Видѣшь эшоуъ вулканъ нельзя, даже на полъ-мили оуъ него разстояніемъ, и эшо придаетъ много силы впечатлѣнію , какое онъ производишь. Безъ сомнѣнія , эшо вулканическое пространство было нѣкогда высокою горою , но вершины ея пожрали сами себя , и понемногу опустились во внутреннія пустыши. Двѣ высокія плоскости, по копорымъ мы нисходили въ долину, подтверждаютъ такую геологическую гипотезу, и показываютъ два, слѣдовавшія одно за другимъ, преобразованія вулкана. Такъ образовалась половина глубины нынѣшняго крапера , что свидѣтельствуешь окраина лавы , въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шириною въ нѣсколько фузовъ, но въ другихъ , и наиболѣе, на нѣсколько шуазовъ. Она уподобляется набережной , окружающее эшо земное море , ходишь на галерею , съ копорой безопасно можно разсматривать дно вулкана. Форма эшой окраины показываетъ, что расплеченная лава, занимающая нынѣ шолько глубъ долины , восходила нѣкогда до эшой огородки. Сливъ лавы подземнымъ путемъ сбавилъ высоту ея на нѣсколько сотъ фузовъ , и довершилъ нынѣшній усеѣдъ ея. Вершины и бока двухъ, или шрехъ краперовъ покрыты разноцвѣтною сѣрою , желшою и зеленою. Все ошальное, по бокамъ и въ глубинѣ , черно и темно. Съ сѣверной и западной сторонъ верхніе

края опвѣсны , покраснѣлы и перегорѣли въ огнѣ. Къ восточной сторонѣ бока менѣе крупы , и по-
крышы сѣрою прекраснаго желшаго цвѣта. Южная
сторона совсѣмъ закопѣла отъ дыма, всю ее по-
крывающаго.

Отъ общаго взгляда на вулканъ , я хотѣлъ пе-
рейдши къ обозрѣнію подробностей. Мы спусти-
лись въ самую падь. Первые чешыресна шаговъ на-
добно было идти съ большою оспорожноспью. Крушой спускъ былъ обспавленъ не швердыми на
своемъ основаніи каменьями, при малѣйшемъ толч-
кѣ гошовыми полешѣтъ внизъ. Перешедъ эшу не-
удобную полосу , легче уже было пробирашьяся по
крѣпкой плошной лавѣ , образовывавшей собою по-
кашосшь , некрушо наклоненную , до окраины , о
кошорой я уже упоминалъ прежде. Въ такомъ опас-
номъ переходѣ , безпресшанно ошущивалъ я впередъ
землю длинною палкою. Это было необходимо, по-
тому, что окраина , составленная изъ окалинъ и
превращившейся въ пыль лавы, была устѣяна шреши-
нами , изъ кошорыхъ выходили дымъ и горячіе
пары. Вся сія, чернаго , блестящаго цвѣта поверх-
носшь сохраняла еще видъ жидкой лавы , и была
еще шакъ хрупка , что ломалась подъ ногами на-
шими, будшо шшекло. Подъ эшою коркою, едва-ли
на нѣсколько дюймовъ шолщиною , гудѣли подзем-
ный громъ и гулъ внутренняго горѣнія, и въ нѣко-
шорыхъ мѣсшахъ, когда мы усиленно упирались на-
шими палками , опкрывались бездонныя дыры. Мы
шли по безднѣ. Въ иныхъ мѣсшахъ опшрывались да-
же куски окраины, и съ шумомъ кашились въ про-

паспѣ. Эша мосиновая изъ пепла и огарковъ мало по малу будешь пожрана, и развалишся, какъ утѣшь, подмытый въ основаніи.

Съ восточной стороны волкана, сплошь устѣянной сѣрою, мы перешли къ западной сѣтѣнѣ его. По мѣрѣ приближенія сюда, мы находили болѣе обрыва, шакъ, что наконецъ достигли опѣвѣсной сѣтѣны въ 700, или 800 фузовъ вышиною. Пиками высились надъ нашими головами глыбы утѣсовъ, копорыя, при малѣйшемъ вѣтрѣ, при малѣйшемъ колебаніи, могли опвалишся и задавиш насъ. Въ различныхъ мѣстахъ, бѣлованные пары испоргались изъ боковъ и вершины крашера, между шѣмъ, какъ пошוקи глинистой лавы казались пушъ водопадами, недавно огустѣвшими.

На разстояніи почти двухъ миль отъ той почки, гдѣ мы спустились на окраину, къ западной сторонѣ нашли мы шакое мѣсто, гдѣ, расширяясь на нѣсколько сотенъ фузовъ, она пересѣкаетъ бышъ опѣвѣсною сѣтѣною. Эшо измѣненіе поверхносни, кажешся, произошло отъ большаго обвала, и груды каменьевъ лавы здѣсь шакъ расположены, что при помощи ихъ можно сойдти пушъ въ самую глубь. Мы опважились на эшо по дорожкѣ, идущей зигзакомъ, и черезъ 20-шъ минушъ, я споялъ уже у самаго нисшаго дна вулканическаго. Надобно было идти здѣсь, по зыбкой основѣ изъ пепла и лавы, и—признаюсь—я поколебался. Макоа, слѣдовавшій за мною въ моей опасной прогулкѣ, пособилъ мнѣ, видя, что я боюсь спушиться на эшу землю, сегоднѣ швердую, завтра готовую закипѣть. «Я пойду

передъ вами—говорилъ мнѣ добрый Гаваецъ — не бойшесь. Пеле теперь не сердита. Гавайцы ничѣмъ ее не разгнѣвали. Идише вмѣстѣ со мною. Европейцы ходили уже здѣсь, по дну Кирау-Еа. Миссіонеры ходили, Байронъ ходилъ, и многіе другіе. Тупъ опасайся нѣчего!» Макоа говорилъ съ такою увѣренностію, что она ободрила меня. Онъ упоминалъ объ именахъ Европейцевъ, Англичанъ, испугавшихся приближенія къ самой безднѣ огня и гибели. Я пошелъ за нимъ, но, должно признаться, что когда находился я на днѣ этой ужасной воронки, видѣлъ небо только въ округлое жерло ея, со всѣхъ сторонъ обсавленное, черными, зубчатыми, базальтовыми стѣнами — неописанное чувство ужаса, невыразимое стѣсненіе груди, благоговѣйный ужасъ передъ этою природою въ спрашныхъ судорогахъ, невольно испытывалъ я, и охотно желалъ-бы быть далѣе отъ этого царства смерти.

Лучшее сравненіе, какое можно пріискать внутреннему виду крашера, будетъ уподобленіе его озеру, тающему при внезапной оттепели, когда глыбы льда сшибаются, ломаются, сгруживаясь спраннымъ и безпорядочнымъ образомъ. Только одного будетъ здѣсь недоставать—горящихъ, сѣрныхъ паровъ, всюду вырывающихся черезъ тысячъ отверстій.

Мы спутили неболѣе сорока шаговъ по дну крашера, какъ передъ нами раскрылась прещина, футовъ 30-ти шириною. Не смѣя приблизиться къ ней, изъ опасенія обвалишься, мы обошли по од-

ной ея окончности, среди вихря вонючихъ, убійственныхъ паровъ. По другой дорожкѣ, болѣе твердой, но составленной изъ такой горячей лавы, что рука не могла вытерпѣть жара, мы подошли къ одному изъ коническихъ краперовъ, или холмовъ, бывшему въ полномъ дѣйствіи. Высокій на 150 фузовъ, онъ образовывалъ неправильную грудку лавы, изрѣшенную дырами, преснувшую во всѣхъ направленіяхъ глубокими щелями, и униженную огнеизвергающими опверспіями, изъ копорыхъ, съ ужаснымъ шумомъ, вырывались пепель, пламя, каменья и лава. Последняя текла быспрыми пошопками, и заспывала при подошвѣ конуса. Я хопѣлъ кончить эшопъ день моей прогулки безразсудною смѣлостію, перейдши черезъ окраину, движимую подземнымъ горномъ, но на сей разъ, Макоа оспановилъ меня. Дѣйствительно, земля была горяча здѣсь до несперпимости, а добрый проводникъ мой и его шоварищи были всѣ босые. Я могъ еще идти здѣсь, въ моей полуизорванной обуви, но заспавишь ихъ сопущивовать мнѣ было-бы жестоко и невозможно. Мы поворошили назадъ.

На ночь, шапры наши были распавлены на плоскости, возвышенной надъ краперомъ, и ночные мраки, начиная сгущаться, опкрывали намъ наиболѣе великолѣпіе зрѣлища. Глубокая прещина, около копорой шли мы, одѣлась бѣловашымъ, сплошнымъ шуманомъ. Огни жерлъ, копорыхъ нельзя было различать при дневномъ свѣтѣ, опкрывались мало по малу, одинъ послѣ другаго, какъ при наступленіи ночи зажигающіяся огни надъ проспран-

снвомъ большого города. Подлѣ насъ маленькіе крашеры продолжали свои огнисныя изверженія лавы и пепла, а вершины большихъ крашеровъ, вдали, являли намъ всѣ волшебныя измѣненія фейерверочныхъ огней. Эши попоки огня, иные шихіе, сплошные, другіе скачущіе водопадомъ, эша непрерывная дѣятельность обширныхъ подземныхъ горновъ, подѣ шапромъ неба, звѣздами усяяннаго, среди ясной ночи, въ мертвомъ безмолвіи природы—сколько поэзіи во всей этой сценѣ, сколько предметовъ для думы ученаго!

Мы расположились на краю бездны, и шакъ близко къ ней, что проведши ночь казалось здѣсь небезопасно. Мѣсто между шѣмъ было, и ошодвинувъ шапры наши на нѣсколько фушовъ, мы очутились-бы на землѣ болѣе надежной. Раздѣляя съ Макоа нашъ умѣренный ужинъ, я спрашивалъ его о причинѣ такого распоряженія, довольно страннаго. «Нельзя—ошвѣчалъ онъ—все оспальное мѣсто соснавляетъ шабу, и принадлежишь богинѣ Пеле. Она накажеть насъ, если мы шамъ заснемъ. Десянь фушовъ на краю бездны—вошъ все, что усшупаешь Пеле своимъ гостямъ, и шупъ они безопасны, пошому, что не нарушають шабу.» И это говорилъ мнѣ крещеный Гаваецъ. Пеле своей, богини волкана, боялся эшошъ поборникъ новой вѣры, весьма ревностный хрисіанинъ. Такова сила предразсудковъ. Вмѣсто того, чтобы лечъ спашъ, я началъ спрашивать Макоа о Пеле, ея принадлежностяхъ, и поклоненіи, какое ей воздавали. Макоа имѣлъ всю возможность ошвѣчать мнѣ. До своего

обращенія , онъ былъ жрецомъ Пеле. Богиня эша была ему хорошо знакома. Я внималъ ему въ виду дѣятельнаго жертвенника сей великой разрушительницы, дыша сѣрнымъ воздухомъ ея храма, прицѣпясь надъ бездною—бѣдная жертва, при каждомъ неоспорожномъ движеніи !

Волканъ Кирау-Еа, слѣдуя рассказамъ туземцевъ, есть любимое мѣстопребываніе Пеле, и другихъ власпишелей огнедышащихъ горъ. Различные крашеры сушь дворцы, въ кошорыхъ забавляются они игрою въ *конане*, плясками при ревѣ своихъ подземельевъ, и плаваніемъ въ кипящей, жидкой лавѣ. Иногда, въ формахъ извивистыхъ огней, Гавайцы мечтають видѣшь самую Пеле, и ея огненныхъ товарищей.

Туземное преданіе рассказываетъ, что Кирау-Еа горитъ со временъ великой ночи, или хаоса. Оно опредѣляетъ также послѣдовательныя состоянія волкана. Сначала, говорящъ Гавайцы, весь островъ соспавлялъ одинъ волканъ. Потомъ сосредоточился онъ подъ долинами внутренними, расширяя непрерывно объемъ и глубину. Ошъ времени до времени, изъ него вылетали горящіе каменья, съ молніями и громомъ. Но эши признаки гнѣва богини прекрашились въ царствованіе Ке-Уа. Съ шѣхъ поръ волканъ замолчалъ. Но какъ лава, явно заспывшая въ недавнемъ времени, показывавшися иногда въ бока острова, туземцы говорящъ, что это Пеле ищетъ подземныхъ пушей, желая прогуляться изъ своего дворца къ морю.

Кажется, что родъ боговъ волкана не проспирался далѣе эпохи *Таи-Акагинаріи*, то есть, моря Акагинаріи, или попопа Гавайскаго. Говорятъ еще, что родъ этихъ боговъ прибылъ изъ Таиши, отдаленной земли. Его соснавлили: *Камо-го-аріи* (царь паровъ), *Та-пога-и-таги-ора* (изверженіе въ мѣсяцѣ жизни), *Те-уа-те-по* (ночной дождь), *Тане-гетири* (мужескій громъ), *Те-о-аги-тама-тава* (сынъ войны, изрыгающій огонь). Всѣ они были братья, и двое изъ нихъ безобразны и горбаты, какъ Греческій Вулканъ. Сестры были: *Пеле*, старшая и главная; *Мокоре-ваваги-ваа* (съ блестящими глазами, сокрушительница лодокъ); *Гіата-ваваги-лани* (раздирающая облака и схватывающая тучи); *Гіатаного-лани* (облапательница небесъ и схватывающая тучи). Далѣе, съ общимъ родовымъ прозваніемъ: *гіата* (схватывающая тучи), слѣдовали: *Таарава-мата* (съ безпрестанно движимыми глазами), *Гонте-пори-а-Пеле* (лобзающая грудь Пеле), *Та-бу-ена-ена* (горящая гора), *Тереіа* (увѣнчанная гирляндами) и наконецъ *Опіо* (юная).

Это многочисленное семейство духовъ поселилось на Гаваи, и утвердилось въ Кирау-Еа. Иногда впрочемъ оно прогуливалось по всему острову, и особенно любило посѣщать смежныя вершины горъ. Прибытіе его въ каждое мѣсто предшествовалось громами, молніями и землетрясеніемъ. Жрецы обыкновенно предвѣщали его въ храмахъ. Надобно было укрощать жертвами такихъ мѣсящихъ гостей, и Пеле, посланница гнѣва ихъ, въ видѣ лавы, пожирала иногда до 400 свиней въ

одинъ разъ. Иногда приносили ей живыхъ свиней, иногда вареныхъ; жернвы сіи бросали въ жерла волкана, когда они грозили изверженіемъ, въ лаву, когда она уже шекла по полямъ. Весь островъ былъ такимъ образомъ данникомъ богини огнедышащихъ горъ, содержалъ ея *гейау* (храмы) и пропитывалъ ея *кагу* (жрецовъ). Это было обожаніе ужаса, походившее на мифологическія понятія Древнихъ о Плутонѣ и Гекашѣ. Чуть замѣчалось какое нибудь небреженіе, по слову *кагу*, Кирау-Еа кипѣла лавою, и извергала свои огненные рѣки на виновныхъ.

Въ разныя времена старались изгнать изъ Гаванъ эти ужасныя божества. Однажды, чуть было не укрошило ихъ *Тама-Пуаа*, исполинское чудовище, родъ миношавра, половина человѣкъ, половина свинья. Оно пришло съ *Оагу*, посягнуло Кирау-Еа, и предложило себя Пеле въ любовники и мужа. Богиня вышла на край волкана, но вмѣсто того, чтобы принять предложеніе, начала объясняться съ величайшимъ презрѣніемъ, назвала госня своего свиньею и свинымъ сыномъ. Тутъ началась ужасная драка между оскорбленнымъ красавцемъ и разборчивою невѣстою. Пеле сначала была побѣждена, принуждена убѣжать въ свое подземелье, и *Тама-Пуаа*, призвавши на помощь море, зашатило и пошушило ее. Но тогда собрались все огненные боги, соединили оспальные огни, выпили воду, и когда ихъ почтили уже совсѣмъ побѣжденными, они въ гнѣвѣ испорглись изъ бездны своей, гнали

Тама-Пуаа до береговъ моря, забросали его ушесами и ушопили.

Иногда спрашная Пеле была гораздо сговорчивѣе. Такъ оказала она важную услугу Тамеа-Меа, за его примѣрное благочесіе, и наказала врага его Ке-Уа, безъ сомнѣнія, нарушившаго какое нибудь табу. Онъ дерзнулъ посшавищъ шаборъ свой подлѣ жилища богини, и она воспользовалась такимъ удобнымъ случаемъ. Едва зашло солнце, спрашное землетрясеніе поколебало окрестности; ужасные столпы дыма, освѣщаемые блескомъ молній, взлещли къ небу; среди неизобразимаго грома и шума, громадные ушесы, послѣдуемые сильнымъ каменнымъ градомъ, ринулись изъ бездны. Воины Ке-Уа, посшавленные подѣ убійсшвеннымъ градомъ эшихъ подземныхъ обломковъ, были большею часшію убишны, а шѣ, кшо осшалеся, погибли подѣ пошоками захвашившей ихъ лавы. Восемдесятъ храбрѣйшихъ солдатъ Ке-Уа осшались на мѣшѣ. Не зная спраха, эшомъ полководецъ продолжалъ бшшвы, но Пеле явно была на споронѣ Тамеа-Меа, и эшо уже много значило.

Говоря съ Макоа, внимашельно смощрѣлъ я на вулканъ, и убѣждался, что его величешшвенная дѣлшпельность, его неусыпающая сила, всѣ грозныя явленія его, могли сдѣлашся предметомъ благоговѣнія въ спранѣ опустошаемой имъ, въ глазахъ народа, шрепещущаго передѣ нимъ. Эшомъ огненный кошель, съ его плюмажемъ свѣшлага дыма, даже и въ меня вперилъ какой-шо суевѣрный ужасъ, когда я замѣшилъ въ немъ явные признаки необык-

новеннаго движенія. Опъ глухаго гула задрожала земля подъ нашими ногами. Будто угроза, эшошь гулъ перекашывался нѣсколько минушь, и спрашное сошрясеніе вдругъ всколебало весь объемъ волкана, шакъ сильно, что наши спущники, крѣпко спавшіе, мгновенно проснулись. Макоа вскочилъ, прощянулъ руки и вскричалъ: « Пеле являешся! » Едва сказалъ онъ эшо, безмѣрный столпъ дыма поднялся изъ бездны. Землешрясеніе прекрашилось, но одинъ изъ крашеровъ, около кошораго мы еще ушромъ ходили, выкинулъ сполпъ блестящаго пламени, изрыгнулъ раскаленные каменья и пепель, почши до насъ долетѣвшія, и пошомъ, на прежніе слои по бокамъ его, полились два ручья горящей лавы, змѣившіеся до самой его подошвы. Я не могъ опшвести глазъ опъ волшебнаго дѣйствія эшого зрѣлища, когда на шокѣ болѣе опдаленной опкрылось пламенное озеро, по крайней мѣрѣ, мили на двѣ окружношью. Огненные волны его ки-нѣли, будто валы морскіе, и опъ сшибки ихъ огненныхъ спруй раждались пламенные брызги, до-стигавшія 50-ши фушовъ вышины. Въ восшоргѣ былъ я передъ эшими чудесами, съ любопышнымъ ужасомъ слѣдилъ я за эшою игрою спихій, эшою природою, непрерывно ищущею уравненія силъ. Эшо было ужасно и прелесшно, величешвенно и спрашно. Рѣчь недостапочно для выраженія подобныхъ явленій—искусшву не изобразишь ихъ—у него недостанешъ силъ и средствъ.

Безмолвный опъ удивленія, я провелъ всю ночь въ раземашриваніи сей чудной картины. Ушромъ,

ушомленный и бдѣніемъ, блескомъ, ослѣплявшимъ глаза, я пустился однакожь въ дорогу, сопутствуя моему неушомимому провожатому. Въ милѣ отъ шого мѣста, гдѣ мы ночевали, Макоа остановился отдохнушь, подлѣ двухъ небольшихъ водоемовъ прѣсной воды, шѣмъ болѣе замѣчательныхъ, что въ двухъ, или шрехъ шуазахъ отъ нихъ разстояніемъ, видны щели въ землѣ, откуда вылетаютъ горящія пары. Но эти самые пары, сжимаясь холоднымъ воздухомъ горнымъ, падаютъ влагою и образуютъ оба водоема, передвоенной въ кубѣ природы жидкости.

Отсюда перешли мы къ восточной сторонѣ крашера, который Байронъ опредѣляетъ въ шрипысячи фушовъ вышиною надъ уровнемъ моря. Тутъ слѣдовали мы по узкой пропикѣ, и я набралъ нѣсколько кусочковъ лавы, почти ошпеклѣвшей, ломкой и блестящей, шемновашаго и красновашаго цвѣша. Множесшво лавы замѣшилъ я еще шупъ, вышианушой длинными нишами, что шуземцы называютъ *Ray ogo o Пеле* (волосы Пеле). Эти волосы, цвѣша шемно-оливковаго, полупрозрачные и весьма ломкіе, бываютъ иногда нѣсколькихъ вершковъ въ длину, и попадаются даже миляхъ въ семи отъ главнаго крашера.

Долго надобно-бъ было описывать всѣ видѣнные нами маленькіе волканическіе холмики, шпороспенные крашеры, величины и вида различныхъ. Вниманіе мое увлекли особенно каналы, по которымъ лава спешкала въ большой крашеръ. Засыпавшая кор-

ка облекла ихъ сверху и съ боковъ, между шѣмъ, какъ внутри ихъ не прерывалось печеніе. Нѣкошорые изъ нихъ были до 10-ти и 12-ти фушовъ въ вышину, и столько-же шириною. Засываніе совершалось правильно, и внутренній сводъ образовывалъ дугу, съ кошорой висѣли лавинныя сосульки, во всѣхъ возможныхъ образахъ, между шѣмъ, какъ дно уподоблялось длинному стеклянному ручью. Изгибы печенія и морщины на поверхности его сохранялись такъ хорошо, что можно-бы почесать эту поверхность еще движущеюся, еще текущею, или, по крайней мѣрѣ, схваченною мгновеннымъ холодомъ въ ту минушу, когда она была располена. Желая обзрѣть смычку этихъ прошекъ, я слѣдовалъ по одному изъ нихъ до самаго края главнаго волкана, куда, гдѣ лава должна была скашиваться. Она образовала въ этомъ мѣстѣ обширный бассейнъ, и спекая съ вышины спа фушовъ, придавала паденію своему самыя изломанныя, самыя спранныя, самыя смѣшенныя, какія только можешь вообразишь, формы. Тутъ разбросаны еще были глыбы базальта, чрезвычайно огромныя, и, вѣрояшно, принадлежащія къ древнѣйшимъ изверженіямъ, ибо ихъ невозможно объяснить нынѣшнимъ состояніемъ волкана и его окрестностей.

Далѣе видѣлъ я краперъ, называемый туземцами *Кирау-Еа-ити* (малая Кирау-Еа). Перешекъ, фушовъ 50-ти шириною, отдѣляетъ его отъ большаго крапера. Бока не столь изрытые и заросшіе кусшарникомъ показываютъ, что этотъ краперъ умолкъ съ давняго времени. Неподалеку развалины

стариннаго гейау, называемаго *Оара-рауо*, и нѣкогда посвященнаго Пеле. *Камака-аке-акуа* (божій глазъ), знамениый предсказатель, жившій во времена *Тамеа-Меа*, много лѣтъ былъ здѣсь жрецомъ. Алшари здѣшніе обременялись приношеніями со всѣхъ краевъ острова; сюда приносили собакъ, свиней, фрукты, рыбу. Все это жарилось на огненныхъ *фумароляхъ*, вырывающихся изъ вулканическихъ щелинъ. Приготовленные на всякомъ другомъ огнѣ, эти приношенія считались оскверненіемъ храма. Вся почва этой долины такъ горяча, что островитяне, приходящіе сюда рубить въ горахъ лѣсъ на свои хижины и лодки, жарятъ себѣ пищу, говядину, рыбу, овощи, завернувши ихъ въ листья папоротника, и закапывая пошомъ въ землю на нѣсколько часовъ.

Пробираясь по сей вулканической области, мы достигли наконецъ острой вершины, надъ нею находящейся, откуда открывается море. Величественная громада *Муна-Роа*, увѣнчанная вѣчными снѣгами, распростиралась въ направленіи къ ю. з., и въ зрительную трубу легко было разсмотрѣть на ней вулканическіе изломы, пошухшіе крашеры, засыхшіе ручьи лавы. Низъ горы облекалъ поясъ лѣсовъ, возвышаясь по ней на 6-ть, или на 7-мь миль.

Здѣсь спросились мы окончательно съ *Кирау-Еа*, и направились къ области *Кау*, самой южной на Гавай, гдѣ находится вулканъ *Пуна-Гогоа*. Дорога была усыяна крашерами и засыхшими шеченіями, въ коихъ лава, изломанная и скользкая,

почти вездѣ походила на заспывшія озера. Вечеромъ, просторная пещера въ Кеа-Пуна, области дикой и пусынной, была намъ убѣжищемъ. Такихъ пещеръ множество въ окрестности, и онѣ, какъ вся внутренняя земля Гаваи, принадлежатъ къ вулканическимъ слѣдствіямъ; лава образовала ихъ, заспывая. Мы разлеглись въ нашей базальтовой гостинницѣ, проспиравшейся фушовъ на 50-шъ, и укрытый здѣсь отъ грохотанія вулкановъ, я могъ наградить себя за бессонницу предшествовавшей ночи.

По мѣрѣ приближенія нашего къ *Капа-Пала*, почва спановилась плодороднѣе, земля населеннѣе. Въ нѣкоторыхъ пещерахъ видѣли мы шупцевъ, живущихъ шупъ и заняшихъ шканьемъ. Состояніе ихъ было бѣдно, но они казались довольны своимъ жребіемъ. Недостатокъ воды въ этой горѣлой сторонѣ заставлялъ жителей прибѣгать къ остроумной выдумкѣ для добычи ея. Они связываютъ концы длинныхъ, желобковатыхъ лиспьевъ пандана, и наклоняющъ ихъ къ землѣ, подставляя свои кувшины и калібассы. Такимъ образомъ не пропадаютъ для нихъ ни росы, ни дожди.

Влѣво отъ этой дороги находится вулканъ *Пуна-Гогоа*, менѣе славный, менѣе важный, нежели *Кирау-Еа*, но столь-же любопытный. Приближеніе къ нему обозначается образами и движеніями земной поверхности, свойственными жерлу вулкановъ. За опушкою полей съ шаро, мы увидѣли краперы и прещины, изрыгающіе дымъ. Потомъ внезапно, и

почти подъ ногами нашими, увидѣли мы впадину, около 500 шаговъ въ поперечникѣ, осѣдъ древней лавы, на 50 футовъ ниже первоначальнаго ея слоя. Туть находящіяся главныя разсѣдины, изъ которыхъ особенно двѣ испускають дымъ, съ чрезвычайною силою, показывающею дѣйствию своимъ ужасную работу подземную. Щели эти раздвигаются далеко, и походящъ на циркумвалляціонныя рвы. Сжашия въ иныхъ мѣстахъ, до того, что черезъ нихъ легко перешагнете, онѣ раздвигаются въ другихъ на 15-ть и 20-ть футовъ. Тамъ, гдѣ онѣ шире, дымъ валищъ гуще и сильнѣе. Земля подлѣ щели такъ горяча, что не смолля на мою обувь, я не могъ оспаться долѣе минушы на одномъ мѣстѣ. Два, или три раза могли мы заглянуть на дно, составленное изъ скашившихся шуда каменьевъ. Слѣды недавнихъ изверженій можно было замѣнить по печеніямъ лавы, едва полусахившимъ. Общность всего волкана показывается, кажется, болѣе юность, нежели дряхлость его. Можешъ бышь ошъ Керау-Еа ешъ здѣсь подземный ходъ, и когда шощъ шарый волканъ, заваленный громадами, имъ извергаемыми, не въ состояніи уже будешъ ворочашъ коры ихъ, онъ хлынешъ сюда, въ Пуна-Гогоа, и здѣсь, поюнѣвшій и поновленный, онъ ошашъ явишся побѣдешелемъ и опущешешелемъ.

Одинъ изъ жителей Капа-Пала, встрѣченный нами около волкана, рассказывалъ намъ, что двѣ главныя щели раскрылись здѣсь за семь, или за восемь неболѣе лѣтъ. Земля лопнула почти

безъ шума, и останавливалась часа съ два разверзною и безмолвною. Пошомъ легкое землетрясеніе поколебало Капа-Пала, и почва осѣла, образовавъ видимое шеперь углубленіе. Часто видяшъ здѣсь изверженіе пламени, и лаву, кошорая жжешъ и уничтожаешъ кустарники и деревья на ихъ корняхъ.

Отъ волкана Пуна-Гогоа, мы опсправились въ Капа-Пала, идя черезъ плоскость не споль безплодную и лучше обрабошанную. *Капа-Пала* небольшое, промышленное селеніе, производящее большой торгъ шканями, извѣспными на Гаваяхъ подъ именемъ *мамаки*. Ткани эши уважающся за шонкость и прочность. Съ шѣхъ поръ, какъ съ низкихъ земель перешли мы въ эши возвышенныя области, холодъ сдѣлался довольно рѣзкимъ, и нерѣдко мы едва согрѣвались по вечерамъ передъ огнемъ большихъ коспровъ.

На слѣдующій день, взяли мы дорогу къ приморью, успокоивая наше зрѣніе, ушомленное ужасами волканическими и мѣсами пустынь, на долинахъ, гдѣ видны слѣды шруда человѣческаго и жилища людскія. Въ полдень останавливались мы въ Каара-Ра, а вечеромъ въ Мака-Ака, селеніи изъ чешырехъ, или пяши домиковъ, обитаемыхъ бѣдными, но гостепріимными семейспвами.

Тушъ покашосшъ дороги, нисходящей къ морю, сдѣлалась круче, и въ нѣсколько часовъ перешли мы восемь, или десяшъ миль, опдѣляющихъ прибрежное селеніе отъ Пуна-Руу. Въ шомъ-же день прошли мы до Гилеа, черезъ селеніе *Короа*, извѣ-

стны пѣмъ, чпо здѣсь собирались лучшіе каменья для употребленія въ биввахъ, и черезъ *Ниноле*, небольшую деревушку, гдѣ камни, по преданіямъ нуземцевъ, были одарены способностью производить себѣ подобныхъ, и въ случаѣ нужды, могли быть обожаемы.

Недалеко отъ Гилеа, проводникъ мой, опытный въ исторіи мѣстности, указалъ мнѣ на небольшую гору, напоминающую о событіи новѣйшей исторіи Гавайской. Здѣсь Ке-уа, о копоромъ мы уже упоминали, съ копорымъ сама Пеле не поснавила за безчесніе сражаться, эпомъ послѣдній и опважнѣйшій соперникъ Тамеа-Меа, опдался побѣдителемъ, послѣ двухъ сраженій сряду. Вошъ чпо говорлъ мнѣ Макоа объ эпомъ вошелѣ.

Ке-Уа былъ младшій братъ Кау-ике-ули, старшаго сына и наслѣдника Тараи-Опу. Послѣ биввы Кеайской, гдѣ былъ убитъ братъ его, онъ бѣжалъ въ округъ Гиро, принявшій его спорону. Съ эшимъ согласились Пуна и часть Кау, пошому, чпо Ке-Уа былъ прямой наслѣдникъ отъ Тараи-Опу. Такъ прошло много лѣтъ. Ке-Уа царствовалъ въ своихъ владѣніяхъ, и Тамеа-Меа, казалось, не думалъ его тревожить, пока самъ Ке-Уа не началъ войны. Небольшихъ набѣговъ показалось ему мало, и въ 1789 году, со всѣми своими силами, двинулся онъ противъ великаго вождя Гавайскаго. На пути сполалъ онъ таборомъ по близости волкановъ, и Пеле, какъ мы уже видѣли, погубила часть его войска. Такое несчастное предвѣщаніе не испугало смѣ-

Ч. V.

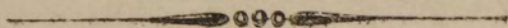
лаго Ке-Уа; онъ пошелъ на Таи-Рипіи, самую южную точку острова. Но тамъ были собраны опборныя войска, подъ начальствомъ Таи-Ана, и первая встрѣча была гибельна нападавшимъ. Разспроенный, преслѣдуемый, разбишый впорично въ Пуако-Коки, Ке-Уа принужденъ былъ, почти одинъ, бѣжать и укрываться. Долго влачилъ онъ бѣдную, кочевую жизнь въ пуспынныхъ обласяхъ. Доведенный наконецъ до крайности, съ малымъ числомъ приверженцевъ, видя съ собою только брата и нѣсколько друзей, онъ опсправилъ посланника къ Таи-Ана, предлагая ему опдасться со всѣми друзьями въ руки Тамеа-Меа, жившаго въ то время въ То-ваи-гаи. На это согласились, и съ малымъ опрядомъ своимъ, Ке-Уа прошелъ между войсками, съ которыми сражался. Во всѣхъ приспанищахъ по приморью встрѣчали его дружески, дарили свиньями и псканями, привѣщспвовали знаками пріязни, желаніями мира и прощенія. Многогаго надѣялись опъ милосердія Тамеа-Меа, и конечно, онъ вполне оказалъ-бы его сопернику, безъ свирѣпаго ожесточенія одного изъ чиновниковъ его Двора. Въ то мгновение, когда Ке-Уа въ лодкѣ своей подплывалъ къ берегу, самъ Тамеа-Меа сошелъ на приспань, окруженный своими офицерами, желавшими подобно ему милоспи и прощенія, и гошовыми защищающъ несчастнаго плѣнника прошивъ свирѣспсва нѣкошорыхъ опчаянныхъ враговъ его. Но вѣроломсшво было уже приготоовлено однимъ изъ эшихъ людей, сражавшимся съ спаршимъ братомъ Ке-Уа въ бившѣ Кеаиской. Видя Тамеа-Меа на

прислани, готового пропханушь руку дружества бывшему непріятелю, и взяшь его подъ свою защищу, одинъ воинъ, по имени *Кееау-Моку*, рѣшился не медлить. Онъ бросился въ море, вошелъ въ него по грудь, уцѣпился за подплывавшую лодку, вскочилъ въ нее сзади шого мѣста, гдѣ сидѣлъ *Ке-Уа*, и вонзилъ ему кинжалъ свой въ горло. Семеро товарищей несчастнаго князя пали за шѣмъ подъ ударами неумолимаго убійцы. Онъ оправдывался пошомъ, говоря, что пока живы были всѣ сіи бунтовщики, государство не могло надѣяться спокойствія.

Съ окончаніемъ разсказа мы прислали въ Гилеа, селеніи, сославлявшемъ собственноснъ моего сопушника на Гавайи и пріятеля, губернашора Куакини. Еще вчера былъ онъ здѣсь, дожидавшисъ насъ два дня, и оставивъ послѣ себя приказъ препроводитъ насъ къ нему въ Гону-Апу, находящееся нѣсколько миль ниже, на Ю. З. — Дорога отъ Гилеа до Гону-Апу замѣчательна только безпорядочными глыбами лавы, какими она завалена. Въ иныхъ мѣстахъ эти груды образуютъ крупизны, шоль спранныя и оплѣснныя, что помогая переходу черезъ нихъ, туземцы принуждены фушахъ въ шрехъ отъ одного до другаго мѣста, вславляхъ плоскіе каменья, и образуютъ родъ лѣстницъ. По этимъ ступенямъ всходятъ на вышины шуазовъ по десяти и болѣе.

Гону-Апу красивое, хорошо населенное, обильное и удобное мѣстечко. Куа-Кини ждалъ меня

здѣсь у спаршины, жилище котораго возвышалось на крайней оконечности пошока лавы, гдѣ находился заселеніе. Упомненный моимъ путешествіемъ черезъ область волкановъ, я хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, употребить въ пользу необходимый опытъ, дополняя недоспававшія еще мнѣ подробности объ округѣ Пуна. Съ каршою въ рукахъ спрашивалъ я Куа-кини, и вопль что могъ я извлечь и опмѣшивъ изъ его многословныхъ и обширныхъ разсказовъ.

ГЛАВА XLIX.

ОСТАЛЬНОЕ ПРЕБЫВАНІЕ НА ГАВАИ.

Границы округа Пуна сходятся съ границами Гиро, подлѣ значительнаго и обильнаго водою мѣстечка, называемаго *Каау*, принадлежащаго еще къ послѣднему изъ сихъ округовъ. Туть, въ 9-ти миляхъ на Ю. Ю. В. отъ Ваи-Акеа, входящъ въ округъ Пуна черезъ Гоно-Руру; потомъ, далѣе по округу, встрѣчаются Ваи-Ака-Геула, Кагу-Ваи, и наконецъ Кула, превосходное мѣстоположеніе подлѣ мыса *Капого*, восточнаго края острова Гавай.

Холмъ подлѣ Кула, называемый *Бу-о-Кагавари*, славился въ легендахъ шуземныхъ. Преданіе идетъ здѣсь о начальникѣ Пуна, могучемъ *Кагавари*, побѣдившемъ Пеле, и не боявшемся ея мщенія. Вошъ эша странная аллегорія:

Быль праздникъ, и народъ собрался на любимую игру свою, *горуа*. Эша игра походила на Русскія зимнія горы: въ *папа*, салазкахъ, сдѣланныхъ изъ двухъ гладкихъ, деревянныхъ обрубковъ, толщи-

ною въ два, или при дюйма, а длиною фузовъ ошъ 8-ми до 18-ми, скашивались по уклону холма. Къ переду, салазки эти суживались, такъ, что конецъ ихъ выходилъ къ верху оспрымъ угломъ. Но обрубки, замѣнявшіе здѣсь полозья, укрѣплялись одинъ къ другому поперечинами, такъ, что ошъ двухъ дюймовъ, ширина ихъ доходила до четырехъ и пяти къ задѣ. Небольшое мѣстечко устроивалось шунтъ для сѣдока, и съ каждой стороны ошъ салазокъ, на 5-шъ и на 6-шъ дюймовъ укрѣплялись двѣ толстыя палки, служившія вмѣсто перилъ. Одинъ изъ игравшихъ садился въ такія салазки, упирался лѣвою рукою въ боковое перило, ногами въ поперечную перекладину, и давши правою рукою сильный толчекъ салазкамъ, переносилъ ее на другое перило, кашился съ вышины холма, стараясь поддерживать себя въ равновѣсіи, почти на спа шухахъ покашосши, и перегоня въ шже время на па соперниковъ, пускавшихся въ одно съ нимъ время.

И вошъ, начальникъ Пуна, Кагавари (а было это въ правленіе царя Кеаріи-Кукіи), эшотъ начальникъ Пуна, и еще любимецъ его, играли однажды въ горуа, на холмѣ, сохранившемъ названіе *Ка горуа-ана-Кагавари* (скашъ Кагавари). Туземцы собрались у подошвы холма на зрѣлище, какъ на пиръ. Музыка и пляски предшествовали насшоящему предмету собранія. Начальникъ и другъ его хошѣли капишья въ своихъ папа. Вдругъ является Целе, ужасная Целе. Она сходитъ съ Кирау-Еа, сперва только поглядѣшь, а пошомъ пришло ей на мысль,

и она предложила посягаться съ нею. Предложеніе сдѣлано было Кагавари. Онъ принялъ его. Соперники покашились, но Пеле не привыкла управляясь папа, засѣла на скашѣ, и Кагавари былъ увѣнчанъ при восклицаніяхъ толпы. Предложѣ кашились въ другой разъ, Пеле пошребовала у начальника его салазокъ. Почишая пришелицу обыкновенною женщиною, Кагавари отвѣчалъ ей: «Развѣ ты жена моя, чшо просишь моихъ папа?» Пошомъ, разсерженный задержкою, онъ покашился и быспро слешѣлъ къ подошвѣ холма. Можете предсавивъ себѣ бѣшенство Пеле, когда она услышала такой презрительный отказъ! Тутъ вспомнила она о своемъ божествѣ, ударила ногою въ землю, на двое расколола холмъ, и по ея призыву брызнули изъ него лава и огонь. Кагавари, скашившись въ долину, обернулся къ холму, и увидѣлъ Пеле, копорая, въ сопровожденіи громовъ и молній, двигая передъ собою горящія рутьи лавы, кашилась съ вершины. Она была уже близко, нагоняла Кагавари. Безстрашный схватилъ свое широкое копье, вопкнутое въ землю, кликнулъ одного изъ друзей своихъ, и ударился бѣжать. Несполь проворные, плясуны, музыканшы, зрители— всѣ были погребены подъ палящею лавиною. Но Пеле мало было эшихъ жершвъ — начальника Пуна догоняла она, дерзкаго Кагавари, отказавшаго ссудить ей папа свои. И она преслѣдовала его опчаянно. Кагавари не успѣвалъ перевести духа при жестокой эшой гоньбѣ. Въ Буа-Кеа бросилъ онъ свой *тун-ран* (плащъ, сплешенный изъ лисшьева *ти*), и направилъ

ся къ своему дому, стоявшему на прибрежьи. При входѣ вспрѣшилъ онъ свою любимую свинью Арои-Пуаа, поздоровался съ нею носомъ, побѣжалъ къ машери своей, поздоровался съ нею такъ-же носомъ, какъ съ свиньею, и сказалъ поспѣшно: «Жалѣя васъ, прибѣжалъ я сюда—смерить у васъ на носу—Пеле идешь и съѣсть васъ!» Тупъ бросился онъ къ женѣ своей Канака-Вагине, поздоровался съ нею носомъ, и когда она сказала ему: «Останься—умремъ вмѣстѣ!»—Нѣтъ—онѣвѣчалъ Кагавари—я убѣгу!—Проспился онъ съ своими дѣтьми, Паупуру и Каоге, говоря имъ: «За васъ я въ опчаянїи»—и лава, капая по пятамъ у него, принудила его бѣжать поспѣшно. Онъ остановился только передъ широкою и глубокою разсѣлиною. Безъ своего копья, храбрецъ погибъ-бы, но онъ догадался, положилъ копье черезъ разсѣлину и перешелъ по копью. Другъ его сдѣлалъ тоже. Пеле прибѣжала, замѣшкалась, пока успѣла перескочить, а Кагавари былъ уже тогда на холмѣ Бу-о-Кагавари, увидѣлъ тамъ сестру свою Коае, успѣлъ только сказать ей: «Здравствуй,» и бросился къ морскому берегу. Тупъ видитъ онъ своего младшаго брата, который спускалъ рыбацью лодку на море, чтобы уплыть въ ней. Кагавари и товарищъ его прыгнули въ лодку, двинули ее по волнамъ. Пеле, разъяренная, прибѣжала на приморье, и видя, что добыча у нея убѣгаетъ, бросилась въ волны морскія, закипѣла, задымилась, заревѣла, сама себя кусала съ досады, и потомъ спала бросаясь въ убѣгавшихъ ужасные каменья. Но ни одинъ ка-

мень не попалъ въ лодку, а пачальникъ Пуна и другъ его давай между шѣмъ греспи, греспи, опплыли далеко, перехватили восточный вѣперъ, поставили посрединѣ своей ушлой лодочки широкое свое копье, служившее имъ въ то время мачшою и парусомъ, и такъ доплыли скоро до острова Мави, гдѣ остались ночевать. Отсюда переплывали они поспешенно къ Ранай и Моро-Каи, откуда доспигли Оагу, мѣста пребыванія сеспры и опца Кагавари, и онъ разсказалъ путь всѣ свои походы. Съ шѣхъ поръ остался онъ на островѣ Оагу, далеко отъ мѣщенія Пеле. Гавайцы до сихъ поръ показываютъ утесы и каменья, кошорыми бросала Пеле въ своего непріятеля.

Бу-о-Кагавари попухшій вулканъ, около 400 фушовъ вышиною, съ окраиною на одинъ бокъ, гдѣ шекла лава. Элись, посѣдившій здѣшнюю сторону въ 1823 году, думалъ, что даже вся эша плодотворная долина, при, или чешыре мили въ поперечникѣ, окруженная изломанными горами, въ нѣскольکو сошъ фушовъ вышиною, ни что другое, какъ вулканъ, съ давняго времени погасшій. Въ центрѣ его видно отдѣльное углубленіе, полмили въ поперечникѣ, и около 200 фушовъ глубиною; на днѣ небольшое озеро солоноватой воды, и здѣсь-шо, безъ сомнѣнія, было нѣкогда жерло. Теперь все эшо покрылось богатыми насажденіями. Преданіе сохранило еще шенную память о мѣстѣ, гдѣ совершались дѣйствія вулкана; озеро называется *Вак-а-Пеле* (вода Пеле), и туземцы разсказываютъ, что здѣсь было одно изъ шѣхъ мѣстъ, откуда

богня кидала каменя въ Кагавари. Впрочемъ, вся басня о начальникѣ Пуна легко изъясняется, если уже надобно въ ней искашь существеннаго событія. Это, несомнѣтельно, преданіе о волканическомъ изверженіи, происходившемъ въ обласяхъ упомянушаго начальника, и споль ужасномъ, что всѣ владѣнія его были опустошены.

Послѣ *Копого*, удаляясь на ю. з., берегъ представляешь одно за другимъ: *Кеагіа-Лака*, мѣсто пребыванія губернатора Пунаскаго; *Кауа-Еа* и *Кама-Или*, подлѣ котораго находилось знаменитое гейау, посвященное богу Роно; *Когена*, людное заселеніе рыбаковъ; *Кеу-Огана*, *Каи-Му* (прелесная, людная деревенька, окруженная плантаціями); *Кала-Пана*, бывшее пребываніе Капиги, жреца Куа-Гаиро и предсказателя, славнаго во времена Тамеа-Меа; *Купа-Гуа*, восхищительное селеніе среди ковра зелени; *Пулана*, гдѣ Тамеа-Меа построилъ огромное гейау, посвятивъ его Таири, богу войны, и приносилъ ему въ жертву людей; *Комо-Моа*, за которымъ спрана принимается дикій, суровый видъ, и наконецъ — *Кеара-Комо*, значительное мѣстечко, почти пограничное съ округомъ Кау, и находящееся на землѣ, непрерывно угрожаемой волканическими изверженіями.

Эти географическія данныя, извлеченныя мною изъ кучи вздорныхъ сказокъ и ребяческихъ прибавокъ, почти дополнили очеркъ Гаваи съ сей стороны. Обращаясь къ сѣверу, я видѣлъ, что уже осматрѣны мною часть округа Куа, округа Кога-ла, Гама-Куа, Гиро и Пона, а въ сухопутномъ

спранствованіи моемъ почти весь округъ Кау. Обращаясь теперь къ югу, я оканчивалъ дополненіе Кау и Пуна. Наша гоэлеша стояла передъ Гоно-Напу, и я рѣшился пусшиться шуда, предославляя себѣ осшановки въ замѣчательныхъ мѣстахъ. Куа-кини окончилъ уже свое офиціальное занятіе; онъ опсправился со мною на корабль, и мой вѣрный Макоа былъ съ нами.

Онъ указалъ мнѣ, при опплышii онъ Гоно-Напу, на ушесъ, нависнувшій надъ моремъ, и подъ нимъ скалу, называемую *Каверо-Геа*, выходящую изъ волнъ моря. Съ этого ушеса, когда-то, ревнивый мужъ сбросилъ жену свою; она упала на скалу, не убилаь до смерти, но умирающая, обезумѣвшая, возвратилась къ своему убійцѣ, неподвижно споявшему на ушесѣ, называла его самыми нѣжными именами, и клялась въ своей невинности и добродѣтели. Ушесъ сохранилъ имя несчастной, и жишели говоряшъ, что шѣнь убишой жены приходишъ иногда, призывая своего мужа, и многіе увѣряюшъ, что сами видѣли такое явленіе. Впрочемъ, явленіе это бываешъ не къ добру, предвѣщаешъ войну, голодъ, или смерть знаменишаго лица.

Все это побережье кажешся хорошо населеннымъ, и повсюду видны здѣсь многочисленныя заселенія. Осшановясь при одномъ изъ нихъ, мы видѣли шуземцевъ, играющихъ въ *паге* и *майта*, на площадкахъ, нарочно устроенныхъ. Въ первой изъ этихъ игръ бросаюшъ шупой дрошикъ, онъ двухъ до пяши фушовъ длиною, и дюймовъ пяши толщиною, кошорая посшепенно уменьшаешся къ друго-

му концу и заключаеся оспреемъ. Майша, или иначе *уру-майша*, совершенно оплична опъ наге. Двѣ палки вшыкаюпъ въ землю, въ нѣсколькихъ вершкахъ разстояніемъ одну опъ другой. Игроки сшановящяся опъ палокъ шуазахъ въ 15, или 20-ши, и сшарающяся прокашипъ между ними, но шакъ, чшобы ихъ не пронупъ, кружокъ, сдѣланный изъ крѣпкой лавы, называемой *уру*. Прежде Гавайцы сшрасшино любили эту игру, и выходили на нее, не шолько игрокъ прошивъ игрока, но даже селеніе прошивъ селенія и округъ прошивъ округа. Мѣсно, гдѣ мы видѣли эту забаву, славипъ ловкостью жишелей въ сей игрѣ; шысячъ восемь чловѣкъ сбѣжалось въ эшопъ день любовашъся ихъ искусшвомъ. По излишней сшрогосши, съ какою преслѣдуешъ все раздражающее сшрасши, Миссіонеры запрешили шеперь оспровишянамъ забаву ихъ предковъ, и шолько въ опдаленныхъ опъ наблюденія Миссіонеровъ округахъ можно еще видѣшъ игру въ уру-майша.

За Ваи-Огину, дорога прибрежная уклоняешъ на нѣкоторомъ разстояніи внутрь земель, черезъ поля, превосходно обработанныя, а пошомъ вдругъ поворачиваетъ къ югу. Тутъ находишъ селеніе *Папа-Погаку*, средошочіе нѣсколькихъ купъ хижинъ, окресъ него разбросанныхъ. Далѣе являетъся *Калегу*, внутреннее селеніе, и *Тай-Рити*, гдѣ мы сходили на землю. Находясь на западной шпоропъ мыса, образующаго къ югу самый крайній очеркъ ошрова, Тай-Рити замѣчательно еще свойшвомъ лавы, окружающей его, видимо новѣйшаго образо-

ванія. За Таи-Ришіи, восходя къ сѣверу, видны по прибрежью моря *Кеа-Ван-Ити*, а потомъ *Каула-Намауна*, въ сѣранѣ ужасно взвороченной, и почши непроходимой среди грудъ лавы. — Выше *Каула-Намауна* начинается округъ *Кона*, самый людный на Гаваи, соображая его проспранство. Первое селеніе, здѣсь видѣнное нами, было *Капуа*, построенное около коническихъ холмиковъ, фушовъ двѣснн вышиною, соспавленныхъ изъ пепла и волканическихъ веществъ. *Капуа* много шерпишъ на эшой сожженной почвѣ отъ недоспашка воды, за кошорою надобно ходишъ въ гору, миль за семь отъ селенія. Выше расположена деревенька *Ома-Каа*, а миль девять далѣе *Кала-Гити*, болѣе значительное и выгоднѣе поспавленное селеніе.

Мы сходили потомъ на берегъ въ *Кеакеа*, мѣстечкѣ довольно замѣчательномъ по народонаселенію своему, и еще болѣе любопытномъ по его проспранной пещерѣ, образованной печеніемъ лавы и называемой туземцами *Кеа-Наее*. Это покрый сводъ, отъ 50 до 60-ти фушовъ вышины, отъ 8 до 40-ти ширины, и шуазовъ 400, или 500 въ длину. Современное изверженіе волкана, каженся, докончило образованіе эшой пещеры — это собственно пошокъ лавы, падавшій съ ушеса, фушовъ 60-ти вышиною. Пошому одна спорона свода являешъ отвѣсную стѣну, съ разными ошпѣнками спаринной лавы, красными, багряными, темными, между шѣмъ, какъ съ другой спороны, образованной печеніемъ позднѣйшимъ, совсѣмъ отличное зрѣлище, разнообразное формами, кошо-

рыя принимала жидкость въ своемъ паденіи. Цвѣтъ этой стороны темно-багряный, или черный, и столь блестящій, что можно-бы почестъ ее залакированной спекляннѣмъ лакомъ. Чудное позорище долженствовали представлять эиотъ огненный водопадъ, свергавшійся съ такой вышины, почти опѣсно! Впрочемъ, Гаваи исполненъ подобными великолѣпными природы, и описывая ихъ съ совѣспливой шочностью, часно надлежитъ возвращаться на геологическое образованіе острова, составляющее основной характеръ его, слѣдовавъ повсюду за эшою лавою, измѣняющею, заливающею почву его видимою въ тысячѣ спранныхъ и величественныхъ формъ. Обладательница Гаваи, она ежеминутно заставляешь его прешетать, при воспоминаніи минувшихъ опустошеній, или опъ предчувствіи опустошеній въ будущемъ.

Послѣдняя остановка наша передъ Кеара-ке-куа была на сѣверъ опъ Кеа-Кеа, въ *Гонаунау*, находящемся на приморьѣ. Гонаунау довольно значительно въ политической и религіозной исторіи Гаваи. Нѣсколько вѣковъ служило оно мѣстомъ пребыванія царей, и останки древняго шудемнаго богослуженія здѣсь лучше сохранились и являющиеся значительнѣе, нежели во всѣхъ другихъ мѣстахъ архипелага.

Любопытнѣйшій изъ всѣхъ, остающихся въ Гонаунау, памятникъ называется *Гаре-о-Кеаве*, шоесть, домъ Кеаве — эио погребальница, гдѣ берегаются кости царей и князей Гавайскихъ, восьми, или девяти поколѣній. *Морай* эиотъ, шеперь раз-

рушенный, прежде сославлялъ прочное поспрое-
 ніе, изъ крѣпкаго дерева, 24 фуша въ длину, 16-ть
 въ ширину, основанное на потокѣ лавы, далеко
 просширающемся въ море. Крыша его была изъ
 листьевъ *ти* (*dragasena*); плотный часпоколь
 окружалъ самое спроеніе и дворъ при немъ, про-
 странство 24-хъ фушовъ квадрашныхъ, выложен-
 ное плисами, искусно подобранными. Въ огоро-
 жи, одни на маленькихъ пьедесталахъ, другія на
 сполбикахъ, спояли грубые идолы, нелѣпыя испу-
 каны, безобразныя фигуры обоихъ половъ, изобра-
 жавшія боговъ, покровителей священныхъ. Другія
 изваянія, въ такомъ же вкусѣ, безпорядочно и смѣ-
 шенно разбросанныя, украшали внутренность за-
 городки. Это были фигуры съ волосами дыбомъ,
 съ руками фершикомъ, съ ногами, подогнутыми
 такъ, какъ будто у человѣка, желающаго вспрыг-
 нуть высоко. Но самая замѣчательная шолпа этихъ
 уродливыхъ идоловъ находилась въ юго-восточ-
 номъ углу загородки. Тутъ, двѣнадцать ихъ обра-
 зовывали полукружіе, какъ будто спорожи цар-
 ской гробницы. Насыпь, въ видѣ полумѣсяца, при
 фуша ширины и два вышины, служила имъ общимъ
 подножіемъ, хотя каждый, какъ и всѣ другіе, спо-
 ялъ еще на сполбикѣ, или пьедесталѣ. Главный
 уродъ находился въ срединѣ, а другіе налѣво и
 направо отъ него разстановлены были по спепе-
 нямъ и чинамъ. Знаки опличій сославляла не вели-
 чина, но фигурность и шщательность, съ какою
 были изваяны идолы, особливо головы ихъ. Спара-
 шельно одѣвали этихъ уродовъ, сколько могли

великолѣпнѣе; они всегда были укушаны лоскушками тканей, цвѣтами, вязанками изъ нихъ, шиквенными горшками и кокосовою скорлупою, что все приносили имъ въ даръ благочестивые дашели.

Осмапривая сей морай Гонаунаускій, я нашелъ только обломки идоловъ, но самое зданіе его было еще цѣло, и хорошо сохранялось и содержалось. Спрогимъ шабу запрещаеиша входъ въ него, и надобно было употребить власть Куакини, чтобы мнѣ отворились въ него двери. Стоя на порогѣ, но не переступая во внутренность, я видѣлъ множество фигуръ, деревянныхъ, или изъ красныхъ перьевъ, съ глазами изъ жемчужныхъ раковинъ, съ преогромными ртами, гдѣ вставлены были ряды зубовъ акулы. Тутъ-же видно было множество связокъ съ человѣческими космами, тщательно вычищенными, и спарашельно завернутыми въ кокосовыя плетушки. Спраннымъ образомъ расположены онѣ были во всѣхъ углахъ зданія; подлѣ нихъ, разбросанные по полу, валялись лоскушки тканей и рогожекъ, какъ будто единственное имущество, оставленное знаменитымъ мертвецамъ.

Пушеводителемъ нашимъ въ Гонаунаускій морай былъ хранитель священнаго сокровища, жрецъ, предокъ кошораго принималъ здѣсь славнаго Кука, во время посѣщенія имъ царской гробницы. Онъ разсказалъ намъ анекдотъ, о которомъ упоминалъ уже капитанъ Байронъ. Отецъ этого жреца пославилъ однажды передъ Нуи-Акуа, или великимъ духомъ, обыкновенное приношеніе рыбы и пом.

Сынъ пришелъ сюда голодный, попому, что цѣлый день напрасно скипался онъ на морѣ, ловя рыбу—ни одной не могъ онъ поймать, и увидѣвши поспавленное кушанье смертельно захошѣлъ опвѣдать приношенія, богамъ назначеннаго. Но не нарушая еще правъ ихъ, онъ думалъ обезопасить себя отъ ихъ мщенія, и узнать, какъ далеко простирается сила эсихъ испукановъ. Рукою повелъ онъ по ихъ глазамъ—они не мигали; положилъ имъ палецъ въ ротъ—они не кусались. Тогда онъ рѣшился, набросилъ на нихъ плащъ свой, и видя, что они не движущся, и не старающся освободиться, взялъ кушанье и преспокойно съѣлъ его. Тушъ пришелъ опецъ, и началъ бранишь дерзкаго, но потъ опвѣчалъ: «Я имъ говорилъ—они ничего не слыхали; положилъ имъ палецъ въ ротъ—они не чувствовали; накинулъ имъ плащъ на глаза—они не видали, и вопъ почему посмѣялся я надъ ихъ безсиліемъ и кушанье съѣлъ. — «Сынъ мой, сынъ мой!» опвѣчалъ съ укоризною жрецъ—«ты судишь неблагоразумно: эшо правда, что дерево не видишь и не слышишь, но духъ съ высоты небесъ все замѣчаетъ и все знаетъ!»

Подлѣ Гаре-о-Кеаве, въ направленіи къ югу, находились *Пагу-табу*, или *Пуго-нуа*, настоящіе священные *азиліумы*, или мѣста убѣжищъ (*lieux d'asile*), копорыхъ считалось нѣсколько на архипелагѣ Гавайскомъ. Каждый виновный, достигнувшій такого мѣста, былъ избавляемъ отъ казни. Бѣглецъ, военный плѣнникъ, убійца, нарушившій священнаго табу, воръ, были спасены, если только

могли коснуться хоть одной изъ многочисленныхъ дверей, опворенныхъ къ внутренней споронѣ и къ приморью. Во время войны, бѣлые флаги развѣвались надъ каждымъ входомъ, и далѣе, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ сѣнѣ. Побѣжденнаго могли преслѣдовать только до этого предѣла — далѣе преслѣдованіе сшановилось нарушеніемъ Пагу-шабу, и смерть виновнаго должна была немедленно очистишь его святошашество. На Гаваи было такихъ убѣжищъ два: одно на восточной сшоронѣ острова, въ Вай-Піо, другое на западной въ Гонаунау. Последнее было посвящено Кеаве, богу покровишелью окрешносшей. Въ одномъ углу загородки находились шуть жилища жрецовъ, въ другихъ мѣста для укывшихся. Послѣ нѣсколькихъ дней гостепріимства, для виновныхъ передъ законами, или по окончаніи войны, для спасшихся сюда бѣглецовъ съ бшвы, двери пагу-шабу отворялись, и человекъ, въ немъ бывшій, выходилъ снова въ общешество, ничего не опасаясь, ибо пребываніе его въ убѣжищѣ очистишельномъ изглаживало всѣ грѣхи его прежніе, какіе-бы они ни были. Иногда убѣжавшіе сюда навсегда оставались здѣсь и дѣлались жрецами храма. Убѣжище Гонаунауское было самое просшранное изъ всѣхъ другихъ. Во время войны, женщины, дѣши, старики изъ воющихъ округовъ сбѣгались сюда, стараясь спасшсь отъ гибели въ ожешоченіи бшвѣ, или побоищѣ послѣ сраженій. Видъ этого пуго-нуа предспавляешъ неправильный чешыреугольникъ, огороженный сшѣною съ одной сшороны и съ двухъ концовъ;

другая сторона, къ морю, исключая часть на С З., защищалась только низенькимъ часпоколомъ. Длина всего убѣжища около 660 фузовъ, ширина до 380-ти, стѣны въ 42 фузовъ вышины и 45-ть толщины. Изображенія боговъ, поставленные на разстояніи чешырехъ першей одно отъ другаго, занимали всѣ стѣны. Во внутренности убѣжища находились прежде при храма, или *гейау*; два изъ нихъ разрушены, одинъ осмается въ полу-развалинахъ. Онъ состоялъ изъ груды плосныхъ камней въ 420 фузовъ длины, 60-ти ширины и около 40-ти въ вышину. Подъемъ огромнѣйшихъ кусковъ лавы, на семь фузовъ отъ земли, при недоспапкѣ всякихъ снарядовъ и всякаго механическаго пособія, долженствовалъ стоить величайшихъ усилій въ работѣ. Преданіе говоритъ, что памятникъ этотъ былъ воздвигнутъ Кеаве, царствовавшимъ лѣтъ за 250 до нашего времени. Это можетъ касаться только стѣны и храмовъ его, но часовни и спашуи явно были возобновлены въ послѣдствіи.

Между Гонаунау и Кееи находится поле *Моко-Гуа*, славное продолжительною битвою, какую Та-меа-Меа далъ Кау-ике-ули, спаршему сыну и законному наслѣднику царя Тараи-Опу. Похищатель завладѣлъ здѣсь престоломъ послѣ борьбы, семь дней продолжавшейся безъ всякаго рѣшительнаго успѣха. Утромъ на восьмой день, смерть Кау-ике-ули оборотила состязаніе въ пользу его непріателя. Смерть эта произошла довольно страннымъ и драматическимъ образомъ.

Кеау-Моку, отецъ Каагу-Ману, Піа и Куа-кини, моего друга и поварища въ пуши, начальствовалъ здѣсь войсками Тамеа-Меа. Онъ выступилъ впередъ, съ небольшимъ числомъ воиновъ, на значительное разстояніе отъ главнаго войска. Нечаянно окружили его воины Кеу-ике-ули. Но трудно было низложить силу опчаянія; солдаты падали и не уступали; самъ Кеау-Моку, израненный множествомъ ударовъ пагоа, повалился безъ чувствъ. Непріатель сдиралъ украшенія съ побѣжденныхъ. Тушъ Кау-ике-ули приблизился на мѣсто битвы, приказывая не прогашъ *пара-оа*, бывшего на непріятельскомъ начальникъ (такъ называлось драгоценное украшеніе изъ кишовыхъ, выложенныхъ усовъ, повѣшенное на шеѣ, на плечушкѣ изъ волосовъ). Онъ хотѣлъ снять его своею рукою. Кеау-Моку опомнился въ это время, и едва Кау-ике-ули наклонился къ нему, онъ ухватилъ его за руку, поднялся, вспрыгнулъ, схватился за длинные волосы царевича, и сшибъ его съ ногъ своимъ кулакомъ, сила котораго славилась по всему острову. Испуганные такою неожиданностью, воины Кау-ике-ули стояли въ недоумѣніи, и когда ихъ ужасъ пролетѣлъ, бросились они на помощь, спараясь освободить своего начальника—было уже поздно. Тамеа-Меа прибѣжалъ съ своими воинами; одинъ изъ нихъ бросился впередъ, въ самую пору опчаянной борьбы, и поразилъ Кау-ике-ули копьемъ. Едва былъ убитъ царевичъ, неизобразимый ужасъ овладѣлъ его войскомъ. Одни побѣжали къ морю, желая спастись въ лодкахъ; другіе бросились къ сосѣд-

ешвенному пагу-шабу, и въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ знамениый Караи-Моку, въ послѣдствіи едѣлавшійся миниспромъ Тамеа-Меа. Теперь, на эшомъ полѣ, покрышомъ лавою, видны еще груды камней, подъ которыми схоронили трупы защитниковъ Кау-ике-ули, и одна изъ нихъ на шомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погибъ наслѣдникъ Тараи-Опу.

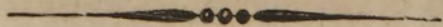
Остатокъ земли представилъ мнѣ мало замѣчательныхъ мѣстностей. Взявши опять дорогу сухимъ путемъ, пошому, что гоэлепта не могла меня дожидаться, я перешелъ съ Макоа черезъ селенія Кееи, Калама, Вай-Пунала и Килоа, такъ что еще очень рано достигъ Каава-Роа, гдѣ ожидала меня моя благородная и дородная хозяйка, г-жа Капіо-Лани.

Такимъ образомъ, вполне окружилъ я островъ Гавай, осмошрѣлъ любопытнѣйшіе изъ его volcanes, обозрѣлъ важнѣйшія части его побережья, но—мое продолжительное странствование увлекло меня далеко за срокъ отпуска, взяшаго мною въ Гоно-Руру. «Помните, что я отправлюсь черезъ пятнадцать дней,» сказалъ мнѣ Пендлешонъ, а я—уже восемнадцать дней былъ въ осуществіи! Вошъ почему я весьма беспокоился, когда ушромъ, въ день, назначенный къ моему отплытію въ Гоно-Руру, настало безвѣтріе. Къ счастью, оно продолжалось недолго; повѣялъ вѣтерокъ на Ю. В. и погналъ насъ прямо къ Оагу. Въ эшо плаваніе прошли мы между *Тагу-Раве* и скалами *Маро-Кини*, пошомъ приспали къ землѣ у *Лагайна*, на островѣ *Мави*. Эшо цвѣтущее заселеніе, гдѣ царствуютъ

Миссіонеры. Тутъ у нихъ каменная часовня, 90-шо фушовъ въ длину, 60-ть въ ширину, въ два эшажа и съ галлереями. Эшой храмъ, одно изъ чудесъ Полинезійскаго зодчества, вмѣщаетъ въ себя до 3000 человекъ. Многіе изъ вельможъ Оагскаго Двора имѣють помѣстья въ Лагайна, и княжѣ Нагейна-Гейна, эшой наѣздницѣ царскаго семейства, принадлежишь здѣсь домикъ, построенный изъ камней, обмазанныхъ извѣстью, по новѣйшему обычаю, введенному Миссіонерами.

Мы пробыли въ Лагайна не болѣе часа, и немедленно пошомъ подняли паруса. Проплывши между *Ранаи* и узкимъ и гористымъ *Моро-Каи*, Февраля 25-го, 1831 года, мы опять завидѣли Гоно-Руру. Съ самаго ошбытія изъ Гаваи, безпрестанно смотрѣлъ я въ шрубу на море, не увижу-ли Океаніи нашей уже на волнахъ ошкрышаго океана. Точносшь въ исполненіи слова, какою ошличался Пендлешонъ, ужасала меня, и я шрепешалъ, чшобы не вздумалось ему дашь мнѣ добраго урока въ исправносши дѣлъ. Радосшь моя была неописанна, когда увидѣлъ я шунеръ нашъ еще въ гавани. Но—полчаса опоздай я, и Океаніи проспылъ-бы слѣдъ! Наскоро обнялъ я Куа-кини, просилъ его сказать тысячу благодарносшей друзьямъ, съ которыми не могъ уже видѣшься, царю, царицѣ, княжнамъ, г-жѣ Куа-кини, Макоа, котораго не успѣлъ я обнять при ошѣздѣ изъ Гаваи. Я ошдалъ Куа-кини всѣ бездѣлки, бывшія со мною, дѣлая каждой вещицѣ назначеніе, которое придавало ей драгоцѣносшь сувенира. Пошомъ бросился я въ лодку, и не безъ

трудо могъ попастъ на Океанію, уже двинувшуюся по волнамъ. «Чась еще» — сказалъ мнѣ Пендлешонъ, подавая руку, и помогая взойдши на корабль — «часъ еще, и вамъ оспавалось-бы на выборъ двѣ вещи: записаться въ службу при Дворѣ Гоно-Рурскомъ, либо идши въ Миссіонеры. Давно-бы уже опослалъ я всѣ ваши пожитки на берегъ, еслибы съ упра не дали знать, что васъ видятъ въ морѣ. Океанія потеряла теперь миль двадцать добраго пуши.—Вы болѣе счастливы, нежели благодарны» — прибавилъ капишанъ, усмѣхнувшись. И онъ обратился къ распоряженію кораблемъ, выходящимъ изъ прибрежныхъ утесовъ.

ГЛАВА I.

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ ОСТРОВОВЪ ГАВАЙСКИХЪ.

Архипелагъ *Гавайскій*, одинъ изъ самыхъ значительныхъ въ Океаніи, безъ всякаго сомнѣнія, есть самый главный изъ нихъ при нынѣшнемъ состояніи сей части свѣта, по обширности его торговыхъ сношеній и успѣхамъ жителей въ образованности. Онъ простирается между 19° — 23° шир. сѣв. и 157° — 159° долг. западной, образуя собою дугу, коюрой середина отдалается на Ю. З.—Его составляютъ *одиннадцать* острововъ — пять большихъ, *три* малыхъ, и *три* собственно сушь скалы среди волнъ океана.

Самый южный и важнѣйшій есть островъ *Гаваи*, по которому дано названіе всему архипелагу (*Оваги*, какъ произносятъ имя его нѣкоторые изъ Европейцевъ). Онъ неменѣе 83-хъ миль, отъ С. къ Ю., при 66-ти миляхъ ширины, отъ В. къ З., такъ, что окружность его составляетъ почти

240 миль. Хотя горы его высокія и волканическія, но покатые бока ихъ, начинаясь съ приморьевъ, весьма пологи, и кромѣ нѣкоторыхъ, описанныхъ мною мѣстъ, не представляють изломовъ, обыкновенно бывающихъ на земляхъ происхожденія волканическаго. Возвышеннѣйшая точка, вершина горы *Муна-Кеа*, приблизительно, полагается въ 2500 фузовъ. Почти не ниже ея гора *Муна-Роа*, лежащая ближе къ срединѣ острова. Гора *Муна-гуарараи* занимаетъ прешье мѣсто по высотѣ. Между этими тремя горными вершинами находится весьма возвышенная плоскость (plateau), необработанная и почти пустынная, ибо часней острова по приморью, кажется до сихъ поръ достаточно народонаселенію Гавай. За полосой земель по побережью моря, опушкѣ обработанной и населенной, островъ представляетъ царство вулкановъ, область богини Пеле, своей владычицы. Гавай, какъ мы уже видѣли, раздѣляется на шесть округовъ: Когала, Гама-Куа, Гиро, Пуна, Кау, Кона, не считая внутренняго плаща, называемаго *Ван-Мео*. Народонаселеніе острова полагають до 85,000, по счислу Миссіонеровъ.

Отдѣленный отъ Гавай проливомъ въ 24 мили, *Мави* простирается на 38 миль въ длину, при ширинѣ весьма разнообразной, которая къ Ю. В., въ наибольшомъ распріженіи береговъ, не восходитъ однакожь далѣе 25 миль. Узкій перешеекъ дѣлитъ островъ на двѣ части; юго-восточная гориста и волканическа; сѣверо-западная обильна, богата и населенна. Жителей считается на Мави до 20,000.

На Ю. З. отъ Мави, отдѣляясь проливомъ въ при, или чепыре мили, находящся маленькій островъ *Тагу-Раве*, 10-ть миль въ длину, 8-мъ въ ширину. Низкій, бесплодный, покрытый кустарникомъ, онъ населенъ небольшимъ числомъ рыбаковъ, и зависитъ отъ правителя Мави. Между этими островами есть скала, именуемая островомъ *Моро-Кини*.

Моро-Кан въ 6-ти, или 7-ми миляхъ отъ Мави, на С. З. — Длинный, неправильный, неровный, эшотъ островъ, почти 40-ка миль въ длину, отъ В. къ З., имѣетъ не болѣе шести миль отъ С. къ Ю., въ самомъ широкомъ мѣстѣ его. Горы соспавляютъ почти все его пространство, и потому остается только небольшая полоса способной къ обработкѣ и обработанной земли, такъ, что не смотря на пространство, здѣсь не болѣе 3000 жителей.

Ранан сближается съ двумя предшествовавшими островами, имѣя не болѣе 15-ти миль въ длину и 10-ть въ поперечникѣ. Онъ гористъ, хотя и ниже Мави и Моро-Кан, большею частью бесплоденъ, безводенъ, и потому на немъ едва-ли проживаетъ 2000 обитателей, состоянія недоспашочнаго.

Въ 23-хъ миляхъ на З. С. З. отъ Моро-Кан, слѣдуетъ *Оагу*, самый обильный, самый богатый, самый прелестный островъ изъ всего архипелага. Онъ не менѣе 38-ми миль въ длину, и 16-ти, или 17-ти миль въ ширину. Цѣль высокихъ горъ занимаетъ его средину въ восточной части, до до-

лины Эва. Эша долина простирается на 20-ть миль въ длину и 9, или 10-ть въ ширину, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Хотя почва ея плодородна и перерѣзана источниками, но вообще внутренняя обласнь мало населена и худо обработана. Все народочисліе сдвинуто окрестъ Гоно-Руру, въ долину, покрытой превосходною наносною землею, почвы на два, или на три футовъ въ толщину. За шѣмъ глубже лежишь волканическій шувъ, опираясь въ свой чередъ, въ глубинѣ 15-ти футовъ на крѣпкое основаніе мадрепоровой извести, похожей на облегающую берега. Конца эшу известъ, футовъ на 12, или 13-ть, добирающа до воды, весьма прѣсной, хотя она постоянно слѣдуетъ приливамъ и опливамъ. Известковый слой эшотъ, швердый и грубый на поверхности, дѣлается нѣжнѣе и пористѣе въ глубокихъ слояхъ, и эшо заставляетъ думать, что морская вода, проникая сквозь него, оставляетъ въ немъ, какъ въ цѣдилкѣ, свое соленое начало, и такимъ образомъ переходитъ въ прѣсное состояніе.

Портъ Гоно-Рурскій, лучшая гавань на всемъ архипелагѣ, безопасенъ во все время года. Эшо мѣсто отдоха всехъ киполововъ, совершающихъ свои кочевья по здѣшнимъ морямъ. Рѣдко увидите здѣсь менѣе пяти, или шести киполовныхъ кораблей на якорѣ, а иногда бываетъ ихъ до 25-ти. Такимъ образомъ, Гоно-Руру непрерывно спремится къ увеличенію, отчасти по пребыванію здѣсь царя и Двора его, отчасти по сшеченію здѣсь иностран-

цевъ. Теперь считающъ на Оагу 20,000 жителей , и половина ихъ обитаетъ въ Гоно-Пуру.

Къ З. С. З., почти въ 65-ти миляхъ отъ Оагу, является *Тауап*, гористый островъ , прелестнаго вида, но не столь обильный, и менѣе населенный , нежели Оагу. Онъ почти круглый, имѣетъ въ поперечникѣ отъ 25-ти до 30-ти миль , и около 40,000 жителей. Наиболее обрабошанъ онъ около рѣки Вай-Меа , гдѣ небольшая крѣпость , съ 22-мя пушками , построена для защиты берега. Жители острова крошечки, но храбры и промышленны. Элисъ замѣчаетъ , что нарѣчіе здѣшнее опличается отъ нарѣчій другихъ Гавайскихъ островитянъ тѣмъ , что гдѣ островитяне южныхъ Гаваевъ произносятъ К, Тауайцы произносятъ звукъ, болѣе похожій на Т.

Нигау, на З. отсюда, отдѣленный только проливомъ , миль въ 45, или 20-ть шириною , имѣетъ жителей болѣе 5000. Онъ оканчивается къ С. островкомъ , кошорый можно почесть его дополненіемъ. Подобно есѣду своему Тауап , этотъ островъ славится выдѣлкою превосходныхъ рогожекъ , кошорыя покупающъ начальники другихъ острововъ. Эти рогожки, опличныхъ цвѣшовъ, бывающъ отъ 18-ти до 20-ти оновъ въ длину, и три, или чешыре въ ширину. Насажденія превосходныхъ иньямовъ, каженся , исключительно принадлежащъ симъ двумъ , самымъ сѣвернымъ островамъ архипелага. Удаленное положеніе долгое время сохраняло ихъ независимость , но въ 1824 году , при

Ріо-Ріо, бывша Ваи-Меаская присоединила ихъ рѣшительно къ Гавайскому царству.

Двѣ небольшія скалы, *Тагура* и *Модо-Ману*, обитаемые только птицами, дополняютъ число острововъ Гавайскихъ.

Хотя и жаркій, климатъ Гавайскаго архипелага здоровъ. Солнце такъ мало удаляется отъ здѣшней широты, что собственно зимы здѣсь нѣтъ, и единственную переменную, отличающую времена года, составляютъ частые и бурные дожди, падающіе съ Декабря по Мартъ, при переменныхъ вѣтрахъ во все это время. Кромѣ этихъ чешырей, дождливыхъ мѣсяцевъ, дождя бываетъ мало на всѣхъ западныхъ берегахъ земель, но по восточнымъ берегамъ бури часты во все времена года.

Всюду, гдѣ лава, съ давняго времени заспывшая, могла превратиться въ порошокъ, почва земли, плодоносная и дѣятельная, способна къ разной обработкѣ. Самыя обыкновенныя произрастенія здѣшнія, до открытія Европейцами, были: *тапо* (*agave esculentum*), *convolvulus patatas*, или сладкіе пататы, называемые туземцами *уара*, или *уги*, и наконецъ сахарный тростникъ. Кромѣ того находились здѣсь хлѣбное дерево, кокосы, разные роды банановъ, одинъ родъ *eugenia*, малина и клубника. Европейцы привезли сюда померанцы, лимоны, виноградъ, ананасы, папайеры, огурцы, арбузы, и все это, кромѣ ананасовъ, удалось хорошо. *Гарикоты*, лукъ, пыква, капуста, хотя ихъ и не любятъ туземцы, разводяшся ими для снабженія приходящихъ кораблей. Не пробовали еще разводить здѣсь кофе,

хлопчатой бумаги, и другихъ пропическихъ растений, но, по всему вѣроянію, они произрастають успешно.

Въ слѣдствіе всеобщаго закона распредѣленія произведеній по земному шару, царство животныхъ необильно породами и немногоразлично на Гаваяхъ. До Европейцевъ, изъ числа чешвероногихъ здѣсь знали только свиней, собакъ и мышей. Европейцы прибавили къ этому корову, лошадь, овцу, козу, кошку и зайца. Изъ птицъ находилось здѣсь около 20-ти родовъ. Между ними замѣчательны были: чешыре породы *нектариновъ*, маленькихъ птичекъ, съ длиннымъ, острымъ носикомъ и блестящими перушками, которыхъ употребляли на драгоценныя плащи пуземныхъ спаршинъ; двѣ породы мухободовъ, одна сильвановъ (*psittacin*), двѣ зяблицъ, одна сѣрыхъ дроздовъ (*grive*), одна обыкновенныхъ чаекъ, одна воронъ, и множество *фуликовъ* (*fulica*), гусей, утокъ, бекасовъ, и обыкновенныхъ морскихъ птицъ, какъ-то: *фаэтоновъ*, *сперновъ*, *нодди*, *пепрелей*. Насѣкомыя здѣсь рѣдки и немногихъ породъ; бабочекъ и жесткокрылыхъ весьма мало, но довольно мухъ и мушиковъ. Ни одной породы змѣй нѣтъ на всемъ архипелагѣ, и единственныя пресмыкающіяся суть два рода ящерицъ, пепельнаго цвѣта, длиною въ 5-ть или 6-ть дюймовъ. Рыбы, напрашивъ, многообразны и многочисленны, особливо бонишы, лешучія рыбы и мулешы. Обиліе также различныхъ раковинъ, между кошорыми замѣчательны жемчужныя; изъ нихъ нерѣдко достаютъ перлы опмѣнной красоты. Зоофишовъ око-

ло береговъ весьма много. Естествоиспытатель, сопровождавшій капитана Байрона, собралъ здѣсь до 44-ти различій раковинъ, принадлежавшихъ безъ исключеній къ роду *волутовъ*.

Въ геологическомъ отношеніи, острова Гавайскіе можно назвать купою вулкановъ, прокипѣвшею сквозь слой коралловъ и мадрепоровъ. Мы уже видѣли, что горы здѣшнія составлены изъ лавы и вулканическихъ веществъ. Громадный Кирау-Еа, кажется, поставленъ на трапповой скалѣ. Что касается до низменностей, прилежащихъ къ берегамъ, по видимому, они находящіяся на мадрепоровой основѣ, выдвинутой со дна моря. Тутъ находимъ известковый карбонатъ, и известковыя груды, гдѣ кораллы и раковины вписаны во всѣхъ состояніяхъ, начиная съ полной формы раковинъ и коралловъ до превращенія въ совершенный камень. На Оагу находятъ глинистый порфиръ и *амигдалы*.

Не смотря на труды Андерсоновъ, Мензи и Годишо, Гавайская флора еще несовершенно вѣдома, особливо въ самомъ любопытномъ отдѣленіи своемъ, то есть, въ обширной центральной плоскости и на горныхъ вершинахъ. Но мы уже знаемъ, что особливо на островѣ Гаваи, за исключеніемъ долинъ, нижняя полоса земель, до 200 шаговъ, почти лишена произрастанія, ибо лава, крѣпкая и спекшаяся, не получила еще достаточнаго умягченія, и пошому не допускаетъ прозябенія сѣмянъ. Выше начинается вѣтряная полоса, заключаю-

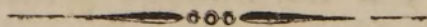
щая въ себѣ большую часть пуземнаго произра-
станія. Въ самой высшей полосѣ, всегда задерну-
той облаками, зелень находится въ непрерывномъ
освѣженіи и яркости. Наконецъ, выше облаковъ
начинается шреше царство природы, полоса гор-
ныхъ расшеній, въ которой произрастаніе слѣду-
етъ въ уменьшающейся степени, до предѣла вѣч-
ныхъ снѣговъ, гдѣ исчезаетъ совершенно.

Произрастаніе прибрежное есть почти то са-
мое, какое находимъ на другихъ островахъ Оке-
аніи—кокосъ, бананъ, хлопчатая шелковица, хлѣб-
ное дерево, *hibiscus*, *gossipium*, *morinda*, *ricinus*,
dracaena, *sida*, разныя павилики, различныя правя-
нисшыя расшенія (*herbacées*). Я не буду исчи-
слять прозябеній второй полосы, гдѣ находится
множесво породъ, свойственныхъ особенно Га-
ваямъ, и другихъ, которыя находясь равно и на
прочихъ купахъ Океанійскихъ острововъ. Но дол-
жно замѣшить, что въ полосѣ облаковъ произра-
станіе развивается здѣсь необыкновенно; множе-
сво породъ, которыя на уровнѣ моря являлись
кустарниками, или щими деревцами, становящи-
ся здѣсь настоящими деревьями. Природа, бѣдная,
спраждающая, уродливая на низу—въ этомъ возвы-
шенномъ объемѣ дѣлается свободною, могучею, и
яркая зелень ея цвѣшетъ вѣчною весною.

Съ нижней грани этой полосы можно замѣшить
нѣсколько любопытныхъ метеорологическихъ явле-
ній. Хотя облака, ушвержденные на извѣстной вы-
сошѣ, рѣдко оставляютъ ее и рѣдко спускаются въ
нишнюю атмосферу, но отъ времени до времени

случается что пары, отдѣляясь отъ главной груди ихъ, спланиваются отдѣльно и нисходящъ. Здѣсь мгновенно вы видите отдѣльные клочья ихъ рѣдѣющими, подъ прямымъ, или опраженнымъ ударомъ солнечныхъ лучей, уменьшающимися въ виду вашемъ, пока они улещаются и совершенно исчезнутъ. Эта игра выпариванія между сухою и влажною мѣсностью служишь питаніемъ находящемуся между ними произраспанію, между тѣмъ, какъ произраспаніе прибрежное заемлетъ силу свою и зерно въ по-покахъ, текущихъ съ снѣжныхъ вершинъ, или водопадахъ, спремящихся съ утесовъ.

Въ облачной полосѣ находящіяся многочисленныя и тучныя папорощники, различные панданы, множество лобелій, меншроеидеръ, мимоза, и два послѣднія расшенія замѣчательны по различной формѣ лисьевъ въ различныхъ мѣстахъ. Наконецъ—здѣсь обласъ драгоцѣннаго сандала, одной изъ важнѣйшихъ вѣшвей торговли здѣшняго архипелага.

ГЛАВА LI.

ИСТОРИЯ ГАВАЙСКИХЪ ОСТРОВОВЪ.

На Гавайскомъ архипелагѣ были свои баснословныя лѣтописи, въ народныхъ пѣсняхъ и народныхъ преданіяхъ. Эпи лѣтописи, всегда неопредѣленныя, часто прошиворѣчащія, больше аллегорическія, нежели истинныя, больше наполненныя вымыслами, нежели дѣлами, опкрывающъ однакожь съ одной своей стороны національную физіогномію — онѣ первобытная поэзія народа, выраженіе его дѣйскихъ мечтаній, и по эпимъ различнымъ отношеніямъ сподѣяшъ изученія нашего.

Происхожденіе Гавайскихъ племенъ по симъ древнимъ преданіямъ излагается различно. По однимъ, первый обитатель острововъ былъ происхождения небеснаго, сынъ *Гаузеа*, божества женскаго пола. По другимъ, первый отецъ всѣхъ начальниковъ былъ *Акеа*, кольцо соединенія боговъ съ людьми. Но самое общее мнѣніе то, что первобытные обитатели Гаваи прибыли сюда въ

лодкахъ изъ *Таити*, что значишь издалика. Сказывающъ , что въ древнѣйшія времена , когда море покрывало еще сплошь все пространство, сѣла на волны его какая-то пребогшая птица, снесла яйцо, и это яйцо—былъ *Гаваи*. Немного спустя потомъ, въ лодкѣ , изъ *Таити* приплыли мужчина, женщина, собака , двѣ курицы и свинья , приспали на восточной сторонѣ *Гаваи* и поселились тамъ. По разсказу, который особенно принадлежитъ острову *Оагу*, прибавляющъ, будто новопріѣхавшіе дружески устроились съ богами и духами, единственными въ то время обитателями *Гавайскаго* яйца. Тѣ-же преданія , и другія еще , прибавляющъ , что былъ здѣсь потомъ ужасный камаклизмъ , покрывшій все острова , такъ , что незамокшею осталась только вершина *Муна-Кеи*. Туда убѣжало нѣсколько людей , и они послужили завязью нынѣшняго народонаселенія.

Мы уже говорили о томъ , что опдаленное мореплаваніе представляется несомнительнымъ дѣломъ въ старинныхъ лѣтописяхъ здѣшнихъ , ибо онѣ разсказываютъ о *Гавайскомъ* жрецѣ *Кама-пи-каи* , населявшемъ *Таити* , и чужеземномъ жрецѣ *Пао* , человекѣ бѣлаго цвѣта , приславшемъ съ своими богами на *Гавайскую* землю , во времена царя *Кагу-Капу*.

При жизни *Опири* , сына *Пао*, многіе, также бѣлаго цвѣта , чужеземцы приспали на *Гаваи* съ Ю. В. стороны острова, и ушли въ горы, гдѣ утвердили свое мѣстообитаніе. Преніе жили не

знали: должно-ли ихъ почищать богами, или людьми, смошрѣли на нихъ съ чувствомъ почтительнаго любопытства и не смѣли къ нимъ приблизиться. Наконецъ, царь тамошняго округа призвалъ на совѣтъ Опири, и эшошъ былъ такого мнѣнія, что пріѣзжимъ надобно поднести значительный подарокъ припасами. Для того собрали множество припасовъ, и Опири, идя впереди толпы народа, несшаго подарки, направился къ горамъ, гдѣ укрылись чужеземцы. Едва увидѣли они прибышіе Опири, какъ пошли на встрѣчу гостей. Видя эшо, туземцы разосплатили рогожки, положили на нихъ припасы, и опсшупили на нѣсколько шаговъ. Тутъ Опири началъ рѣчь, и едва сказалъ онъ два, три слова, чужеземцы опшвѣчали ему и взяли его подарки. Пошомъ, обрадованные шѣмъ что понимаютъ другъ друга, съ обѣихъ споронъ начали разговоръ. Дѣло столь простое казалось добрымъ Гавайцамъ чѣмъ-то сверхъ-естественнымъ; они всячески хошѣли увѣрить себя, что пріѣзжіе чужеземцы суть боги, и обходились съ ними со всевозможнымъ почтениемъ. Пребываніе бѣлыхъ людей было здѣсь однакожь непродолжительно, и они опяшъ куда-то опправились. Преданіе не говоритъ: какой именно корабль служилъ имъ для прибытія и опбытія. Все, что узнаемъ мы изъ него — эшо имя начальника чужеземцевъ. Онъ назывался *Мана-Гини*, шо есть, на Полинезійскомъ языкѣ, *чужеземецъ, гость*, и эшо имя обще оспровишянамъ Гаваи, такъ-же какъ оспровишянамъ Таиши и Нука-Гива.

Болѣ новое , и болѣ дословѣрное преданіе ушверждаетъ еще , что черезъ много лѣтъ послѣ бытности здѣсь Мана-Гини и его товарищей , въ царствованіе *Кагу-Капу* , царя въ Каава-Роа , семеро иностранцевъ прибыли въ заливъ Ке-ара-ке-куа , въ то самое мѣсто , гдѣ сошелъ потомъ на землю капитанъ Кукъ. Они явились въ лодкѣ , похожей на Кукову , съ навѣсомъ на задней части эшой лодки , но безъ мачтъ и безъ парусовъ. Всѣ они были одѣты въ бѣлое и въ желтое , и у одного изъ нихъ былъ на бедрѣ *паги* , или длинный кинжалъ , и перо на шапкѣ. Самымъ дружескимъ образомъ встрѣтили туземцы пришлецовъ. Господинами на Гаваи , переженились на здѣшнихъ женщинахъ , были избраны въ начальники , оказались ловки , великодушны , храбры , опыты , и кончилось тѣмъ , что они управляли островомъ Гаваи. Миссіонеръ Эллисъ ушверждаетъ , что до сихъ поръ находятъ еще здѣсь людей , происходящихъ отъ эшого иностраннаго поколѣнія. « Люди эши—говоришь онъ—легко узнаются по болѣ свѣтлому цвѣту кожи , по очерку лица , и по волосамъ , темнымъ и кудрявымъ. Впрочемъ , они сами чванятся своимъ родомъ и памянь объ эшомъ сославляють для нихъ славу и опличіе. »

Еще Лаперузъ былъ того мнѣнія , что острова , названные Кукомъ Сандвичевыми , то есть Гавайскіе , были тѣ-же самые , которые открылъ въ 1542 году Испанецъ Гаэпано , и назвалъ *островами Царей и Садовъ*. Мореплаватель эшотъ рассказывалъ , что опираясь изъ порта *Рождества* (*Natividad*) ,

находящагося подъ 20° на берегу Америки, онъ шелъ прямо на западъ, почти 900 льё, и въ этомъ разстояніи открылъ купу острововъ, на коихъ дикари были почти нагіе, и что эти острова, впрочемъ окруженные кораллами, обиловали кокосами и другими плодами. Смотри на карту, легко можно удостовѣриться, что единственная земля, къ которой можно приложить все сіе обстоятельство, должна быть архипелагъ Гавайскій. Тогда преданіе, о которомъ мы упоминали выше, не будешь-ли означать пребыванія здѣсь Гаэмана? Тѣмъ болѣе можно это допустить, что Кагу-Капу, предокъ въ шестомъ колѣнѣ, по прямой линіи, Тарай-Опу, царя Гавайскаго въ бытность здѣсь Кука, долженствовалъ жить за двѣсти лѣтъ прежде, то есть, около той эпохи, когда могъ быть здѣсь Испанскій плаванель.

Другое преданіе, относящееся къ тому-же времени, касается нѣкоего *Роно*, и оно важно тѣмъ, что поясняетъ, почему туземцы воздали Куку божескія почести, когда онъ прибылъ сюда. Роно жилъ во время одного изъ древнихъ царей Гавайскихъ. Ревнивый и вспыльчивый, онъ убилъ жену свою въ минушу гнѣва, но какъ онъ любилъ ее спрассно, то лишился потомъ разсудка онъ печали и скорби, бѣгалъ по островамъ, какъ сумасшедшій, дрался, боролся, билъ всехъ, и наконецъ, утомленный и опчаянный, пустился въ море, въ лодкѣ особеннаго устройства, обѣщая возвратиться. Туземцы изобразили жизнь этого человека въ

народной пѣснѣ, которую помѣщаю я здѣсь, какъ
обращикъ всѣхъ другихъ пѣсенъ.

« О Роно-Акуа.

1. Роно-Акуа Гавайскій, въ старые годы, жилъ былъ съ
женою своею въ Ке-ара-ке-куа.

2. Имя богини любви его было Каики-рани-ари-опуна.
Жили онъ и она подъ утесистой скалой.

3. Пришелъ человѣкъ на скалу, и опшуда началъ такъ
говорить женѣ Роно :

4. « О ты, Каики-рани-ари-опуна, любовникъ твой тебя
привѣтствуетъ. Побереги одного, прогони другого — все
еще одинъ останется. »

5. Услышавъ эти лукавыя рѣчи, Роно убилъ жену свою,
въ движеніи гнѣва.

6. Опчаянный опъ такого жестокаго дѣла, онъ понесъ
въ морай пѣло жены своей, и долго надъ нимъ плакалъ.

7. Бѣгалъ онъ послѣ того по Гаваи въ бѣшеномъ изсту-
пленіи, и дрался со всякимъ, кого ни встрѣтитъ.

8. Изумленный народъ спрашивалъ : « Или ты, Роно, со-
всѣмъ одурѣлъ? » А онъ отвѣчалъ : « Да, одурѣлъ я по ней,
которую такъ сильно любилъ. »

9. Учредивъ игры для памяти ея смерти, опсправился
онъ по морю въ преугольной лодкѣ, и уплылъ въ далекія
спраны.

10. Передъ оптѣздомъ предвѣщалъ онъ такъ : « Возвра-
щусь я въ будущее время на островъ, гдѣ есть кокосы,
свиньи и собаки. »

Туземцы причислили Роно въ боги и каждый
годъ, въ память его оптѣзда, чествовали его
праздникомъ, присовокупляя къ эшому Омиров-
скія игры—борьбу, кулачный бой, бившу на копьяхъ.
Роно обѣщалъ ворошиться, и ежегодно ожидали
его возвращенія. Такимъ образомъ, когда Кукъ

явился передъ Гаваи , жишели почли корабли его осшровами, а самого капишана своимъ богомъ Ро-но. Ошъ шого произошли всѣ шоржесшвенные прі-емы и всѣ божескія почести, о кошорыхъ мы ска-жемъ далѣе.

Послѣ эпохи Роно должно помѣшшшь время пя-шаго пошомка ошъ Кагу-Капу , *Kaia-Mamao* , по-гибшаго шрагическимъ образомъ. *Куи-Поипои* , мо-гушій начальникъ въ Гаваи , шщешно спшарался обольшшшь одну изъ женъ *Kaia-Mamao* , рѣшилсѣ на злодѣйшво, увлекъ ее въ горы и обезчешшилъ. Такое дѣло варварское могло нарушшшь шшшину мирной шогда спраны , ибо оно было ненавшешно и неблагоразумно. Пошому , бранъ похшшшшеля , *Ала-Пои* , человѣкъ справедливый и воинъ храбрый, порицалъ *Куи-поипои* , пошелъ къ нему, и угово-рилъ ошданъ на его руки несчастшную женщину , чшобы ошвесшш ее къ оскорбленному супругу. По-хшшшшель согласилсѣ, но когда *Ала-Пои* предшшалъ передъ царѣ съ женою его , ошчаянною и шрепе-щущею, гордый *Kaia-Mamao* , ошвергъ ее съ пре-зрѣніемъ. *Ала-Пои* насшоялъ, и даже поднесъ по-дарки, кокосы, рыбу , всякую живность , положивъ все эшо у ногъ царѣ. Но царѣ ничего не пршнялъ, и даже велѣлъ все эшо выкинушь на *ватасъ* , или площадку, чшобы ошъ солшца сгнили шамъ подарки *Ала-Пои*. Такой поступокъ былъ жешшочайшею оби-дою, какую шолько можно нанесшш начальнику , и пошому чешшшшшй *Ала-Пои* чрезвычайно оскорбшлсѣ. Въ яросшш удалшлсѣ онъ ошъ царѣ, собралъ всѣхъ своихъ друзей , и повелъ ихъ на царскія войска.

Кровавая битва началась въ долинѣ Оно-Марино , длилась три дня. За исключеніемъ Каіа-Мамао и сына его , Тарай-Опу , немногіе изъ воиновъ царскихъ уцѣлѣли въ этомъ побоищѣ. Самъ царь спасся только великодушною помощью врага своего Ала-Пои ; храбрый воинъ этотъ удержалъ копьё , вознесенное на пораженіе его. Но Каіа-Мамао былъ слишкомъ гордъ , и это великодушіе было ему тяжеле всякой пощери битвы; онъ убилъ самъ себя на полѣ сраженія.

Не взирая на сіе бѣдствіе , Гавайцы не ошреклись опъ своихъ царей, и возвели на пронъ юнаго Тарай-Опу, царствовавшего въ то время, когда Кукъ явился на берегахъ Гаваи. Въ это время всё острова повиновались одному царю, но на каждомъ были свой *аріи-раги* , главный начальникъ , и *аріи* , или начальники округовъ. Обширное родословіе Гавайскихъ царей , за все время до прибытія Кука, можно видѣть въ таблицѣ, которую составилъ Кингъ, по словеснымъ указаніямъ жрецовъ, во время открытія Гаваи. Таблица эта означаетъ чешыре поколѣнія , слѣдующимъ образомъ :

Пурагу-ау-кап-каіа царствовалъ на Гаваи. У него былъ сынъ Ниру-Акуа. Въ это время на Мави былъ царь *Мока-Кеа*, у котораго сынъ Папика-Ніу.

Ниру-Акуа имѣлъ шрехъ сыновей , изъ коихъ старшій назывался Кагави. У *Папика-Ніу* на Мави былъ одинъ сынъ, по имени Кау-Рика.

Кагави оставилъ послѣ себя одного сына , Каіа-Мамао. У *Кау-Рика* было два сына , Меа-Меа и Таги-Тери.

Каиа-Мамао оставилъ двухъ сыновей : *Тарай-Опу* и *Кагуа*. *Меа-Меа*, царь *Мави*, имѣлъ только дочь, по имени *Роаго*.

Тарай-Опу женился на вдовѣ *Меа-Меа*, съ коюрою прижилъ сына, *Тиваро*. Эшошъ сынъ женился на *Роаго*, своей сводной сестрѣ, и въ слѣдствіе такого двойного родства, *Тарай-Опу* могъ пребывать въ пользу сына своего владѣнія островамъ *Мави* и окрестными землями. Это требованіе было оспариваемо однакожь брашомъ *Меа-Меа*, *Таги-Тери*, и поддерживаемый сильною партіею, онъ защищалъ права свои оружіемъ.

Вошъ въ какомъ положеніи былъ архипелагъ, когда *Кукъ*, совершая свое третье путешествіе, основался передъ однимъ изъ его острововъ. Января 20-го 1778 года, знаменитый мореплаватель бросилъ якорь въ заливѣ *Ван-Меа*, подъ вѣтромъ острова *Тауаи*. При видѣ его огромныхъ кораблей, первымъ чувствомъ туземцевъ было удивленіе, смѣшанное съ ужасомъ. Они понемногу приблизились въ своихъ лодкахъ, съ большою осторожностью, въ небольшомъ числѣ взшли на палубу, и были изумлены тѣмъ, что тамъ увидѣли. Но однакожь первымъ понятнымъ вопросомъ ихъ было требованіе желѣза, которое называли они *гама-ити*, и это обстоятельство нельзя объяснить ничѣмъ другимъ, кромѣ пребыванія здѣсь Европейцевъ прежде *Кука*.

Среди дружескихъ объясненій, казалось однакожь, что туземцы не слишкомъ-то рады были

видя новыхъ пришлецовъ близъ острова. Они вопрошивились даже высадкѣ на берегъ, и Англичане принуждены были убиить одного изъ самыхъ упрямыхъ дикарей, чтобы устрашить другихъ, послѣ чего сопрошивленіе прекратилось. Сошедъ на берегъ, Кукъ всюду видѣлъ только почтеніе и покорность. Туземцы кланялись ему въ землю, предлагали ему всякіе подарки, и одинъ изъ жрецовъ острова произнесъ передъ нимъ молитву, какъ передъ богомъ. Между Англичанами и островитянами установился дружескій размѣнъ.

Кукъ посѣтилъ одинъ изъ Тауайскихъ *моравей*, мѣсто богослуженія и погребенія, неподалеку отъ пристани, и въ этомъ религіозномъ памятникѣ всего болѣе поразило его сходство съ подобными постройками на Таити. Сродство двухъ архипелаговъ казалось ему послѣ сего вѣроятнымъ, и надобно было только пріислать шому дальнѣйшія доказательствъ. Тауайскій морай состоялъ изъ обширной загородки каменною стѣною, фуша чешыре вышины, выкладенной внутри подвижнымъ кремнемъ. На одномъ концѣ ея возвышался родъ чешыреспоронной пирамиды, вышиною фушовъ 20-ть, и фуша чешыре въ основаніи по бокамъ; она устроена была изъ жердей, связанныхъ поперечинами, такъ, что во всю вышину свою походила на грубую клѣшку. По видимому, нѣкогда пирамида эта была обвернута тонкою, сѣраго цвѣта тканью, лоскутья которой висѣли еще на ней. Подлѣ, на площадкѣ особаго рода, видны были плоды, принесенные въ даръ *Тангареа*, богу покрови-

телю острова. Пирамида называлась *Гене-нану*, и въ морѣ болѣе опдаленномъ видна была другая такая-же, но обширнѣе, почти 60-ть фузовъ вышиною. Внутренность морая, кромѣ того, была испещрена символическими предметами и привѣсками, смыслъ которыхъ трудно было изъяснить: шупъ видна была высокая, узкая клѣшка изъ бамбука; тамъ пьедестальцы, почти вровень съ землею, разнаго вещества и разной формы, а далѣе — лоскутья шкани, прицѣпленные къ палкамъ, кривая, какъ пила иззубренная жердь, что-то въ родѣ улья, покрышаго соломой, и поставленнаго фушахъ въ 10-ти опъ земли, на палочкѣ, поддержанной двумя столбами. Вотъ что видно было во внутренности святилища, о которомъ только рисунокъ можетъ дать настоящее понятіе.

Во глубинѣ морая находилась хижина, 40 фузовъ длины, 10-ть ширины и столько-же вышины. Это былъ настоящій храмъ. Войдя въ него, можно было видѣть въ глубинѣ его двухъ деревянныхъ болвановъ, изъ одного ошрубка, посаженныхъ на подножіе, фузовъ прехъ вышиною. Одинъ изъ этихъ кумировъ былъ сверху накрытъ шапкою въ видѣ шлема, а другой цилиндрическимъ калпакомъ. Между ними стоялъ обрубокъ деревянный, обвязанный лоскутомъ шкани, а по полу насыпка папоротника, по видимому, набросанная въ разное время. По срединѣ хижины, передъ идолами, четырехугольное мѣсто, обкладенное камнями, показывало, что шупъ было похоронено семь начальниковъ. Вблизи, два другіе четырехугольника, поменѣе, озна-

чали мѣста погребенія свиньи и человека, пожертвованныхъ идоламъ. Приношеніе на жертву людей при похоронахъ сшаршинъ, казалось, было здѣсь всеобщимъ и весьма древнимъ обычаемъ. Кукъ полагалъ также, по нѣкоторымъ, худо понятымъ изъясненіямъ, что туземцы съѣдали людей, принесенныхъ на жертву, дѣлая изъ этого большіе праздники; но въ послѣдствіи, Миссіонеры опровергнули сіе обвиненіе доказательствами, довольно достоверными.

Кукъ оставался только три, или четыре дня при Тауаи, посѣнилъ Нінгау, пробылъ чуть дня съ три, и потомъ, не взирая на стремленіе любопытства обозрѣть архипелагъ, отправился, по назначенію своему, къ сѣв. зап. берегамъ Америки. Издали, мимоходомъ, взглянулъ онъ на Оагу, и все это, вмѣстѣ съ Тауаи, Нінгау и скалою Тагура назвалъ общимъ именемъ, *островами Сандвича*, въ честь одного изъ своихъ покровителей, лорда Сандвича.

Но на слѣдующій годъ, почти въ то-же время, послѣ обозрѣнія береговъ Американскихъ, великій мореплавецъ хотѣлъ дополнить свое важное открытіе. Января 17-го 1779 года, снова появился онъ передъ Сандвичевою купою, на западномъ берегу Гавай, въ гавани Ке-ара-кекуа.

Неописанное дѣйствіе на туземцевъ имѣло появленіе двухъ огромныхъ кораблей Европейскихъ. Кау, начальникъ сонмища жрецовъ, и сынъ его, Оне-Еа, жрецъ бога Роно, торжественно объявили,

что это самъ Роно сдержалъ свое обѣщаніе и явился въ Гаваи , по данному имъ слову. По ихъ увѣренію, Кукъ сдѣлался Роно ; богомъ явился онъ для всѣхъ шуземцевъ. Когда проходилъ онъ въ шолѣ дикарей, его называли великимъ, могущимъ Роно; падали ницъ на пуши его ; въ храмахъ приносили жершвы въ честь его. Чего ни шребовалъ онъ для себя и людей своихъ , все было гошово. За все это знаменишый морешлавашель долженъ былъ иногда позволяшь съ собою спранные обряды, значенія копорыхъ онъ вовсе не понималъ. Кукъ хорошо видѣлъ, по приему , какой ему оказывали , что дикари обходяшся съ нимъ , не какъ съ чело-вѣкомъ , одной породы и шепени со всѣми дру-гими, но ошъ этого понятія до баснословной сказ-ки о богѣ Роно было еще далеко. И вопъ онъ позволилъ себя обогошворяшь , сдѣлался двойни-комъ Роно, и шерпѣлъ разныя религіозныя цере-моніи, копорыми шешвовали ожидаанный приѣздъ Гавайскаго мнимаго божешшва.

При одной изъ эшихъ церемоній повели его въ *Гаре-но-о-Роно* (домъ Рона), и посадили при под-ножіи идола—огромнаго длиннаго болвана, одѣшаго какъ полишинель , съ оспроконечнымъ калпакомъ на головѣ , окушаннаго длиннымъ лоскушомъ шканни, и шполь-же безобразнаго и уродливаго, какъ Мама-Комбо Гамбійскихъ Негровъ. Едва сѣлъ Кукъ на назначенное мѣшо, накрыли ему руки красною шканью , и просили офицера Кинга поддерживашь ихъ на воздухъ. Тогда приблизился молодой на-чальникъ, по имени Каири-Кіа , сопровождаемый

двѣнадцатью жрецами, нагими совершенно, и прикрытыми только своими маро. Изъ рукъ одного своего сопутника взялъ онъ поросенка, проговорилъ длинную, торжественную рѣчь, задушилъ поросенка и велѣлъ изготовить его. Тутъ опять поднесли поросенка Куку, съ удвоенными рѣчами, прибавя къ этому кокосовый орѣхъ и чаши съ кавою, крѣпкимъ Полинезійскимъ напитокомъ. Надобно было Куку все это пить и ѣсть, и въ знакъ особеннаго почтенія, одинъ изъ жрецовъ хотѣлъ набивать ему ротъ своими руками. Кукъ не съ большою охотою приступилъ къ принятію почестей, боясь, чтобы опять не поподчивали его сухлою свининою, какъ было это за нѣсколько дней прежде. Онъ отказался рѣшительно, и вотъ, желая побѣдить его упрямство послѣдняго рода ласкою, жрецъ Коала принялся жевать жертву и подчивалъ Кука. Бѣдный Роно не зналъ куда дѣваться отъ такого почеша.

Благоговѣніе жрецовъ и народа не ограничивалось однѣми парадными почестями. Каждый разъ, когда Англичане сходили на берегъ, ихъ задаривали припасами всякаго рода, и если шлюпки не являлись отъ кораблей, островитяне сами привозили въ лодкахъ свиней, кокосы, плоды и овощи. Совершенно не изъ корысти дѣланы были всѣ такіе подарки. За нихъ ничего не требовали и не ждали въ отплату, считая себя счастливыми, если Роно удостоивалъ что нибудь принимать.

Января 24-го, торжественное шабу, учрежденное на пристани Ке-ара-кекуа, возвѣстило близкое

прибытіе аріи-раги Тараи-Опу , возвращавшагося изъ военнаго похода на ближній оспровъ. Предувѣдомленный о прибытіи чужеземцевъ, онъ сперва шайно объѣхалъ около ихъ кораблей, и попомъ объявилъ , что шоржественно посѣпшитъ Рона , и предложитъ ему подарки, боговъ доспойные.

Дѣйствительно, въ назначенный для сей церемоніи день , Тараи-Опу поплылъ около полудня на большой лодкѣ , сопровождаемой двумя другими , наполненными запасовъ, и направился къ кораблю. Главнѣйшіе чиновники Двора его , въ своихъ шапкахъ, накрытые самыми дорогими плащами и вооруженные копьями и кинжалами , находились въ царской лодкѣ; въ другой , за нею слѣдовавшей, шѣснились жрецы , предводимые спаршиною Кагу , съ идолами , обвернутыми въ красные лоскутья. Идолы эши были ивовыя куклы, огромной величины, украшенные пестрыми перьями и плащами; глаза у нихъ сдѣланы были изъ перламутра , съ орѣхомъ по срединѣ; въ ротъ каждого набины зубы, и вся фигура ихъ была грубая и смѣшная. Свиньи и овощи наполняли прешью лодку. Во время переѣзда съ берега до корабля дикари пѣли духовныя пѣсни. Приближась къ кораблямъ, лодки обплыли ихъ кругомъ, но не всходя на корабль , царь приглашалъ Англійскаго кашипана разговаривать съ нимъ на берегу. И дикари и Англичане осправились шуда, и сошлись подъ палашкою , кошую Англичане успроили наскоро подлѣ пристани. Тутъ , среди глубокаго молчанія, какое воцарилось въ собраніи, Тараи-Опу вспалъ съ своего мѣсна , пошелъ къ

Куку, сидѣвшему на другомъ концѣ залы, самымъ ласковымъ образомъ надѣлъ собственный свой плащъ на плеча Кука, надвинулъ ему на голову шапку съ перьями, вложилъ въ руку вѣеръ, и кончилъ шѣмъ, что разоспалъ у ногъ его шесть плащей, самой дорогой цѣны. Пока царь предлагалъ свои драгоценные дары, служители его принесли чепырехъ большихъ свиней, сахарныя проспи, кокосовые орѣхи, плоды хлѣбнаго дерева, и все это повергли у ногъ капишана. Обрядъ кончился размѣномъ именъ между Кукомъ и Тараи-Опу, что такъ всеобще и важно въ Полинезіи. Едва кончилось дѣло съ царемъ, подошли жрецы, жадные воздашь свой почешъ Роно, и за ними шло множество народа, согбеннаго подъ тяжестью свиней, и корзины съ бананами, папашами, овощами и плодами.

Тараи-Опу, уже спарый въ то время, и припомъ, больной, худой и щедушный, былъ сопровождаемъ въ сей день своими двумя младшими сыновьями и племянникомъ, который такъ знаменитъ сдѣлался въ послѣдствіи, подъ именемъ *Тамеа-Меа*. Кингъ, видѣвшій его тогда, говоритъ, что молодой царевичъ былъ страннаго и дикаго вида, и что голова его, покрытая помадою и темною пудрою, не слишкомъ-то украшала его.

Такъ прошло все время вѣпоричнаго здѣсь пребыванія Англичанъ. Доброе согласіе ни на минушу не было нарушено, и только Тараи-Опу казался встревоженнымъ отъ множества припасовъ, потребляемыхъ его госпями. «Эти люди — говорилъ Га-

вайскій царь—конечно, прїѣхали изъ такой земли, гдѣ умирали съ голода, и если они еще поживутъ здѣсь, то съѣдятъ у насъ все.» Пошому съ заботливоспью освѣдомлялся онъ о днѣ отъѣзда гостей, и когда сказали ему, что уѣдутъ они еще не скоро, бѣдный царь ужаснулся голодной кончины въ будущемъ. Онъ умножилъ однакожь свою ласковость, не переставалъ посылать Куку лодки съ запасами. Кукъ отвѣчалъ ему дарами равной цѣны. При самомъ отъѣздѣ, жрецы хотѣли удержатъ Роно, или, по крайней мѣрѣ, Кинга, котораго называли его сыномъ, и не безъ прискорбія смотрѣли, когда *Открытіе* и *Рѣшеніе* (имена кораблей Куковыхъ) увозили ихъ божественнаго госня.

До сихъ поръ Гавай являлся для великаго мореплавателя областью прїѣзжа и гостепрїимства. Но, по несчастію, когда онъ уже оканчивалъ описаніе своего открытія, порывомъ вѣтра повредило одинъ изъ его кораблей. Надобно было починить поврежденіе въ оснасткѣ, и Кукъ снова явился при Ке-ара-кекуа, 11-го Февраля 1779 года. Палашки для работы, масперскія и кузницы были поставлены на берегу, близъ моря. Тутъ принялись за работу. Первый и второй день прошли такъ, что въ расположеніи дикарей не замѣчали переменъ. Царь ворошилъ въ это время изъ пунешесивіа во внутреннія области, и по прежнему обласкалъ капишана. Но по мѣрѣ того, какъ пребываніе Англичанъ продолжалось, отношенія къ нимъ Гавайцевъ стали безпрестанно измѣняться. Прежнее почтеніе и внимательность перешли сначала въ

холодность и недоверіе. Пошомъ пробудилась страсть къ воровству, столь обыкновенная у дикарей, и всякая бездѣлка сдѣлалась для нихъ предметомъ невыносимаго обольщенія. Вздорливые, опважные, хваспливые, они не замедлили возбудить негодованіе Англичанъ. Уже 13-го Февраля начиналась ссора между шугемцами и госпіями, и дикари принимались за каменья, гошовые шолною бросишь-ся на Европейцевъ, но прибытіе Кука удержало раздоръ и биву. Почти въ то-же время, машрозы съ корабля опкрышо принуждены были спрѣляшь въ дерзкихъ хищниковъ, хопѣвшихъ что-то украсъ на кораблѣ. Непріятныя эши ссоры, и недо-разумѣнія, какія изъ того слѣдовали, имѣли окончаніемъ несправедливое насиліе Англичанъ прошивъ старшины Паріа, всегда оказывавшаго имъ большую ласку. Взбѣшенныя такою неблагодарностью, оспровишяне бросились на забіакъ, и кровопролишніе было-бы неминуемо, если-бы самъ Паріа не засшупился за Англичанъ и не спасъ ихъ опъ яросши друзей своихъ.

Дѣло казалось оконченнымъ, но вечеромъ нѣсколько дикарей подкрались къ палашкамъ, и въ нихъ принуждены были спрѣлять, сколько для удаленія ихъ, столько и для того, чтобы испугать другихъ. На слѣдующій день, 14-го числа, ушромъ замѣшили важную покражу, совершенную ночью — шлюпка, висѣвшая на шомбуѣ корабля Опкрышіе, была похищена.

Услышавъ о томъ, Кукъ чрезвычайно разсердился, и велѣлъ выспрѣлишь ядромъ въ двѣ дикарскія

лодки, плывшія по гавани. Увлекаемый смѣлымъ и рѣшительнымъ своимъ характеромъ, онъ положилъ идти на берегъ, захвативъ царя, его главныхъ ариіи, и задержавъ ихъ аманашами на корабляхъ, пока не возвращашъ украденной шлюпки. Такое насиліе переходило предѣлы, худо соотвѣтствовало прежнимъ поступкамъ шужемцевъ, и особливо постоянному и неизмѣнному дружеству, какое оказывали Англичанамъ царь и жрецы. Но во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, отважный морякъ поступалъ подобнымъ образомъ, и теперь не хотѣлъ онъ отказаться отъ системы смѣлости и дерзости, постоянно ему удававшейся. Въ восемь часовъ утра, 14 Февраля 1779 года, отдавши необходимыя приказанія о предосторожностяхъ, Кукъ отправился къ берегу въ лодкѣ, съ девятью солдатами, нѣсколькими маиросами и офицеромъ. Онъ поплылъ прямо къ селенію Каава-Роа. Здѣсь высадивъ онъ свой небольшой отрядъ, прямо пошелъ къ царскому жилищу, нашелъ царя еще спавшимъ, и приказалъ ему слѣдовать за собою. Снарикъ не смѣлъ противорѣчитьъ, вспалъ, послалъ за двумя своими юными сыновьями, и вмѣстѣ съ ними отдался Куку, позволяя вести себя къ пристани. До этого мгновенія ничто не показывало въ шужемцахъ никакого непріязненнаго намѣренія; вчерашняя смѣлость ихъ казалась утихнувшею, и знаками благоговѣнія, по прежнему, встрѣтили и проводили они Англійскаго капитана. Когда онъ появился изъ царскаго жилища, уводя съ собою царя и двухъ сыновей его, дикари, казалось, не пони-

мали, что такое это означало? Уже оба царевича были въ лодкѣ, когда любимица Тарай-Опу, по имени Канона, бросилась къ берегу, и со слезами, рыдая, умоляла царя нейдти въ лодку. Нѣсколько старшинъ, собравшись около своего власишеля, также просили его недовѣрять чужеземцамъ, и не отдаваться имъ въ руки. Толпа народа поспешенно увеличивалась, и смотрѣла на всѣ сіи событія съ беспокойствомъ и нерѣшимельностью. Тарай-Опу не зналъ что дѣлать ему, между непреклонною волею Кука и заботою подвластныхъ объ его безопасности. Онъ понималъ, можетъ быть, что только бивва можетъ спасти его, желалъ этого, но не смѣлъ подать знака къ ея началу. Совершенно разспрошенный, въ спрашномъ замѣшательствѣ, унылый и блѣдный, сѣлъ онъ на песокъ. Тушъ приближалъ какой-то дикарь, бросился въ толпу, окружавшую Кука, и закричалъ: «Бивва, бивва! Чужеземцы начали бить нашихъ; они смотрѣли въ нашу лодку и убили одного начальника!» При сихъ словахъ, мгновенно измѣнилось положеніе дикарей; вмѣсто молчанія и нерѣшимельности, они схватили каменья и стали въ оборонительное состояніе. Оспрадъ Англійскихъ солдатъ, увидя смѣлость ихъ, приговорился смотрѣть въ самыхъ дерзкихъ, находясь въ 15-ти, или 20-ти шагахъ отъ того мѣста, гдѣ были Кукъ и Тарай-Опу. Сопоразмѣривъ въ сіе время опасность своего положенія, Кукъ, по видимому, отказался отъ своего намѣренія спасти царя въ плѣнъ, пошелъ къ лодкѣ, оставивъ его — какой-то оспровишанинъ сталъ грозить ему копь-

емъ. Схвапивъ свое двуствольное ружье, капитанъ выстрѣлилъ въ дикаря и положилъ его на мѣстѣ. Туча каменьевъ, брошенная дикарями, была возмездіемъ за смерть земляка. Англійскіе солдаты дали по нихъ залпъ изъ ружей. Кукъ хотѣлъ прекратить огонь, но въ смятеніи и шумѣ приказъ его не могъ быть услышанъ. Онъ обратился къ дикарямъ, спалъ ихъ уговаривать, и убѣжденіемъ на миръ думалъ прекратить ужасную и неравную битву. Но едва оборотился онъ къ нимъ — ударомъ пагоа пронзили ему хребетъ, а копьемъ прокололи ему животъ. Онъ палъ и умеръ мгновенно.

Такъ погибъ великій мореплаватель, жертвою опваги, тяжко наказанной, слишкомъ небрежный о жизни своей, столь драгоценной для наукъ, геній мореплавателей, слишкомъ рано умершій, не для славы своей, но для современниковъ и потомства, которые имѣли столько причинъ сожалѣть объ немъ и сдѣлавъ имя его народнымъ именемъ.

Едва знаменишій начальникъ палъ отъ удара, битва сдѣлалась общою. Не спрashedъ мушкетнаго огня, не уступая Англичанамъ, дикари яростно кинулись на убійственные выстрѣлы. Четверо солдатъ были убиты ими, шрое тяжело ранены; самый офицеръ былъ пораженъ ударомъ пагоа. Но онъ и раненые солдаты успѣли однакожь броситься въ лодку свою, оставляя шѣла Кука и шоварищей своихъ во власти туземцевъ.

За этою несчастною битвою слѣдовала вторая ошибка, подлѣ того моря, гдѣ были разсѣялены

палашки и масперскія Англичанъ. Дикари оказались при семъ случаѣ ожесточенную храбрость, и уступили только послѣ гибели многихъ храбрѣйшихъ своихъ воишелей. Англичане видѣли, что имъ невозможно будетъ удержать поле битвы, при большемъ усилии дикарей, и потому они сняли всѣ полатки и удалились на корабли. Отсюда, безопасные отъ силы островитянъ, начали они переговоры, требуя отдачи трупа своего знаменишаго капитана. Не успѣвая въ своемъ требованіи ласковостью, Англичане хотѣли присупить къ насильственнымъ средствамъ, когда два жреца принесли къ нимъ кусокъ человѣческаго мяса, вѣсомъ фунтовъ въ девять, или десять. Вотъ все, что осмалось отъ шѣла великаго Роно—говорили жрецы—ибо его сожгли по обычаю, а кости раздѣлили между разными начальниками.

При видѣ безобразныхъ останковъ своего начальника, Англичане не могли удержать горести и гнѣва. Съ своей стороны, туземцы хотѣли мстить за гибель пяши опличныхъ спаршинъ, и прицати земляковъ кромѣ того. Взаимная непріязнь усиливалась, и при каждой встрѣчѣ Европейца и дикаря начиналась драка, къ которой прислаивались обѣихъ споронъ. Исправясь наливаясь водою, Англичане знали, что найдутъ тамъ толпу опчаянныхъ храбрецовъ, съ каменьями, пагоа и дубинами. Опасеніе подтвердилось на дѣлѣ. Мушкетный огонь разсѣялъ толпу, но она собралась снова. Тогда, въ примѣръ другимъ, начальникъ экспе-

диціи велѣлъ зажечь селеніе жрецовъ , и перебитьъ всѣхъ , кто дерзнулъ пропивишься этому мщенію.

Но за симъ послѣдовало примиреніе. Взаимно уступили съ обѣихъ споронъ , сошлись вмѣстѣ , и согласіе возстановилось 19-го Февраля. На другой день, спаршина Еапо , сопровождаемый нѣсколькими тысячами оспровишянъ, торжественно принесъ на берегъ бранные останки Кука—обѣ кисти рукъ, плечо, голову, съ кошорой кожа была содрана , и еще обрѣзки рукъ и ногъ. Февраля 24-го снесли всѣ кости, ошобравши ихъ у всѣхъ, кому онѣ были раздѣлены, дуло ружья, башмаки и разныя другія вещи. На другой день , съ гореснымъ торжествомъ предали морю останки славнаго мореходца, и съ дикарями возобновили ласку , обмѣнъ и посѣщенія, шакъ, какъ было эшо прежде. Гавань Ке-ара-кекуаская снова безпрестанно покрывалась лодками, изъ кошорыхъ въ иныхъ везли къ кораблямъ запасы , въ другихъ находились любопытные зрители.

Впрочемъ, должно сказать въ оправданіе начальниковъ и жрецовъ, что гибель Кука , слѣдствіе мгновенной ярости народа, глубоко ихъ опечалила. Сказка о Роно, приложенная къ Куку, такъ утвердилась на Гавай , что они воздали божескія почести браннымъ останкамъ великаго мореплавателя. Память его была обречена безсмертію на Гавайскомъ архипелагѣ , и до самаго обращенія въ христіанство, народное повѣрье было общее, что нѣкогда Роно опяшь явится на островѣ , и жестоко опомститъ своимъ убійцамъ.

Но заключеніе мира не могло однакожь удовле-
творить главнаго требованія Куковыхъ сопушни-
ковъ, причины смерти Кука и кровопролитія по-
шомъ. Мы говоримъ о шлюпкѣ, украденной дика-
рями. Едва только овладѣли ею оспровишяне, какъ
разломали ее, чшобы выпащить изъ нея гвозди, и
подѣлашь изъ нихъ уды. Какъ ни спарались на-
чальники дикарей, но, кромѣ обломковъ, ничего не
могли ошдашь Англичанамъ.

Десять дней продолжалось здѣсь пребываніе Ан-
гличанъ, ознаменованное такимъ несчастнымъ со-
бытіемъ. Февраля 22-го оба корабля пустились въ
море. Марша 4-го оспановились они подъ вѣтромъ
у оспрова Ниигау, гдѣ жишели являлись наглыми
ворами. Междоусобіе опустошало тогда сей
островъ: начальнику оспрова Ниигау не хотѣлъ
уступить начальникъ оспрова Тауау прехъ, или
чешырехъ козъ, кошорыя были ему оспавлены Ан-
гличанами, въ прошлогоднее ихъ пребываніе. Нача-
лась война за рогатыхъ Еленъ, и продолжалась
свирѣпо, когда Англичане оспавили Гавайскій архи-
пелагъ, 15-го Марша 1779 года. Напрошивъ, на
южныхъ оспровахъ возспановилась шишина. Та-
раи-Опу договорился съ Таги-Тери, уступивъ ему
въ пожизненное владѣніе при оспрова, Моро-Каи,
Ранаи и Тагу-Раве, съ шѣмъ, что по смерти его
они поступають къ царю Гавайскому, и ошдающся
Кау-ике-ули, спаршему сыну Тараи-Опу и наслѣд-
нику всѣхъ оспрововъ архипелага. Въ случаѣ смер-
ти Кау-ике-ули, безъ пошомсшва, права его дол-
женсшвовали поступить къ Тамеа-Меа, сыну Кеуа,

младшаго брата Тараи-Опу. Таково было уснановленіе о наслѣдствѣ прона Гавайскаго. Тараи-Опу недолго пережилъ отбытіе Англичанъ. Если вѣришь Ванкуверу, сей преспарѣлый власшипель погибъ въ возмущеніи, подробносши котораго оспались намъ неизвѣсны, и спасеніемъ самой вдовы Тараи-Опу отъ ярости возмущителей, были обязаны засупленію юнаго Тамеа-Меа.

Кау-ике-ули былъ однакожь безспорно возведенъ на пронъ опцовскій, но его жестокость и свирѣпство вскорѣ возспавили прошивъ него большую часть Гавайцевъ. По разсказу бывшихъ на кораблѣ *Блондина*, энопъ тиранъ, гордый и безчеловѣчный, запрешилъ нисшимъ званіямъ даже глядѣшь на него, начиная съ восхожденія до захожденія солнечнаго. Если какой нибудь несчастный забывалъ, по ошибкѣ, или съ намѣреніемъ, все равно, приказъ царскій—его казнили немедленно. Нельзя подтвердитъ вполнѣ сего разсказа, но извѣстно, что честолюбивый и смѣлый Тамеа-Меа вскорѣ нашель множесиво предлоговъ для спора съ двоюроднымъ брапомъ своимъ о наслѣдствѣ престола. Нѣсколько сшибокъ безъ дальнѣйшихъ слѣдствій, и нѣсколько часпныхъ битвъ, кончилисъ великимъ сраженіемъ Моко-Гуаскимъ, даннымъ близъ селенія Кееи, гдѣ погибъ Кау-ике-ули, и гдѣ побѣдителю доспался пронъ побѣжденнаго. Дочь Кау-ике-ули, юная Кеа-пуо-лани, попала въ плѣнъ послѣ смерти опца, и новый царь Гавайскій женился на ней, ишобы соединитъ въ особѣ своей двойное право, рожденія и побѣды. Напрасно послѣ того, одинъ

изъ юныхъ брашневъ погибшаго царя , Ке-Уа , думалъ удержаться независимымъ въ нѣсколькихъ округахъ на восточномъ берегу острова. Мы уже видѣли , какъ сражалась съ нимъ Пеле , какъ послѣ неудачи , онъ бѣгствовалъ , принужденъ былъ опадаться въ волю побѣдителя и погибъ на пристани То-ваи-гаи.

Во время разгара всѣхъ эпихъ междоусобій на Гаваяхъ , Лаперузъ останавливался подлѣ Тауаи , въ 1786 году. Хотя ласково принятый жителями , онъ просоялъ здѣсь неболѣе сутокъ , и ничего не прибавилъ къ извѣстному до него. Капишаны Поршлокъ и Диксонъ , посѣтивши архипелагъ здѣшній въ 1786 и 1787 годахъ , расхвалили дикарей , съ которыми происходила у нихъ правильная мѣна припасовъ на мануфактурныя издѣлія. Ласковость и честность были наблюдаемы во всѣхъ сношеніяхъ. Въ это время Таги-Тери сдѣлался власпителемъ Оагу.

Почти тогда-же Мирсъ (Meares) посѣтилъ Гаваи , взялъ шамъ и перевезъ въ Макао *Таи-Ана* , одного изъ главнѣйшихъ вождей Темеа-Меа. Это былъ красивый мужчина , пяти футовъ и десяти дюймовъ ростомъ , складный , и хотя нѣсколько дородный , но съ пріятною , выразительною , умною физіогноміею. Его манеры не казались странными и дикими между образованныхъ Европейцевъ. Въ немногое дней свыкъся онъ со всѣми привычками жизни Англичанъ , не пошерявши нисколько природной доброшты и крошесны , которыми отличался. При-

существова однажды на обѣдѣ, кошорый Мирсъ давалъ другимъ капишанамъ, онъ замѣшилъ бѣдняковъ, плававшихъ около корабля въ дрянныхъ лодкахъ, и просившихъ милосшыни у Англичанъ; дикарь распрогался и сказалъ, обращаясь къ споламъ, наполненнымъ кушаньями: «У васъ больше, чѣмъ вамъ надобно — дайше-же эшимъ умирающимъ съ голоду! Не шяжко-ли эшо: засшавишь челоуѣка спрадашь? У насъ въ Гаваи нѣтъ голодныхъ, милосшыни не просятъ, и на всѣхъ досшашъ припасовъ.» Такое добродушное и крошкое челоуѣколюбіе, при умѣ дикаря, имѣло нѣкошорый успѣхъ между Англичанами и Поршугальцами, неожиданными сполько добраго въ грубомъ оспровишяниіи. Таи-Ана оспавилъ послѣ себя въ Макао дружбу и памяшь.

Гаваи спали всѣмъ извѣсны. Едва десятъ лѣтъ прошекло опъ погибели на нихъ Кука, какъ они сдѣлались уже мѣшомъ роздыха и оспановки, гдѣ присшавали Англіійскіе и Американскіе плаватели. Тушъ можно было задешево запасшисъ, и для запланы за припасы на цѣлый корабль досшашочно было дашь нѣсколько ружей и пороху. Чѣмъ болѣе дикари успѣвали добывать себѣ огнеспрѣльнаго оружія, шѣмъ болѣе желали имѣшь его, ибо обладаніе имъ давало права силы и власши надъ шѣми, у кого еще его не было. Не успѣвая въ обмѣнѣ, Гавайцы иногда крали эшу убійспивенную драгоцѣнность у Европейцевъ, и изъ эшого происходили кровавыя собышія. Вошъ одно изъ шакихъ происшешивій:

Сѣверо-Американецъ Мешкальфъ снарядилъ для мѣховой торговли два небольшіе корабля. Однимъ начальствовалъ онъ самъ, при экипажѣ изъ 40-ти земляковъ своихъ и 40-ка Кишайцевъ, и при помощи боцмана Джона Юнга; это былъ десяти-пушечный бригъ *Элеонора*. На другомъ были начальниками сынъ Мешкальфа и боцманъ Ісаакъ Девисъ. Это была гоэлемша *Прекрасная Американка*, съ пятью только мапрозами. Ошправясь изъ Кишай въ 1789 году, корабли разлучились. *Элеонора* провела зиму на Гаваяхъ, куда Американка пришла только въ Февралѣ. Оба корабля стояли при Мави. Во время стоянки ихъ пропала лодка, бывшая сзади брига, и съ челомъкомъ, кошорый ее караулилъ. Ушромъ замѣтили пропажу, и Мешкальфъ клялся, что ошмешитъ за обиду. Онъ пришворился равнодушнымъ, даже и пошомъ, когда дня черезъ три привезли къ нему кости пропавшаго мапроза и осмашки лодки. Онъ продолжалъ запасаться припасами, и ласково принималъ лодки, приснававшія къ его кораблю. Дикари увѣрились наконецъ, что воровство ихъ было прощено, и сшали появляться во множествѣ. Тогда, въ одно ушро, велѣно было зарядить всѣ пушки обоихъ судовъ картечью, а экипажу всѣ ружья пулями. По мѣрѣ прибытія лодокъ, ихъ перезывали на одну сторону кораблей, шолпили въ одну кучу, и залпомъ изъ пушекъ и ружей ударили въ несчастныхъ осшровишанъ. Дѣйствіе было ужасно—болѣе сша Гавайцевъ погибло, и еще болѣе переранено....

Совершивъ столь безчеловѣчное мщеніе, Меш-

кальтъ отправился въ Гаваи , гдѣ первые дни его пребыванія прошли тихо и мирно. Марта 18-го , одинъ изъ обласныхъ начальниковъ , по имени Тамеа-Мошу, подплылъ къ Американкѣ съ немногими шоварищами. Онъ объявилъ , что хочетъ поднести какіе-то подарки молодому Мешкальфу , и его довѣрчиво допустили на корабль. Но едва взошли Гавайцы на палубу — они схватили молодого капитана , бросили его въ воду , и море поглопило его. Тоже сдѣлано было съ боцманомъ Девисомъ , но будучи опытнымъ пловцомъ , онъ удержался на волнахъ , не смотря на ушибъ , и его взяли на лодку. Тогда-же задержали на берегу и посадили въ шюрму , по приказу Тамеа-Меа, Юнга, боцмана Элеоноры.

Такимъ образомъ , корабль Прекрасная Американка достался во власнь царя Гавайскаго. Бригъ Мешкальфа споялъ невдалекѣ , и съ него вскорѣ замѣтили насильство дикарей , но , къ удивленію , Мешкальфъ не рѣшился защищать своихъ шоварищей и подчиненныхъ ; мгновенно распустилъ онъ паруса, вышелъ въ море, и объ немъ ничего болѣе не слышали.

Трудно сказать , даже и нынѣ , по чьей волѣ и по чьему приказу учинено было завладѣніе Американкою. Боцманъ Юнгъ , безспорно , захваченъ былъ по приказу Тамеа-Меа , который хотѣлъ имѣть залогъ , чтобы вознаградить себя безъ всякой ссоры за поспупокъ Мешкальфа, но насиліе съ кораблемъ шакъ чуждо было ему, что онъ велѣлъ немедленно возвращить Американку хозяину, который

слишкомъ поспѣшно бѣжалъ, спрашась остававшись долѣе. Пошому мысль замысла прошивъ Мешкальфа, какъ и самое исполненіе его, были приписаны Та-меа-Мошу. Частъ обвиненія, по словамъ боцмана Юнга, падаетъ и на Танаи-Ана. Эшомъ вождь Га-вайскій, будучи характера смѣлаго и ошважнаго, неушомимой дѣяшельности и опличной храброспи, издавна предполагалъ, что могущество Гавайцевъ не будетъ прочно, пока Гавайцы не добудутъ себѣ пушекъ и кораблей, для подчиненія единому царю всего ихъ архипелага. Еще за полгода прежде предлагалъ онъ овладѣть бригомъ Мешкальфа, во время его зимовки. На шомъ разъ опклоненный онъ непріязни благоразуміемъ и честностью царя своего, въ послѣдствіи умѣлъ онъ обольстивъ его честолюбивыми замыслами. И потомъ, въ разныя времена, предлагалъ онъ принясь за насильственныя мѣры; между прочимъ предлагалъ овладѣть кораблемъ «Королевская Принцесса,» кошорый опняли Испанскіе крейсера у Англичанъ. Всѣ эши злонамѣренныя умыслы не могли поколебать швердой честности царя Гавайскаго, кошорый уже опспигалъ, какъ средсвами справедливыми и мирными можно будетъ достигнуть того, что честолюбивый вельможа предполагалъ возможнымъ шолько посредсвомъ насилія и разбоя. Эшо раздѣлило даже дворъ Гавайскій на двѣ паршіи, ибо Таи-Ана подкрѣпляли брашъ его Нома-Тага и хипрый Та-меа-Мошу, когда другіе, какъ-то: Кееау-Моку, Караи-Мамагу и Кара-Гаиро поддерживали миролюбивыя намѣренія царя своего.

Въ дѣлѣ съ Мешкальфомъ только однимъ рѣшил-
ся воспользоваться Тамеа-Меа — плѣномъ двухъ
Европейцевъ, Юнга и Девиса. Онъ видѣлъ въ нихъ
драгоцѣнныя средства для образованія самого себя
и подчиненныхъ, и думая, что цѣль оправдываетъ
средства, рѣшился поступать самовольно. Оба Аме-
риканца объявлены были официально его плѣнника-
ми, съ взаимною одного за другаго отвѣтствен-
ностью, такъ, что за бѣгство одного вполне от-
вѣтствовалъ другой. За то, опнимая свободу бѣд-
ныхъ плѣнниковъ, Тамеа-Меа осыпалъ ихъ ласками
и удостоилъ неограниченною дружбою. Юнгъ и
Девисъ полагали, что Гавайцы съѣдятъ ихъ за-
живо, шѣмъ болѣе, что туземцы погибшіе отъ
нихъ на Мави требовали возмездія. Судите объ
удивленіи ихъ, когда вмѣсто того, они увидѣли
себя водворенными въ красивой хижинѣ, неподале-
ку отъ царскаго жилища, съ множествомъ запа-
совъ и подарковъ, и съ полною свободою выбра-
ли себѣ между Гавайскими женщинами тѣхъ, копорыя
имъ понравились. Отъ всего этого охотно согла-
сились они остаться на Гаваи, принявъ за ра-
боту и за введеніе разныхъ идей и средствъ на-
шего образованія между дикарями. Бодро, съ удо-
вольствіемъ, по долгу и изъ благодарности, при-
нялись они за дѣло, ввели между Гавайцами мно-
жество неполныхъ, но драгоцѣнныхъ свѣдѣній, и
смышленость туземцевъ умѣла быстро перени-
мать все, что ей передавали. Словомъ, Юнгъ и
Девисъ оказали такія услуги Тамеа-Меа, что онъ
больше прежняго сталъ бояться попері своихъ

помощниковъ. Явились Европейскіе корабли, и плѣнники сдѣлались переводчиками между царемъ и пріѣзжими, поясняя, какіе предметы наиболѣе могутъ быть полезны для промѣна въ настоящемъ бытѣ Гавайцевъ. Не невольниками, но законодателями казались бѣдные боцманы Американскіе. Несмотря на то, ихъ не опускали обоихъ вмѣстѣ на Европейскіе корабли, боясь, чтобы любовь къ родинѣ не пробудилась въ ихъ душахъ, и не побудила ихъ забыть всѣ выгоды и бѣжать. Но такая предосторожность была уже вовсе лишняя; Американскіе моряки шакъ обжились въ Гаваи, были шакъ довольны своимъ жребіемъ, о кошоромъ прежде даже и мысль не могла имъ придти въ голову, что они и не помышляли теперь о возвращеніи на родину. Слѣдуя ихъ примѣру, Англичане и Американцы бѣгали съ своихъ кораблей и всмунали въ общесвенныя права между Гавайцами.

Въ такомъ началкѣ успѣховъ образованія находился Гавайскій архипелагъ, когда Англичанинъ Ванкуверъ, въ Январѣ 1792 года, остановился на пристани Ке-ара-кекуа. Едва бросили якорь, какъ два главные сановника Темеа-Меа, Таи-Ана и Ке-еау-Моку, просили позволенія посѣпить начальника корабля. Короткое пребываніе Ванкувера не ознаменовалось ничѣмъ особеннымъ, и черезъ нѣсколько дней былъ уже онъ при Оагу, гдѣ ожидали тогда высадки Темеа-Меа. Таги-Тери, владѣя островомъ, все еще держался противъ возраспающей силы Гавайскаго царя. Осторожный, ненадѣясь на свои средства, онъ былъ тогда на Мави

и Моро-Кап, спараясь предупредитъ своего непріятеля. Опъ Оагу, Англійскій мореплавателъ перешелъ къ Тауаи, гдѣ видѣлъ наследника власпи сего острова, Тауму-Аріи, умнаго и красиваго мальчика, лѣтъ двѣнадцати. Регентъ Енемо встрѣпилъ Ванкувера съ совершеннымъ дружесствомъ. Ему доставили припасовъ, хотя несчастный островъ являлъ въ то время зрѣлище ужаснаго опустошенія. Впрочемъ, это можно было тогда видѣть на всемъ архипелагѣ Гавайскомъ. Спутники Ванкувера, бывшіе участниками прежнихъ Англійскихъ экспедицій, сравнивая состояніе Гаваевъ съ шѣмъ, въ какомъ видѣли ихъ при первоначальномъ открытіи, могли замѣтитъ невѣроятное измѣненіе. Уже съ давнихъ лѣтъ междоусобіе перзало весь архипелагъ; безлюдство селеній и запустѣніе земель показывали, до какой степени свирѣпа и кровава была непріязнь сражавшихся. Тамъ, гдѣ прежде видны были обширныя селенія, не оставалось ни одной хижины; долины и равнины, процвѣтавшія обработкою, сиротѣли въ мрачномъ безплодіи. Изъ всѣхъ начальниковъ, коихъ Ванкуверъ зналъ на Гаваи въ 1779 году, одинъ Темеа-Меа бодрствовалъ на развалинахъ, для оживленія своего царства; всѣ другіе погибли, умерли, одряхлѣли.

Этотъ 1792-й годъ былъ еще ознаменованъ событіемъ, напомнившимъ роковое происшествіе съ Кукомъ. Корабль *Дедалъ*, принадлежавшій къ экспедиціи Ванкувера, бывшій подъ начальствомъ лейтенанта Герджеста, и нагруженный запасами для другихъ кораблей, остановился у приспани

Ваи-Меа, на оспровѣ Оагу, гдѣ все еще независимо владѣлъ Таги-Тери. Первыя сношенія съ шужемцами были мирны и дружественны, но по какому-то недоразумѣнію началась ссора, и съ обѣихъ споронъ взялись за оружіе. Лейшенантъ Герджесъ и астрономъ Гучъ были убиты. Когда у дикарей прѣбывали попомъ прупы убитыхъ ими, они отвѣчали, что несчастныя жертвы сіи раздѣлены были между начальниками.

Но на слѣдующій годъ, при вторичномъ появленіи Ванкувера передъ То-ваи-гаи, попомъ при Каи-Руа, и наконецъ въ Ке-ара-кекуа, дружба между Англичанами и Гавайцами, то начинавшаяся, то опять разорванная, укрѣпилась сильнѣйшимъ образомъ. Власпишель Гаваи показался для нихъ совершенно новымъ человекомъ. Хошѣлъ-ли онъ явить себя Европейцамъ съ доброй стороны, или умешвенные успѣхи развились въ немъ до высшей степени; но Тамеа-Меа показался тогда въ первый разъ такимъ, каковъ постоянно и навсегда остался онъ въ послѣдствіи, любезнымъ, опкровеннымъ, чувствительнымъ, великодушнымъ, ласковымъ, просвѣщеннымъ. Самъ онъ явился на корабль, сопровождаемый полною чиновниковъ и вельможъ своихъ, шестемъ Караи-Мамагу, и сыномъ, мальчикомъ лѣтъ девяти. Богатыми подарками обмѣнялись съ обѣихъ споронъ, и всякое опасеніе недоразумѣній, или нечаянностей, исчезло во взаимной дружбѣ.

Тушъ-же, 22-го Января 1792 года, бывши въ Ке-ара-кекуа, гдѣ жилъ тогда Тамеа-Меа, Ванкуверъ былъ посѣщенъ двумя главными сановниками Гавай-

скими, Кагу-Моту и Таи-Ана, казалось, завидовавшими могуществу, которое постепенно приобреталъ Тамеа-Меа. Главныя орудія его возвышенія, они сожалѣли тогда, что всѣ предпріятія его такъ удались, и желали, чтобы человѣкъ, возведенный ими выше всѣхъ, согласился сойдти съ своей пре-восходящей степени, въ уровень прочихъ вождей Гавайскихъ. Всего болѣе оскорбляло ихъ то, что одному Тамеа-Меа доставались богатые подарки Англичанъ, и едва незначительныя бездѣлки получали всѣ остальные начальники. Зависники жаловались и на Юнга, этого Европейца, сдѣлавшагося неразлучнымъ компаньйономъ царскимъ. Они говорили, что этотъ хитрый министръ излишне увеличиваетъ въ глазахъ земляковъ вліяніе и силу Тамеа-Меа, для того, чтобы возвысить самого себя въ мнѣніи чужеземцевъ и унижить всѣхъ другихъ сановниковъ. Ванкуверъ ничего не сказалъ на всѣ сіи жалобы, сдѣлалъ нѣсколько цѣнныхъ подарковъ посѣщителямъ, желая утѣшить ихъ, и хорошо понялъ, что рано или поздно, сильная и хитрая полишика Тамеа-Меа укропитъ ничтожныя начала возмущеній и зависливыхъ сплетни подчиненныхъ.

Впрочемъ, царь Гавайскій не щадилъ ничего, чтобы по-царски угостить посѣщителя. Пиръ за пиромъ и праздникъ за праздникомъ слѣдовали во все время пребыванія Ванкувера въ Гаваи. Въ числѣ увеселеній дано было воинское зрѣлище, похожее на Олимпійскія игры, примѣрная битва, сплывшая особеннаго вниманія.

Мѣсто для этого избрано было внѣ морая, на сѣверной оконечности прибрежья. Тупъ построились, въ недалекомъ разстояніи одинъ опъ другаго, два опряда, каждый по 450-ти воиновъ. Опрядъ направо представлялъ войско Таги-Тери и Та-Ео, непріятельскихъ власпишелей, а опрядъ налѣво войско Тамеа-Меа. Воины махали шупыми копьями, похожими на осприя, упопреляемые въ настоящей бишвѣ. На крылахъ cadaго опряда долженствовали-бы еще находились люди съ пращами, для полнаго порядка сраженія, но положили шакъ, что это дополняется воображеніемъ.

Едва подали знакъ, оба войска пошли одно прошивъ другаго, почти не соблюдая порядка, и какъ будто никто не распоряжался ихъ движеніемъ. Когда сошлись ближе, произнесены были сильныя рѣчи. Словами и движеніями старались разсердить другъ друга, и потомъ, по данному знаку, градъ смрѣлъ зависшалъ съ обѣихъ споронъ и съ грохопомъ умолкъ въ паденіи. Невозможно представить себѣ ловкости, съ какою бросали и опбивали потомъ копья. Нѣсколько воиновъ были однакожь ушибены довольно сильно, но ихъ веселость опъ этого не уменьшилась. Вообще маневръ представлялъ бишву вшорой, или шрешей спепени. Воины вдругъ перебѣгали сзади впередъ, бросали копья, подымали лежавшія на землѣ, кидали ихъ въ непріятеля, и совершивъ два, или шри раза шаккой подвигъ, удалялись на свои мѣста. Но храбрѣйшіе, Ахиллеса Гавайскіе, недовольствовались шаккою уловкою; они спановились вблизи непріа-

шелей, дразнили ихъ ругашельствами и шѣлодвиженіями, и дѣлаясь такимъ образомъ цѣлю вражескаго нападенія, ошбивали копьями спрѣлы, могущія ихъ поразить, схватывали инья на лешу, и съ изумительнымъ проворствомъ посылали ихъ обратно къ непріятелю въ то-же мгновеніе.

Изъ всѣхъ воиновъ, ни одинъ не равнялся съ самимъ царемъ. Вмѣшавшись въ битву на нѣсколько мгновеній, и подспрекаемый честолюбіемъ въ присутствіи Англичанъ, Тамеа-Меа хопѣлъ доказать, что названіе главнаго вожда не было почешнымъ только шишуломъ для монарха Гавайскаго. Онъ бился съ такою удивительною ловкостью, такою горячностью въ нападеніи, такимъ проворствомъ въ защитѣ, что Ванкуверъ и офицеры его были совершенно изумлены. Шестъ спрѣлъ вдругъ полетѣли въ него; онъ схватилъ шри изъ нихъ на воздухъ, двѣ перешибъ своимъ защитительнымъ оружіемъ, и уклонился отъ шестой, едва примѣшнымъ движеніемъ шѣла.

Но непріятель замѣшилъ наконецъ царя въ первомъ ряду между его воинами, и обратилъ на него жесточайшее нападеніе. Копья летѣли въ него, какъ гусшой, непрерывный градъ; онъ могъ спастись отъ нихъ только чудесами ловкости, и безъ сомнѣнія, наконецъ его одолѣли-бы, если-бъ неожиданнымъ оборошомъ воины не закрыли царя своего, не соспавили для него живаго щина, и тогда, соединивъ всѣ свои средства дѣйствія, направили они въ непріятелей шоль много спрѣлъ, и такъ мѣшко, что побѣда оспалась за ними.

Тамеа-Меа побѣдителемъ явился изъ среды биввы, непронутый ни однимъ ударомъ.

Множество характерныхъ эпизодовъ означали собою эпю Гавайскую бивву. Таково было по мгновеніе, когда заспорили о первомъ убишомъ, или раненомъ. Такъ, какъ воинъ, съ копорымъ случилось это несчастіе, обыкновенно назначался на жертвоприношеніе въ мораѣ, если достанется въ руки непріятелей, по обѣ спороны дѣлали невѣроятныя усилія схватить знаменитую жертву, и много бывало при семъ случаѣ убишыхъ съ обѣихъ споронъ. Въ примѣрномъ маневрѣ положено было, что первый раненый останется со спороны Таги-Тери, и долго и жестоко спорили пошомъ, кому попадется эпюшъ бѣднякъ. Дѣло держалось такимъ образомъ, пока войска Таги-Тери и Та-Ео не уступили биввы. Тупъ воины Тамеа-Меа схватили непріятельскихъ раненыхъ и мнимыхъ убишыхъ, и пощипали ихъ за ноги по песку, шаговъ на сто разстояніемъ отъ поля биввы. Эпи мнимые мертвецы должныствовали бытъ люди удивительно терпѣливые, шакъ, что имъ позавидовали бы и настоящіе покойники. Не только, во все время сраженія, ихъ давили, шопшали, шолкали, но и пошомъ, когда волокли ихъ по песку и камнямъ, они нешевелились, и неподавали ни малѣйшаго признака жизни. Когда кончилась комедія, всшали они всѣ испачканные; рошъ, носъ, глаза, уши были у нихъ въ пыли и въ грязи; но вспряхнувшись, какъ собаченки, весело, со смѣхомъ и хохотомъ побѣжали они спокойно купаться въ

морѣ. Лучшіе актеры не могли-бы такъ хорошо выдерживать своихъ ролей.

Но битва все еще была между шѣмъ только между проспыми воинами. Начальники еще не сражались, стояли внѣ проспонародной свалки. Когда побѣда дала развязку сраженію, и остальные воины пристѣли на землѣ, какъ будто для переговоровъ, появились среди нихъ самые начальники. Казалось, что они не знали, что предшесшвовало ихъ прибытію; все это являлось ниже ихъ и недостойно ихъ вниманія. Съ важностью, размѣреннымъ шагомъ подходили они, сопровождаемые прикрытіемъ воиновъ, вооруженныхъ острыми копьями изъ крѣпкаго дерева, длиною въ 16-ть и 20 фузовъ, называемыми *пололу*. Войско это шло въ порядкѣ, стройно, дѣлая отъ времени до времени сложныя эволюціи, показывавшія особенную шактику. Расшнанные параллельными линіями, правильно и крѣпко, пришли они на мѣсто битвы, и сѣли, держа оружіе впереди, такъ, что между ними и непріятелями оставалось проспранство 12-ти, или 15 фузовъ.

Послѣ небольшой перемержки, началось совѣщаніе. Сперва дали мѣсто рѣчамъ того, кто представлялъ Та-Ео, и онъ сказалъ свое мнѣніе о войнѣ и мирѣ. Другіе говорили въ ихъ чередъ, и объявляли себя, иные за войну, иные за миръ. Споры нерѣдко доходили до гнѣва и брани. Кто говорилъ о мирѣ, тотъ наклонялъ острее *пололу* къ землѣ, кто спорилъ за войну, тотъ поднималъ его къ верху. Во все время переговоровъ, враги ози-

рались съ беспокойною недовѣрчивостію ; можно было полагать , что они боялись непріязненной уловки, нарушенія слова, битвы безъ предварительнаго извѣщенія. Начальники мѣрялись взорами, горделиво , съ значительною оспороженостію. Наконецъ, переговоры не привели къ дружбѣ и рѣшено было немедленно приступить къ оружію. Мгновенно , воины поднялись съ обѣихъ сторонъ , составили фаланги и пошли на битву. Но вмѣсто сшибки безпорядочной , опряды начали движенія , какъ будто хотѣвъ выиграть выгоду мѣста, и схватку силы упрочить взаимно нѣкоторыми стратегическими разсчетами. Только крылья опрядовъ, представлявшіе нѣчто въ родѣ нашихъ заспѣльщиковъ, перебрасывались спѣлами и каменьями.

Наконецъ опрядъ начальниковъ пошелъ въ рукопашный бой. Каждый шагъ земли оспаривали они грудью. Тутъ , какъ и въ битвѣ простолюдиновъ , являлись чудеса силы и ловкости , и долго сраженіе казалось нерѣшительно, упорно, одинаково съ обѣихъ сторонъ. Видно было, что храбрость равна въ обоихъ рядахъ , и только случай , или счастье дадутъ побѣду нѣмъ, кто долѣе выдержитъ защитительное положеніе. Наконецъ , лѣвая рука Таги-Тери подалась, и воины Тамеа-Меа схватили эпошъ мигъ рѣшенія; они ринулись на непріятеля съ страшнымъ крикомъ. Тутъ въ непріятельскомъ войскѣ оказалось совершенное разстройство. Многіе изъ храбрѣйшихъ воиновъ пали на мѣстѣ, не успѣвая бѣжать, а другіе бѣжали. Совершенное шоржество оказалось на сторонѣ Гавайской, что

было весьма естественно, ибо устроивая всю программу комедіи, Тамеа-Меа не хотѣлъ показаться побѣжденнымъ передъ своими госпями. Лучшимъ цвѣтомъ всѣхъ эпическихъ воинскихъ игръ была смерть Таги-Тери и Та-Ео. Оба актера, которыми достались сіи роли, были подвергнуты неизбѣжнымъ слѣдствіямъ своей участи; ихъ тащили на берегъ, не смотря на отчаянное сопротивленіе, и предсказавши побѣдительному Тамеа-Меа, который приказалъ немедленно вести ихъ въ морай, и шамъ принести на жертву. Но здѣсь кончилась комедія, и вмѣсто того, чѣмъ зарѣзали плѣнниковъ въ честь богамъ, они сѣли за хорошій обѣдъ съ своими побѣдителями, и убрали свою порцію жареной свинины, смачивая ее кавою.

Желая соотвѣтствовать учтивостямъ Тамеа-Меа, и поспрашивъ чѣмъ нибудь для его увеселенія, Ванкуверъ въ тотъ-же вечеръ зажегъ прекрасный фейерверкъ. При видѣ огненныхъ снѣговъ, лепѣвшихъ въ небеса и рассыпавшихся звѣздами, Римскихъ свѣтъ, цвѣтущихъ огней, искрившихъ вихрей и горящихъ солнцевъ, сопровождаемыхъ хлопаньемъ пепардъ, Гавайцы сначала не могли скрыть своего ужаса, и почти всѣ разбѣжались. Но потомъ собрались они снова, и при каждомъ новомъ пиротехническомъ явленіи кричали отъ удивленія и изумленія.

Ванкуверъ казался настоящимъ другомъ Тамеа-Меа. Царь слушался его, совѣтовался съ нимъ объ улучшеніяхъ, полезныхъ для Гаваи, и стараясь воспользоваться довѣренностью Тамеа-Меа для об-

щаго блага, Ванкуверъ спарался довести его до примиренія съ власнителями Тауаи и Оагу. Онъ просилъ своего друга удовольствоваться владычествомъ надъ островами Гаваи, Мави, Ранаи, Морро-Каи и Тагу-Раве. Царь Гавайскій не отвергалъ такой мысли, но его мечты честолюбія были неизмѣнны, и архипелагъ Гавайскій казался ему шѣсенъ при двухъ власнителяхъ.

Ванкуверъ пошелъ отъ Ке-ара-кеуа, очарованный своимъ здѣсь пребываніемъ, 41-го Марша, а 42-го остановился у Мави, передъ Лагайна. Тупъ былъ тогда Таги-Тери, эпомъ соперникъ Тамеа-Меа, котораго побѣдили и чуть было не принесли на жертву въ примѣрномъ сраженіи передъ Ванкуверомъ. Только настоящій Таги-Тери не подходилъ на поддѣльнаго. Это былъ спарикъ, лѣтъ 60-ти, худой, вѣхій, безсильный, и преждевременно одряхлѣвшій отъ неумѣреннаго употребленія кавы. Но физіогномія его была еще крошкая, характеръ живой и веселый. При первомъ свиданіи, Англійскій капитанъ, прежде всего, началъ требовать объясненій о насиліи и дракѣ, жертвою которыхъ были начальникъ Дедала и двое изъ его сопутниковъ. Таги-Тери извинялся въ этомъ убійствѣ, клялся, что учинили это злодѣйство не его подданные, но шайка заѣзжихъ негодяевъ, бывшихъ въ то время въ гавани. Онъ присовокупилъ, что наказаніе постигло всѣхъ, кого успѣли захватить изъ числа убійцъ; что шрое изъ нихъ уже заплатили кровью за кровь, и онъ готовъ казнить и осальныхъ, если-бы только могъ сыскать ихъ гдѣ

нибудь. Ванкуверу нѣчего было дѣлать, и онъ удовольствовался такими изъясненіями и извиненіями.

Союзникъ Таги-Тери, царь Тауайскій Та-Ео, явился только на другой день. Это былъ старикъ, лѣтъ 50-ти, но еще свѣжій и крѣпкій, ласковый, учивый, поняшливый и желающій научиться. Когда оба царя сошлись вмѣстѣ, Англійскій капитанъ предложилъ имъ планъ свой для умиренія архипелага, съ столь давняго времени опустошаемаго войною. Онъ присовокупилъ, что будучи чужеземцемъ, слѣдственно, не имѣя личнаго участія въ дѣлахъ, онъ почелъ себя въ правѣ говорить съ Тамеа-Меа, и узнавать отъ него, на какихъ условіяхъ соглашается онъ примириться. Пошомъ присовокупилъ онъ мѣры, имъ придуманныя и неопровергнутыя Тамеа-Меа. При сихъ подробностяхъ, оба царя, упомянутые продолжительными враждами, сказали что они ничего не желаютъ, кромѣ мира, но не могутъ скрыть, что подозрѣваютъ своего соперника въ неискренности подобныхъ намѣреній. «Если-бы самъ ты могъ шеперь ворошиться въ Гавай — говорили они — и окончить все это лично, можешь быть, онъ согласился-бы оставить насъ въ покоѣ, а иначе онъ не почтетъ себя ничѣмъ обязаннымъ, и все что онъ говорилъ тебѣ — пустыя слова.» У Ванкувера не было времени на такое дипломатическое плаваніе; онъ отклонилъ честь посольства, но послѣ долгихъ переговоровъ рѣшили, чтобы послать въ То-ваи-гаи одного изъ старшинъ, пользующагося уваженіемъ и довѣренностью обоихъ царей. Это былъ

нѣкшо Маршіеръ , которому Ванкуверъ далъ письмо къ Темеа-Меа. Слѣдствія сего посольства оказались ничтожны.

Отъ Мави, Ванкуверъ перешелъ въ заливъ Ваи-Тиши , на островѣ Оагу. Здѣсь происходила несчастная ссора начальника Дедала съ туземцами. Ванкуверъ требовалъ непремѣннаго возмездія. Правителемъ острова былъ тогда Тери-Тубураи , старшій сынъ Таги-Тери, человекъ лѣтъ 33-хъ, не болѣе , но увѣчный и хилый , какъ шарикъ. Въ первые дни былъ онъ даже такъ боленъ , что не могъ посѣпить Ванкувера, и когда явился попомъ, то походилъ на привидѣніе , блѣдный , худой, калѣка. Какъ будто ребенка , или разслабленнаго , его принуждены были носить. Но онъ обошелся съ Англичанами весьма хорошо. Снова приказано было искать убійцъ Герджеспа, и наконецъ какихъ-то трехъ бѣдняковъ, вмѣстѣ связанныхъ, привезли къ кораблю Ванкувера и разспрашивали въ глазахъ капитана немедленно.

Въ переѣздѣ отъ Оагу къ Тауаи , Ванкуверъ встрѣпилъ великолѣпную лодку, на которой плылъ посланный отъ правителя Енемо къ царю его Та-Ео. Эта лодка , крѣпчайшая и огромнѣйшая изъ всѣхъ, какія только строились на Гавайскихъ островахъ , была выдолбена изъ одного дерева , выкинушаго на берега моремъ. Вѣроятно, лѣса Западной Америки были отчизною сего великана, сколько далеко отъ нихъ сброшеннаго. Посланникъ правителя , бывшій въ лодкѣ , везъ царю Тауайскому извѣстіе о заговорѣ, прекращенномъ, прежде неже-

ли успѣли его выполнишь. Трупы главныхъ зачинщиковъ , и нѣсколько менѣе важныхъ заговорщиковъ живьемъ находились въ другихъ лодкахъ. Царю Тауаи гошовилось двойное удовольствіе , полюбываться на трупы однихъ и срубить головы другимъ. И регентъ Енемо , и юный царь Таму-Аріи, оказали Ванкуверу, котораго считали почти землякомъ, самый ласковый пріемъ.

Пробывши нѣсколько мѣсяцевъ близъ береговъ Западной Америки, Ванкуверъ спѣшилъ опять, обратившись къ своимъ любезнымъ Гавайцамъ. Въ Январѣ 1794 года, онъ явился на восточномъ краю Гавай, близъ залива Ваи-Акеа. Но на сей разъ, у Англійскаго капишана были дипломатическіе замыслы, и онъ рѣшился употребить свое вліяніе на Гавайцевъ, чтобы и ему доспалась часшица славы, какою пользовались другіе Англійскіе мореплаватели, принявшіе подъ Англійскую державу столько земель и острововъ. Къ чему служила честь опдаленнаго сшранспованія , если Ванкуверъ не могъ прибавить къ счету Великобританскихъ колоній—хоть чего нибудь? Разумѣется, что отъ большей часши подобныхъ легкихъ завоеваній , Англія ничего не выигрывала, кромѣ мечтательнаго увеличенія номенклатуры географической, но это была всеобщая спрасъ въ прошедшемъ столѣтіи, и Англичане не думали уступать другимъ народамъ. Каждый мореплаватель Британскій такъ-же заботился о приведеніи въ подданство земель въ Океаніи , какъ Испанцы старались въ XV-мъ вѣкѣ о подчиненіи Америки Папской власпи. Чуть гдѣ

открывался уголокъ, или клочекъ земли, на которомъ можно было распустишь на нѣсколько минутъ королевскій флагъ, его объявляли Англійскимъ. Изъ всего, что названо было такимъ образомъ Бришанскимъ, забыли и оставили попомъ при чешверши. Но все имѣетъ свою добрую сторону. Англія думала дѣйствовать для своей пользы, а слѣдствія были полезны для всѣхъ. Этимъ распространились предѣлы, торговли и промышленности, и образованіе разливалось между дикарями. Что за дѣло до средствъ и побужденій, если только слѣдствія оказались полезны — извинимъ эгоизмъ и тщеславіе человѣка.

И такъ, Ванкуверъ явился на сей разъ въ Гавай, какъ пріобрѣташель новыхъ владѣній Англійскому королю. Вѣроятно, уже и прежде говорили объ этомъ Тамеа-Меа, особливо постарались упоминуть для его убѣжденія двухъ Американцевъ, друзей его и совѣтниковъ. По крайней мѣрѣ, когда Ванкуверъ явился шеперь въ заливъ Ваи-Акейскомъ, царь Гавайскій охотно согласился придти на поклонъ къ Англійскому капитану, и вмѣстѣ съ нимъ отправиться въ Ке-ара-кекуа. Онъ принялъ на свой счетъ все содержаніе Англичанъ, на время ихъ пребыванія въ Гавай, и 25-го Февраля 1794 года разыграна была комедія подданства Гавайскаго архипелага Великобританской власпи. Ее начали поднесеніемъ подарковъ, и на парадной аудіэнціи, Тамеа-Меа, едва-ли понимая на половину о чемъ идетъ рѣчь, подтвердилъ подданство свое Англичанамъ. Дѣло пошло по прежнему, когда обрядъ

совершили, и Ванкуверъ шакъ мало могъ и хотѣлъ воспользоваться правами своими на новопріобрѣтенную обласъ, что по окончаніи церемоніи, каждый изъ присушествовавшихъ долженъ былъ спросить, какъ въ *Женитьбѣ Фигаро*: «*Qui diable joue-t-on ici?*» Ванкуверъ былъ столько уменъ, что могъ понимать всю забавную сторону своей роли; но онъ соблюлъ церемоніальную важность, и что-же оставалось ему дѣлать? Исполнять предписанія Адмиралтейства, польстить національному тщеславію, доставить любопытную статью въ Англійскіе журналы. Впрочемъ, онъ видѣлъ, что этимъ обрядомъ власишель Гаваи давалъ родъ обязательства на дружбу и ласку въ будущемъ времени, а это могло быть полезно для торговли и мореплаванія Англичанъ, и открывало вѣрнѣе путь къ самому образованію туземцевъ.

Что ни думали Ванкуверъ и Тамеа-Меа о дипломатическихъ своихъ отношеніяхъ, по крайней мѣрѣ, за ними слѣдовали праздники, блистательнѣе и разнообразнѣе всѣхъ, какіе бывали прежде. Казалось, что царь хочетъ теперь сполна испощить весь кашалогъ туземныхъ увеселеній. Тутъ являлись балы и героическія представленія. Сіи послѣднія были особенно замѣчательны. Изъ числа ихъ, въ первомъ представленіи передъ Англичанами дѣйствовало только одно лицо: это была женщина, по имени Пуку, пріятнаго лица и съ ловкими приемами. Около ея пояса было накупано множество лоскутьевъ различныхъ тканей, нисходившихъ до колѣнъ, и развѣвавшихся спирально,

но красиво ; верхняя часть тела была совершенно нагая , а на головы и шеи вѣялись черныя , желтыя и красныя перья . Ноги были закрыты лоскутьями , такъ расположенными , что они образовывали родъ полусапожковъ , въ видѣ воронки , съ которыхъ висѣла сѣпка , украшенная собачьими зубами . Сверхъ всего , были еще на актрисѣ браслеты , изъ огромныхъ свинныхъ зубовъ , превосходно выложенныхъ и связанныхъ цѣпочкою , что при стройномъ расположеніи ихъ было довольно нарядно . Сценою было открытое мѣсто , и толпа зрителей , расположенныхъ въ нѣсколько рядовъ , полукругомъ , привѣщивала появленіе славной актрисы шумными рукоплесканіями . Она казалась не столько прониною , сколько гордою такимъ пріемомъ . Вправо отъ нея были два человека , составлявшіе оркестръ . Инструменты ихъ состояли изъ пустыхъ , тонко вычищенныхъ калессъ , прорѣзанныхъ съ одного края и закрытыхъ съ другого . Гавайскіе артисты ударяли своими спранными инструментами по землѣ , покрытой сухою травой , а въ промежуткахъ били пальцами и руками по бокамъ калессъ , такъ , что изъ всего этого происходилъ глухой шумъ , служившій аккомпаньементомъ пѣснѣ ихъ . Впрочемъ , оркестръ Гавайскій не былъ безспасенъ и неподвиженъ , подобно нашему . Кривляньями , движеніями , самою физіогноміею лицъ , оба артиста показывали , какое сильное участіе берутъ они въ успѣхѣ спектакля и актрисѣ . Она , по приближалась къ нимъ , по удалялась отъ нихъ въ различныхъ направленіяхъ , смотря по требованіямъ своей

роли, и казалось, что во всемъ этомъ была программа, въ которой напередъ условились. Прежде всего, актриса начала читать рѣчь, или поэму, торжественно, тихо, важно; потомъ оживлялась она постепенно, дѣлала ударенія на словахъ сильнѣе и быстрѣе, вдохновляясь болѣе и болѣе своимъ предметомъ. Наконецъ, когда достигла она послѣдней степени воспора, то декламировала сильно, горячо, съ такимъ порывомъ, что онъ перешелъ въ зрители и обнаружился шумными рукоплесканіями. Впрочемъ, зрители какъ будто соучаствовали съ игрою актрисы; казались спокойны, когда она была спокойна, воспорженны, когда она приходила въ воспоргъ. Ванкуверъ признавался, что хотя онъ ничего не понималъ въ словахъ, но поступъ, движенія, выраженіе голоса актрисы пронули и увлекли его. Самый оркестръ не являлъ ни чего дикаго и несогласнаго, а въ игрѣ Пуку была не только пріятность, но даже скромность. Любопытно замѣтить, что основное правило нашихъ старинныхъ пѣицъ было угадано и принято въ Гавайской драмѣ. Здравый разумъ вразумлялъ дикарей, что для удержанія до конца вниманія зрителей потребна постепенность интереса, восходящаго по лѣстницѣ ощущеній, начинаясь спокойствіемъ и важностью, и оканчиваясь жаромъ и воспоргомъ.

Впрочемъ, это представленіе было вступленіемъ къ другому, болѣе возвышенному. Для сего послѣдняго потребны были продолжительныя и важныя пригошовленія, и ими занимались, какъ госу-

дарственнымъ дѣломъ. Тутъ должны были играть первыя роли придворные чиновники и дамы. Думали, что самъ царь, какъ всегда бывало при подобныхъ случаяхъ, распоряжался одеждою и костюмами актрисъ.

На четырехугольной площадкѣ, ограниченной домами и шѣнисными деревьями, столпились тысячи чешыре зритель, одѣтыхъ въ лучшія свои плащя, и спали такъ шѣсно, что между ними нѣгдѣ было локтя просунуть. Начало спектакля объявлено было въ чешыре часа, но какъ дамамъ вездѣ предославлено право заставитъ себя дожидаться, то и въ пять часовъ сцена была еще пуста и шуалеть актрисъ некончился. Зрители разсердились, закричали, но шупъ явился Гавайскій режиссёръ, родъ церемоніймештера, поклонился, проговорилъ что-то забавное и всѣ захохошали. Онъ скрылся. Заиграла музыка, состоявшая изъ пяти человекъ; каждый, стоя, держалъ въ одной рукѣ выложенный кусокъ дерева, а въ другой палочку, которою билъ въ тактъ, и эшимъ сопровождалось пѣніе. Смотря по мѣрѣ, особливо по движеніямъ, оно разнообразилось. Различіе нотъ, ихъ переходъ отъ глухаго къ рѣзкому, зависѣли отъ того, какъ и гдѣ били палочкою. Все это дѣлалось столь ловко, что почти не слышно было несогласія, и всѣ пять инструментовъ шли стройно и ровно.

Едва оркестръ кончилъ свою увертюру, крикъ и рукоплесканія возвѣстили появленіе актрисъ. Музыканты отошли и спали въ отдаленіи. Нарядъ

большей части аршишокъ походилъ на нарядъ Пуку, только шкани на одеждѣ ихъ были лучше и драпированы болѣе щегольски. Ошъ поясницы до колѣнъ шли складки, съ большимъ искусствомъ и вкусомъ. Далѣе, вмѣсто лоскутьевъ и сѣшокъ съ собачьими зубами, надѣты были вѣнки изъ лѣановъ и шравяныя плешушки, украшавшія подолъ и ниспадавшія до икръ. Браслетовъ не было, но на плечахъ и шеѣ висѣли вѣнки, искусно соединенные съ широкими листьями drасаена.

Пьеса дѣлилась на чешыре части. Главною актрисою была прежняя любимица Тамеа-Меа, выданная имъ потомъ за одного услужливаго придворнаго. У нея на головѣ была зеленая гирлянда, украшавшая ея красивое личико. Съ нею рядомъ являлась плѣнная дочь царя Таги-Тери. Жена Карай-Мамагу, младшая сестра царицы, занимала средину, какъ самая высшая изъ всѣхъ, по званію и рожденію. Вокругъ сихъ знаменитыхъ аршишокъ находились другія придворныя дамы, менѣе славныя по имени и положенію своему. Всего было семь аршишокъ. Онѣ спали рядомъ, прошивъ того мѣста, гдѣ находились знаменитѣйшіе зрители и знаменитѣйшія зрительницы.

Спектакль состояло смѣшеніе пѣсенъ и речитатива. Выразительная паншомима объясняла смыслъ того и другаго. Въ пьесѣ прославляли какую-то принцессу Карай-Кули-Ніао, бывшую въ плѣну у непріателя. Для придачи большей важности содержанію, едва произносили на сценѣ имя героини, всѣ зрители, мужчины и женщины, должны были сни-

машь съ груди свои украшенія , надѣвая ихъ по-
 номъ снова. Изъ этого обряда не исключались да-
 же и самыя актрисы, если онѣ сходили со сцены ,
 и отдыхали въ промежуткахъ своихъ ролей. Всѣ
 главныя актрисы показались Ванкуверу опличными
 маскерицами. Безъ продолжительнаго и постоян-
 наго ученія невозможно имъ было достигнуть до
 такой степени совершенства въ положеніяхъ, та-
 кого разнообразія и быстроты въ движеніяхъ. Да-
 рованіе ихъ имъ болѣе казалось слѣдствіемъ на-
 выка и опытности, чѣмъ другія актрисы, моложе
 неопытнѣе , показывали разительную противопо-
 ложность своимъ искусствомъ. Какъ на нашихъ
 театрахъ , здѣсь легко было оплечить главныя
 роли отъ вѣтроспешенныхъ. Вѣроятно, чѣмъ буду-
 ары Гавайскихъ дамъ были съ имъ вмѣстѣ учили-
 щами, гдѣ пріучали онѣ себя къ декламации, поло-
 женіямъ , имъодвиженіямъ сцены , ко всему , чѣмъ
 изображали онѣ такъ превосходно. По крайней
 мѣрѣ , Европейцу съ трудомъ можно было понять
 эту степень совершенства декламации и мимики ,
 силу , жаръ страсти , сладострастную роскошь
 игры дикихъ артистокъ. Въ продолженіе трехъ
 первыхъ актовъ никакъ нельзя было догадаться
 чѣмъ кончится пьеса. Дикая необузданность стра-
 стей служила ей окончаніемъ , до такой степени
 наглая и грубая, чѣмъ самымъ нестыдливымъ морякамъ
 Англійскимъ спало, совѣстно за актрисъ. Вѣроятно,
 слова соотвѣтствовали дѣйствіямъ, и совсѣмъ не для
 забавы Ванкувера особенно избрана была пьеса столь
 романтическая , но пѣишика Гавайская требуетъ

этого въ каждой драмѣ, и по восшоргу зришелей можно было судить, что они вполне одобряли политическую вольность театра. Царь, правда, не былъ при семъ веселомъ зрѣлищѣ, но не изъ стыдливости, или скромности; законъ запрещалъ ему и супругѣ его являться на подобныхъ увеселеніяхъ когда либо, кромѣ шоржесственныхъ дней новаго года, что было весьма непріятно Тамеа-Меа, и особливо его царицѣ, одной изъ лучшихъ актрисъ Гавайскаго архипелага.

Такими увеселеніями праздновалъ Тамеа-Меа возвращеніе своихъ любезныхъ Англичанъ, сдѣлавшихся мнимыми его повелителями. Признанная власть Великобританіи обязывала теперь Ванкувера уже прямо вступаться въ политическія междоусобія Гавайцевъ. Онъ освѣдомился о слѣдствіяхъ посольства Марпіера, отправленнаго съ его письмомъ отъ Таги-Тери. Ему сказали, что Марпіера прогнали съ Гаваи, почитая его лазутчикомъ. Ванкуверъ замолчалъ. Онъ понялъ, что царь Гавайскій рѣшительно мыслитъ только о единовластіи на Гавайскихъ островахъ. Пользы Англичанъ требовали не пропившись его честолюбивымъ замысломъ. Что имъ за надобность была вступаться за бѣдныхъ соперниковъ Тамеа-Меа? Соединенный подъ одною властью, Гавайскій архипелагъ долженъ былъ пріобрѣсти болѣе торговой и политической важности, и тогда изъ самаго обряда подчиненности его Англичанамъ можно было ожидать нѣкоторыхъ выгодныхъ слѣдствій. По всему этому, Ванкуверъ пересналъ проповѣдывать миръ и

шишину, и предоставилъ царю Гавайскому даже нѣкопорыя средства къ скорѣйшему достиженію цѣли, хотя и косвеннымъ образомъ. Онъ оставилъ на Гаваи своего плотника корабельнаго, и шопъ, при помощи Юнга и Девиса, построилъ для Тамеа-Меа красивую лодку, съ палубою, въ 36 футовъ длиною. Это судно было началомъ Гавайскаго флота, и его называли *Британія*. Туземцы, отличные плаватели, когда надобно было грести пагаями, не могли еще составить ловкаго экипажа для новопостроеннаго корабля, но у Тамеа-Меа были уже Европейцы; подражая примѣру Юнга и Девиса, на Гаваи оспалось одиннадцать Англичанъ, Американцевъ и Французовъ. Другіе поселились на Оагу и Тауаи, и орудій для образованія Европейскаго было такимъ образомъ достапно.

Ванкуверъ пошелъ отъ Гаваи 3-го Марша 1794 года. Онъ опять обошелъ Мави, Моро-Каи и Тауаи, гдѣ правитель Енемо, поддержанный нѣсколькими Европейцами, успѣлъ объявить себя независимымъ, и получилъ отъ своего бывшего владителя большія преимущества, при невольномъ прощеніи дерзкаго самовольства. Полу-царь эшопъ принялъ Ванкувера съ царскою пышностью, и не хотѣлъ отстать отъ Тамеа-Меа во всемъ шопъ, чѣмъ оказали привѣтъ и почеть Англичанамъ на Гаваи. Впрочемъ, праздники и шешры Тауайскіе во многомъ отличались отъ Гавайскихъ, какъ можно судить по слѣдующему описанію одного главнѣйшаго изъ нихъ.

Не небольшое число актрисъ, какъ въ Каи-Руа, начали здѣсь важное пѣніе, чтобы поспешенно перейдши отъ него къ спрашнымъ сценамъ, но толпа дѣйствующихъ, мужчинъ, и особенно женщинъ, одѣтыхъ въ разноцвѣтныя, красивыя платья, вдругъ вышла на сцену. Диверсисманъ, въ шрехъ акшахъ, былъ исполненъ премо разными прруппами, изъ которыхъ каждая состояла почти изъ 200 женщинъ, расположенныхъ въ пять, или шесть рядовъ. Всѣ эти женщины, не стояли, на ногахъ, или на колѣняхъ, и не просто сидѣли, но какъ-то странно перегнулись на корточкахъ. Вся куча дѣйствующихъ, казалось, повинуетъ отдѣльному лицу, находящемуся нѣсколько шаговъ впередъ, по срединѣ, и показывающему всѣ позиціи, какія должны принимать оспальныя лица. Не смотря на принужденное положеніе, женщины выполняли удивительное множество движеній, съ такою быстротою, что глазъ едва могъ слѣдовать за ихъ перемѣнами. Между пѣмъ онѣ пѣли, и въ пѣніи и въ панпомимахъ наблюдалось согласіе совершенное: одинакіе были тоны голоса, одинакое движеніе рукъ, даже пальцевъ, составляя самую прудную общность. Голоса женскіе были пріятны; движенія безчисленны, и всѣ выполнялись съ такимъ щегольствомъ, свободою, вѣрностью, что это казалось непоспимомъ. Тщательно расчитаны были противоположности въ этомъ зрѣлищѣ, для произведенія сильнѣйшаго дѣйствія. Шумному хору наслѣдовали молчаніе и неподвижность. Потомъ, въ другихъ выходкахъ, дѣйствующие вдругъ падали,

будно пораженные внезапною смерщю. Они завершывались въ свои одежды , такъ , что невидно было у нихъ ни одной части шѣла , и походили они на свершки тканий. Ванкуверъ увѣрялъ , что не видя всѣхъ этихъ движеній лично, невозможно было составить себѣ объ нихъ понятія. На Тауайскомъ шапрѣ не было никакихъ соблазнительныхъ явленій; порядокъ и благопристойность наблюдали во все время представленія, продолжавшагося часа два.

Послѣ остановки у Нигау , Ванкуверъ совершенно оставилъ Гавайскій архипелагъ, 14-го Марта 1794 года , горделиво веза въ Англію извѣстіе о важныхъ слѣдствіяхъ своего путешествія — подданствѣ шоль многихъ острововъ Англійскому флагу. Разумѣется, что не только для насъ , но и для Англичанъ , такое шщеславіе теперь кажется забавно , но навсегда останущся важны драгоцѣнныя извѣстія Ванкувера о тогдашнемъ состояніи Гавайскихъ острововъ. Честъ ученаго мореплавателя навсегда будетъ за нимъ , если пошомство и лишило его славы покорителя Гаваевъ Англійской державѣ.

Немедленно по ошибкѣи Англичанъ загорѣлась снова война, жарче, ожесточеннѣе прежняго. Тамеа-Меа хотѣлъ довершить свои предпріятія. Въ 1794 году, Таи-Ана посланъ былъ съ Гаваи на непокорные еще острова , но вмѣсто дѣйствій прошивъ непріятелей своего государя , онъ измѣнилъ ему, и передался царямъ, владѣвшимъ на Мави. Не сморя на сію измѣну и укрѣпленіе союза враговъ ,

Тамеа-Меа изгналъ ихъ въ томъ-же году изъ всѣхъ окрестныхъ острововъ, и сдѣлался повелителемъ единовластнымъ. Тогда началъ онъ думать объ Оагу, куда сбѣжались всѣ его непріатели. Бранъ Тай-Ана попышался, во время послѣдней кампаніи, возмутиль Гавай. Возвращеніе Тамеа-Меа положило конецъ этому безразсудному начинанію. Но наученный опытомъ, царь повелѣлъ, чтобы съ того времени всѣ старшины слѣдовали за нимъ въ его походахъ, и желая новый законъ немедленно привестъ въ исполненіе, онъ повелъ ихъ всѣхъ за собою въ походъ на Оагу. Тутъ начальствовалъ онъ самъ, замѣняясь только иногда героемъ своимъ Карай-Моку. Жестокая битва слѣдовала немедленно за высадкою царя Гавайскаго, происходила между Гоно-Руру и рѣкою Эва, и была гибельна всѣмъ оспоривавшимъ власть Тамеа-Меа. Войска Таги-Тери и Та-Ео были спрашно разбины. Царь Тауайскій и Нингаускій палъ въ битвѣ. Таги-Тери и храбрый измѣнникъ Тай-Ана соединили остатки воиновъ въ долину Ану-Ану, близъ Пари. Неумолимо преслѣдовалъ ихъ Тамеа-Меа, и послѣ опчашающаго сраженія, одержалъ послѣднюю побѣду, послѣ чего покорился ему Оагу. Въ началѣ битвы погибъ Таги-Тери. Упорно держался Тай-Ана, нѣсколько разъ опбивалъ, гналъ побѣдителей, и смертию выкупалъ каждый шагъ своего опступленія къ Пари, съ 300 человекъ. Я говорилъ уже, какъ не видя спасенія, эши дикіе Спаршанцы хотѣли лучше броситься въ бездны со скалъ, но не опдались на позоръ плѣна.

Тогда оставалось только покорить Тауаи и Нингау. Но Тамеа-Меа не было уже надобности воевать. Начальникъ обоихъ острововъ, Таму-Ари, испугавшись жребія двухъ влaстителей, погибшихъ на Оагу, поспѣшилъ признать влaсть побѣдителя Таги-Тери и Та-Ео.

Когда не оставалось уже болѣе соперниковъ у Тамеа-Меа, онъ началъ помышлять о томъ, чѣмъ могъ оправдать великую влaсть, какую пріобрѣлъ своими побѣдами. Видъ Европейскихъ кораблей и сообщеніе съ Европейцами заставили его желать, чтобы и Гавайцы воспользовались выгодами чужеземныхъ познаній. Мало по малу вразумился онъ въ необходимость торговыхъ связей, и взаимныя пользы, происходящія изъ нихъ для народовъ. Съ шѣмъ вмѣстѣ уразумѣлъ онъ вѣрную идею о сохраненіи правъ, какія наблюдаются при размѣнахъ, достигнулъ выгоду постоянныхъ сношеній, и началъ стараться ободришь и усилишь ихъ. При его наставленіяхъ, туземцы скоро достигли значеніе денегъ и различіе ихъ отъ товара. Англичане и Американцы изъявили желаніе вывозить изъ Гавайи сандалное дерево, въ изобиліи распускающее по горамъ; Гавайцы съ радостью принялись рубить его, видя, что за это даютъ имъ желѣзо, оружіе, стеклянныя вещи. Царь Гавайскій, ища въ торговлѣ укрѣпленія силы, покупалъ корабли и пушки, и успѣлъ наконецъ составить себѣ небольшой военный флотъ. Дѣла шли столь быстро, что въ 1804 году морская сила Гавайскаго влaстителя состояла изъ 21-го разныхъ судовъ, гонимыхъ, постро-

енныхъ по образцу Британіи , и шлюповъ , съ большими пушками, и почти всѣ подъ начальствомъ Европейцевъ. Въ арсеналѣ лежало кромѣ того 600 ружей , 8-мь пушекъ 4-хъ фунтовыхъ , одна шесши фунтовая , пять прехъ-фунтовыхъ , 40 маленькихъ пушекъ (*pierriers*) и шесть мортирокъ. Для земли , еще недавно дикой , это были шаги исполина!

При всѣхъ столь обширныхъ преобразованіяхъ , Тамеа-Меа не упошреблялъ насильственныхъ мѣръ. Онъ увлекалъ и убѣждалъ подданныхъ своимъ примѣромъ. Всѣ Европейцы , посѣщавшіе въ это время Гаваи , отдавали полную похвалу его характеру , правленію , благотѣльному и крошечному , распоряженіямъ , мудрымъ , испинно опеческимъ. Изъ множества подробностей , какія рассказываетъ Турнбуль , бывшій на Гаваяхъ въ 1802 году (простой шкиперъ купеческаго корабля , но наблюдатель безприсраспный и образованный) , я приведу одинъ примѣръ , могущій доказать силу власпи надъ собою и спрососи Тамеа-Меа къ самому себѣ. Онъ поддался тогда несчастной слабоспи пьянства , пороку , столь самовласпному и гибельному для умспвенной спороны челоѡка. Напиваясь пьянъ , Тамеа-Меа казался совсѣмъ другимъ челоѡкомъ , былъ гнѣвенъ , бѣшенъ , когда напрошивъ презвѣй опличался крошоспью и ласковоспью. Друзья его , Юнгъ и Девисъ , много разъ имѣли причину жаловапья на его неумѣренноспъ , и однажды , въ самомъ дѣлѣ , или желая дать урокъ царю Гавайскому , они объявили , что не хоспаяпъ

перпѣшь болѣе и оспавляющъ Гаваи. «Вы ѣдете?» спрашивалъ ихъ Тамеа-Меа — «Но чего-же недостаешь здѣсь вамъ? Зачѣмъ вы ѣдете? Не все-ли у васъ, чего только вы пожелаешь захопишь? Вы друзья, миниспры мои, первые послѣ меня.» — Конечно — отвѣчали ему — но ты безмѣрно пьешь крѣпкіе напитки, и пьяный неходишь самъ на себя, такъ, что самая жизнь наша бываетъ отъ этого въ опасности. Мы не хотимъ быть зарѣзаны въ припадкѣ твоего безумія, и лучше намъ разстаться. — «Хорошо» — сказалъ превосходный Тамеа-Меа — «я опказываюсь отъ пивья.» Дѣйствительно, онъ уменьшилъ послѣ этого свою порцію рому, и никогда уже не напивался пьянъ. Можешь быть, этому одолжены Гавайцы, что Тамеа-Меа былъ такъ долговѣченъ, и до смерти сохранилъ свои умственные способности. Пьянство оскотинило, или вовсе убило-бы его преждевременно.

Вотъ еще рассказъ Турнбуля, и онъ можешь показатъ, какъ усердно повиновались Тамеа-Меа всѣ его подданные. Это произошло въ первые годы его владычества, когда еще едва начинался флотъ его. Онъ просилъ какого-то бродягу, Европейскаго шкипера, остановившагося въ гавани Гавайской, уступить ему наковальню, и потъ выдумалъ глупую шушку, думая озадачить царя Гавайскаго. «Охотно уступаю, но только выплывишь ее изъ воды.» Говоря сіи слова, шкиперъ бросилъ наковальню въ море, гдѣ на коралловомъ днѣ было до 15-ти брассовъ глубины. Тамеа-Меа неразсер-

дился и принялъ условіе. На царскій призывъ выплыло въ море множество лодокъ. Но какъ приняться за работу? Какъ достать наковальню? Никто недогадался-бы, что придумали Гавайцы. Поочередно, сорокъ опличныхъ пловцовъ ныряли въ глубину и подвигали наковальню къ берегу. Она лежала въ милѣ разстояніемъ отъ самаго близкаго побережья, но шerpнiе дикарей превозмогло все. По неровному дну, имѣя 15-ть брассовъ воды надъ головою, въ глубинѣ моря, они пащили помаленьку тяжелое желѣзо, безпрестанно всплывая на поверхность морскую, чтобы дохнуть воздухомъ, погружались опять въ море, и—исполнили желаніе своего власишеля, выпащили наковальню. Какой образованный народъ похвастаетъ такимъ упорствомъ въ предпріятіяхъ?

Сильный безопчешною властію надъ своими подданными, Тамеа-Меа не пренебрегалъ никакого случая увеличить и упрочить свои сношенія съ Европейцами. Въ 1807 году, онъ послалъ королю Георгу III-му, на Англійскомъ фрегатѣ Корнваллисѣ, великолѣпный военный плащъ и другіе подарки. Въ оплату за такую вѣжливостъ, и чтобы вознаградить Тамеа-Меа за пріемъ, какой онъ всегда оказывалъ Англичанамъ, Адмиралтейство приказало построить въ Порпъ-Джаксонѣ красивый шунеръ. Объ этомъ извѣстили царя еще въ 1816 году, но онъ прибылъ въ Гавай только въ 1822 году, уже долгое время спустя послѣ смерти Тамеа-Меа.

До сихъ поръ, Рускіе не являлись еще официальнымъ образомъ на Гавайскомъ архипелагѣ. Только нѣкошорыя торговыя сношенія производились изъ колоній Россійско-Американской Компаніи, находящихся на сѣверо-западномъ берегу Америки. Въ 1815 году, какой-то искашель приключеній, докторъ Шефферъ, присланный для заключенія условій о торговлѣ, вздумалъ покоряпъ Гавайскіе острова Русской державѣ, завелъ планшаци, селенія, чупъ не перессорилъ Тамеа-Меа съ начальниками, и наконецъ былъ насильно высланъ на Американскомъ кораблѣ въ Кантонъ (въ Апрѣлѣ 1817 года). Когда Шефферъ, дѣйствовавшій самовольно и вопреки волѣ правительсва, былъ еще на Гаваяхъ, въ 1816 году, Гавайцы увидѣли въ первый разъ Россійскій государственный флагъ. Это былъ капитанъ Коцебу, съ его кораблемъ Рюрикомъ, посланнымъ на счетъ канцлера Румянцева для отккрытій. Ноября 24-го спалъ онъ на рейдѣ Каи-Руа, передъ селеніемъ Ке-ара-Кекуа, гдѣ находился тогда властитель Гавайскій. Новостъ явленія, военная наружность корабля, все это сначала встревожило Тамеа-Меа и сдѣлало его подозрительнымъ; онъ хотѣлъ даже приняпъ мѣры защиты, но едва Коцебу объяснилъ ему свое миролюбивое назначеніе ученаго путешественника и географа, царъ перемѣнился въ своихъ отношеніяхъ. Онъ принялъ Рускихъ со всею благосклонностью, хотя съ самаго перваго свиданія изъяснилъ Коцебу свои дипломатическія неудовольствія. «Я вижу,» говорилъ онъ, «что хотя у тебя военный корабль, но ты

совершаешь пупешеспвіе, подобное пупешеспвіямъ Кука и Ванкувера. Если ты посланъ не торговать, я самъ не спану думаешь о торговлѣ, и прошу безъ всякой плашы брать все, что нужно тебѣ изъ произведеній моей земли. Эшо дѣло конченное — поговоримъ о другомъ. Скажи мнѣ, сдѣлай милость: не уже-ли съ позволенія вашего Императора, нѣкоторые изъ его подданныхъ нарушили на спароспи мое спокойствіе въ послѣднее время? Съ тѣхъ поръ, какъ я царспвую надъ моею землею, кажешся, ни одному изъ Рускихъ не причинили здѣсь ни малѣйшей обиды. Острова Гавайскіе были мѣстомъ госпепріимства для нихъ, какъ и для другихъ народовъ; честно снабжали мы ихъ всѣмъ, какъ дѣлали эшо съ другими. Но вдругъ изъ вашего Американскаго селенія Сипхи пришли люди, называли себя, какъ ты, Рускими, были приняты ласково, снабжены припасами, и непріятельски начали поступать на островъ Оагу. Они грозили намъ своими военными кораблями, кошорые будтобы придуть покорить наши острова. При помощи Божіей, эшому не бывать, пока живъ Тамеа-Меа. Но въ числѣ эсихъ злыхъ людей былъ какой-то Шефферъ, лекаръ, и называлъ себя посланникомъ Императора Александра, съ тѣмъ, чтобы набирать разныя шравы. Я такъ много хорошаго слышалъ объ Императорѣ Александрѣ, что топчасъ позволилъ набирать шравы, и даже оказалъ ему всякое пособіе, далъ землю и работниковъ, чтобы ему всего было досшаточно, и чтобы пребываніе его у насъ было пріятно и здорово. Чшо изъ всего

этого послѣдовало ? Онъ сдѣлался ко мнѣ неблаго-
даренъ, даже на Гаваи, гдѣ получилъ сполько благо-
дѣній, потомъ оставилъ мой островъ и побѣжалъ
на другіе, поселился на Оагу и сдѣлался моимъ
врагомъ. Онъ раззорилъ шамъ морай, переѣхалъ на
Тауаи, возстановилъ шамъ прошивъ меня Таму-
Аріи, бывшего до сихъ поръ моимъ подчиненнымъ.
И теперь еще эпомъ Шефферъ шамъ, и угрожаетъ
мнѣ. »

Коцебу опивѣчалъ на все это опреченіемъ опъ
негоднаго Шеффера и осужденіемъ его безразсуд-
ныхъ поступковъ. Удовлетворенный объясненіями,
царь представилъ Русскаго мореходца царицѣ сво-
ей Каагу-Ману и наслѣднику Ріо-Ріо, молодому
человѣку лѣтъ 22-хъ, которому далъ онъ учаспіе
въ правленіе, распроспранивъ и на него царское
шабу. Ріо-Ріо казался споль-же вялъ, шяжелъ и
ничтоженъ, какъ опецъ его былъ великъ и уменъ.
Толспякъ, уродъ физическій и моральный, онъ не
вмѣшивался ни во что, и на аудіэнціяхъ храпѣлъ
гдѣ нибудь въ углу, или на полу, какъ живошное.

Тамеа-Меа угощалъ своихъ госшей, пилъ, но
ничего не ѣлъ самъ. Окончивши обѣдъ, онъ повелъ
ихъ въ свой семейный морай, гдѣ бывалъ всего
чаще и куда особенно ходилъ молишься. Морай
эпомъ походилъ на Гонау-Наускій, описанный
мною выше. Такіе-же были въ немъ чудовищные
идолы и уродливыя хари, шакіе-же символы, ша-
кое-же внушреннее расположеніе и шакія-же мо-
гилы. Едва вступилъ въ него Тамеа-Меа, какъ по-
бѣжалъ къ одному изъ идоловъ, поцѣловалъ его, и

обращаясь къ Коцебу сказалъ : « Вотъ боги наши , обожаемые мною боги ! Незнаю, хорошо или дурно дѣлаю, слѣдуя вѣрѣ моихъ праошцевъ, но боги мои не могутъ быть дурны , ибо ничего злаго дѣлать мнѣ не повелѣваютъ. » — Сказавъ это, царь совершилъ какія-то молишвы, и началъ обѣдать передъ своими гостями , извиняясь въ своемъ поступкѣ. « Я видѣлъ, какъ ѣли Рускіе, а теперь пусть Рускіе посмотриатъ, какъ ѣстъ Тамеа-Меа.» Обѣдъ его продолжался нѣсколько минутъ , и состоялъ изъ вареной рыбы, иньямовъ, и весьма драгоцѣнной жареной пшички, которую берегутъ только для царскаго стола. Принимая обычаи Европейскіе, Тамеа-Меа обѣдалъ однакожь безъ вилокъ и ножей, бралъ кушанье руками , и видя , что на это смотрятъ съ удивленіемъ , сказалъ : « Таковъ нашъ старинный обычай, и я не оставляю его. »

Однакожь царь былъ уже тогда одѣтъ по-Европейски, въ жилетѣ съ пуговицами, въ рубашкѣ изъ бумажной ткани , съ маленькимъ галстухомъ на шеѣ. Въ этой одеждѣ списалъ съ него портретъ г-нъ Хорисъ, рисовальщикъ, бывшій при экспедиціи Коцебу. Тамеа-Меа съ прудомъ согласился просидѣть нѣсколько времени для снятія портрета, и только шѣмъ уговорили его, что портретъ будетъ отвезенъ Императору Александру, который весьма этому обрадуется, Обнадеженный въ этомъ, царь Гавайскій согласился позволить списать себя, и Коцебу увѣряетъ , что портретъ чрезвычайно былъ похожъ на оригиналъ. Жители Оагу и Гаваи съ утра до вечера прислаивали къ г-ну Хорису ,

чтобы онъ показывалъ имъ изображеніе ихъ власнителя, и уходили въ восторгъ отъ того, что онъ являлся имъ, какъ будто живой. Въ то время Тамеа-Меа былъ уже старъ, полсъ, съ морщинами на лицѣ. При его маленькихъ, узенькихъ глазахъ, огромномъ лбѣ, расплуснутомъ носѣ и толстыхъ губахъ, онъ казался проснякомъ. Въ юности, напрошивъ, черны лица его были смѣлы, дики, почти звѣрски. На всемъ архипелагѣ славил его силу, и еще болѣе удивительную ловкость. Въ битвахъ, онъ схватывалъ дрошки своихъ непріятелей на лешу, а его удары бывали почти всегда смертельны. Идя въ сраженіе, надѣвалъ онъ шапку съ перьями, вооружался саблею, ружьемъ, дрошникомъ, который пускалъ въ непріятеля при самомъ началѣ битвы. Одежда, въ какой списалъ его г-нъ Хористъ, была домашняя, а въ торжественныхъ случаяхъ Тамеа-Меа надѣвалъ мундиръ морскаго Англійскаго офицера.

Отъ Гаваи Коцебу перешелъ къ Оагу, гдѣ Русскій флагъ его сначала испугалъ жителей. Но разувѣренные попомъ, они снабдили корабль всеми пошребностями. Карай-Моку управлялъ тогда островомъ, отъ имени Тамеа-Меа.

Пока продолжалось царствованіе этого основателя Гавайскаго государства, Христіанская вѣра оказывала мало успѣховъ между туземцами. Примѣръ царя всего болѣе удерживалъ подданныхъ въ идолопоклонствѣ, и щещно много разъ старались убѣдить Тамеа-Меа, чтобы онъ отрекся отъ сво-

его вѣрованія и принялъ Христіанство. «Вѣрю,» всегда ошвѣчалъ онъ, «вѣрю, что ваша вѣра лучше моей, но оставивъ прежнюю, боюсь пошерыть власнь мою надъ умами подданныхъ.» Все что рѣшился онъ измѣнить въ древнемъ вѣрованіи своемъ, было уничтоженіе власни жрецовъ и принятіе на себя первосвященства надъ ними. Вѣроятно, онъ придумалъ такую мѣру, чтобы никакая другая власнь не могла вредить его единоначалію политическому, но именно это самое послужило потомъ сильнѣйшимъ средствомъ къ распространенію Христіанства. Всего болѣе увлекало Тамеа-Меа стараніе распространить Европейскую торговлю и промышленность. Въ концѣ его царствованія, селеніе Гоно-Рурское, наиболѣе посѣщаемое по удобству его гавани, было уже наполнено лавками и магазинами Французовъ, Англичанъ и Американцевъ. Со всѣхъ сторонъ спекались промышленники и проидохи на острова Гавайскіе. Изъ Парижа, Гаскони, Италіи, Испаніи приплывали сюда искать счастья и удачи, и искали эти удивлялись, когда по прибытіи своемъ находили не дикарей, легковѣрныхъ и безсчетныхъ, но ловкую собранію, которая умѣла плутовать не хуже новопріѣзжихъ гостей. Испанецъ Марини испыталъ на Оагу насажденія южныхъ Европейскихъ произрашеній съ большимъ успѣхомъ, перевезъ туда овощи, виноградъ, фрукшovesя деревья. Также расплодилось здѣсь рогапая скопина, вывезенная изъ Азіи и съ Малайскихъ острововъ; ее стали употреблять на обработку полей. Обладая довольно значительнымъ

флотомъ, царь Гавайскій съ пользою употребилъ его въ разныя предпріятія. На Китайскія шоржища отправилъ онъ корабли, съ грузомъ Гавайскихъ произведеній, и съ возвращеніемъ ихъ, Гавайцы узнали роскошь Азіатской промышленности. Защита архипелага не была забыта. Подъ надзоромъ Англійскихъ инженеровъ построены были крѣпости, и пушками и гаубицами ихъ заслоены важнѣйшія мѣста. На Гаваи и Оагу устроили постоянную милицію, обученную дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружіемъ. Все это было несовершенно; но какое другое царство видѣло совершеніе подобныхъ чудесъ въ теченіе *тридцати* лѣтъ, хотя и въ это краткое время много лѣтъ надобно было употребить царю Гавайскому на укрѣпленіе своей власти?

До него, закономъ повелѣвалось приносить всѣхъ плѣнниковъ, взятыхъ на войнѣ, въ жертву богамъ, и отъ того послѣ каждой битвы въ моря влекли толпы несчастныхъ, осужденныхъ погибнуть подъ дубиною жрецовъ. Тамеа-Меа уничтожилъ такую варварскую и бесполезную жестокость. Во время солнечныхъ и лунныхъ затмѣній схватывали и убивали каждого несчастливца, захваченнаго въ мѣсто, означенномъ спрашнымъ шабу. Тамеа-Меа отменилъ сей кровавый обычай. Онъ учредилъ гражданское и религіозное правосудіе, крошечное, терпѣливое, дѣлательное; привелъ въ дѣйствіе воинскій уставъ, практически, хотя онъ и не былъ написанъ; назначилъ войску своему жалованье, и шѣмъ ограничилъ грабежи, которые позволялись

прежде послѣ каждой побѣды; мало по малу, умягчилъ онъ дикарей, дошолъ повиновавшихся обычаямъ варварскимъ и кровожаднымъ.

Таковы были Гаваи, когда Тамеа-Меа скончался, Мая 8-го 1819 года. Въ теченіе мѣсяца его предсмертной болѣзни, вниманіе всѣхъ острововъ было обращено къ его смертному одру — казалось, подданные прислушиваются къ каждому дыханію своего любимого государя. Каждый часъ, ежедневно, отправлялись по всѣмъ направленіямъ курьеры изъ То-ваи-гаи, разнося въ самыя отдаленныя мѣста извѣстія о драгоцѣнной жизни монарха. Оповсюду сходились къ нему жрецы, колдуны, заклинатели всѣхъ родовъ. Ничто не помогало. Тамеа-Меа предвидѣлъ смерть свою. Онъ призвалъ къ себѣ своего сына, и такъ говорилъ ему: «Ріо-Ріо! оставляю тебѣ государство, котораго будешь досташочно для твоего честолюбія. Если будешь уменъ — сохранишь его, и потеряешь, если захочешь его увеличенія. Начальники, меня окружающіе, будутъ тебѣ вѣрны, если ты будешь правосуденъ. Мой сынъ! не спѣши наказывать вину, сдѣланную чужеземцемъ — проси въ первый разъ, перпи въ другой разъ, и только послѣ третьей вины исполняй правосудіе. Проси, и привѣщивуй моихъ женъ и мать твою!»

Всеобщее уныніе распространило всюду извѣстіе о кончинѣ царя. Женщины и мужчины, всѣ плакали, рвали волосы и валялись съ воплями по землѣ. Чтобы увѣковѣчить скорбь свою, каждый

хошѣлъ выбить у себя одинъ, или два зуба, перерѣзашъ домашнихъ живошныхъ, и многіе ломали даже дома свои. Кромѣ пашуажа, или накалыванія языка, упомибешельнаго въ сихъ случаяхъ, туземцы накалывали себѣ на рукахъ большими буквами, по-Англійски, слова: « Нашъ великій и добрый царь Тамеа-Меа умеръ 8-го Мая 1819 года. » Женщины рѣзали и прижигали себѣ шѣло; мужчины, вспрѣчаясь одинъ съ другимъ, царапали другъ другу лица, какъ будто сшудясь, что они недовольно изуродовали себя, и недовольно показали внѣшними знаками свою печаль. Въ окрестностяхъ послѣдней царской резиденціи, въ То-ваигаи, въ Каи-Руа, народъ оставался при дня и при ночи на площади, забывая о пищѣ и пишьѣ, безъ сна, всѣ стоя на ногахъ и громкими кликами изъясняя общую скорбь. Отвсюду сбѣжалось сюда множество туземцевъ, чтобы лично увѣришься въ дѣйствительности потери. Вездѣ на архипелагѣ страшная вѣспъ подобилась электрическому сотрясенію. Безъ всякаго приказа объ общемъ пратурѣ, всюду прекрашили немедленно всѣ игры и увеселенія; вездѣ укрывались въ дома свои, плакали и скорбѣли, прерывая вопли только для того, чтобы рассказывать дѣла и подвиги Тамеа-Меа.

Когда наступилъ день погребенія, шѣло царя было сожжено, а кости его, тщательно собранныя, на нѣкошорое время положены для храненія въ гробницѣ, или великомъ морѣ Каи-Руа, а потомъ, по обычаю, раздѣлены между всѣми начальниками. Это считалось самымъ высшимъ и глав-

нымъ знакомъ почести оспанкамъ покойника. Но морай Тамеа-Меа, шѣмъ неменѣе былъ почтенъ самымъ святымъ памянникомъ и шабу изъ всѣхъ шабу, какіе только существовали на Гаваяхъ. Онъ состоитъ изъ чепыреугольника, фушовъ 30-ти, окруженнаго оградой изъ *вареха*, съ крѣпкою спѣною въ легкомъ наклонѣ. Деревянная дверь его, $4\frac{1}{2}$ фуша вышины, заперта висячимъ замкомъ, и двѣ огромныя палки, креспообразно, посшавленные шагахъ въ двухъ отъ входа, показывающъ шабу эшого мѣсна.

Передавая власть сыну своему, Тамеа-Меа опдѣлилъ однакожь отъ него первосвященство, которое себѣ присвоилъ, и всѣ предмешы духовнаго вѣдомства опдалъ племяннику своему Кекуа-окалани, и другимъ сшарщинамъ. Извлеченный изъ долговременнаго безчувствія, Ріо-Ріо, едва только принялъ правленіе подъ именемъ *Тамеа-Меа II-го*, какъ уже увидѣлъ соперника и честшлюбиваго прошивника въ Кекуа-окалани, молодомъ, дѣятельномъ и опважномъ человѣкѣ.

Въ годъ смерти Тамеа-Меа, въ первый разъ появился близъ Гаваи Французскій военный флагъ. Французская корвешпа *Уранія*, подъ начальствомъ Фрейсине, совершая свое путешество въокругъ свѣпа, оппановилась въ заливѣ То-Вай-Гаи, 8-го Августа 1819 года. Нельзя было незамѣтитъ шайныхъ волненій между Гавайцами. Уже не было могущей руки Тамеа-Меа, подводившей подъ одинъ уровень всѣ мѣлкія честшлюбія, и у сына его, на

непростившемъ еще плѣмъ опцовскомъ, оспаривали законныя права власпи. Юнгъ, тогда уже восьмидесятилѣтній старецъ, просилъ Фрейсине вступиться въ споры и несогласія, и уговорить беспокойныхъ старшинъ на миръ и дружество. Послѣ согласія Французскаго капитана назначили для этого шоржесшвенное собраніе. Какой-то Гасконецъ, Ривесъ по имени, изъ юнга на кораблѣ какого-то морскаго бродяги сдѣлавшійся придворнымъ медикомъ Гавайскаго царя, служилъ переводчикомъ. Передъ собраніемъ царскаго семейства и начальниковъ, Фрейсине заговорилъ о миролюбіи и умеренности. Онъ напомнилъ, чѣмъ всѣ Гавайцы были обязаны памяши Тамеа-Меа, какъ свято должны повиноваться его послѣдней волѣ, и подкрѣплялъ силу и могущество власпи, имъ основанной, для счастія и безопасности Гавайскаго царства. Когда упомянуто было объ участи, какое король Французскій принимаетъ въ безопасности друга своего, царя Гавайскаго, Фрейсине снѣшилъ пояснить сомнѣніе, изъявленное вдовствующею царицею Кагу-Ману, которая боялась, чтобы не исполковано было дурно ихъ намѣреніе прибѣгнуть въ насущащемъ случаѣ къ посредничеству Франціи. Фрейсине сказалъ, что посредничество это не имѣетъ никакой корыстной цѣли, и что имя Франціи призывается опнюдь не съ непріязненнымъ намѣреніемъ, прошивъ покровительства Англіи, какому давно подчиненъ Гавайскій архипелагъ, но единственно съ мыслью о внутреннемъ умирненіи архипелага, для общаго блага, которому неминуемо

повредяшъ междоусобія и несогласія начальниковъ съ царемъ ихъ. — Рѣчь Фрейсине была продолжительна и говорена съ чувствомъ, но переводчикъ Гасконецъ передавалъ ее шакъ скоро, что Французы, не зная по-Гавайски, сомнѣвались въ вѣрности сего поспѣшнаго перевода. Впрочемъ, казалось, что всѣ Гавайцы оспаяюща доволны, и совѣшомъ и рѣчью.

Пока начальникъ корабля входилъ въ дипломатическое посредничество, болѣе скучное, нежели полезное, молодые офицеры Французскіе увлекались дѣлами не столь важными, но болѣе занимательными и веселыми. Не будучи нескромнымъ касательно чужихъ шайнъ, перескажу здѣсь только посѣщеніе гарема Его Гавайскаго Величества офицерами Ураніи, и на сей разъ опдамъ мѣсто словамъ г-на Іакова Араго, рисовальщика, бывшаго при экспедиціи Французской.

«Гасконецъ Ривесъ, о которомъ мы уже говорили, привѣщивалъ насъ величайшими учтивостями, и препроводилъ меня и г-дъ Рекена и Дюбо въ жилище вдовствующихъ царицъ Тамеа-Меа, убивавшихъ время въ такой лѣни и безопасности, что имъ позавидовалъ-бы Японскій Даири. Желая показашъ намъ мѣру своей придворной важности и милости царицъ, онъ дружески подошелъ къ бывшей любимицѣ царской, и запросто попрепалъ ее по щекѣ, чѣмъ однакожь она казалась неслишкомъ доволною. Но хвастунъ спѣшилъ поправиться, и началъ щупашъ пульсъ царицы, съ ужимками самаго

ловкаго шарлапана. Мы вздумали спросить его: въ самомъ-ли дѣлѣ онъ пользуется на Гаваи дипломомъ придворнаго докшора, и когда онъ подтвердилъ это, сказавши припомъ, что лечилъ Тамеа-Меа, мы неудивлялись поспѣшному отправленію царя за предѣлы гроба. Негодяй ничего не смыслилъ въ медицинѣ, и умѣлъ только давать ипекакуану въ кашлѣ и Александрійскій листъ во всѣхъ другихъ болѣзняхъ.

« Королева-машъ, Кагу-Ману, любимица Тамеа-Меа, лежала, расшнурованная на тоненькихъ рогожкахъ и закушавшись въ лоскутъ превосходной шкани. Лицо ея было увлекательно, шолщина безмѣрная, но хотя она спрдала какою-то легкою болѣзнью въ то время, посмошрѣвши на нее, можно было повѣрить сильной привязанности къ ней Тамеа-Меа. Ея ноги, часть лѣвой руки и языкъ были искусно шашуированы, и по шѣлу видно было множесство обжогъ и рубцовъ, какими изшперзала она себя послѣ смерти своего супруга. Она поощчивала насъ пивомъ, съ большою ласковостью, и по ея примѣру, мы выпили въ память Тамеа-Меа. Молодой, красивый и опрашный юноша размахивалъ окресить ея щегольскимъ опахаломъ, сдѣланнымъ изъ перьевъ различныхъ птицъ, между шѣмъ, какъ онъ времени до времени, молодая дѣвушка подставляла небольшой калекбасъ, до половины наполненный цвѣтами и закрытый плашкомъ — это была ея плевальница. Такіе-же калекбасы подставляли другія прислужницы другимъ царицамъ, но видно было, что наиболѣе благоговѣнія изъявлялось Кагу-Манѣ.

« Всѣхъ царицъ было пять, и Кагу-Ману, вѣсившая по крайней мѣрѣ чепыре квиншала, была еще самая худощавая. Другія походили болѣе на безобразныя шуши мяса, нежели на женщинъ. Особенно двѣ изъ нихъ почъ въ почъ казались морскими слонами, копорые съ шрудомъ движущая по землѣ. Всѣ лежали, оборотясь живошами къ рогожкамъ, и мнѣ кажется, что изъ всѣхъ женщинъ на Гавайскихъ островахъ не видалъ я ни одной, копорая, лежа на рогожкѣ своей, принимала-бы другое положеніе.

« Комната, занимаемая Ихъ Гавайскими Величествами, была невелика, и приномъ завалена калебассами, рогожками, Кипайскими ящичками, Англійскими и шуземными шканями, и все это было кое-какъ и повсюду разбросано. Подлѣ дверей шѣснилась толпа народу, и особливая гаушвахпа, вблизи построенная, блюла безопасность царицъ. Когда мы спрашивали: чѣмъ занимающая онѣ и какъ проводяшъ время, намъ отвѣчали, что онѣ только живутъ. И въ самомъ дѣлѣ, такое дѣло могло бышъ не шушочнымъ занятіемъ при искусствѣ ихъ доктора.

« Съ нашимъ услужливымъ провожаемымъ, мы пошли къ царю. Его Величество былъ въ мундирѣ гусарскаго полковника и въ генеральской шляпѣ. Все это пакъ обременяло его, что легко можно было замѣшшъ привычку его къ одѣянію болѣе свободному. Я срисовалъ его, съ женою, и присоединилъ къ рисунку главныхъ его чиновниковъ, пакъ,

какъ они лежали на землѣ у ногъ его ; прибавилъ еще и двухъ спражей, въ перяныхъ плащахъ , съ обнаженными саблями, какъ будно готовыхъ на его защиту. Мы подарили Ихъ Величествамъ Мад-расскую шаль и прекрасныя серьги, но съ досадою увидѣли, что на подарокъ смотрѣли они безъ всякаго вниманія и уваженія. Жена царя была родная сестра его, красивая и пріятная женщина, съ добродушнымъ, дѣшскимъ обращеніемъ; она позволяла себѣ съ нами и другими посѣщителями такія проказы, что въ Европѣ могли-бы почестъ это непозволенными шалостями. Высокій ростъ, 5 футовъ, 6 дюймовъ, не препятствовалъ стройности и пріятности формъ ея. Изъ четырехъ царицъ Ріо-Ріо, она (ее называли Кау-Оное) была самая любимая. »

Такъ весело и забавно рассказываютъ множество личныхъ замѣчаній своихъ , во время пребыванія въ Гавайи, наши молодые соотечественники. Офицеры Ураніи были въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ царемъ и всѣмъ его семействомъ. Съ обѣихъ сторонъ ѣздили въ гости другъ къ другу, давали праздники, размѣнивались учтивостями. Но вскорѣ важная церемонія смѣнила всѣ мѣлкія сношенія. Первый министръ царскій, *Караи-Моку*, прозванный Пишшомъ, узналъ, что на кораблѣ находится священникъ (то былъ г-нъ де-Келень , родственникъ Парижскаго Архіепископа), и пожелалъ принять отъ него крещеніе. Обрядъ исполнили съ нѣкоторою пышностію, и вотъ какъ рассказываетъ объ немъ рисовальщикъ Араго :

« Мѣсто крещенія назначили на корабль ; царь хошѣлъ при томъ присушествовать и царица-машъ сопровождала его. Капишанская лодка , подѣ начальствомъ Г-на Жаннере, была опредѣлена для переноса на корабль всѣхъ членовъ царскаго семейства. Я находился на берегу , и желая снятъ рисунокъ поѣзда, предпочелъ лучше плытъ въ двойной лодкѣ, пригошовленной для царя. Онъ просилъ подождать нѣсколько минутъ , пока одѣнешся, но былъ такъ неучтивъ къ дамамъ , что заспавилъ ждать болѣе полу-часа , хотя двѣ любимыя царицы его находились уже въ лодкѣ. Вступая въ лодку, царь снялъ съ себя шабу, чтобы укрыться отъ солнечныхъ лучей подѣ тентомъ , или зоншикомъ. Сберегая свой парадный нарядъ , онъ былъ одѣтъ весьма просто — въ синемъ , съ галунами , жилетѣ , въ широкихъ зеленыхъ панталонахъ и черной соломенной шляпѣ. Онъ сѣлъ въ лодку послѣдній, и мы замѣтили, что подойдя къ царицѣ машери, крѣпко коснулся онъ своимъ носомъ ея носа , и что онъ и она почти заплакали. Лодка съ царемъ и царицами плыла впереди всѣхъ ; за нею слѣдовала моя , а за моею еще двѣ двойныя лодки, и чепыре одинакія, съ придворными и знашными Гавайцами. Съ корабля салютовали нашу экспедицію одиннадцатью выстрѣлами. Царь сошелъ внутрь корабля, чтобы посмотришь, какъ стрѣляютъ изъ пушекъ. Алшаръ былъ уже гошовъ, и новокрещаемый Карай-Моку, или Пишшъ, дожидался уже насъ на кораблѣ болѣе двухъ часовъ. Нашъ умный аббапъ сократилъ церемонію , которой не могли понимать наши

госпи. Начальникъ корабля былъ кумомъ, секретарь его, г-нъ Габеръ, заступалъ мѣсто кумы, а слуга капитанскій мѣсто опросителя (sacristain). Царицы легли на полъ, хоша мы предлагали имъ креслы. Многіе изъ Гавайцевъ спрашивали: не спануть-ли выбивать зубовъ, или опрѣзывать чегонибудь у Караи-Моку, и мы съ трудомъ разуверили ихъ, что наша религія отвергаетъ всѣ кровавые и жестокіе обряды. Пока обрядъ совершался, царь попросилъ трубку и курить. Царицы удивлялись блестящей одеждѣ священника; съ изумленіемъ смотрѣли онѣ на образъ Богоматери, появившій на алтарѣ, и каждая потомъ просила позволенія поцѣловать его. Опъ времени до времени, просили онѣ пищи, и наконецъ пошли осматривать весь корабль, посѣтили даже наши каюты, и уверяли, что наши постели кажутся имъ очень красивы и удобны.» . . .

Караи-Моку, или Пиипъ, о крещеніи котораго мы сей часъ упомянули, былъ довольно высокаго роста, съ выраженіемъ и хитросью въ лицѣ, а лобъ его, возвышенный болѣе, нежели у другихъ Гавайцевъ, показывалъ болѣе другихъ обширныя умственные его способности. Торжественное обращеніе его въ христіанство было слѣдствіемъ болѣе честолюбиваго расчета, нежели сердечнаго убѣжденія. Черезъ нѣсколько дней потомъ, бранъ его, губернаторъ Боки, крестился по его примѣру.

Такими событіями ознаменовалось пребываніе Ураніи у Гавая. Фрейсине былъ потомъ на Мави

и Оагу. Вездѣ онъ могъ только хвалиться шудемами, за исключеніемъ одного плута, какого-то *Kian*. Онъ обманулъ Французовъ, успѣвши сбыть имъ негодные запасы.

Царствованіе Ріо-Ріо, хотя незначительное послѣ подвиговъ Тамеа-Меа, ознаменовалось однакожь дѣлами и событіями, о коихъ споимъ припомнимъ. Главнѣйшее было покореніе Тауму-Аріи, начальника Тауаи. Думая, что съ кончиною великаго царя Гавайскаго настало время возвратиться независимости, онъ отказался признасть преемника, и Ріо-Ріо оказалъ въ семъ случаѣ смѣлость. Въ лодкѣ, съ двумя, или тремя начальниками, изъ числа самыхъ вѣрныхъ, онъ не побоялся бурнаго времени, переплылъ на Тауаи, прямо пошелъ къ Тауму-Аріи, потребовалъ отъ него объясненій, заставилъ его повиноваться, и немедленно отправился назадъ, принявъ присягу въ его вѣрности.

Но еще болѣе важное дѣло составило совершенное уничтоженіе шабу и идолослуженія на Гавайяхъ. Для этого собранъ былъ государственный совѣтъ, и цѣлый мѣсяцъ прошелъ въ жаркихъ и продолжительныхъ совѣщаніяхъ. Положили наконецъ, что прежнее богослуженіе должно уничтожить. Оставалось получить согласіе царицы-матери, Кеопуо-Лани, старшей надъ Ріо-Ріо по рожденію. Когда начали говорить ей объ этомъ, она оказала сначала нѣкоторое сопротивленіе. «Что вамъ худаго сдѣлали наши боги?» спрашивала она. «Ничего» — отвѣчали ей посланные — да, что-же

и хорошаго? Для чего намъ беречь ихъ? Богослуженіе ихъ шягостно, шребуешъ принесенія на жершву людей, а между шѣмъ, мы видимъ изъ примѣра Европейцевъ, что при нашихъ жестокихъ и безцолезныхъ жершвоприношеніяхъ, наши боги войны не въ состояніи защишишь насъ опъ чуждой силы.» — Хорошо — сказала царица — дѣлайте, какъ вамъ угодно. — И въ тошъ-же день, мораи и геіау переспали бытъ свяшыми мѣсшами. Сохранили почшеніе только къ погребальницамъ царей и начальниковъ, ошавя при нихъ спражами старыхъ жрецовъ.

За шѣмъ уничтожено было шабу, эшошъ споль древній и важный символъ неприкосновенности. Прежде всего начали эшо уничтоженіе сняшіемъ его съ женщинъ. До того времени запрещалось имъ, не шолько ѣсшъ съ мужчинами, но ѣсшъ еще нѣкошорыя кушанья, предосшавленные однимъ мужчинамъ. Смертью наказывалось прешупленіе закона. Жестокій и глупый законъ эшошъ рѣшились ишпребить шоржешвенно. Выбранъ былъ день большаго праздника. Толпа, по обыкновенію, собралась окрешъ царскаго жилища, въ часъ обѣда. Едва шолько устроили спош, опдѣливъ на разныхъ рогожкахъ кушанья, опредѣленные для мужчинъ, и на другихъ кушанья, позволенные женщинамъ, явился царь, взялъ нѣсколько мужскихъ кушаньевъ, перешелъ на рогожку женщинъ, сѣлъ, началъ самъ ѣсшъ и велѣлъ ѣсшъ своимъ собесѣдницамъ. Эшо произвело величайшій соблазнъ въ народѣ. «Табу» — кричала шолпа — «шабу, шабу!»

На крикъ не смошрѣли. Народъ бросился къ морю, привелъ жрецовъ, говорилъ, что боги незамедляшъ опмспитъ беззаконіе, споль безразсудное и дерзкаго. Жрецы начали разыгрывать пригошовленную комедию. «Да, да,» кричали они — «вошъ беззаконіе гибельное, явное нарушение шабу! Да, что-же дѣлають наши боги? Что не мспяшъ они? Какъ можно имъ допустить оскорбленіе споль ужасное, въ виду всѣхъ? Такъ видно они безсильные, ложные боги? Надобно ихъ уничтожитъ, освободитъ отъ нихъ! Пойдемте, Гавайцы! расплашимся съ ними!» И своею рукою, первосвященникъ зажегъ главный морай. Рѣдкій примѣръ ума и самоопроверженія въ начальникѣ идолопоклонства. Народъ послѣдовалъ сему примѣру, и всѣ острова Гавайскіе не замедлили подражать примѣру царя и сполчнаго острова. Только одинъ спарѣйшина рѣшился защищать идоловъ. Это былъ хипрый Кекуа-ока-лани. Онъ нарочно неучаствовалъ въ предварительномъ совѣшѣ, и когда слѣдствіемъ рѣшенія совѣша было раззореніе и сожженіе храмовъ, онъ схватилъ испуканъ бога войны, Таири, прежнюю хоругвь бившъ Гавайскихъ, собралъ окрестъ себя нѣсколько испушенныхъ изувѣровъ, и съ Оагу, гдѣ тогда находился, переплылъ на Гаваи. Здѣсь сбѣжались къ нему суевѣры и мяшежники, шакъ, что онъ почелъ себя довольно сильнымъ для опкрышой борьбы съ царемъ. Карай-Моку, какъ другъ Тамеа-Меа, сдѣлавшійся тогда первымъ миниспромъ Ріо-Ріо, пошелъ прошивъ возмущшеля, и въ упорной бившѣ были убиты

Кекуа-ока-лани, и жена его, храбрая амазонка, сражавшаяся подлѣ мужа своего. Смерть начальника не испугала подчиненныхъ; они бились ошчаянно, пока гибель почти всѣхъ дала полную побѣду Караи-Моку. Въ эшотъ кровавый день навсегда уничтожилось древнее богослуженіе Гавайцевъ. Славный испуканъ Таири доспался побѣдителямъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ пошомъ подарили его капишану Байрону, кошорый увезъ его въ Англію.

Когда погибала такимъ образомъ нелѣпая мѣологія шуземцевъ, на мѣсто ея появлялась истинная религія, издали, черезъ моря перешедшая. Съ 1820 года, шесть Миссіонеровъ, изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, явились на Оагу. Не смотря на сопрошивленіе — кого-бы вы думали? — переселенцевъ Европейскихъ, Ріо-Ріо принялъ ихъ въ Гоно-Руру, и далъ имъ земли и работниковъ. Ошець его былъ политическимъ преобразованиемъ своей страны. Ріо-Ріо захошѣлъ быть реформаторомъ религіознымъ. Онъ превозносилъ своимъ подданнымъ важность новой *пуле* (вѣры) и новыхъ *пала-пала* (молитвъ), и вскорѣ всѣ Гавайцы, лишенные своихъ прежнихъ суевѣрныхъ вѣрованій, съ воспоргомъ обратились къ новой вѣрѣ, столь кропкой и ушѣшительной. Два важнѣйшія обращенія были: царской машери, Кео-пуо-лани, и Капео-лани, жены Наиге, начальника Каи-Руаскаго. Ихъ примѣръ увлекъ многихъ. Въ 1822 году напечааша на первая книга Гавайская. Эшо была маленькая грамматика, для кошорой приняли основанія, уже

ушверженныя для языковъ Таишскаго и Ново-Зеландскаго. Успѣхи типографіи шли послѣ того въ возрастающемъ количествѣ, такъ, что въ 1832 году, число книгъ, напечатанныхъ въ одно полугодіе, просширалось до 466,000 экземпляровъ. Въ числѣ ихъ, кромѣ отдѣльныхъ частей Вешаго и Новаго Завѣша, замѣчательны были: *Основанія Ариѳметики* (въ числѣ 43,000 экземпляровъ), *Разсужденіе о супружествѣ*, *Библейская исторія*, *Понятія о стихіяхъ*, *Хлѣбъ насущный*, *Географическіе вопросы*, и все это было печашано въ множествѣ экземпляровъ. Заботились между тѣмъ объ изданіи многихъ неменѣе полезныхъ книжекъ объ исторіи, математикѣ, грамматикѣ, бухгалтеріи, и думали даже о Гавайскомъ календарѣ. Скорѣе идши въ печеніе десяти лѣтъ невозможно. Къ первоначальнымъ проповѣдникамъ вскорѣ присоединились новые товарищи, Англійскіе Миссіонеры. Они явились съ двоякимъ намѣреніемъ: помогашъ своимъ Американскимъ собрашямъ и наклоняшъ умы туземцевъ къ подчиненности Англичанамъ. Въ числѣ новыхъ пришельцевъ былъ Эллисъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ членовъ Гавайской миссіи, первый издавшій драгоцѣнныя свѣдѣнія о Гаваяхъ.

Успуная убѣжденіямъ Англійскихъ Миссіонеровъ, Богъ вѣсть для чего, Ріо-Ріо согласился совершивъ путешесствіе въ Англію. Онъ отправился 27-го Ноября 1823 года, на Англійскомъ кораблѣ *Орель*, заплашивъ за проѣздъ капишану, и оставивъ вмѣсто себя на Гаваяхъ Карай-Моку. Съ нимъ отправились, любимая жена его, Камеа-Мару, Боки, губер-

напоръ Оагскій, еще два, или три чиновника, и Ривесъ, служившій переводчикомъ и чичероне. Прибывъ въ Поршсмупъ, Мая 31-го, 1824 года, Ріо-Ріо не медля поѣхалъ въ Лондонъ, но здѣсь шещено старались доставить ему аудіэнцію у Короля. Англійскій монархъ довольно неучтиво отказывался отъ приѣма Полинезійскаго брата своего, и бѣдный Ріо-Ріо, а потомъ и жена его, оба умерли въ Лондонѣ, умоляя передъ смертію перевезти ихъ на родину. Жалкая кончина Гавайскаго царя послужила въ пользу товарищамъ его путешествія. Георгъ IV-й принялъ ихъ на аудіэнціи, обласкалъ, восхищилъ своею ласкою, и объявилъ имъ, что особенный карабль будетъ назначенъ для переезда на Гаваи бранныхъ оспанковъ Ріо-Ріо и Кемеа-Мару, и сопутниковъ царя и царицы. Дѣйствительно, Мая 4-го 1825 года, передъ рейдою Лагайна, а потомъ въ Гоно-Рурскомъ портѣ явился фрегатъ *Блондина*, подъ начальствомъ капитана Байрона, съ гробами власишеля Гавайскаго, жены его, и ихъ сопутниками. Гоно-Руру сдѣлался тогда уже настоящимъ столичнымъ городомъ. Вся торговая дѣятельность острововъ сосредоточилась здѣсь. Магазины, верфи, церкви, красивые домики покрывали берегъ. Множество кораблей видно было въ гавани, и все приморье являло необыкновенное движеніе шоваровъ и народа. Долго надобно-бы рассказывать всѣ обряды, какими сопровождалось прибытіе Байрона въ Гоно-Руру. Высадка на берегъ, погребеніе Ріо-Ріо, привѣшество капитану заняли болѣе двухъ недѣль. Но первобытный шипъ

шумства тогда уже изгладился, и все дѣлалось на Англійскій, а не на Гавайскій манеръ. Оспанки царя и царицы понесли не въ морай, но въ христіанскую церковь, и похоронили на христіанскомъ кладбищѣ.

Болѣе мѣстными красками означилось пребываніе здѣсь Русскаго капишана Коцебу, кошорый завернулъ на Оагу вшорично, въ Декабрѣ 1824 года. Власъ надъ архипелагомъ нашель онъ въ рукахъ Карай-Моку, нарочно пріѣхавшаго изъ внутреннихъ обласпей, для аудіэнціи Русскаго мореплавателя. Подлѣ Карай-Моку явились при семъ случаѣ двѣ женщины — царица Каагу-Ману и Нома-Гана, одна изъ вдовъ Тамеа-Меа, спраспно влюбившаяся въ Коцебу. Эшо была настоящій гренадиръ, 5 футовъ и 8 дюймовъ роспомъ, съ лицомъ круглымъ, какъ добрая пыква, и съ повязкой на головѣ; шолщина ея была безмѣрная и видѣ живой, веселый. Одѣшная по-Европейски, опряшная, и ловкая кокешка, она повела инпригу на прямикъ, и написала къ Коцебу слѣдующее письмо, кошорое напечатано въ его путешешствіи:

«Привѣшпствую тебѣ, Рускій! Люблю тебѣ опъ всего моего сердца и больше самой себя. Видѣ тебѣ въ нашей землѣ, чувспвую радость, кошорой не выразишь моему бѣдному языку. Ты найдешъ все измѣнившимся. Пока живѣ былъ Тамеа-Меа земля процвѣшпала, но съ его смертью все разрушается. Молодой царъ въ Лондонѣ; Каагу-Ману и Карай-Моку оплучились на нѣсколько дней, а Шинау, замѣняющій ихъ, не имѣетъ такой власпи, чшобы приняшь тебѣ по швоему достоинству. Онъ не можетъ и доста-вишь тебѣ свиней, папашовъ и шаро сколько тебѣ по-

требно. Какъ я жалѣю, что мои земли далеко отсюда по морю, на островѣ Мави ! Если-бы онѣ были поближе , всякой день ты былъ-бы окруженъ свиньями. Едва только ворошится сюда Караи-Моку и Каагу-Ману, всѣ твои потребности исполнятся. Братъ царскій съ нами , да онъ еще неопытное дитя , неумѣетъ различить добра отъ зла. Прошу тебя облобызать своего Императора отъ моего имени. Скажи ему , что очень хотѣла-бы я его увидѣть, но обширное море насъ разделяетъ. Не забудь привѣтствовать отъ меня весь свой народъ. Я христіанка, и ты также, а потому ты извинишь мое писанье. Голодъ принуждаетъ меня кончить письмо. Желая, чтобы и ты также съѣлъ голову твоей свиньи съ удовольствіемъ и аппетитомъ. Съ царскимъ поспоянствомъ и вѣчною любовью, остаюсь,

твоя Нома-гана.

Кончина Рио-Рио, торжественно объявленная Гавайцамъ , привела въ движеніе нѣсколько честолюбивъ. Таму-Арии , по шуту царь Тауаи, скончался въ Маѣ 1824 года , и островъ долженъ былъ присоединиться къ Гавайскому царству, но сынъ вассала хотѣлъ поддержать свои права, пользуясь отсутствіемъ Рио-Рио. Надобно было Караи-Моку оружіемъ управиться съ бунтовщикомъ. Такимъ образомъ, онъ являлся повсюду опорою царства , и потому провозгласили его регентомъ, когда, Іюня 6-го 1825 года, Кау-ике-ули, младшій братъ умершаго царя, мальчикъ десяти лѣтъ , воспитанникъ и крестникъ Американскаго Миссіонера Бингама , возведенъ былъ на престолъ отцовскій. Первымъ дѣломъ регента было подтвержденіе плахи за сноянку въ гаваняхъ Гавайскихъ , установленной

Тамеа-Меа, около 3-хъ франковъ съ шонны кораблей, приходящихъ за торговлею, и около 6 франк. 40 су съ шѣхъ, кошорья оспанавливались просто для роздыха. Впрочемъ, Карай-Моку недолго прожилъ послѣ воцаренія Кау-ике-ули, и умеръ ошъ водяной болѣзни, въ 1828 году, на 70-мъ ошъ рожденія. Послѣ Тамеа-Меа, Карай-Моку, безъ сомнѣнія, болѣе всѣхъ способствовалъ образованію и завоеванію Гавайскаго архипелага. Боки наследовалъ ему, но не замѣнилъ его. Важнѣйшее среди Гавайцевъ лицо теперъ Куа-кини, братъ царицы Каагу-Ману, кошорому около 52-хъ лѣтъ. Еще бодрый, съ пріятными манерами, съ умною физіогноміею, Кау-кини знаетъ дѣло, скромень, безприсраспенъ и рѣшишелень. Дочь его, Кини, обручена съ юнымъ царемъ, въ Январѣ 1830 года.

Я говорилъ уже, что нынѣшній царь Гавайскій даетъ о себѣ большія надежды. Ему теперъ около 20 лѣтъ. Одаренный счастливыми способностями, умный, добрый, безприсраспный, великодушный, Кау-ике-ули можетъ сдѣлаться досшопамятнымъ монархомъ, если шолько не собьютъ его съ толку злые совѣшники. Въ настоящее время, когда различныя шребованія спалкиваются на Гаваяхъ, посшавленныхъ въ центрѣ шорговыхъ, неперпящихъ другъ друга соперничесшвъ, юному царю пошребны въ одно время, и сила характера и благоразуміе, чшобы удержашъ въ равновѣсіи разнородныя ко-рыши. Американцы, Англичане, Рускіе—всѣ спремьяшся, или колонизировашъ Гавай, или захвашшть одни передъ другими разныя преимущесшва. Если-

бы упомянутыя мною при могущества неопасались одно другаго , и каждое не боялось спора за добычу отъ другихъ , не наблюдало по сей причинѣ за взаимными припязаніями , Гавайскій архипелагъ уже давно сдѣлался-бы владѣніемъ Россіи , Англіи , Америки (*). Но долго-ли будетъ такъ ? Единственныя острова Полинезійскіе, гдѣ образовалась самобытная жизнь государственная, долго-ли еще останутся независимыми отъ чуждаго , отдаленнаго владычества? Суждено-ли Кау-ике-ули умереть вассаломъ чьимъ-либо, или передашь наслѣднику свою независимость ? Только время рѣшитъ удовлетворительно сіи вопросы.

(*) Для убѣжденія, какъ невѣрно мнѣніе автора о припязаніяхъ Россіи на Гавайскіе острова , совѣтуемъ прочитать любопытное сочиненіе К. Т. Хлѣбникова , бывшаго правителя Россійско-Американскихъ колоній : *Жизнеописаніе А. А. Баранова* , изд. въ Спб. , въ 1835 году (209 стр. in 8). Здѣсь читатели найдутъ также всѣ подробности о предпріятіяхъ безразсуднаго Шеффера , посланнаго на Гаваи Барановымъ (см. выше). *Прим. Пер.*

ГЛАВА LII.

НАРОДОНАСЕЛЕНІЕ , ПРАВЫ , ОБЫЧАИ , РЕЛИГІЯ НА ОСТРОВАХЪ ГАВАЙСКИХЪ.

Жители *Гавайскихъ острововъ* , одно изъ обширныхъ отдѣленій Полинезійскаго семейства народовъ , множествомъ разныхъ отношеній подходящъ къ роду Таитянъ. Тамъ и здѣсь начальники сославляютъ отличное званіе , превосходящее просолюдиновъ ростомъ , силою и умомъ. Многіе изъ старѣйшинъ , при шести-футовой вышины , имѣютъ и соразмѣрную силу. Женщины знашныя особливо , высокія и полныя , отличаяся крѣпостью мускуловъ , едва посмижимою. Даже молодыя , красивыя , ловкія Гавайки изумляютъ силою въ мускулахъ. Мужчины почти безбороды. У женщинъ обычай выщипывать себѣ волосы щипчиками , или выправлять сокомъ какихъ-то растений. Мужчины рѣдко доживаютъ до старости; въ 60 лѣтъ они уже дряхлы. Женщины 40-ти и 42-ти лѣтъ уже въ полномъ возрастѣ; онѣ родятъ легко , и пошчасъ послѣ родинъ принимаются за свои работы. Самыя обык-

новенныя болѣзни на Гаваяхъ : чесотка, *Неаполитанская* болѣзнь, простуды, элѣфаншизмъ, поносы, а прежде свирѣпствовала, говорятъ, здѣсь оспа, шакъ, что жишели убивали дѣтя, едва оказывались ея признаки. Безумныхъ, по разсказу г-на Гемара, ковали въ цѣпи, и иногда морили голодомъ. Но во время открытія Европейцами, говоритъ Кингъ, сумасшедшіе пользовались общимъ уваженіемъ; ихъ почишали вдохновенными, и это напоминало Воспитанныхъ Саншоновъ.

По природѣ, Гаваецъ крошкѣ, ласковъ, гостепріименъ. Только побуждаемый ревностью, ненавистью, мщеніемъ, честолюбіемъ, шутеми измѣняетъ своей врожденной добротѣ. Менѣе Таишянъ легкомысленные и переменчивые, Гавайцы не шакъ важны и общипельнѣе, нежели жишели Тонга. Не познакомаясь съ Европейцами, они живали миролюбиво. Мужчины мало оказывали вниманія женщинамъ, но обходились съ ними ласково. Любовь къ дѣтямъ не препятствовала убивать ихъ шѣмъ опцамъ, кошорые шягошились воспитаніемъ, и дѣтей истребляли даже черезъ мѣсяць по рожденіи ихъ; далѣе сего срока, если дѣти неповиновались, или оскорбляли родителей, опцу и матери позволялось умерщвлять ихъ, и—нерѣдко пользовались родители шакимъ ужаснымъ правомъ дѣшубійства....

Въ числѣ спранныхъ обычаевъ здѣшнихъ былъ одинъ, по кошорому гостъ и хозяинъ должны были разговаривать лежа брѣхами внизъ, на рогожкѣ. При возвращеніи друга, или родственника, надле-

жало сперва вопишь и кричаешь, а потомъ уже утѣ-
шишься и обнимаешься. Въ шоржеспивенныхъ случаяхъ,
вспрѣчая почешнаго госпя, славили его импро-
визаціею пѣсенъ. Вотъ обрачикъ шакой поэзіи,
по переводу миссіонера Эллиса:

Мава, и ты сынъ Пара,
Какъ намъ васъ прославить?
О Мава, знаменишая въ Горуа,
Жена, искусная въ земледѣліи!
Соединимъ рыбака
Съ женою земледѣлицею,
И счастлива спрана ихъ бытія!
Когда мужъ ловишь рыбу,
А жена обрабатываетъ землю,
Запасы готовы спарому и малому,
И милой дружинѣ воиновъ.
Забояться о жизни друга,
Работаютъ для Туи-шелани.
Сожжены были дубравы Тапа-пала,
Долго горѣла бездна,
Пустынна была земля Туа-Егу.
Сидѣла ппица на скалахъ Огара-гара.
Восемь дней прошло, восемь ночей,
А работники отдохнувши не успѣвали,
Успалые опъ насажденія правъ,
Сожигаемые зноемъ солнца,
Смопрѣли кругомъ беспокойно.
Вѣспромъ и дождливой бурей
Несло пыль на Гоина;
Краснѣли глаза опъ эпой пыли.
О Тауаи, Тауаи! будь благословенна,
Земля среди морей,
Тихо покоясь на волнахъ,
Обращая лицо къ вѣспрамъ благодатнымъ.
Опъ вѣпра покраснѣли очи

Людей, съ испещренною кожей.
 Песокъ изъ Тау лепили въ Пога-Туоа,
 А лава въ Огіа-опа-лани.
 Черезъ море лежитъ дорога
 Къ песчаному берегу Таиму,
 А внутри, черезъ горныя вершины,
 Скрылась туда дорожка.
 Бурей одѣлась Кирау-Еа;
 Пеле обитаетъ въ Кирау-Еа,
 Въ безднѣ, питаясь огнями.

Во время открытія Гаваевъ, правленіе на нихъ было неограниченное и наследственное. Власъ царя ограничивалась только совѣтомъ старшинъ, пошому, что опредѣленія этого совѣта иногда бывали закономъ для воли царя. Правленіе принадлежало не однимъ мужчинамъ; бывали и царицы. Всѣ высшія достоинства, военныя, гражданскія и духовныя были наследственныя, хотя и подчиненныя царской власи. Царь могъ низложить родового вельможу и облагородить простолюдина, наказывая такимъ образомъ пресупленіе перваго и награждая подвигомъ втораго. Собственностію подвергались такому-же закону; послѣ смерти владѣльца, они были достояніемъ царскимъ, и царь распоряжалъ ихъ новою отдачею во владѣніе. Всего чаще оставляли ихъ въ одномъ рода, и Тамеа-Меа почти никогда не нарушалъ правъ наследства по имѣніямъ, что сдѣлалось теперь кореннымъ закономъ.

Миссіонеръ Эллисъ дѣлитъ народонаселеніе Гавайское на четыре разряда: Царя и членовъ царскаго семейства, къ которымъ причисляются пер-

вый миниспръ и регеншъ; правителей, или губернаторовъ разныхъ острововъ, шести большихъ округовъ на Гаваи, и еще нѣсколькихъ сшаршинъ, происходящихъ отъ сшаринныхъ царей и князей какъ-то : Тараи-Опу, Таги-Тери, Тепори-оріо-рани, Та-Ео; наемщиковъ земель, обрабатывающихъ наняшыя учасшки своими работниками, или отдающихъ оныя вольнымъ съемщикамъ, званію, сосланному изъ прежнихъ сшаршинъ, или младшихъ жрецовъ; наконецъ — осшальной народъ: ремесленниковъ, земледѣльцовъ, рыбаковъ, музыканшовъ, плясуновъ и мѣлкихъ владѣльцевъ.

Таково раздѣленіе Элліса. Но другіе опредѣляютъ его иначе, и кажется правильнѣе, полагая: *Аріи*, островныхъ и окружныхъ начальниковъ, изъ которыхъ царь есть первый, подъ именемъ *Аріи-Табу*; далѣе, *Рана-Кира*, высшихъ сшаршинъ, чиновниковъ гражданскихъ и военныхъ, жрецовъ, помѣщиковъ, и проч., и наконецъ *Канакае* или *Таната*, невладѣющихъ землями, но обрабатывающихъ земли по найму, ремесленниковъ, художниковъ, и проч. — Это дѣленіе соотвѣтствуетъ, какъ мы послѣ увидимъ, дѣленію на *Аріи*, *Раа-Тира* и *Таата* Таишскихъ, *Арики*, *Ранга-Тира* и *Тангата* Ново-Зеландскихъ, и *Эгуи*, *Мата-Буле* и *Туа* Тонга-Табускихъ.

Подати, вносимыя правителями царю, состояли прежде изъ предметовъ натурою — лодокъ, шканей, рогожекъ, сѣшей, свиней, собакъ, и проч. — Теперь царь и губернаторы пребываютъ часши плашежа Испанскими шаспрами, или сандалнымъ де-

ревомъ. Нѣкоторыя земли совершенно свободны отъ податей; это сушь *Аина-ку-поно*, съ незапамятуемыхъ временъ получившія такую привилегію, кою которой не теряютъ онѣ даже и тогда, если, по важнымъ причинамъ, царь перемѣнитъ владѣльцевъ ихъ. Довольно спранный налогъ соспоитъ въ плашежѣ, когда царь, или аріи, спроитъ себѣ новый домъ, за входъ въ новое жилище начальника, каждый подчиненный обязанъ вносить посильную плату.

Власъ аріевъ на островахъ весьма велика; судебная часть принадлежитъ имъ; приговоры исполняются безъ апелляціи. Нарушеніе табу наказывалось прежде смершью, но въ послѣднія времена виновный могъ ошкупашься. Беззаконная связь съ женою начальника стоила виновному глаза, или совершеннаго ослѣпленія, а преслупница предавалась волѣ оскорбленнаго супруга. Смершная казнь опредѣлялась за убійство, бунтъ и кражу царскихъ вещей. Виновнаго, или вѣшали на деревѣ, или убивали дубиною. Малыя преслупленія очищала палка.

Война долгое время опустошала архипелагъ Гавайскій. Туземныя преданія наполнены разсказами о биввахъ, нападеньяхъ, высадкахъ на острова. Если какая нибудь сторона почишала себя довольно сильною для побѣды, рѣдко не находили предлога объявлять войну.

Войска соспавлялись изъ жипелей всѣхъ званій. Поспоянныхъ воиновъ не было. По объявленіи войны, Гавайцы всѣ брались за оружіе, и возвращались каждый къ своему занятію по окончаніи бивва.

Пошому всякій Гаваецъ съ дѣтства приучался къ войнѣ, и ребенкомъ еще брался за пращу, дрошикъ, кинжалъ, дубину, пагоа. Въ дѣйствіи пращею были они такъ искусны, что въ 25-ти шагахъ разстояніемъ попадали въ маленькій опрубокъ дерева. Бросать и отбивать дрошикъ обладали они искусствомъ чудеснымъ. Примѣрные маневры ежедневно развивали въ нихъ мѣткость взгляда и удивительную силу мускуловъ.

Когда опредѣляли приняться за оружіе, жрецы должны были прежде всего принести жертвы, обыкновенно свиней и курицъ, и потомъ вопрошались боговъ. Замѣчали, какъ издыхаетъ жертва, и разсматривали ее внутренность; шепъ было множество примѣшъ; если боги не давали отвѣта, война отсрочивалась. Единственными изъяснителями отвѣта боговъ были жрецы. Они спали въ своихъ храмахъ. Въ случаѣ важной войны, или большой опасности, приносили въ жертву людей. Для сего избирали почти всегда плѣнниковъ, добытыхъ въ прежнія войны. При недоспашкѣ ихъ, брали преступниковъ, осужденныхъ на смерть. По приказу начальника жрецовъ, несчастныхъ этихъ людей схватывали и били нечаянно, а иногда шасили ихъ въ гейау, волочили къ алтарю, гдѣ отъ сильнаго удара дубиною мозгъ ихъ летѣлъ въ лицо идола. Такимъ образомъ умерщвляли иногда до двадцати жертвъ; шѣла ихъ выбрасывали наряду съ свиньями, и они вмѣстѣ гнили въ оградѣ гейау.

Вопросъ о войнѣ и мирѣ рѣшался въ собраніи начальниковъ и воиновъ. Тутъ каждый защищалъ

съ жаромъ свое мѣніе , и много разъ случалось, чшо опъ спора происходили рѣчи, исполненныя краснорѣчія дикаго и смѣлаго. Эллисъ приводишь прощальную рѣчь одного воина своимъ друзьямъ , въ минушу отправленія въ лагерь , наканунѣ битвы. Вотъ она :

« Ряды нашихъ воиновъ, какъ скалы въ морѣ, неподвижныя среди волнъ. Каждый воинъ, какъ ежъ, котораго никто пронушь не смѣетъ. Идетъ дружина царская, и высипся передъ непріятелемъ, какъ великая сосновая щегла надъ ничтожною правою. Въ битвѣ крѣпко стоить воинъ, какъ пальма съ глубокими корнями , и вьется надъ головами враговъ, какъ вершина кокоса качается надъ согбенными проспниковинами. Въ ночномъ набѣгѣ нашемъ, свѣтъ нашихъ факеловъ ослѣпляетъ, какъ огонь молній, и кликъ нашъ спрашивъ, какъ грохотаніе грома. »

Когда война бывала объявлена , начальники и жрецы устанавливали ея планъ и начало, и посланцы отправлялись во все округи, призывають воиновъ на назначенное мѣсто сбора; число собираемыхъ воиновъ зависѣло опъ важности предпріянія. Каждый приносилъ свое оружіе, свои запасы, и даже скорлупу, необходимую для освѣщенія. Если возстаніе опредѣлялось поголовное , чиновникъ , называемый уру-оки, былъ назначаеъ наблюдать за уклонявшимися опъ службы. Находя опспалаго , онъ разрѣзывалъ, или опрѣзывалъ ему ухо , и на веревкѣ велъ его въ таборъ. Впрочемъ , уклонявшихся бывало немного, ибо неизгладимое безчестіе падало на обвиненнаго въ такомъ поступкѣ. Курьеры Гавайскіе, или *рере*, были такъ проворны , чшо обѣ-

гали весь островъ въ 8-мъ и 9-ть дней, не смотря на необходимые отдыхи и длинные обходы, по причинѣ крутости береговъ.

Сходясь на мѣстахъ военного сбора, Гавайцы учреждали свои таборы тамъ, гдѣ можно было укрѣпиться, и строили временные шалаши изъ лисьевъ *dracaena* и кокоса. Женщинъ, дѣтей, спариковъ укрывали въ пещеры, то есть, недоступное мѣсто, укрѣпленное громадами лавы.

Иногда сраженія происходили на морѣ, и флоты при сихъ случаяхъ составляли болѣе 400 лодокъ, но какъ море Гавайское подвержено сильному волненію, то болѣе сражались на сушомъ пущи. Начинали битвами малыми. Потомъ приступали къ сраженію рѣшительному. Войско, въ боевомъ порядкѣ, дѣлилось на центръ и крылья, такъ, что при движеніи образовывало полумѣсяцъ. Пращники и копейщики располагались по всей линіи. Царь, или предсавитель его, начальствовалъ надъ спаршинами, и каждый спаршина велъ свою дружину.

Дропки, или *иге*, служили и вмѣсто щитовъ, ибо ими отбивали даже каменья, пущенные изъ пращей. Простолюдины прикрывались только маро, но спаршины носили великолѣпные плащи, и шапки на подобіе Греческихъ шлемовъ; все это украшалось перьями, красными и желтыми, подобранными искусно. Только царь могъ носить плащъ совершенно изъ желтыхъ перьевъ. На плащахъ спаршинъ, перья желтыя и красныя располагались фигурами, иногда съ полосами поперегъ, багрянаго, или блестящаго чернаго цвѣта. Нижнія началь-

ники и опличные войны имѣли право только на шафъ изъ песпрыхъ перьевъ. Кромѣ шапки и плаща, спаришны, носили еще родъ ожерелья, *парава*, повѣшеннаго на шеѣ, на волосяной плешушкѣ.

Послѣ принесенія жеривъ и вопрошенія боговъ, какъ по внушенностямъ жеривъ, такъ по виду неба и облаковъ, выносили передъ войско идола войны, Тапри, произносили рѣчь, и тогда начиналась битва. Иногда войско прислуцало все вдругъ къ бою, за исключеніемъ резервовъ. Но болѣе сѣчу составляли изъ множества схватокъ отдѣльными опрядами, и даже иногда выходили на единоборство избранные. Боецъ выступалъ изъ рядовъ и вызывалъ непріятеля; если предложеніе принимали, непріятель высылалъ своего бойца. Битва въ такомъ случаѣ была смертная.

Сраженія продолжались иногда по нѣсколькимъ днямъ, такъ, что успѣхъ равно поддерживался съ обѣихъ сторонъ. Нерѣдко сражавшіеся уходили даже съ поля битвы, каждый въ свою сторону, безъ всякаго рѣшительнаго окончанія. Въ случаѣ разбиія, побѣжденные бѣжали во всѣхъ направленіяхъ, одни въ *пуго-нуа*, или мѣста убѣжищъ, другіе въ *пари*, или укрѣпленія, остальные въ горы, гдѣ преслѣдовали ихъ по одиначкѣ. Поймавши плѣнника, вели его передъ царя. Если царь молчалъ, или говорилъ: «Лицомъ къ землѣ!» то и другое означало смертный приговоръ, мгновенно исполняемый. Но при словахъ царя: «Лицомъ на небо!» плѣннику дарили жизнь, и онъ дѣлался невольникомъ, осмаваясь во власти жрецовъ, которые имѣли

право зарѣзать его, въ случаѣ надобности человѣческихъ жертвъ. Если кошорый нибудь царь, или начальникъ, славился милосердіемъ, побѣжденные старались пробишья къ нему и бросались къ ногамъ его. Одного знака, малѣйшаго движенія, входа въ жилище царя, доспапочно было для сохраненія ихъ жизни. Точно по-же соблюдалось и спарщинами.

Права побѣдипелей состояли въ дѣлежѣ земель и имѣній побѣжденныхъ. Женщины и дѣши, поспупая въ рабство, принуждены бывали работать для новыхъ господъ своихъ. На полѣ битвы хоронили только шѣла побѣдипелей; трупы побѣжденныхъ гнили безъ погребенія.

Иногда, если не было ни побѣдипелей, ни побѣжденныхъ, являлся съ кошорой нибудь спороны посланникъ, говоритъ о мирѣ, держа въ рукѣ вѣтвь банана, или *dracaena*. Если предложенія, послѣ совѣща между начальниками, были принимаемы, шли въ храмъ, убивали поросенка и кровью его обагрляли землю. Попомъ начальники обѣихъ споронъ плели вѣнки изъ *мапри*, пахучаго расшенія, и развѣшивали ихъ въ храмѣ. Пляски и пиры оканчивали такой обрядъ мира и дружелюбія.

Вотъ очеркъ военныхъ обычаевъ Гавайскихъ, прежде нежели Европейское образованіе научило дикарей сдерживать испреблять другъ друга иначе и скорѣе. Теперь едва малые слѣды сихъ обычаевъ, ежедневно уничтожающихся, остаются между Гавайцами. Нагіе, прикрытые только своимъ маро, они маршируютъ съ ружьями, и заряжаютъ

въ 12-ть шемповъ, нехуже инаго Европейца. Гвардія Кау-ике-ули въ Англійскихъ мундирахъ; крѣпости снабжены пушками, и вооруженные корабли заступили мѣсто лодокъ. Безъ сомнѣнія, лѣтъ черезъ 20-ть Перкинсовы ружья и Конгревовы раке-ты явятся въ Гоно-Руру съ пароходами и желѣзными дорогами. Путешественникъ будетъ искашь здѣсь дикарей, убившихъ Кука, и не найдетъ ни одного.

Въ мирное время, жизнь начальниковъ Гавайскихъ проходила безопасно и лѣнливо. Пить, ѣсть, спать, играть, плясать составляло всѣ ихъ занятія. Отсюда происходила безмѣрная шалость, составлявшая опличіе знашнихъ, и менѣе замѣтная и ужасная между людьми, на которыхъ лежали тяжелыя работы.

Вообще нравы и обычаи представляли нѣсколько подробностей страннхъ и самобытныхъ. По словамъ Эллиса, весь обрядъ свадьбы состоялъ въ томъ, что женихъ бросалъ въ невѣсту кускомъ шкани, въ присутствіи родныхъ и друзей. Давали послѣ того пиръ, и союзъ былъ заключенъ. Для имѣвшихъ уже одну жену, даже и это не считалось необходимымъ. Женѣ позволялось имѣть двухъ, трехъ, четырехъ; жили съ ними и разводились, какъ угодно было мужьямъ. — Имѣя полипическую цѣль, цари и спаршины выбирали женъ въ своихъ семействахъ. Цари часто женились на родныхъ сесипрахъ. Сыновьямъ спаршинъ позволялось послѣ смерти отца брать и женъ его, вмѣстѣ съ наслѣдствомъ. Но первая жена преимуществовала надъ всѣми другими. — По рожденіи ребенка,

мыли его въ морской водѣ, и бросали на рогожку, гдѣ онъ валялся и двигался по волѣ. Я говорилъ уже, что родившeli могли убивать дѣшей своихъ, особливо дѣвочекъ, какъ болѣе бесполезныхъ для общества. Никакихъ духовныхъ обрядовъ послѣ рожденiя не было, а вмѣсто обрѣзанiя, употребительнаго между Ново-Зеландцами, Гавайцами, по словамъ Кука, имѣли противоположный обычай. Воспитанiе дѣшей состояло единственно въ военныхъ и гимнастическихъ упражненiяхъ.

Накалыванiе кожи, или *татуажъ*, былъ на Гавайяхъ менѣе употребителенъ, нежели на другихъ Полинезiйскихъ островахъ. Только по кончинѣ царей, какъ упоминалъ я, описывая шрауръ послѣ Тамеа-Меа, Гавайцы татуировали себѣ, въ знакъ печали, языкъ, губы, щеки, плеча, иногда сославляя шочками смѣшенные очерки, иногда изображая символическiе знаки, и даже надписи. Кромѣ того, только войны гордились накалыванiемъ пестрыхъ фигуръ и узоровъ на своей кожѣ.

Въ хижинахъ Гавайцевъ все пространство занимала одна комната, у которой кровлю, на столбахъ, сославляла нашилка пандановыхъ, сахарнаго проспника, или кокосовыхъ листьевъ. Съ двухъ концовъ хижины дѣлались двери; съ шрешней стороны находилось окно. Величина хижинъ была разная, отъ 12-ти футовъ въ длину, 8-ми въ ширину, до 60-ти длины и 40-ка ширины. Къ приморью, отъ вѣтра, заслоняли поспройку каменною стѣною, сложенною безъ смазки; въ мѣстахъ низкихъ и мокрыхъ, фундаментъ изъ мѣлкаго камня

защищалъ обитателей отъ влажности снизу. — У знающихъ людей бывало по три хижины, изъ коихъ одна служила кухнею, другая столовою для мужчинъ, третья спальнею. Иногда всѣ эти три хижины огораживали заборомъ, составляя дворъ съ каменною стѣною. Хижины старшинъ по полу бывали устланы рогожками, распянутыми на слоѣ сухой травы, или листьевъ папоротника. Иногда отдѣлялись палисадомъ дворъ и маленькія хижины для служителей. Какъ Ново-Зеландцы, Гавайцы ставили свои хижины вмѣстѣ, такъ, что изъ нихъ образовывались селенія, въ 400, 200 хижинъ, правильныхъ правильными и неправильными улицами, съ поперечными переулками.

Домашняя утварь Гавайцевъ ограничивалась калембассами, или пусыми шыковинами, для воды, корзинами для припасовъ и немногими деревянными чашками, въ родѣ блюдъ и тарелокъ. Деревянный обрубокъ служилъ подушкой, а рогожка носилею. Ъдали Гавайцы, обыкновенно, по три раза въ день, вставши поутру, въ полдень, и ложась спать, послѣ захода солнца. Кушанье ставилось на полу, на рогожкѣ, и всякій присаживался шупъ на корточкахъ. Ъли кому что угодно и руками брали кушанье, обыкновенно состоявшее изъ плодовъ хлѣбнаго дерева, шаро, папашовъ, ананасовъ, банановъ, свѣжей и соленой рыбы, иногда свинаго, или собачьяго мяса, жареннаго, особливо у старшинъ. Только старшины пивали при началѣ ѣды каву; общее питье составляла вода. Прежде запрещалось мужчинамъ ѣсть вмѣстѣ

съ женщинами, но, какъ на Таиши, табу это не проспиралось до того, чтобы не бить даже въ одной комнатѣ, Кушанье приготавливалось весьма просто, въ земляныхъ печахъ, гдѣ пропекаясь, плоды получали надлежащій вкусъ. Испытавъ это способъ приготовления, товарищи Кука находили его лучше Европейскихъ способовъ. Рыбу бдали наиболее сырую, обмакнувъ ее въ рассолъ, или просто въ морскую воду; сначала это покажется Европейцу ошврашишельно, но легко привыкнушь и привкусишься. *Пое*, обыкновенная пища просполоудиновъ, похожая на нашъ хлѣбъ, дѣлалась изъ корня *арума*, или *таро*, исжареннаго въ печи, попомъ распершаго въ каменной ступкѣ и разведеннаго будто каша: перебродившись, въ шеченіе 12, или 13-ми часовъ, каша эта принимается кислованый, довольно пріятный вкусъ, но Гавайцы любятъ ее особенно болѣе перебродившею и окисшею. Таро, исжаренный въ печи и приготовленный безъ воды, даетъ особенное тѣсто, кошорое сушатъ лепешками на солнцѣ, и оспавляютъ впрокъ, на долгое время. Такому-же приготовленію подвергають папаны и корень *агасаена*.

Я говорилъ уже объ измѣненіи въ одеждѣ туземцевъ Гавайскихъ. Вспарину, просполодины и спаршины довольствовались своими маро. Только высшія званія носили плащи, завязанные на одномъ плечѣ, сдѣланные изъ коры бумажной шелковицы, или тонкихъ рогожекъ, фушовъ 5-ми въ длину и 4-хъ въ ширину. Перяные, великолѣпные паліумы, или плащи, предославлялись только царямъ

и аріи. Женскую одежду составляла тонкая шкандь, сложенная въ нѣсколько рядовъ, и обвернувшая вокругъ шѣла, иногда закрывая самую грудь, иногда оставляя ее открытою. Мужчины и женщины ходили босыми ногами, и только идя по коралламъ надевали грубые сандали изъ кокосовой коры. Мужчины не носили на головахъ ни шляпъ, ни шапокъ, украшая ихъ своими волосами, которые каждый убиралъ, какъ было ему угодно. Иногда оставляли волосы развиваться во всю длину ихъ, иногда скручивали ихъ на головѣ, раздѣляли на отдѣльные пучки, или обспригали самымъ страннымъ образомъ. Въ послѣднемъ случаѣ, всего болѣе считалось щегольствомъ оставлять опъ лба къ зашылку пучъ волосовъ, пальца въ чешыре шириною, шакъ, что они совершенно походили на плюмажъ карасирской шапки. Но женщины прилагали однакожъ болѣе утонченнаго вниманія о своей прическѣ. Однѣ спригли волосы сзади и взбивали ихъ спереди, какъ Таишянки. Другія подымали ихъ съ зашылка ко лбу, перегибая шакъ, что они составляли, что-то похожее на Фригійскій калпакъ. Многія красили бѣлою краскою часть волосовъ около лба, шириною пальца на два. Знашныя женщины носили на головахъ вѣнчики изъ желтыхъ, красныхъ и черныхъ перьевъ, мѣшая ихъ съ плодами пандана, или плешушками, изъ отборныхъ и самыхъ блестящихъ пуземныхъ цвѣтовъ.

Кромѣ различныхъ украшеній, какъ-то: браслетовъ, подвязокъ изъ цвѣтовъ, раковинъ, свиныхъ зубовъ, вѣнковъ, Кингъ говоритъ еще о неболь-

шомъ уборѣ, называвшемся *раи*, и носимомъ на шеѣ и въ волосахъ. Это родъ маленькой, круглой, толщиною въ палецъ повязочки, или плоской фрезки, изъ маленькихъ перьевъ, сплоченныхъ одно къ другому, шакъ, что они казались блестящею, бархатистою полоскою. Видъ сей полоски, съ желтыми и черными пятнушками, по красному полю, былъ превосходный. Въмѣсто перспней, женщины носили на пальцахъ маленькія изображенія черепахъ, сдѣланныя изъ кости и дерева. Кингъ упоминалъ еще о сшранномъ уборѣ, или маскѣ, сдѣланной въ видѣ шыквы, съ дырами спереди прошивъ глазъ и носа, убранной маленькими зелеными вѣшками, съ лепшами, въ видѣ бороды, къ низу. Однажды двойная лодка подплыла къ Кингову кораблю съ людьми въ такихъ маскахъ, и въ эшомъ сшранномъ нарядѣ дикари кривлялись и коверкались, какъ будто сшараясь разсмѣшить. Вѣроятно, это было маскерадное одѣяніе на шуземный манеръ.

Первобышняя промышленность дикарей Гавайскихъ была весьма бѣдна и ограничена. Рыболовство, обработка земли, выдѣлка оружія, поспройка лодокъ, издѣліе шканей и украшеній — вошъ все, чѣмъ она ограничивалась. Земледѣльческія произведенія — шаро, бананъ, папашъ, иньямъ, шребовали малой заботы и небольшого труда. Почти единственнае земледѣльное орудіе было *ного*, родъ деревянной лопашки, фушовъ шести длиною, кошорая служила вмѣсто засшупа. — Издѣліе шканей шребовало работы болѣе. Содравши корку съ бумажной шелковицы, мочили ее въ водѣ, сдирали

съ нея волокны слоями, въ видѣ лентъ, болѣе или менѣе шонкихъ, и перекладывали ихъ одинъ на другой, на рогожкѣ, шакъ, чшобы уравнишь въ толщину слою. Тушь, переложивъ ленты на наклоненную доску, женщины били ихъ крѣпкими деревянными колошущками, цилиндрическими, призматическими, гладкими, бороздчатыми, или зубчатыми разнымъ манеромъ. Тѣмъ сильнѣе надобно было бить, чѣмъ шоньше хошѣли получить шкань, и кончивъ шрепанье эшо, пучки нитей выкидывали на рогожкахъ на воздухъ. Естественный цвѣтъ шкани изъ нихъ былъ опшмѣнно бѣлый, но ихъ окрашивали красильными шуземными веществами, и для придачи блеска, превосходнаго, крыли ихъ расшешельнымъ лакомъ. Всѣ эши плешушки, пригошювяемыя женщинами, бывали одного цвѣта, но иногда и съ узорами, кошорые выводили манеромъ шканья. Ихъ упошребляли на плащи, ковры, паруса для лодокъ. Изъ лисшьевь *dracaena* женщины дѣлали корзинки, вѣера, шапки, съ большимъ искусшвомъ. Имъ-же принадлежала выдѣлка перяныхъ плащей, эшого дорогаго убора сшаршинъ.

Просшныя лодки бывали фушовъ около 24-хъ въ длину, и 48 и 20 дюймовъ въ толщину. Киль сосшавлялся изъ бревна, кончащагося оспрыми углами на обоихъ концахъ, выдолбленнаго въ глубину на одинъ, или два дюйма. Бока образовывали шремя досками, хорошо сплоченными, въ дюймъ толщиной. Лодки, сосшавлявшія по споронамъ углы, имѣли ловко придѣланные уровни, или перевѣсы (*balanciers*). Правили ими посредшвомъ пагаевъ,

или парусомъ, прикрѣпленнымъ къ мачтѣ и снабженнымъ по краямъ снастями. — Двойныя лодки бывали отъ 48-ми до 60-ти футовъ длиною. Палуба на срединѣ служила для помѣщенія гребцовъ, людей, вещей, и одинъ человекъ споя на кормѣ правилъ ладью большимъ пагаемъ. Всѣ плотничныя работы производились прежде Гавайцами посредствомъ орудій изъ швердаго камня. Теперь имъ извѣсны наши желѣзные снаряды.

Прежніе мореплаватели согласно говорятъ, что пѣніе Гавайцевъ было тихо, пріятно, мелодическо, и сопутники Кука увѣряли, что даже они пѣвали паршесно. Я говорилъ уже, что музыкальные инструменты ихъ состояли изъ калекбассъ, кошорыми стучали они, или бамбуковинъ, кошорыя были одна о другую. Толщина проспинъ производила различіе тоновъ. Пляски, или гура Гавайскія, начинались пѣніемъ тихимъ и важнымъ, какъ у другихъ Полинезійцевъ, при чемъ двигали ногами и тихонько били себя въ грудь, при движеніяхъ весьма пріятныхъ. Мало по малу, движенія усиливались и доходили до такой скорости, что только опытные плясуны могли выполнятъ ихъ, и лучшимъ мастеромъ считался тотъ, кто могъ выдерживать ихъ долѣе другихъ. Впрочемъ, пляски болѣе предославлялись женщинамъ. Однакожь, Эллисъ былъ на праздникъ, гдѣ молодой дикарь проплясалъ всѣ переходы гура, подъ звуки калекбассы, въ кошорую билъ онъ пальцами, когда между тѣмъ другіе хоромъ пѣли народныя баллады. Тотъ-же Миссіонеръ видѣлъ однажды мальчика и дѣвочку, по 9, или

40-ти лѣтъ, плясавшихъ гура, и пѣвшихъ въ то же время похвалы шугземнымъ героямъ, при аккомпанированіи пѣши музыкантовъ на шампамахъ. Въ путешествіи Кука находимъ изображеніе дикаго плясуна, въ родѣ Ипальянскихъ грошесковъ. Въ правой рукѣ держалъ онъ родъ музыкальнаго орудія, украшеннаго перьями, и состоявшаго изъ пуспой шиквы, въ которую положенъ былъ камень, или что-то такое, производившее звуки, походящія на звукъ дѣтской гремушки. На немъ было ожерелье изъ морской раковины, а ноги опушаны браслетами, украшенными рядомъ собачьихъ зубовъ.

Одною изъ обыкновенныхъ игръ Гавайскихъ былъ родъ шашекъ, весьма сложнаго разсчета. Для этого употребляли шашечницу, двухъ футовъ длиною, съ 238-ю квадрашами, въ 47-ть рядовъ. Въмѣсто шашекъ служили маленькіе камешки, которые передвигали по квадрашамъ. Другая игра состояла въ томъ, что прятали камень подъ лоскутъ скомканной шкани. Кто ударялъ палкой, какъ можно ближе къ спрятанному камню, тотъ выигрывалъ. Любимую игру обоихъ половъ состоявало бѣганье, при чемъ держали заклады. Будучи превосходными пловцами, Гавайцы бросали въ море доску, и на ней переплывали жестокіе буруны. Первые изъ старшинъ шугземныхъ, Караи-Моку, Таи-Ана, и другіе, любили показывать ловкость свою въ этомъ упражненіи.

Кромѣ игръ гура, майта, пеге, уже описанныхъ мною, была еще игра, состоявшая въ томъ, что вспрыгивали на гладкій, круглый камень. Кто могъ

просюпъ на немъ долѣе другихъ, шопъ выигрывалъ. Гавайцы знали еще качели, и умѣли играть шарами, бросая ихъ пашъ вдругъ.

Я говорилъ уже о религіи шугемцевъ здѣшнихъ и вліяніи, какое имѣли здѣсь жрецы. Но шрудно опредѣлишь основанія прежней Гавайской миѳологіи. Видимъ множество именъ различныхъ боговъ, но между ними ни одинъ не считался главнымъ, и никакой системапической теогоніи не находимъ мы въ вѣрованіи прежнихъ Гавайцевъ. Вотъ слова г-на Фрейсине, касапельно сего предмета: « Принадлежности идоловъ Гавайскихъ образуюпъ различіе ихъ и опдѣльныхъ духовъ, копорымъ приписывается власпъ раздѣляпъ зло и благо человѣческому роду, смопра по заслугамъ каждаго. Обыкновенное пребываніе бога полагаеппся въ идолѣ, или въ шѣлѣ извѣснаго рода живоппныхъ. Неразрушимаа подчиненность сущесппвуеппъ между богами сильнѣйшими и слабѣйшими. Тѣни царей, героевъ, нѣкоторыхъ жрецовъ, образуюпъ шолну нисшихъ, покровительспвующихъ боговъ, подчиненныхъ взаимно между собою, смопра по званію, какое занимали они, будучи людьми на землѣ. Злыхъ духовъ, которые шолько что вредяпъ, можно заклиная и обуздывая. Жречесство, колдовспво, предвѣщаніе, жершвы, человѣческія жершвоприношенія, почеспп умершимъ, очиспппельные и нѣкоторые другіе обряды, наконецъ священныя мѣста убѣжищъ — вотъ вся внѣшняя общность Гавайской религіи. »

Каждое семейство имѣло своего отдѣльнаго бога. У Тамеа-Меа были богъ войны и Пеле, богиня вулкановъ. Островъ Мави обожалъ бога Кеоро-Ева. Когда хотѣли принесть ему на жертву свиней, ихъ не убивали; жрецъ только разрѣзывалъ имъ уши, заставляя ихъ визжать; потомъ онъ обращался къ идолу, говорилъ ему: «Вотъ приношеніе *такого-то*, одного изъ твоихъ обожашелей (*кагу*).» За тѣмъ опускали свинью, и съ мѣпкою на ухѣ, она свободно бродила по острову; никто не смѣлъ ее пронуть, не только убить, какъ нѣчто священное. На Мави покланялись еще идолу Тига. На Ранаи, боги Рае-Апуа и Кане-Апуа почитались владыками морей, и ихъ обожали рыбаки. Въ Морокаи кланялись Мого-Аріи (царю ящерицъ), изображая его въ видѣ акулы, и на каждомъ мысѣ воздвигнутъ былъ храмъ ему. При появленіи нѣкоторыхъ переходныхъ рыбъ, начашки ловли ихъ несли въ геіау Мого-Аріи.

Особенные боги владѣли вѣтрами, временами года, морскими волнами, и имъ возносили мореплаватели свои мольбы и обѣты, ненарушимые подъ страхомъ небеснаго наказанія. Одинъ изъ самыхъ безобразныхъ боговъ Гавайскихъ былъ Карай-Пагоа, обожаемый въ Морокаи. Его дѣлали изъ дерева споль ядовитаго, что вода, простоявшая въ чашкѣ изъ этого дерева однѣ сушки, становилась жестокою оправою. Испуканъ Карай-Пагоа былъ разбиенъ по кончинѣ Тамеа-Меа, и раздѣленъ между старшинами. Но другой испуканъ этого уroda осмѣивался въ Морокаи, и объ

немъ разсказывали слѣдующую повѣсть: въ царствованіе Кума-Рауа, древняго царя Морокайскаго, жилъ, былъ Канеа-Кама, ошчаянный игрокъ. Игравъ однажды въ майша, онъ въ одинъ день проигралъ все, что имѣлъ, кромѣ свиньи, которую сберегъ пошому, что она была уже имъ назначена въ жертву Караи-Пагоа. Возвращаясь домой, Канеа-Кама заснулъ, и во снѣ явился ему богъ, приказывая идти играть на другой день, пошавъ на игру свинью свою, въ шомъ мѣстѣ, которое онъ ему назначилъ. Канеа-Кама исполнилъ приказаніе и игралъ весьма счастливо. Пошому, не входя еще къ себѣ, онъ ошдалъ въ жертву богу большую часть своей добычи. На слѣдующую ночь, идолъ ошянь явился ему снова, и велѣлъ идти, возвѣщая ему, что въ такомъ-то мѣстѣ острова естъ куна деревьевъ, и что если изъ этихъ деревьевъ рубить испуканъ Караи-Пагоа, богъ поселится въ этомъ испуканѣ, а Канеа-Кама долженъ сдѣлаться жрецомъ его. Канеа-Кама повиновался новому приказу, пошелъ къ царю, и царь далъ ему людей, что-бы срубить назначенное дерево и сдѣлать изъ него идола. Канеа-Кама пошелъ на работу, и подлѣ Кару-Акои увидѣлъ назначенныя деревья; въ нихъ сидѣли уже богъ Тане и другіе божки. Ошмѣшивъ то дерево, которое надобно было рубить, только что взялись за топоры работники, какъ случилась бѣда: щепки полетѣли во всѣ стороны, и кого касались онѣ, шомъ немедленно умирали. Хошѣли уже бѣжать отъ такого закляшаго мѣста, но Канеа-Кама былъ догадливъ, закрылъ всѣхъ

листьями *dracaena*, оставивши по маленькой дырочкѣ каждому для глаза, и вмѣсто щопоровъ взявши пагаи. Отъ этого произошло и названіе идола—*Каран-Пагоа* (вырубленный пагаемъ).

Два другіе бога, Каоно-Гіокала и Куа-Гаиро, были опредѣлены къ тому, чтобы провожать шѣни умершихъ начальниковъ куда-то въ небо, и потомъ, черезъ нѣсколько времени, снова переводить ихъ на землю, для покровишельства и содѣла ихъ преемникамъ. Выше я говорилъ уже, что шѣни царей и начальниковъ были предметомъ особеннаго благоговѣнія.

По разсказу Фрейсине, нѣкоторыя изъ обожашелей акулъ бросали въ море шѣла своихъ дѣтей, родившихся мертвыми. Послѣ сего, при нѣкоторыхъ обрядахъ, надѣялись, что шѣнь брошеннаго такимъ образомъ сдѣлается сильнымъ покровишелемъ всего семейства въ царствѣ этихъ опасныхъ морскихъ чудовищъ. Жрецы, присушествовавшіе при этомъ, возвѣщали громкими криками, когда брошенный шрупъ переходилъ въ шѣла акулъ.—При каждомъ измѣненіи луны слѣдовалъ праздникъ, и въ новолуніе продолжался онъ три ночи и два дня, а при другихъ фазахъ двѣ ночи и одинъ день. Люди, при этомъ присушествовавшіе, подъ смершною казнью не могли говорить ни съ какою женщиною, а также плавать, ловить рыбу, шкать и заниматься какою либо игрою въ теченіе всего праздника. Ловля бонишовъ, и еще нѣкоторыхъ рыбъ запрещалась на полгода. Главнѣйшимъ изъ всѣхъ праздниковъ считался новый годъ. Въ это время, жрецъ

обходилъ съ идоломъ Кекуа-Арога въ правой рукѣ окреситъ всего острова, и все, что могъ онъ схватить лѣвою рукою, доставалось въ его обладаніе. Нерѣдко жрецы соединяли должностъ свою съ колдовствомъ. Они увѣряли, что могутъ погубить волшебствомъ всякаго, кого захотятъ, и для этого достаточно было передать имъ какойнибудь предметъ, принадлежавшій означенному лицу, а особливо его волосы, или слюну. Колдованье состояло въ кривляньяхъ и таинственныхъ словахъ. Приписывая всѣ болѣзни заколдованію, для спасенія больного надобно было расколдовывать его. Въ этомъ случаѣ выигрывалъ сильнѣйшій колдунъ. За Тамеа-Меа всегда ходилъ особенный служитель, вся должностъ котораго состояла въ сборкѣ его плевковъ, чтобы не попались они въ руки какомунибудь злему колдуну.

Но самое замѣчательное установленіе у Гавайцевъ, общее имъ съ другими Полинезійцами, было табу. Слово это означало — совершенное и строгое запрещеніе прикасаться къ какому либо предмету и даже глядѣть на него. Табу было нѣчто святое и священное, приближеніе къ божеству. Цари были *Аріи-Табу*, потому, что подлежали его защитѣ; храмы назывались *Ваги-Табу* по той-же причинѣ. И подъ симъ значеніемъ, слово: *Табу*, можно было перевести словомъ — *священный*. — Вѣроятно, въ началѣ табу распространялось только на предметы богослуженія, какъ видимъ это у многихъ народовъ. Но при недостаткѣ положительныхъ законовъ и твердыхъ постановленій,

въ Полинезіи присвоили его своей особѣ начальники, и нашли выгоды въ эшомъ приложеніи при помощи жрецовъ, которые пользовались шабу съ своей стороны. Опъ религіозныхъ предметовъ шабу перешло къ полипическимъ. Опвѣстственность за нарушение шабу получила послѣ сего полную силу, какую цари и старшины захошѣли ему придашь. Тотъ, кому неспрашны были гнѣвъ и мщеніе идовъ, подвергался такимъ образомъ преслѣдованію власпи человѣческой, болѣе дѣятельному и скорому. Табу бывало всегдашнее и временное, общее и частное. Такимъ образомъ, идолы, храмы, лицо и имя царя, его семейство, жрецы, предметы, принадлежавшіе имъ, люди, причисленные храмамъ, какимъ нибудъ образомъ—все эшо бывало для всѣхъ и навсегда шабу. Живописныя и другія приношенія богамъ были шабу для женщинъ. Нѣкоторыя мѣста, шѣ, на-примѣръ, гдѣ мылся царь, были шабу постоянно.—Иногда островъ, или проливъ, по наложеніи временнаго шабу, запрещался для посѣщенія лодокъ и людей. Иногда налагали шабу на нѣкопрыхъ живописныхъ на нѣсколько мѣсяцевъ, особливо съ приближеніемъ великаго духовнаго обряда, войны, или при болѣзни начальника. Такое запрещеніе бывало продолжительно. Преданіе говоритъ, что царь Уми, разсердясь за что-то на бороды, шабуировалъ ихъ на 30-ть лѣтъ; во все эшо время никто не смѣлъ спричь ихъ. Потомъ были онѣ запрещены на пять лѣтъ. До Тамеа-Меа, срокъ обыкновеннаго шабу составлялъ сорокъ дней; онъ свелъ его на 40-ть, потомъ на 5-ть дней, а Ріо-Ріо уничтожилъ его

совершенно. — Табу бывало болѣе или менѣе стро-
го. Такимъ образомъ, въ обыкновенной силѣ его,
доспапочно было мужчинамъ прекращать работы
и присушествовать при моливѣ въ Гейау. Но при
высшей степени, въ шабуированномъ мѣснѣ нель-
зя было зажигать огня, спускать лодки на море,
купаться, выходить куда нибудь изъ хижины, кро-
мѣ храма. Если слышенъ былъ голосъ свиньи, ку-
рицы, собаки, шабу считалось нарушеннымъ. Для
оповращенія такой бѣды связывали рылы свиньямъ
и собакамъ, а курицъ прятали въ калібассы, закры-
вая ихъ шамъ лоскутомъ шкани. Всѣ простолю-
дины падали ницъ передъ начальниками, которые
сами будучи шабуированы, не могли прикасаться
руками ни къ какой пищѣ. Когда царь дѣлалъ
шабу, онъ долженъ былъ ходить съ опкры-
тою головою, и не могъ укрыться, ни подъ
закрышку шашра, ни подъ шѣнь дерева. Въ
часъ шабу, ему оспавалось жариться на солн-
цѣ, пока его разрѣшатъ. — Когда шабу налага-
лось на какое нибудь мѣсто, посланникъ жре-
цовъ свечера обходилъ шамъ, и приказывалъ ту-
шить всѣ огни, оспавляя всѣ дороги свобод-
ными, по берегу для царя, во внутренности земли
для боговъ. Впрочемъ, народъ пригопавляли къ
этому заблаговременно. Иногда шабу означалось
особенными мѣшками, именуемыми *уну-уну*, и по-
спавленными на шабуированныхъ мѣстахъ. Желая
показать, что шабу положено на часъ прибреж-
ной рыбы, спавили на берегу маленькую палку съ
пучкомъ лисшьева, или съ клочкомъ бѣлой шкани.

Листъ кокосовый, завязанный около дерева, показывалъ, что плоды его шабу. На свиньяхъ шабу означалось плетушкою въ одномъ ухѣ. — Нарушеніе шабу всегда наказывалось смернью, если только у виноватаго не было сильныхъ друзей между жрецами и начальниками. Обыкновенно виноватыхъ приносили въ жертву; ихъ давили, убивали дубиною, или жгли въ геіау. Вѣчное шабу лежало на кушаньѣ женщинъ. Гавайка не смѣла ѣсть кушанья, лежавшаго на блюдѣ мужчины, или приготоовленнаго на его огнѣ, и кромѣ того вовсе запрещались ей нѣкоторыя изъ кушаньевъ. Едва опняшой опъ груди, мальчикъ получалъ имя опцовское, ѣлъ съ опцомъ, и мащери не позволялось ни обѣдаться въ томъ мѣстѣ, гдѣ обѣдаетъ ея сынъ, ни касаться его кушанья. Потому, при уничтоженіи шабу, женщины съ воспоргомъ слышали о дарованіи имъ равныхъ правъ, и если съ разрушеніемъ идолослуженія, жаль имъ было ихъ храмовъ, ихъ кумировъ, ихъ языческихъ увеселеній и плясокъ — за все упѣшила ихъ мысль, что шабу уже не существуетъ. — Противники Миссіонеровъ говорятъ, что спрогія запрещенія ихъ по воскресеньямъ, на Англійскій манеръ, всякихъ занятій и увеселеній, походятъ на прежніе шабу. Дѣйствительно, туземцы эшимъ словомъ означаютъ теперь праздничное бездѣйствіе, хотя оно не сопровождается ни жестокостью, ни безчеловѣчіемъ спанныхъ обрядовъ шабу языческаго.

Нигдѣ печаль и прауръ общественный не принимали внѣшнихъ формъ, споль шумныхъ и преуве-

личенныхъ, какъ на Гавайскомъ архипелагѣ. Я уже сказывалъ что учинили пуземцы послѣ смерти Та-меа-Меа, какъ продолжительна была печаль ихъ, и какія нелѣпости они дѣлали. Кромѣ пашуажа, Гавайцы рѣзали себѣ уши, ломали зубы, спригли головы, уродовали шѣло, жгли и рѣзали кожу. Какъ въ Новой Зеландіи, мужчины бѣгали вездѣ нагіе, пришворяясь сумасшедшими, и ломая все что ни попало на пути, зажигая дома, испребляя насажденія и убивая враговъ своихъ, попому, что путь личная ненависть прикрывалась безуміемъ печали.

Но кромѣ такихъ изъясненій дикаго опчаянія, Гавайцы выражали еще скорбь свою иногда пѣніемъ и плясками вокругъ шрупа. Эллисъ рассказываетъ, что при похоронахъ славнаго Кіау-Моку, правившаго Мави, одна женщина подошла къ его гробу съ изъясненіями глубокой горести, и пропѣла слѣдующую пѣсню:

Увы, увy! скончался мой власпитель,
Скончался повелитель мой и другъ!
Мой другъ въ голодный годъ,
Мой другъ во времена засухи,
Мой другъ, когда бѣдна я,
Мой другъ и въ дождь и въ вѣтеръ,
Мой другъ при зноѣ солнца,
Мой другъ при хладѣ горномъ,
Мой другъ при бурныхъ пучахъ,
Мой другъ средь пишины,
Мой другъ въ восьми моряхъ.
Увы, увy! уѣхалъ другъ мой,
И не воропится во вѣкъ!

Свидѣтельница скорби, сопровождавшія смерть Тамеа-Меа, возобновились со всѣми ихъ принадлежностями, когда умерла вдова его, *Кео-пуо-лани*, мать *Ріо-Ріо* и *Кау-ике-ули*, слѣдовательно, супруга одного царя и родительница двухъ другихъ. Никакое слово человѣческое не изобразитъ этой общественной печали, этой папіархальной сцены, для которой не нашлось Омира. Разсказъ Сньюарна даетъ только приближительное понятіе. Было это на Мави, гдѣ обыкновенно жила *Кео-пуо-лани*. Собравшись толпою, болѣе 5000 числомъ, туземцы пошли къ жилищу покойницы, ревѣли, вопили, ломали себѣ руки въ отчаяніи, кривлялись, самымъ страннѣмъ и нелѣпымъ образомъ. И не только народъ показывалъ такимъ образомъ печаль свою, но даже начальники, придворные, самый *Куа-Кини*, главнѣйшій между всѣми.

Чрезвычайное разнообразіе видно было въ положеніяхъ и выраженіи разныхъ лицъ. Женщины сплюснули распрямивши волосы, выпянувши руки вверхъ, разинувши ротъ, зажавши глаза, и казалось, призывали небеса прекратить ихъ отчаянное положеніе; мужчины схватывались руками сзади головы, какъ будто ожидая, что земля поглотитъ ихъ. Тупѣ лежали ницъ лицомъ, кашаясь съ ревомъ по песку; шамъ падали на колѣна, дергая членами, будто въ судорогахъ. Другіе схватывались за волосы, какъ будто хотѣли вырвать ихъ. Каждый старался перещеголять другаго безумствомъ кривляній, и все это ревѣло съ отчаяніемъ: *Ауве!* *Ауве!* произнося каждый слогъ тихо, отрывисто,

и ударяя на послѣднемъ , какъ будто желая сдѣлать его выразишельнѣе и печальнѣе. Толпясь, раздѣльно бѣгая и оставаясь неподвижно, въ положеніяхъ столь различныхъ , столь уродливыхъ , столь необыкновенныхъ , это дикое народонаселеніе , эшошъ народъ , общимъ волненіемъ высказывающій погребальную рѣчь своей царицѣ , составлялъ картину , самую странную , какую только можно себѣ представитъ , картину варварской поэзіи , раздражающей сердце. Когда спрашивали дикарей , что заставляетъ ихъ предаваться скорби , столь безмѣрной , они отвѣчали , что всего эшого мало , и что они должны оставить вѣчные знаки своей печали неушѣшимой.

Языкъ Гавайскій , какъ я уже говорилъ , нарѣчіе обширнаго Полинезійскаго корня, пріятнѣе и благозвучнѣе. Болѣе ошличая слоги, нежели Таитскій, онъ не имѣетъ горшанныхъ словъ, какія находящіяся въ Ново-Зеландскомъ. Всѣ слова кончащіяся гласными, и болѣею частью двусложны. Небольшое число находится шресложныхъ , за исключеніемъ соспавныхъ изъ нѣсколькихъ словъ. Изъ Европейскихъ языковъ , Итальянскій подходитъ къ Гавайскому всего болѣе произношеніемъ. Изъ Азіатскихъ Малайскій наиболѣе уподобляется ему коренными формами.

Письмена были неизвѣсны Гавайцамъ, какъ и всѣмъ другимъ Полинезійцамъ. Элись упоминаетъ о знакахъ, древле начертанныхъ на глыбахъ лавы, безъ сомнѣнія , чтобы означитъ ими какія нибудь воспоминанія. Знаки эши походили на гіероглифы

Мексиканцевъ и Перувіянцевъ. Полагающъ, будпо кружкомъ, съ почкою въ срединѣ, означалось, что кшо-то совершилъ пупешесвіе кругомъ всего острова; что многими кружками, одинъ въ другомъ, съ одною или многими почками, означалось число пупешесвенниковъ, или число пупешесвій, совершенныхъ по острову, а неполный кружокъ показывалъ, что обойдена только часть острова. — Гавайцы употребляли десятичное число, счишая двумя и чешырмя десятками. Время означалось у нихъ перемѣнами мѣсяца, и двѣнадцать полнолуній соснавлиали годъ, но насоящее время-численіе было по временамъ года. Каждый мѣсяць и каждая ночь назывались опдѣльно, ибо не днями, но ночами разсчитывалось дѣленіе луннаго мѣсяца.

ГЛАВА LII.

ПЛАВАНІЕ ОТЪ ОСТРОВОВЪ ГАВАЙСКИХЪ КЪ НУКА- ГИВСКИМЪ.

Вскорѣ были мы уже далеко отъ Гавайскихъ острововъ. Едва имѣлъ я время осмопрѣшься на нашей Океаніи, какъ она выплыла въ море; пошомъ дня съ два проходили мы подъ вѣтромъ подлѣ разныхъ береговъ Гавайскаго архипелага. Вновь мелькнула передо мною Мави и Морокаи; издали привѣщивовалъ я гостепріимный Гаваи; угадывалъ подъ навѣсомъ облаковъ мѣста вершинъ Муна-Кеа и Муна-Роа; въ зришельную трубу опличилъ я широкія щрещины, раздѣляющія бока сихъ горъ, и пошомъ, мало по малу, все исчезло. Насъ окружило снова однообразное зрѣлище моря и неба.

По счастью, у меня былъ въ запасѣ добрый Филипсъ, для развлеченія скуки плаванія. Сначала онъ прицалъ меня довольно грубо, и я не могъ разгадать причины такой перемѣны въ спарой нашей

пріязни. Но вскорѣ узналъ я, что несчастное паденіе съ лошади, въ виду всего Гоно-Рурскаго Двора, оскорбленное самолюбіе моего наѣздника, посшрадавшего среди собранія рыцарей Оагскихъ, все еще не было изглажено изъ памяти моего добродушнаго моряка. Надъ нимъ смѣялись послѣ того цѣлую недѣлю, а какъ всякій спараешся сваливъ вину на другаго, а ошесшвующіе всегда бывающъ виноваты, я сдѣлался всему причиною въ мнѣніи Филипса. Мы принялись объясняшся, и вспышка гнѣва его была ужасная. « Не вы-ли, сударь, посадили меня на этого чешвероногого бѣса? » кричалъ онъ—« не вы-ли поскакали на всѣхъ парусахъ, и засшавили его плышъ за вами шакже? » — Но я извинялся, ошговаривался, и вскорѣ мы помирились. Опяшъ сдѣлался я Филипсовымъ Пиладомъ и Эфеспіономъ, участникомъ его досадъ и радостей.

« Чшобы ее буря съѣла, эшу Гавайскую шшорону—говорилъ онъ—землю межеумочную, ни дикую, ни образованную—прахъ ее знаешъ чшѡ шакое! Вошъ тебѣ еще: выдумали нравшвенносшъ—ужъ и спарая моя знакомка Руа-Рина спшала хуже всякаго шабу! Пальцемъ не дошпронься до нея! Да, живише себѣ, какъ хошише—мы къ вамъ и ѣздишъ не спашемъ! Ну, а шорговля чшѡ спшала? Бездѣльники выучились сшшшашъ лучше нашего, выучились плушшовашъ, хуже всякаго Европейца. Я хошѣлъ было поддѣшъ ихъ на Кшшайскія бездѣлюшки—какъ не шакъ! Такую цѣну заломили за свой дрянной сандалишко, будшѡ за важное чшѡ ншбудъ! — Пропащая шшорона! » со вздохомъ прибавилъ Филипсъ.

«Мы проспояли по пусшому. То-ли дѣло, какъ эши разбойники, бывало, ничему цѣны не знаютъ! Десять свиней, бывало, даютъ за пронизку! Въ стаспливыя времена Яши (Кука) шакъ, сударь, бывало на Гаваяхъ, а шеперь ужъ не съ той спорони дуешъ вѣшеръ. Вопъ пошому-шо, прежде ворочались мы домой изъ Океаніи съ веселымъ лицомъ и съ пугимъ кошелькомъ. Въ чемоданѣ, бывало, навезешъ всякихъ бирюлекъ женѣ, и ребяпишкамъ, и . . . хмъ! Сколько бывало выручишь за одни Гавайскіе плащи, пагаи, копья, шапки, а шеперь — что взять? Ворочаешься съ пусшымъ кошелькомъ, да и шолько. Раззоренье, раззоренье — свое все проѣшь. Вѣдь, шо есть, человекъ, а тебѣ не пособишь никшо — кромѣ кишовъ; ихъ жиръ покамѣснѣ еще выручаешъ насъ.» . . .

Забавное горе Филипса было справедливо. Европейцы годъ опъ году менѣе пользующся барышами опъ Гавайцевъ. Они *исплutowались*, какъ говорилъ Филипсъ, шо есть, пересшали позволяшь себя обманывашъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ было не сердиться! . . .

Мы славно плыли, и 4-го Марша 1834 года насчитали болѣе сна лѣ пужи опъ Гаваевъ. Путь нашъ лежалъ къ Нукагивскимъ островамъ, гдѣ Пендлепонъ хошѣлъ оспановишься. Теперь нѣчего было Филипсу досадовашъ на оспановки въ пужи, кошорыя такъ сердили его при переѣздѣ къ Гаваямъ. На всемъ просиранствѣ Океана опъ Гаваи до Нукагива — ни одного острова, ни малѣйшаго оспровка,

ничего—кромѣ сомнительнаго утеса, о кошоромъ упоминается на старинныхъ Испанскихъ картахъ. Филиппъ не сходилъ съ палубы, въ полномъ шоржесствѣ, и даже подсмѣивался, что нѣтъ на пущи никакого любопытнаго предмета для *гидрографическаго* изслѣдованія. Капитанъ молчалъ, и Океанія кашила на полныхъ парусахъ. Надобно было любоваться, какъ нашъ красивый корабль лешѣлъ по волнамъ, едва касаясь ихъ, едва разбивая ихъ—шакъ легко, шакъ ловко, шакъ гармонически скользилъ онъ. Глядя черезъ корму, можно было обмануться быстрымъ лешомъ корабля, и казалось, что море убѣгаетъ изъ-подъ него, а не онъ бѣжитъ по морю. Но вдоль боршовъ было другое зрѣлище. Тутъ, съ обѣихъ сторонъ, отъ времени до времени являлись спада морскихъ свиней, и цѣною, какъ будто гнались въ запуски съ кораблемъ. Переходя отъ кормы къ носу, легко и безъ всякаго усилія, переплывая шакимъ образомъ вдвое болѣе, хопя и Океанія шла по чешыре лѣ въ часъ, эти спутники наши мелькали здѣсь и тамъ, будто опрядъ провожающихъ за кораблемъ, либо фланкеры, бѣгущіе по бокамъ его. Охотничья коляска, около кошорой мчѣшя шумная, неушомимая спая собакъ, могла предснвѣишь нѣчто похожее для шѣхъ, кшо не видывалъ моря и не знаетъ явленій на морѣ. Съ наступленіемъ вечера зрѣлище моря измѣнялось — волны и рыбы его обливались серебромъ, и все, на морѣ и на кораблѣ, серебрилось чудными переливами. Опшѣнки сливались и переливались неуловимыми, гармоническими цвѣтами. Мы снова наслаждались

прекрасными ночами пропиковъ , близясь къ экватору.

Океанія была пловецъ опличный. Девяносто, сто, стодесять лѣ — вошъ каковъ былъ размѣръ сушочнаго хода ея цѣлую недѣлю , и нисколько не ушомлялъ ея. Ни одна веревочка не лопалась , ни одна снасть не просила пощады, ни одна мачта не жаловалась на крикливомъ языкѣ своемъ, споль хорошо извѣстномъ мореходцамъ. Шестъ сошъ лѣ сдѣлали мы шупя, перешли изъ сѣвернаго въ южное полушаріе , и готовы были 10-го Марша спашъ у Нука-Гива. Филипсъ не опдалъ-бы шакого ловкаго перелеша опъ Гаваевъ за полдюжины добрыхъ киповъ.

И 10-го Марша , дѣйствительно, рано ушромъ дали знакъ , что видяшъ землю , а въ полдень мы уже были въ 3-хъ, или 4-хъ миляхъ опъ *Фатугу* и *Гіау* , оспровковъ , довольно низкихъ , но покрытыхъ удивительною зеленью. Эшо уже не походило на мрачную , волканическую землю Гаваи , спрану ушесовъ , почву изъ окаменѣлой лавы. Невозможно было даже замѣшпшъ самага скелеша земли — шакъ былъ онъ закрышъ густымъ , пушистымъ ковромъ , блестящимъ одѣяломъ кусшарника и деревъ , спѣсненныхъ и поставленныхъ эшажами. Другая природа раскрывалась передо мною , посѣшпшелемъ горящей Кирау-Еа , и я немогъ налюбовашься ею, какъ совершенною новосшью , какъ совершенною прошивоположношью съ моими послѣдними впечатлѣніями.

До ночи еще завидѣли мы горисшья и обрывисшья вершины *Нука-Гива* , царя всѣхъ другихъ

острововъ этого архипелага. Никакая опасность негрозитъ съ приближеніемъ къ нему, и коралловый поясъ около берега почти ни въ одну сторону непростирается далѣе одного кабельтова въ море—рѣдкое исключеніе въ Океанійскихъ земляхъ. Поэтому на слѣдующій день, мы могли прямо приблизиться къ острову, и плыть около береговъ его довольно долго, ничего неопасаясь.

Съ восхожденіемъ солнца, Океанія была въ 4-хъ, или 5-ти миляхъ отъ ю. в. края острова, такъ, что вершины Руа-Гуга и Руа-Пуа находились прямо противъ насъ. Утромъ мы шли далѣе, и къ полудню, попушный вѣтеръ повелъ насъ вдоль южнаго берега Нука-Гива. Мало видалъ я земель, сколько многообразно - прелестныхъ. Представьте себѣ впереди рядъ обломчатыхъ утесовъ, перерѣзанныхъ глубокими рытвинами, кошорья закрываетъ зеленѣющее произрастаніе, а за тѣмъ, далѣе, внутренніе пики, изъ коихъ нѣкоторыя неменѣе 400—500 футовъ возвышенія. Самый юго-восточный мысъ составляетъ обломанная громада, увѣчанная исполинскимъ утесомъ весьма странной формы. Сидя съ извѣстной точки на сей утесъ, мечтаете видѣть разрушенную цитадель, съ обломками ея бастіоновъ, окоповъ, парашетовъ, и осипками башни, надъ всѣмъ возвышенной.

На западъ отъ этого мыса лежитъ побережье глубокаго залива Уми, гдѣ обитаютъ *Таи-Пи*, сильное воинское племя, получившее извѣстность послѣ рассказовъ Поршера. Далѣе раскры-

вается долина, обитаемая *Гапами*, врагами *Таи-Шивъ*. Едва Океанія показалась при входѣ въ заливъ, какъ 5, или 6-ть лодокъ шеземныхъ рыбаковъ поплыли и приспали къ ней. Дикари эши не думали переговаривать; они карабкались прямо на корабль, смѣло и безъ спроса, какъ будто наши шоварищи, иные по кранцамъ, другіе по шрану, и даже по веревкамъ, висѣвшимъ съ корабля. Скоро набралось ихъ на палубѣ чловѣкъ двадцать, и эшо были настоящіе дикари, первобытные люди, кошорыхъ не коснулось еще общественное образованіе Европейцевъ. Почти нагіе, они говорили крикливо, съ кривляньями, съ бмспрыми движеніями, чѣмъ-то похожимъ на движенія и крикъ обезьянъ, и чшо исглаживаеиъ въ чловѣкѣ, по мѣрѣ большаго образованія.

Разговоръ эшихъ дикарей, особенное нарѣчіе Полинезійское, подобно Гавайскому, намъ нешрудно было понять. Пендлешонъ разговаривалъ съ ними и спрашивалъ, что дѣлаеиъ на островѣ? «Гапа воюють съ Таи-Шивъ,» отвѣчалъ одинъ изъ дикарей, казавшійся начальникомъ, «и если западные люди помогутъ Гапа, Таи-Шивъ будутъ побѣждены и истреблены, и мы съѣдимъ ихъ послѣ бивы.» И чшобы скорѣе убѣдишь Пендлешона на пособіе, дикари рассказывали, какъ благопріятно было имъ послѣднее сраженіе; исчисляли количество сожранныхъ ими плѣнниковъ, показывая знаками, какое пріятное воспоминаніе оставилъ въ нихъ эшотъ праздникъ, и какую бодрость даетъ имъ надежда еще пошзривать такимъ-же образомъ. Въ первый разъ видѣлъ я гело-

ядцевъ , нескрывавшихъ этого , гордившихся своимъ страшнымъ вкусомъ , и—надобно признаться , невольно содрогнулся я при видѣ ихъ ! Теперь друзья наши , завтра могутъ они сдѣлаться нашими врагами и сожрать насъ на своемъ пиршествѣ . Съ ужасомъ смотрѣлъ я на бѣлые , крѣпкіе зубы этихъ дикарей , и мнѣ казалось , что кусокъ мяса уже торчитъ во рту каждого изъ нихъ . Присовокупите къ тому страшный видъ Нука-Гивцевъ , столь противоположный крошечному и беззаботному виду Гавайцевъ , быстрое появленіе ихъ на кораблѣ , новую для меня природу земли , и вы поймете мои впечатлѣнія . Пендлешонъ и Филиппъ были совершенно равнодушны . Они знали уже Нука-Гиву ; четыре раза объѣхали они всю Океанію . « Эти молодцы удивляютъ васъ ? » спросилъ меня Пендлешонъ — « но , посмотрите-ка на Зеландцевъ ! »

Наши посѣтители требовали , чтобы капитанъ остановился въ ихъ заливѣ . Пендлешонъ объявилъ , что намѣренъ бросить якорь въ гавани Таіо-Гае , какъ самой надежной на островѣ . Онъ думалъ избавиться этимъ отъ своихъ гостей , но не шло-то было . Говоря , что теперь находясь въ мирѣ съ Таи-Піи , они вздумали доказать свою ласковость , провожая насъ къ мѣсту нашей стоянки .

Въ восьми миляхъ на западъ отъ мыса , среди сплошнаго , крушаго , высокаго берега , открывается вдругъ , какъ будто широкая трещина въ утесѣ , узкій проѣздъ , между двухъ базальтовыхъ откосовъ , ведущій въ гавань Таіо-Гае . Бходъ этотъ

неболѣе полу-мили шириною, но заливъ расширялся за нимъ въ направленіи къ сѣверу, такъ, что совершенно безопасенъ онъ для кораблей отъ волнъ и вѣтровъ. Внутренній край его образуетъ прекрасное песчаное приморье, составляя округъ мили полшоры въ ширину. Далѣе берегъ поспешенно высился, на одну или двѣ мили, до того мѣста, гдѣ начинаешся цѣпь высокихъ горъ, какъ будто опояска утесовъ окрестъ залива, оканчиваясь съ обѣихъ сторонъ у входа. Дальнюю внутреннюю окраину залива дѣлилъ, такъ сказать, выдающійся въ волны мысъ, съ высокими, оспроверхими обрывами. Направо замыкаетъ заливъ отвѣсная базальтовая стѣна, въ нѣсколько сотъ фузовъ вышиною; противоположность ея высился безмѣрными крупизнами, украшенными деревьями и распеніями. Водопады брызжутъ здѣсь съ вершины горъ, и перерѣзываютъ зелень ихъ бѣлыми и пѣнистыми скапершиями. Дѣятельное произрастаніе, смѣсь воды и лѣса, природа роскошная и ландшафтная, увлекали и очаровывали взоры. Долины были такъ пѣнисты, что можно было различить только немногія жилища туземцевъ. Едва три, или четыре, прицѣплены на ближайшихъ холмахъ, казалось, повелевали другими, и спорожили всю окрестность; далѣе, кое-гдѣ, тамъ и здѣсь проглядывали хижины сквозь перелѣски, или выказывали крыши свои изъ за-окружающихъ ихъ, плотныхъ огорожъ.

Въ этомъ-то убѣжищѣ отъ непогодъ спала Океанія, 11-го Марта 1834 года. Едва остановились мы, сотни лодокъ уже плавали около кораб-

ля, и тысяча бронзовыхъ головъ дикарей, пуспившихся вплавь, видна была изъ волнъ залива. Въ нѣсколько минутъ палуба покрылась оспровишянами; они карабкались со всѣхъ споронъ, по веревкамъ, по рулю, по боку, сзади, спереди; нѣсколько человѣкъ влѣзли въ окна каюшы. Это былъ совершенный прискупъ, абордажъ по всѣмъ правиламъ, кромѣ драки. Правда, что весь эпопъ народъ былъ весель, добръ, недумалъ причиняшь зла, но слишкомъ много было его, такъ, что невозможно было за нимъ услѣдишь, и припомъ, что могли мы сдѣлать въ случаѣ внезапной ссоры, которой нельзя предсморпрѣшь съ дикарями? «Тысячу имъ бурь!» ворчалъ Филипсъ — «такъ негодится — госпи выживають хозяевъ — надобно накинуть сердитую рожу эшимъ негодяямъ!» — Но Пендлепонъ не хотѣлъ ссориться, и шребовалъ къ себѣ главныхъ спаршинъ. Въ ожиданіи ихъ поставили спражу, чтобы не пускашь болѣе посѣшителей, но и безъ того мы не знали куда дѣваться. Въ толпѣ дикарей и дикарокъ невозможно было ни заняшь дѣломъ, ни подумашъ о порядкѣ. Каждаго изъ насъ окружали посѣшители и осыпали вопросами, которыхъ мы не успѣвали понять. По огромному брюху, Филипса почли капишаномъ, и особливо окружили его женщины, спараясь выманишь зеркальцы, либо пронизокъ. Красивыя, пріятныя, ласковыя, онѣ казались природными кокешками, и нашъ Океанійскій Лавеласъ былъ въ восторгѣ. Онъ дружилъ съ ними, и восхищался, что находить совершенную разницу съ Гавайскими, на угрюмость ко-

порыхъ столько разъ принимался онъ жаловаться. Мужья, казалось, совсѣмъ не думаютъ смолчать за женами. Все забавляло, занимало ихъ, всего просили они, и особенно требовали ружей и пороху, сражаясь съ своими непріятелями. Впрочемъ, доукѣ ихъ и канюченью конца не было, и наши часы и плащѣ такъ-же обольщали ихъ, какъ лоскушки холста и обрѣзки веревочки. Нѣсколькими бездѣлками осчастливилъ я многихъ, но видя щедрость мою, меня одолѣли со всѣхъ сторонъ, и я принужденъ былъ отказывать всѣмъ рѣшительно. Иначе съ меня содрали-бы рубашку. За то успѣлъ я убѣдиться въ важности моихъ филологическихъ познаній въ Полинезійскихъ языкахъ. При помощи движеній, все что выучилъ я по-Гавайски годилось мнѣ на Нука-Гивѣ; между языками этихъ архипелаговъ были незначительныя измѣненія, и черезъ четверть часа я могъ всѣ ихъ опредѣлить и узнать.

Ни одинъ изъ значительныхъ старшинъ еще не показывался, и Пендлешонъ хотѣлъ уже самъ приняться за рѣшительныя мѣры, когда мы увидѣли лодку, наполненную туземными власнями. Тушъ былъ первый начальникъ дикарей, красивый десятилѣтній мальчикъ, по имени *Моана*, въ сопровожденіи *Гаапе*, его опекуна и правителя на время его несовершеннолѣтія. Съ ними находились: *Тена*, сынъ Гаапе, однихъ лѣтъ съ Моана, и *Піа-Роро*, знаменитый старшина между поколѣніемъ Гапа. Всѣ они не отличались отъ другихъ островитянъ никакими внѣшними признаками, и всю одежду

каждаго изъ нихъ составляли только поясъ , или *tiabu*, изъ самой простой шкани.

Моану и Тена были хорошенькіе , шаловливые и говорливые мальчики. Регентъ Гаапе , человѣкъ уже въ лѣтахъ , спокойной , крошкой наружности , казался оживленнымъ самыми лучшими настрѣніями касательно нашей Океаніи. Онъ радовался , что въ ихъ заливѣ явился одинъ изъ кораблей *Пота* (Портера), и объявилъ готовность свою — быть полезнымъ , чѣмъ только можешь. Ростъ Гаапе былъ выше средняго. Волосы его , почти сѣдые , были большею частію выбриты , и только оставался у него пучекъ на верхушкѣ головы , подвязанный снизу бѣлою ленточкой. Единственное украшеніе его составляли серьги изъ кишковыхъ усовъ , искусно выдѣланныя.

Пиа-Роро казался болѣе значительной и благородной осанки , нежели регентъ Таійцевъ. Высокій ростомъ , чрезвычайно складный , съ весьма правильными чертами лица , эшо былъ прекрасный , какой только можешь быть мужчина. Кожа его была вся такъ зашашуирована , такъ испещрена , испяшнана , покрыта фигурами , что онъ былъ , такъ сказать , одѣтъ въ шашуажъ съ ногъ до головы. Поэтому , хотя цвѣтъ шѣла былъ у него по природѣ свѣтлосмуглый , какъ у другихъ земляковъ его , но грудь и плеча казались темны отъ накалыванія паянень , какъ у Конгскаго Негра. Зубы его были удивительно бѣлы и правильны. Его походка поступь , видъ , все показывало сочувствіе своего собственнаго достоинства , умѣряемое доброду-

шіемъ и ласковостью. Невозможно было видѣть его и не признавъ въ немъ человѣка выше другихъ пуземцевъ умомъ и званіемъ. Спараніе о прическѣ головы, кажется, сославляющее у Нукагивцевъ одинъ изъ внѣшнихъ признаковъ высшаго званія, было доведено у Піа-Роро до высочайшей степени. Волосы его были щипательно собраны и завязаны на верхушкѣ головы баншиками бѣлыхъ ленточекъ, или *тапа*.

Пендлешонъ лично зналъ всѣхъ эшихъ начальниковъ. Много разъ останавливался онъ на Нукагивскихъ островахъ, и никогда не плашилъ насиліемъ за ласковый пріемъ пуземцевъ. Едва сказалъ онъ, что ему надобно воды и свѣжихъ припасовъ, они спѣшили увѣрить, что все доставятъ по его желанію. Тупъ началъ онъ говорить о нѣкоторыхъ условіяхъ, на кошорыхъ желалъ пошановишь сношенія между кораблемъ и пуземцами. Пендлешону не хотѣлось, чтобы Нукагивцы безпрестанно толпились у него на кораблѣ и онъ былъ въ опасеніи отъ непрерывнаго прилива и отлива докучныхъ посѣщителей. Поэтому положили, что на корабль будутъ допускать тогда только, когда выставленъ на немъ бѣлый флагъ; но что едва, вмѣсто бѣлаго, поставятъ красный, корабль дѣлается *табу*, то есть, недоступнымъ для посѣщителей пуземныхъ, за исключеніемъ царскаго семейства и старшинъ. Табу здѣсь такая-же священная вещь, какъ и на Гаваяхъ. Кромѣ того положили, что одинъ молодой старшина изъ царскаго семейства, по имени *Таи-Ману*, всегда будетъ оспа-

вашься на Океаніи, пока мы проспоимъ здѣсь, вмѣсто залога и ручашельства за мапрозовъ, офицеровъ и пассажировъ, копорые поѣдутъ на берегъ. Впрочемъ, такая предосторожность казалась почти ненужною. Сполъ доброе согласіе являлось между нами и Нукагивцами, и сполъ благодарны казались они за предпочтеніе ихъ гавани другимъ.

Заклучивъ всѣ наши договоры, надобно было объявить ихъ толпѣ дикарей, бывшей на кораблѣ. Забили въ барабанъ, чшобы прежде всего заспавить ихъ молчанъ и слушать. Попомъ Гаапе и Піа-Роро начали рѣчи. Они изъясняли присушествующимъ оспровишянамъ непремѣнный и почный законъ, на копоромъ основываются сношенія между ними и кораблемъ; давали имъ разумѣть значеніе двухъ флаговъ, бѣлаго и краснаго; повпоряли слово : *табу*, много разъ, какъ дающее Океаніи неприкосновенность при означенныхъ условіяхъ. Пендлешонъ хотѣлъ послѣ сего немедленно на пракшикъ показатъ значеніе договора, и по его приказу на мачшѣ выкинули красный флагъ. Это былъ знакъ оспровишянамъ удалиться. Но толпа ихъ не хотѣла потчасъ повиноваться. Они казались незамѣчающими условнаго знака, укрывались, гдѣ могли, и почти не слушали своихъ начальниковъ, казалось, не имѣвшихъ надъ ними большой власти. Нѣкопорые, правда, послушались немедленно, но такихъ было немного. Тупъ надобно было прибѣгнуть къ доказашельствамъ болѣе убѣдительнымъ. По данному знаку, двѣнадцать мапрозовъ взяли изъ каюшы ружья, и поспроившись въ два

ряда, принялись маневрировать ими. Снова забили въ барабанъ — Пендлстонъ указалъ дикарямъ на берегъ, а потомъ — на ружья. Такой знакъ былъ для нихъ вразумительнѣе краснаго флага. Посѣпши-тели наши кинулись въ свои лодки, шѣснулись, шолкались, бросались въ море и пускались къ берегу вплавь. Всѣ мужчины исчезли въ одно мгновѣніе ока; но женщины — ихъ было до 30-ти — не думали, чѣмъ бы и на нихъ проспиралось повелѣніе капишана — онѣ осмались. Казалось, чѣмъ слабѣе свою считали онѣ лучшею защитою. Изъ жалости, или изъ вѣжливости, ихъ надлежало уважить, и вошъ онѣ осмывались, особливо шѣ, кошорья удостоились привѣтствій Филипса. Надобно было повѣрить имъ грозное повелѣніе, и—увы! самъ безжалостный Филипсъ принялся исполнять его! Какъ ни шажко было ему измѣнить своей нѣжной почтительности къ прекрасному полу, онѣ гналъ, шолкалъ бѣдныхъ красавицъ Нукагивскихъ. Напрасно старались бѣдняжки обольстить просьбами, ласками капишана, Филипса — шопъ и другой явились неумолимы. Лодокъ у нихъ почти не было, и большая часть ихъ принуждены были броситься прямо въ волны морскія. Но шупъ, какъ будто желая наказанъ безчеловѣчныхъ своихъ гонителей, онѣ начали играть, рѣзвиться вокругъ корабля, ныряя, какъ морскія Сирены, мелькая всюду, словно рыбы, то появляясь, то исчезая въ волнахъ, въ штычѣ самыхъ роскошныхъ положеній. Ловкость, прелестъ, насойчивое кокетство дикихъ красавицъ обезоружили, смягчили даже и Пендле-

шона. Онъ велѣлъ сказаши имъ, что скоро поспавишь бѣлый флагъ, корабль переспанешъ быши шабу, и тогда ихъ свободно примуши на него. Такая милость ушѣшила, успокоила бѣдняжекъ, и онѣ начали еще болѣе шадить и рѣзвиться въ волнахъ. Особливо съ особеннымъ упорствомъ осаждали онѣ корму корабля, гдѣ, сидя съ важностью и куря трубку, находился Филиппъ. Его-то, какъ новаго Одиссея, хотѣли очаровать и увлечь Нукагивскія Нерейды. Ихъ морскія забавы продолжались болѣе получаса; наконецъ, утомленные, онѣ толпой пустились къ берегу.

Когда корабль очистился отъ гостей и дикія красавицы оставили насъ, мы отправились въ нашу каюту. Пендлешонъ оставилъ обѣдать съ нами всѣхъ дикихъ начальниковъ, и мы уже хотѣли садиться за столъ, когда увидѣли лодку, плывущую прямо къ кораблю. Едва замѣшилъ ее Пиа-Роро, какъ закричалъ: «*Бретане!*» Въ самомъ дѣлѣ, въ лодкѣ находился Англичанинъ, кошораго издали мы приняли за дикаго, и дѣйствительно, по наружности въ немъ не было ничего Европейскаго. Загорѣлый, мѣднаго цвѣща, онъ былъ одѣтъ и шапурированъ, какъ дикій Нукагивецъ. Это былъ нѣкто Моррисонъ, мапрозь съ Англійскаго корабля, уже издавна поселившійся на Нука-Гива. Онъ совершенно зналъ языкъ туземцевъ, и потому Пендлешонъ просилъ его принять на себя должность переводчика. Въ этомъ званіи, онъ получалъ отъ насъ содержаніе во все время нашего пребыванія у Нука-Гива.

Мы принялись за обѣдъ. Забывая всѣ табу, наши госпи оказали честь нашимъ кушаньямъ, нашему вину и нашему рому. Послѣдній даже шакъ имъ понравился, что Пендлешонъ принужденъ былъ наложить на него строгое табу. Мы изъявили имъ удивленіе, какъ могутъ они прикасаться къ нашимъ поганымъ ѣствамъ, при ихъ строгомъ и неумолимомъ запрещѣ. «Вѣдь табу существуетъ только на землѣ — опѣчалъ намъ Піа-Роро — а мы на кораблѣ вашемъ. На землѣ Нукагивской боги наши всеильны; на лодкахъ нашихъ они также имѣютъ власъ, а на вашемъ кораблѣ никакой.» Такія дерзскія слова онъ подкрѣпилъ спяканомъ грога.

Кончивъ обѣдъ, госпи наши отправились домой въ своей двойной лодкѣ, и Пендлешонъ захошѣлъ проводить ихъ. Вооружили нашу китоловку (*baleinière*) и поплыли къ берегу за дикарями. Въ нѣкошоромъ разстояніи отъ корабля, мы услышали пачъ пушечныхъ выстрѣловъ, загремѣвшихъ съ него. Дикари сначала непоняли этого и испугались, но мы располковали имъ, что это означаетъ привѣствіе, и едва Моррисонъ перевелъ имъ наше изъясненіе, отъ страха перешли они къ радости и умножили ласковость и привѣтъ къ Пендлешону. Піа-Роро особенно казался пронупымъ. Съ важнымъ и торжественнымъ видомъ объявилъ онъ, что опнынѣ, не только онъ самъ Піа-Роро вѣчный слуга капитана Пендлешона, но и всѣ подвластные его шакіе-же ему слуги. Мы на сей разъ совѣмъ

непоняли важности этого объявленія, и только въ послѣдствіи узнали всю его цѣну.

По прибытіи на берегъ располагались мы слѣдовавъ за нашими пріятелями въ ихъ дома. Но путь оказалось важное препятствіе. «Сегодня дома наши табу — говорили они. «Завтра опкроюшся они для васъ и для всѣхъ бѣлыхъ людей.» Я подумалъ сначала, что этимъ хотѣли дикари подтвердить слова свои, и показавъ, что на землѣ они предоставляютъ себѣ такую-же власть, какую Пендлешону отдавали на его кораблѣ. Но не такова была мысль добрыхъ островитянъ. Они хотѣли выгадать себѣ время и приготовившись встрѣтивъ насъ важно и торжественно. Едва только Пиа-Роро понялъ важность нашихъ торжественныхъ высказывовъ, онъ положилъ, что Нукагивское правительство должно воздать за такой почетъ еще большимъ почтомъ. Мысль свою немедленно сообщилъ онъ регенту Гаане, который вполне одобрилъ ее, и споръ, какъ привезти ее въ исполненіе, былъ предметомъ разговора ихъ во все время перѣзда отъ корабля къ берегу.

Надобно было отказать отъ свиданія съ туземцами и посѣщенія ихъ жилищъ на сей день. Они принялись за приготовленія къ празднику, и на всѣхъ наложена была обязанность явиться на репетицію завтрашняго торжества. Мысль имъ теперь было-бы неучтиво и неловко. Но что-же дѣлать? Куда дѣвать часть, или два, которые могли мы оставаться на берегу? Къ счастью, я вспомнилъ о *Маддисонѣ*, этомъ городѣ, основані-

емъ коего занимался съважносшю Поршеръ. «Гдѣ же эшошъ городъ?» спрашивалъ я у Моррисона. Онъ улыбнулся и согласился проводишь насъ въ Европейскую колонію. Въ самомъ дѣлѣ, немедленно повелъ онъ опъ берега, сквозъ гусшыя деревья. Съ чешвершъ часа продолжалась наша прогулка, и мы думали бышь еще весьма далеко опъ ея цѣли, какъ Моррисонъ осшановился среди гусшаго лѣса, на полянѣ, сѣлѣ на бугорокѣ, и сказалъ, смопря на меня внимашельно: «Мы въ Маддисонѣ.»—Какъ?—воскликнулъ я, осмашриваясь кругомъ. Направо, налѣво, спереди, сзади, я видѣлъ шолько лѣсъ, похожій на Индійскіе джонглы — почти непроницаемые спѣны изъ деревъ, кустарниковъ и ліановъ. Мнѣ думалось, что Моррисонъ забавляешся, но онъ опашь началъ говоришь: «Да, именно здѣсь Поршеръ основалъ свой городъ, или лучше сказашь, деревню, кошорой назначалось нѣкогда сдѣлашься городомъ. Здѣсь произвели шогда кой-какую расшисшку, кой-какую обрабошку, но едва люди опказались опъ своей рабошмы, природа вспушила опашь въ свои права, и деревня Американскаго капишана быспро преврашилась въ дикій лѣсъ попрежнему. «Тутъ въ кустарникахъ показалъ онъ мнѣ осшашки каменныхъ фундаменшовъ и нѣсколь-ко изгнившихъ перекладинъ, послѣдніе слѣды заняшій Поршера и его шоварищей. «Какъ?» вскричалъ я—«пашнадашъ лѣшъ было досташочно произвестъ шакую перемѣну!»—Даже менѣ 45-шх лѣшъ —возразилъ мнѣ Моррисонъ—вошъ ужъ болѣе шести лѣшъ живу я здѣсь, а когда я пріѣхалъ

сюда, деревни уже не было слѣдовъ. Только лѣсъ не былъ еще шакъ густъ, и кое-гдѣ видны были развалившіяся крыши хижинъ.—Надобно было убѣдиться, что мы шочно были въ *Маддисонъ*, и за неимѣніемъ Европейскаго города полюбоваться шолько на дикое величіе природы экваторіальныхъ земель и на свѣжестъ красы здѣшняго лѣса.

Слѣдующій день назначенъ былъ для нашего шоржесшвеннаго пріема. Желая оказать равную дружбу съ обѣихъ споронъ, Пендлешонъ велѣлъ высшавить бѣлый флагъ на большой мачтѣ, и шончасъ все море около корабля покрылось лодками и головами дикарей, видимыми среди волнъ. Особливо дикарки спѣшили воспользоваться разрѣшеніемъ. Какъ дельфины кинулись онѣ въ море, и шолпа ихъ вскарабкалась на палубу. Онѣ щедро вознаграждали себя за прешнее жестокое изгнаніе. Океанія сдѣлалась мѣшномъ шумнаго веселья.

Но на берегу дѣла происходили съ большею важностью. Въ полдень пріѣхалъ къ намъ Моррисонъ, звавшъ насъ опъ имени начальниковъ. Мы опправились въ нашей кишоловкѣ, Пендлешонъ, Филипсъ, я, и съ нами былъ еще учасшникомъ аудіэнціи Пукъ, корабельный буфетчикъ, легковѣрный простякъ, въ первый разъ пусшившійся въ морскую поѣздку. Ему препоручили нести подарки. Во все время переѣзда опъ корабля къ берегу, насъ провожало множесшво дикарскихъ лодокъ, а на берегу всѣ шуземцы высшроились рядами для нашей встрѣчи. Два нисшіе старшины были сдѣланы чѣмъ-шо въ

родѣ полицмейстеровъ , приспавленныхъ особенно ошъ начальниковъ для охраненія нашего.—Непода- леку ошъ приспани, самъ Гаапе предспалъ предъ насъ, одѣшый въ свое лучшее плашье. На немъ былъ родъ шлема, съ фазпоновыми перьями , перемѣшан- ными съ перьями другихъ пшицъ, и все эшо было ула- жено съ большимъ вкусомъ. На груди у него видѣнъ былъ родъ офицерскаго знака, изъ жемчужныхъ ра- ковинъ. Въ шакомъ нарядѣ, регеншъ ошкрылъ шесш- віе. Онъ шелъ передъ нами , между шѣмъ какъ по бокамъ у насъ слѣдовали восемь другихъ спаршинъ, съ длинными палками, изъ чернаго и желпаго дерева, концы кошорыхъ украшены были пуками человѣче- скихъ волосовъ. Пукъ увидѣлъ эшо украшеніе и началъ озирашся со спрахомъ. Съ самаго ошѣзда изъ Гаваи, забавники товарищи наспращали бѣд- наго малаго людодѣдами, и вполне вѣря всему, что ему ни говорили , Пукъ думалъ , что спрашные людодѣды всего болѣе лакомы до поваровъ и бу- фешчиковъ. Вошъ почему съ ужаснымъ безпокой- ствомъ видѣлъ онъ насъ окруженныхъ шройнымъ рядомъ спаршинъ , когда сзади загораживала до- рогу толпа дикарей, рожи кошорыхъ казались ему одна другой страшнѣе и свирѣнѣе.

Тихо и важно *шествовали* мы шакимъ образомъ къ жилищу юнаго царя Нукагивскаго, и спраннымъ образомъ переправлялись черезъ ручеекъ и водо- падъ, кошорые спремались въ море , и изъ кошо- рыхъ мы наливались пошомъ водою. Едва подошли мы къ берегу ручья, какъ почувспвовали себя вне-

запно подхваченными на воздухъ , и незамѣннымъ образомъ перенесенными на другой берегъ, не замочивъ и подошвъ обуви. Для этого, за каждымъ изъ насъ спановилось по два дикаря, и составивъ изъ рукъ своихъ родъ носилокъ, не говоря ничего, они подшибали намъ полегоньку ноги сзади, шакъ, что мы невольно садились имъ на руки. Кто не пригошовился-бы къ такимъ спраннымъ носилкамъ, тошъ могъ-бы распрянухъ во всю спину. Но Моррисонъ шепнулъ намъ обо всемъ предваришельно , и мы имѣли возможность неупрашивъ нашей важности. Не шакъ случилось съ бѣднымъ нашимъ Пукомъ. Онъ повалился на землю опъ полчка въ подколки, и еще не успѣлъ опомнихъ опъ внезапнаго спраха , какъ увидѣлъ себя подхваченнаго дикарями и несомато на рукахъ ихъ черезъ воду. Тухъ могъ онъ обняхъ всю опчаянность своего положенія. Пока позволяли ему иди свободно, все еще была надежда на спасеніе. Но когда онъ увидѣлъ себя совершенно во власпи дикихъ , умирающій голосъ опчаянія раздался невольно изъ его груди. Онъ почиалъ уже себя рѣшишельно обреченнымъ на смерть; ему казалось, что онъ уже слышихъ, какъ его чавкаюхъ за-живо , и какъ хрусхяхъ косточки его на зубахъ людоѣдовъ! Ему вдругъ пришли въ голову всѣ ужасныя подробности проклятыхъ пиршесхвъ Нукагивскихъ, особенное приспрасхіе дикарей къ бифштексу изъ поваровъ и буфетчиковъ, разумѣхся , опкормленныхъ лучше всякаго мапроза. Видя, что капишанъ, лейшенантъ и я хохочемъ, замѣхивъ его опчаяніе, Пукъ вздумалъ, что

мы рѣшились выдать его на жертву Нукагивскимъ Миношаврамъ, чтобы сохранить самихъ себя. Окружавшіе его дикари, видя смѣхъ нашъ, вздумали поспращать несчастнаго. Разбойники начали корчить спрашныя рожи, щелкавъ зубами, и — если только можно умереть отъ спраха, то бѣдному лнки надобно-бы ошправиться на шопъ свѣпъ, когда замахали надъ нимъ палками съ человѣческими волосами. Но онъ немного ошдохнулъ, когда посшавили его на землю здрава и невредима, и никакъ не могъ онъ еще понять, отъ чего всѣ шолпы шуземцевъ, попадавшіеся намъ на дорогѣ, кланялись намъ, спшало и ему, въ землю, всшавали шогда только, когда мы проходили мимо ихъ, и шупъ всбирались на деревья, чшобы посшопрѣшъ на насъ. Если хошашъ насъ исжарить и скушашъ, и щелкающъ на насъ шакъ спрашно зубами, за чѣмъ-же намъ кланяшся? Бѣднякъ незналъ, чшо у насъ, въ просвѣщенной Европѣ всегда шакъ дѣлаешся, хошъ мы и не ѣдимъ человѣческаго мяса!

Пушъ нашъ лежалъ по самой романшической шпоронѣ, испешренной шѣнисшыми рощами и обширными полянами. Всего болѣе видѣли мы хлѣбное дерево и кокосы. Въ числѣ ихъ замѣшилъ я нѣсколько обшазанныхъ шравяными плешушками по шволу и спросилъ у Моррисона, чшò значить шакое ошличіе? «Эшо деревья зашашбуированные — ошвѣчалъ онъ — къ нимъ никто прикоснушся не смѣешъ, а всѣ другія сосшавляющъ ошчій учашюкъ, съ кошораго можешъ рвашъ плоды всякій, кому только угодно.»

Жилище царя находилось среди рощи хлѣбныхъ деревьевъ, къ кошорой вела прекрасная, правильная кокосовая аллея. За нею, къ приморью, былъ прелесный лугъ, въ акръ, или два проспранспвомъ. Спрое- ніе образовывалось, какъ у Гавайцевъ, изъ бамбуковой съ пальмовыми лиспьями крыши, ушвержденной на спропилахъ, копорья поддерживались нѣсколькими рядами сполбовъ. Оно соспавляло около 95 фушовъ въ длину и 20 фушовъ въ поперечникъ. Внутри было оно разгорожено на чешыре опдѣленія, каждое въ 20-ть квадрашныхъ фушовъ величиною. Перегородки были изъ толстыхъ рогожекъ во все проспранспво. Двѣ крайнія опгородки опять перегородаживались такъ, что въ нихъ находилось по чешыре комнашки, или спальни. Полъ во всемъ спроеніи былъ изъ обшесанаго камня, а спереді во всю длину выведены были чешыре уступа, также изъ камней, прикрытые навѣсомъ. Сполбы, поспавленные шушь рядомъ, какъ будшо колонны, поддерживали эшо внѣшнее при- бавленіе къ крышѣ.

Сюда всшупили мы, послѣ часовой ходьбы, прерываемой офиціальными рѣчами, копорья произносили спаршины, въ разныхъ мѣспахъ и по нѣскольку разъ. На внѣшнихъ уступахъ царскаго жилища сидѣли 200 женщинъ—цвѣшъ Нука-Гивы, въ лучшихъ плашьяхъ своихъ, изъ бѣлыхъ, почти прозрачныхъ шканей. На головахъ ихъ, сильно смазанныхъ масломъ изъ сандалнаго дерева, надѣшы были чалмы, изъ одинаковой съ плашьями шкани. Сандалное масло, употребляемое для дамскаго

туалета на Гаваяхъ и Нука-Гивѣ, не сравнился съ совершенствомъ косметическихъ благоуханій, какія употребляютъ дамами въ Европѣ. Запахъ прогорьклости такъ сильно заглушаетъ въ немъ сандаловый ароматъ, что мы едва могли привыкнуть къ его несносному и вонючему благоуханію.

Среди этой толпы женщинъ, выше всѣхъ находился юный царь, и подле него была царица мать, толстая, съ добрымъ лицомъ, лѣтъ сорока женщина. За нѣмъ являлся Піа-Роро въ своемъ великолѣпномъ одѣяніи; наконецъ регентша, жена Гаапе, прелеснѣйшая женщина, съ маленькимъ дышащей, полупорыхъ, или двухъ лѣтъ, котораго она безпрестанно ласкала.

Едва пришли мы, насъ посадили, Пендлешона между царемъ и его матерью, Филипса и меня по правую отъ нея сторону, а бѣднаго Пука, хотя онъ все еще не успѣлъ опомниться отъ страха, ниже всѣхъ насъ. Тутъ поднялся Гаапе и началъ рѣчь. Какъ ни старался я понять, надобно откровенно признаюсь—ничего не понялъ, исключая нѣсколькихъ словъ, каковы: *Опоте*, *Таин*, *Гапа*, *Таи-Пин*—все остальное было для меня Ташарскою грамошою. Но Моррисонъ явился ко мнѣ на помощь и передавалъ мнѣ краснорѣчіе Нукагивскаго Цицерона. По его переводу, Гаапе распространился о пребываніи на ихъ островѣ капишана Поршера, союзъ его съ Таййцами, присовокупивъ, что онъ надѣется видѣть въ Пендлешонѣ вшораго Поршера, друга и союзника своему народу въ случаѣ нужды. Рѣчь продолжалась минути десять. Когда

кончилъ Гаапе, поднялся Пиа-Роро, говорилъ менѣе, но съ большимъ жаромъ, выраженіемъ и шѣлодвиженіями. Онъ сказалъ, что его поколѣніе, его родичи Гапа были наказаны Поршеромъ за то, что воевали тогда съ Таиі, но что съ ихъ поръ заключили они миръ, продолжая его навсегда, и слѣдственно, благоволеніе Пендлемона должно раздѣлиться, равно между Гапа и Таиі. — Замѣшивъ косвенные намѣтки орашоровъ о наступательномъ союзѣ, Пендлемонъ сѣшилъ предупредить, что хотя онъ чувствительно обязанъ добрымъ расположеніемъ обоихъ начальниковъ и ихъ подчиненныхъ, но при всемъ искреннемъ желаніи дружбы неможешь непосредственно вмѣшаться въ междоусобія. Онъ прибавилъ однакожь, что если во время его пребыванія въ гавани Таіо-Гае, непріатели нападуть на его друзей, онъ готовъ всячески защищать ихъ отъ нападеній. Такого обѣщанія показалось досшапочно Нукагивскимъ власпишелямъ. Оно причинило даже имъ, по видимому, самую живую радость. Тотчасъ принесены были при свиньи, коренья, плоды, и все это представлено Пендлемону. Онъ хотѣлъ соопшѣшпсовать щедрости хозяевъ, и вызвалъ на сцену своего шусливаго Пука съ его корзиною подарковъ. Одно послѣ другаго, вышацили изъ нея при шопора и при большіе кашалотовые зуба—все это поровну раздавалось шремъ главнымъ начальникамъ, а за тѣмъ слѣдовали подарки всѣмъ дикимъ красавицамъ — ленточки, зеркальцы, цвѣшныя лоскушки. Радостныя восклицанія: «*Васи, васи! Мотакі,*

мотаки (хорошо, очень хорошо)!» слышались со всѣхъ сторонъ, и только Пукъ не принималъ участія въ общемъ весельи; ему казалось, что раздаривши всѣ вещи — Пендлешонъ подаритъ его на закуску дикарямъ.

Когда рѣчи и самая церемоніальная часть привѣствій были окончены, дошло до просшихъ дружескихъ объясненій и довѣренностей. Царица мать, любопытная, какъ всѣ женщины (разумѣется, только дикія) овладѣла Филипомъ, пучныя формы котораго всегда производили сильное впечатлѣніе при всѣхъ Полинезійскихъ дворахъ. Она осыпала его вопросами объ Европейскихъ женщинахъ, спрашивала его: есть-ли у нихъ хорошія плащя? есть-ли у нихъ хорошее масло для мазанія головы? — И всякой другой, кромѣ Филипа, могъ-бы шутъ кшаши сказать, какъ гадко сандальное снадобье Нукагивокъ — наконецъ позволяется-ли Европейкамъ ѣсть вмѣстѣ съ мужьями? На все это Филипъ отвѣчалъ, какъ умѣлъ, по съ помощью Моррисона, по посредствомъ мимическаго языка, имъ придуманнаго. Въ это время Пендлешонъ былъ занятъ съ Піа-Роро, а я съ регентомъ Гаапе. Что касается до Пука, онъ не могъ опбѣнсья опъ шаловливой толпы, окружившей его. Между шѣмъ насъ подчивали какою-то минеральною, желѣзноватою водою, предославленною только для употребленія царскаго семейства, хотя весьма прошивною на вкусъ. Пошомъ поднесли намъ кокосовъ, и мы прохладились ихъ сокомъ. Юный царь Нукагивскій все подносилъ пре-

жде къ своему рпу, и пошомъ передавалъ нашему капишану.

Неожиданное явленіе привлекло въ это время вниманіе всѣхъ. Явилась — преогромная свинья, визжа такъ ужасно, что заглушила всѣ разговоры. Ее тащила за веревку какая-то старуха, а два человѣка толкали ее сзади, и упрямое животное не хотѣло слушаться ничего. Но сила свиньи уступила силѣ человѣческой; старуха припщила ее къ Пендлешону, и торжественно проговорила: *Оти буака, оти буака* (вопъ свинья, вопъ свинья)! Начались объясненія, и Моррисонъ сказалъ намъ, что старуха предлагаетъ промѣнять свинью на большую бушылку, которую видѣла она у Пука. Пендлешонъ шѣмъ охотнѣе согласился на торгъ, что продавица была важная особа — матица регента и бабушка царская. Ея величіе была въ воспоргѣ опъ согласія Пендлешона, спрашивая: какъ угодно ему получишь свинью — живую или жареную? « Живую », отвѣчалъ Пендлешонъ, и бушылка была передана царской бабушкѣ, а свинью унесли въ нашу шлюпку.

Послѣ этого внезапнаго перерыва аудіэнціи, намъ позволено было подробно осмошрѣть царскій дворецъ. Всю домашнюю ушварь и мебель составляли въ немъ нѣсколько деревянныхъ чашекъ,alebасъ, кокосовыхъ орѣховинъ, копей, рогожекъ и деревянныхъ подушекъ, похожихъ на Гавайскія.

Отсюда перешли мы къ обозрѣнію рощей, окружающихъ царское мѣстопребываніе, и площадки, возвышенной надъ всею долиною. Все, что могли

мы окинушь отсюда глазами, было почти совершенно покрыто кучами *автокарповъ*, кокосовъ, банановъ и другихъ деревьевъ. Между ними, кое-гдѣ, мелькали обработанные пространства, въ которыхъ можно было замѣнить насажденія хлопчатой шелковицы, сахарныхъ тростей, *dracaena* и табаку. Всѣ такіе участки были впрочемъ весьма хорошо содержимы, и каждый огороженъ плетнемъ изъ бамбуковыхъ палокъ, связанныхъ веревками изъ кокосовыхъ волоконъ. Изъ наземныхъ произведеній обширнаго царства могъ я увидѣть здѣсь большую часть уже видѣнныхъ мною прежде въ Гаваяхъ — панданы, съ спранными вѣтвями, *иннокарты*, съ шишковатыми орѣхами, *алеуриты*, орѣхи которыхъ даютъ масло, *казуарину*, съ ея негниющимъ стволемъ, *гарденію*, съ пахучими цвѣтами, *гибискъ* съ его волокнистою корою, ароматическую, акацію, *инофиль*, *евгенію*, и особливо повсюду прелестные и безчисленные папоротники. Сила прозябанія, оплывавшая каждое изъ растений, деревьевъ, кустарники, правду, показывала чудесное плодородіе здѣшней почвы. Основаніе острова чисто вулканическое, но его покрываетъ слой почти сплошнаго чернозема, составившагося изъ расщепленныхъ осколковъ.

Переходя по всѣмъ этимъ окрестностямъ дворца, мы приблизились къ *тагуа*, или публичной площади Нукагивцевъ, обширной, прямоугольной поверхности земли, высланной камнемъ и окруженной невысокими перрсами, также вымощенными камнемъ. На такихъ площадяхъ собираются

дикіе для своихъ общеспвенныхъ дѣлъ и общихъ удовольствій. Тутъ происходятъ ихъ пѣніе и пляска, любимыя наслажденія общеспвенныя; пѣвцы и плясуны помѣщаются въ срединѣ, а зрители располагаются на окружныхъ террасахъ. У каждого поколѣнія есть [такая *тагуа*, и нѣкоторыя изъ нихъ столько обширны, что вмѣщаютъ въ себѣ до 40,000 человекъ.

Такимъ образомъ осмопрѣли мы самыя лучшія и обширныя жилища оспровишанъ; во всѣхъ направленіяхъ исходили мы зеленѣющее окруженіе, среди котораго они разсѣяны, и къ большому моему удивленію, ни одинъ храмъ, ни одинъ морай не представились еще нашимъ взорамъ. Я сказалъ это Моррисону. «Морай?» опвѣчалъ онъ—«Ахъ, Боже мой! да вошъ вамъ морай!» Онъ указалъ мнѣ на разрушенную хижину подлѣ площади, отличавшуюся отъ другихъ только большею неоправностью. Видя мое удивленіе, Моррисонъ разсказалъ мнѣ, что въ послѣднюю, бывшую года за два, жестокою войну между Таи и Гапа, земли Таійскія были совершенно опустошены, дома разрушены, храмы низпровергнуты. Съ шѣхъ поръ, побѣжденное племя осталось подчиненнымъ данникомъ Гапайцевъ. Теперь, настоящій царь здѣшной стороны (и это пояснило мнѣ множество обспоятельствъ во всемъ мною видѣнномъ) есть Піа-Роро, воинспвенный намѣспникъ царя Гапайскаго, наблюдающій за порядкомъ и сборомъ податей въ землѣ побѣжденныхъ. Званіе военнаго правителя скрываетъ онъ подъ видомъ гостя и друга ре-

генша Гаапе , но и Гаапе, и юный царь, власпише-ли Таійцевъ по имени , сущь покорные слуги на-мѣстника Піа-Роро.

Насшупала ночь , когда мы пришли къ большой народной площади , и Пендлешонъ приказалъ отпра-вляться на корабль. Мы пустились къ берегу, распрощавшись съ Піа-Роро и регеншомъ, и доспиг-ли его, сопровождаемые двадцатью нисшими спар-щинами. Но тушъ , когда надобно было плыть, ищешно искали мы своего простяка буфешчика. Минушъ пять кликали мы его, и уже хопѣли безъ него отправишья , когда изъ какой-то ямы на прибрежьи выскочило что-то уродливое, покрытое пескомъ и морскими распеніями. Филипсъ первый узналъ въ эшомъ Тришонѣ нашего Пукѣ. « Спо буръ шебѣ — вскричалъ лейшенаншъ — куда ты запропасшился? Какая морская богиня увлекла тебя на свое мягкое ложе изъ песку и морскаго чесно-ку? » На поэшическій вопросъ Филипса, Пукъ опвѣ-чалъ поспѣшнымъ и молчаливымъ прыжкомъ въ шлюпку. Тушъ рассказалъ онъ намъ дорогою , что послѣ аудіэнціи шакъ напали на него съ своими шутками дикари , и шакъ наспращали его , что спасая свою пропащую голову , онъ опромешью бѣ-жалъ , куда попало , изорвалъ свое плашье по ку-спарникамъ , и спряпался на берегу , какъ чере-паха, въ песокѣ.

На слѣдующій день , Пендлешону надобно было приняпъ у себя власпи Нукагивскія. Тушъ обща-ли бышъ знапнѣйшія дамы , шолько не въ лодкахъ своихъ мужей, которыя для нихъ запрещены спро-

жайшимъ шабу, но въ шлюпкѣ, которую нашъ вѣжливый капишанъ предложилъ къ ихъ услугамъ. Было около четырехъ часовъ по полудни, когда мы завидѣли военную лодку, вскорѣ подошедшую къ кораблю. Въ ней сидѣли начальники. Лодка была простая, фушовъ 20, или 25-ть въ длину, толстая, сдѣланная изъ авшокарповаго дерева. Передняя часть лодки, низкая, почти невыше остальнаго ея пространства, продолжалась на нѣсколько фушовъ впередъ, оканчиваясь уродливымъ изображеніемъ головы. Всѣ части лодки были опдѣланы весьма тщательно. Безобразный испуканъ какого-то бога украшалъ ея корму, а спереди вѣялись побѣдные шрофеи, волосы, содранные съ головъ человѣческихъ. На носу видно было нѣсколько кокосовыхъ вѣшвей, въ пять или шесть фушовъ вышиною, и поджавши ноги, съ важностію сидѣлъ пушъ знаменитый спаршина сосѣдняго поколѣнія дикарей. Онъ былъ закушанъ въ широкій плащъ изъ туземной шкани, а на головѣ его, сухой банановый листъ обвернутъ былъ въ видѣ шока. По серединѣ стоялъ Гаапе, только съ поясомъ по шѣлу, и въ шапкѣ, похожей на шапки Таіоаскихъ спаршинъ, а на возвышенной части юпа, среди кокосовыхъ листьевъ, находился съ длиннымъ весломъ, правя лодкою, Піа-Роро. Восемь дюжихъ гребцовъ, съ пагаями, образовывали экипажъ лодки. Какъ у Гаапе, всю одежду Піа-Роро составлялъ только поясъ, но вмѣсто того, чтобы по обыкновенію связать себѣ волосы на верхушкѣ головы, онъ распустилъ ихъ беспорядочными косами, что

придавало ему видъ опшѣнно дикій. Въ ушахъ его были серьги изъ вылощенной слоновой кости, искусно сдѣланныя, и бѣлизна ихъ шѣмъ разишельнѣе являлась прошивъ чернаго цвѣсна волосовъ.

Приближась къ кораблю, гребцы пріосстановили свою работу, какъ будто желая дать намъ время полюбовавшись на нихъ, и видѣшь, сколь оплична была спранная поспройка лодки ихъ опъ поспройки нашихъ лодокъ, споль простыхъ и лишенныхъ всякаго украшенія. Наконецъ, госпи наши взобрались на Океанію, мужчины сперва, женщины потомъ. Старшинъ проводили въ каюшу, гдѣ приготоовлено было угощеніе. Но дамы, пока тамъ пировали ихъ знаменишые супруги, не смѣли подвинуться даже къ шканцамъ, потому, что это мѣсто было надъ головами нашихъ великихъ посѣщителей, и слѣдственно, для женщинъ подвергалось спрогому шабу. Онѣ жались между грошъ и фокъ-мачшою, чупъ дерзая допронуться до закусокъ, копорыя велѣлъ принесть услужливый дамскій обожашель Филипсъ. Но ему также пришла счасшлвая мысль угоспшть посѣщительницъ музыкою. Едва запшчала дудочка и заспучалъ барабанъ, оказался большой успѣхъ. Подъ звуки нашего оркеспра зашевелились Нукагивскія красавицы — били руками шакшу, двигали всѣмъ шѣломъ, качали головою. Мужчины выбѣжали на верхъ, принялись за шоже и праздникъ кончился эшою неожиданною сарабандою. — Угощеніе музыкою внушило дикарямъ желаніе видѣшь Пендлешона на большой пляскѣ туземцевъ, копорая была назначена на слѣдующій

день, и не на побережьи, но довольно далеко во внутренности острова. Ни одному изъ нашихъ офицеровъ не показалось приличнымъ согласиться, но я, простой бродяга морей, болѣе ихъ любопытный, не былъ ни такъ разборчивъ, ни такъ упрямъ.

И вотъ, на другой день, отправился я съ чичероне нашимъ Моррисономъ, въ сопровожденіи толпы дикарей. Дорога наша сначала шла черезъ прелестную романтическую сторону. Съ одной стороны, зрѣнію открывалась гавань, какъ будто обширное озеро, между ея полукруглою стѣною утесовъ; съ другой оно обнимало всѣ неровности внутренней земли, долины, холмы, водопады, потоки. Даль оканчивалась здѣсь голыми, уединенными пиками.

Мы шли уже около часа, когда при поворотѣ отъ одного перелѣска явились передъ нами два воина, въ полномъ убранствѣ. Оба они были высокаго роста, стройны, съ такими крѣпкими мускулами, съ такими красивыми пропорціями шѣла, что могли-бы оба послужить моделью спануйщику. Почти нагіе, они прикрывались только плащомъ и поясомъ, но щегольской шапуажъ покрывалъ ихъ, какъ будто плащомъ, сполъ пестрымъ, что безъ рисунка этого вообразить себѣ невозможно, и при нѣкошорымъ неправильностяхъ, былъ онъ однакожь расположенъ такъ искусно, что красивость его поразила меня. Головная уборка еще болѣе увлекла мое вниманіе. Одинъ изъ этихъ воиновъ имѣлъ на головѣ родъ шлема, оканчивавшійся спереди полумѣсяцемъ, въ родѣ наличника,

вершка при, или чешыре въ ширину. Почти сплошь унизанный блестящими шариками, сѣмьями *abrus pectoratus*, сверху украшался эполъ шлемъ богатымъ плюмажемъ изъ пѣшущихъ перьевъ, непрерывно взвѣваемымъ и развѣваемымъ по волѣ вѣтра. Уши были совершенно закрыты украшеніями изъ дерева, весьма легкаго, выбѣленнаго извѣсткою. Ожерелья изъ кашалотовыхъ зубовъ были на грудяхъ обоихъ дикарей, а длинные пуки человѣческихъ волосовъ виднѣлись со всѣхъ сторонъ — какъ браслеты и повязки на рукахъ и на ногахъ, какъ украшенія широкихъ поясовъ изъ бѣлой ткани. Въ рукахъ дикарей были дубинки, или головоломы шупенные. Воины эпи принадлежали къ поколѣнію Гапа, союзниковъ нашихъ послѣ вчерашняго праздника. Поэтому, едва увидѣли они меня, какъ бросились ко мнѣ съ радостнымъ воплемъ. Потомъ, изображая бивву прошивъ враговъ своихъ Таи-Пи, они вертели своими головоломами съ удивительною ловкостью, представляя всѣ случайности встрѣчи, и принимая всякія положенія война, нападающаго, или защищающагося. Все это сопровождалось выразительною, чрезвычайно естественною пантомимой и пронзительными криками, съ повтореніемъ сто разъ однихъ и тѣхъ-же словъ: *Таи-Пи, Таи-Пи! Те маке и те Таи-Пи* (Таи-Пи, Таи-Пи! Смерть Таи-Піямъ)! Когда эта воинская пошѣха кончилась, дикари громко захохотали, и сказали мнѣ черезъ Моррисона, что пляски уже начались, а они, оставя другихъ веселились, идутъ къ нашему кораблю. Въ самомъ

дѣлѣ шли они по дорогѣ противоположной нашему пуши.

Дорога въ этомъ мѣстѣ привела насъ ко внутренней долигѣ, длиною мили на двѣ, и во всю длину свою покрытой хлѣбнымъ деревомъ, кокосами и другими огромными деревьями, сплошь сжатыми и сплѣсненными одно къ другому, что мы шли подъ непрерывнымъ, обширнымъ сводомъ вѣтвей ихъ. Жилища были пушью многочисленны и обширны. Каменные подпилки, на которыхъ были они построены, немало способствовали ихъ опрятности и здоровости. Почти всѣ эти хижины были пусты, потому, что обитатели ихъ уѣзжали на общую пляску.

Далѣе еще разъ измѣнилось передъ нами мѣстоположеніе. Мы подошли къ крушобережному ручью, изливавшемуся въ глубину уединенной рытвины; за тѣмъ слѣдовали мы по бокамъ отдѣльной горы, оспрали отъ центральной цѣпи горъ острова, предѣла земель, обитаемыхъ поколѣніемъ Таіо-Гае. Бока эти такъ крушы, что еслибы не было пушью по ширинкамъ спупенекъ, пробитыхъ ногами проходящихъ дикарей, дорога не шла разнообразными извилинами и куски правъ не служили перилами, за которые можно держаться, надобно-бъ было опкзаться отъ всхода на крушизны. Въ половинѣ пуши, измученный, усталый, я гошовъ былъ опреться отъ прогулки нашей далѣе, но одинъ изъ дикарей, насъ провожавшихъ, посадилъ меня на свои плеча и бодро понесъ по са-

мымъ опѣснымъ пропінкамъ. И по такой-то дороге, въ 1814 году, шужемцы на рукахъ перешащили 9-ти фунговую пушку, кошорую Поршеръ ссудилъ имъ, помогая въ войнѣ пропивъ Гаца! Чшобы увѣришь въ справедливости такого подвига, надобно ручашельство мореходца, сшоль извѣснаго, какъ Поршеръ. Съ горныхъ высотъ открылся намъ безконечный обзоръ. Вдали, ниже насъ, какъ лодочка, видна была наша Океанія на волнахъ залива; далѣе виднѣлись смѣшанные очерки оспрова Руа-Пуа, на синемъ, ровномъ зеркалѣ Океана. Дуновеніе пассатнаго вѣтра, незамѣнное въ долинѣ, освѣжило здѣсь наши ушомленные члены. Сшоя на предѣлахъ Гапайской земли, мы могли обзорѣвать всю долину, гдѣ совершалась пляска дикарей, кошорую хошѣлось мнѣ видѣть, не смоща на ушомительное спранспованіе. Далѣе можно еще было различать области Таи-Піискія, враждебныя въ сіе время Гапайцамъ и Таіямъ.

Крушой скашъ, по дорожкѣ, обспавленной прелесными жилищами, свель насъ къ собранію дикарей. Съ приближеніемъ нашимъ, когда уже долетали до насъ звуки шампама, шолпа шужемцевъ побѣжала къ намъ на встрѣчу, испуская радостные клики, и показывая знаками, какъ рады были всѣ они нашему приходу. Это былъ пріемъ Куковского времени, праздникъ, похожій на шѣ, кошорыми угощали на здѣшнихъ оспровахъ неуспрашимаго мореплавателя, засшавшаго дикарей Океанійскихъ въ простотѣ первобытныхъ нравовъ, опличаемыхъ самобышними обычаями. Какъ часто

спрашивалъ я самъ себя, видя этихъ дѣшей природы, съ такимъ трудомъ надѣвающихъ наше Европейское платье, въ простотѣ ихъ полудикаго образованія, теряющихъ свою природную веселость, свою существенную физіогномію, когда имъ запрещаютъ ихъ разгулье, ихъ праздники, ихъ обряды, всѣ воспоминанія народнаго дѣшства ихъ, какъ часто спрашивалъ я, къ чему все это? Развѣ нельзя избавить ихъ отъ неудобствъ дикой жизни, научить ихъ нравственности, внушить имъ истинную религію, и съ тѣмъ вмѣстѣ сберечь ихъ мѣстный шипъ, ихъ народные костюмы, ихъ образъ жизни, дающій имъ силу и здоровье? И теперь, эта самая мысль пришла мнѣ въ голову, когда глядѣлъ я на пляску Нукагивцевъ. Сильный, здоровый видъ дикарей, смѣлая свобода ихъ движеній невольно заставили меня вспомнить о Гавайцахъ, и пожалѣть, что образователи Гаваевъ запретили шамъ всѣ телесныя игры и пляски, столь много помогающія развитію тѣла. Почему благодѣянія Европейскаго просвѣщенія, столь гибкаго, столь многообразнаго не приноровить къ потребностямъ климата и мѣстной гигіены? Для этого надобно только вполне и безпристрастно сообразить дары и размѣры природы, столь щедрой и столь разнообразной въ различныхъ мѣстахъ.

Тагуа, или площадка, назначенная для плясокъ, была окружена исполинскими деревьями, непроницаемыми для лучей солнца. Тутъ собралось нѣсколько сотъ человѣкъ обоего пола, и всѣ въ лучшихъ своихъ нарядахъ. Воины были въ полной бое-

вой одеждѣ, плясуны въ своихъ фаншаспическихъ нарядахъ, женщины опличались самымъ многообразнымъ костюмомъ. Балъ, раушъ Европейскій не показалъ-бы болѣе щегольства и изысканности шуалеша, какъ эшо нлясовое Нукагивское сборище. Въ головныхъ повязкахъ шанцовщицъ, въ ихъ плащахъ изъ *тапа*, накинутыхъ легко, небрежно, во всемъ видѣнъ былъ восхищительный вкусъ. Бѣлый цвѣтъ казался преимущественнымъ въ собраніи, особливо для головныхъ повязокъ. Обыкновенно, лоскутья шкани, на нихъ употребляемые, болѣе носоваго плашка, но не смотря на малый размѣръ, ихъ свивающъ и связывающъ на множество различныхъ манеровъ. То крѣпко обхватывающъ ими голову, соединяя концы въ большой узелъ, по срединѣ лба, или на вискахъ; то, концы, болѣе длинные, скручивающъ красивыми пучками; то, наконецъ, на верхушкѣ оставляющъ опверзшіе, сквозь которое пропускаются волосы, буклями и локонами по плечамъ и по шеѣ. Другія дикарки обхватывающъ голову просною повязочкою, или великолѣпно оставляющъ длинные локоны свои развивающъ свободно по своему плащу, который составляетъ единственное одѣяніе Нукагивокъ, называемое *каган*; онѣ обвертываютъ и драпируютъ его вокругъ тѣла, какъ кому бываетъ угодно.

Въ эшомъ собраніи, въ первый разъ могъ я самъ повѣрить рассказъ путешественниковъ о томъ, что Нукагивскія женщины красивѣе, ловчѣе и благороднѣе въ обращеніи, нежели всѣ другія дикарки Океанійскія, и особливо Гавайки. Между Тайскими жен-

щинами ничто этого недоказывало, но теперь я был согласен съ такимъ мнѣніемъ. Въ плясовомъ собраніи увидѣлъ я многихъ женщинъ, кошорымъ позавидовали-бы Европейскія красавицы. Черты лицъ ихъ подходили къ Европейскимъ, болѣе всякихъ другихъ Океанійскихъ и Азіятскихъ женщинъ. Цвѣтъ шѣла, вообще слегка бронзовый, у иныхъ переходилъ почти въ совершенную бѣлизну; физіогномія выражала что-то нѣжное и умное, а члены представляли удивительныя пропорціи. Особенная бѣлизна многихъ лицъ такъ поразила меня, что я спрашивалъ о причинѣ ея у Моррисона. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что дикарки приобрѣтающъ ее, опчаспи сберегаясь отъ загара и невыходя на солнце, опчаспи употребляя сокъ какихъ-то ягодъ, называемыхъ *папа*, и имѣющихъ способность придавать бѣлизну. Каждое утро Нукагивскія щеголихи напиралъ эшимъ сокомъ, потомъ завершвающъ въ плащи свои и осматриваясь въ хижинахъ. Когда выходятъ онѣ, то зонтикъ изъ широкаго пальмоваго листа защищаетъ ихъ бѣлизну. При насупленіи праздника, приходѣ Европейскаго корабля, или какомъ нибудь торжествѣ, щеголиха моемся, смываетъ съ себя зеленоватый опшѣнокъ сока папавыхъ ягодъ, напиралъ кокосовымъ масломъ и одѣвалъ въ великолѣпный нарядъ свой. Многіе окрашиваютъ масло, употребляемое для напиралъ, желтоватымъ сокомъ шафрана, или выняжкою изъ какого-то жженаго корня, что придаетъ ему цвѣтъ еще болѣе блестящій, оранжевый. Кожа отъ сей микстуры, по мнѣнію дикихъ кра-

савиць, дѣлають цѣлѣ лица блестящима, но, по личному моему наблюденію, въ эшомъ я сомнѣваюсь.

И между Нукагивцами есть записные денди и *фашіонебл*. Изнѣженные, какъ женщины, эши *летиметры* Океанійскіе, по примѣру ихъ, забошанся о бѣлизнѣ своей кожи. Но законъ, который не худо бы ввести и прошивъ Европейскихъ щеголей, снрого наказываетъ подобную изнѣженносшь. Щеголи здѣшніе подчиняются всей снрогошн шабу, предписаннаго женщинамъ. Только пѣніе и пляска составляють торжествъ ихъ, какъ балъ и гулянье нашихъ щеголей.

Когда ушнхли движеніе и замѣшательство, причиненныя нашимъ приходомъ, когда начальники сказали намъ свои привѣшвія, а красивыя пласуны наградили насъ нѣсколькими кокетливыми взглядами, мы были посажены на почешное мѣсто, съ котораго свободно могли разсматривать общность и всѣ подробности собранія. Удивительно прочная посройка оплнчала амфитеатръ, воздвигнутый посреди обширной пагуа. Продолговатый чешыреугольникъ, 60 футовъ длины и 40 ширины, огороженъ былъ снѣною, ссешавленною изъ огромныхъ камней, или кусковъ ушеса, по 6-ши и по 7 ми футовъ квадрашныхъ. Они были сложены одинъ къ другому въ порядкѣ и правильности удивительной, особливо, если вспомнишь несовершенство орудій, употребляемыхъ дикарями. Вровень съ эшою снѣною, внутри ея кругомъ, сдѣланъ былъ шрошпуаръ, изъ огромныхъ камней,

и на немъ опредѣлено мѣсто для начальниковъ, воиновъ, почешныхъ людей и для пѣвцовъ, кошорые своимъ речипашивомъ сопровождаютъ и устанавливаютъ мѣру пляски. — Далѣе къ срединѣ, нѣсколько дюймовъ пониже, идетъ еще пропшуаръ, гораздо шире, и на немъ, отъ одного мѣста до другаго, положены каменья, служащіе сѣдалищами музыкантамъ. Наконецъ самую средину амфитеатра составляетъ арена, уже немощеная, но поверхность ея такъ уравнена и такъ хорошо убита, что крѣпостью сравняется съ лучшимъ шоссе Макада-Мавскимъ. Эша арена, 20-ть фушовъ въ длину и 12-ть въ ширину, составляетъ собственно мѣсто плясокъ.

Начало ихъ сдѣлалъ молодой человекъ, 18-ти, или 20-ти лѣтъ, появившій нѣсколько минутъ у одного края арены, между тѣмъ какъ въ обѣихъ углахъ на другой сторонѣ находилось по одному мальчику, лѣтъ 8, или 10-ти. Зашумѣлъ оркестръ. Его составляли четыре шамшама, или барабана, и хоръ изъ 450 человекъ. Тамшамы сдѣланы были изъ дерева *кордіа*, не болѣе $2\frac{1}{2}$ фушовъ вышиною, и дюймовъ отъ 10-ти до 12-ти въ поперечникѣ. Для этого выдалбливаютъ опрубокъ дерева, и одну сторону его обшиваютъ кожей ящерицы, прикрѣпляя ее кокосовыми плетущками, такъ, что выходитъ грубое подобіе нашихъ барабановъ. Музыкантъ бьетъ пальцами, держа шамшамъ въ вертикальномъ положеніи. Дыры, подѣланные въ другомъ концѣ шамшама, похожемъ на рѣшето, уравниваютъ звуки и усиливаютъ густоту ихъ.

Пляска вначалѣ была весьма тихая, состоя изъ пріятныхъ движеній руками, локтями и ногами. Но понемногу, соображая свои движенія съ скоростью музыки, плясуны стали двигаться сильнѣе, быстрѣе. Пѣвцы сперва сопровождали своими головами всѣ выходки плясуновъ, но потомъ они умолкли, впадая иногда въ музыку соло, или дуэтомъ, на что вся толпа присутствующихъ отвѣчала по временамъ общимъ хоромъ.

Изъ трехъ плясуновъ, бывшихъ на сценѣ, взросло и двухъ мальчиковъ, старшій, корифей пляски, былъ красивый, стройный мужчина. Заботливость о красотѣ своей и употребленіе папа придали ему чрезвычайную бѣлизну, немало возвышавшую его природную красоту. За то, нарядъ не могъ его украсить, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ Европейца. На головѣ его было множество накладныхъ бѣлыхъ, хорошо завишыхъ волосовъ, составлявшихъ странную противоположность съ его собственными, прекрасными, черными волосами. Волосами также украшены были его руки и ноги. Всю одежду составлялъ поясъ изъ бѣлой шкани.— Одежда дѣшея, съ нимъ плясавшихъ, была щеголеватѣе и страннѣе. На одномъ надѣта была высокая, украшенная перьями шапка. Отъ широкаго бѣлаго пояса висѣли спереди два конца, а чешыре другія плешушки, съ привязанными къ нимъ пучками черныхъ волосовъ, на бѣлыхъ, деревянныхъ кружечкахъ, нисходили до колѣнъ. По поясу, по рукамъ и ногамъ были такія-же украшенія. Въ обѣихъ рукахъ, какъ будто букеты, держалъ онъ пучки

бѣлыхъ волосовъ. — На другомъ мальчикѣ надѣта была по головѣ повязка, изъ толстой, бѣлой ткани, и сверхъ нея вѣнокъ изъ черныхъ перьевъ, надъ которымъ видно было еще украшеніе изъ бѣлой ткани, сложенное спереди, а сзади распущенное, какъ будто огромная кокарда, или павлиный хвостъ. Ничего неможесть быть красивѣе и изысканнѣе на взглядъ сего дикаго и своеправнаго убора. Ожерелье плясунишка состояло изъ пучковъ блестящаго, пахучаго лѣана, перемѣшанныхъ съ цвѣтами Капскаго жасмина. Поясъ его, или маро, изъ бѣлой ткани, тщательно сложенный, былъ перевязанъ шакою-же вязаницею цвѣтовъ и лиснѣевъ.

Едва кончилась пляска мужчины и мальчиковъ, толпа женщинъ, болѣе 30-ти, или 40 числомъ, появилась отдѣльно на нижнемъ пропшурѣ. Онѣ начали пѣніе, глухимъ, однообразнымъ голосомъ, сильно дѣйствующимъ на нервы и составляющимъ общую характеристику всѣхъ дикихъ пѣсень. Ничто не можешь выразишь впечатлѣнія, производимаго эшимъ пѣніемъ, жалобнымъ, дрожащимъ, спройнымъ, унылымъ. Записные пѣвцы здѣшніе, называемые *каіон*, въ одно время поэты, композиеры и исполнители. Предметами пѣсень ихъ бывають важныя военныя событія, или какіянибудь необыкновенныя приключенія, напримѣръ, прибытіе корабля. Пѣвцы обыкновенно идуць изъ поколѣнія въ поколѣнія въ извѣстныхъ семействахъ. Впрочемъ, поэзія сихъ первобытныхъ племенъ неочень спыдлива и неразборчива на слова.

Подобно дикарямъ, она ходишь нагая, и самыя эрошическія выходки приобретають ей наиболѣе успѣха. Для праздника, мною видѣннаго, сдѣланы были продолжительныя и важныя приготовленія. Уже нѣсколько мѣсяцевъ, хоръ молодыхъ дѣвушекъ, отдѣленный самымъ спрогимъ шабу, занимался изученіемъ пѣсни, которую пѣлъ онъ шенерь, и кошорая составляла главный предметъ собранія, причемъ пляски были только дополненіемъ. Судя по воспоргу, производимому хоромъ, должно полагать, что Нукагивцы слушали въ этотъ день пѣснь какого нибудь Океанійскаго Омира, или Тиршея. Даже на меня, Европейскаго варвара, этотъ *уни-сонъ* голосовъ, эта *мелопея* языка, рѣмъ, порядокъ пѣнія, хотя глухаго и страннаго, произвели впечатлѣніе, нелишенное пріятности.

Порядокъ и чинность царствовали въ собраніи, не смотря на общую веселость. Но едва пѣніе кончилось, каждый бросился къ намъ съ докучливымъ, хотя и добродушнымъ любопытствомъ. Какъ ни величественны были пляски, какъ ни уладительно пѣніе, но я, Европейская рѣдкость, былъ однакожъ для дикарей самымъ занимательнымъ предметомъ. Боясь, что меня заперебьютъ, какъ Пука, засыплю въ вопросами, на кошорые я не найду отвѣта, лучшимъ средствомъ спасенія почелъ я бѣгство, и благополучно добрался до корабля, сопровождаемый нѣсколькими новыми провожаемыми, приславшими къ прежнимъ.

Первый опытъ прогулокъ, столь пріятный, разохошилъ меня продолжая ихъ. На другой день

опиравился я осмопрѣнь долину *Taioa*, находящуюся на западъ отъ залива, гдѣ стояла наша Океанія. Филисъ на сей разъ былъ со мною, и Моррисонъ провожалъ насъ, сопровождаемый нѣсколькими дикарями, обитателями стороны, въ которую мы опиравлялись. Мы проплыли подлѣ скалы, находящейся при входѣ въ гавань и называемой *Сторожевая* (la Sentinelle). Тушъ, смотря на прибой волнъ къ утесу, яростно устремлявшихся и иѣнисно отраженныхъ отъ него, мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы какое нибудь живое существо, какая нибудь лодка дерзнули приблизиться къ этой Харибдѣ, безъ неминуемой гибели. Но каково было мое удивленіе, когда съ нашей шлюпки усмопрѣлъ я, среди водяной пыли волнъ, островитянина, искавшего въ утесахъ скалы раковинъ и черепакожныхъ! Онъ добрался шуда вилавъ, ловко пробившись сквозь бурунъ. Эти Океанійцы сущія рыбы.

Восточный выперокъ быстро принесъ нашу шлюпку ко входу залива *Таіоаскаго*, куда проходилъ узкимъ пронокомъ, обставленнымъ ужасными стремнинами, отвѣсной вышины почти 2000 футовъ. Заливъ дѣлился на два бассейна. Ближній къ морю, съ хорошо стоянкою для кораблей, окружаемая необитаемыми холмами, покрытыми травой и кустарникомъ; другой, внутренній, окруженъ прелестною полукружіемъ долиною, гдѣ видны хижины туземцевъ подъ кронами кокосовъ, авокаровъ, пандановъ, гибисковъ, баррингтоній, инкарповъ, и проч.

Когда мы вошли въ эпой въ второй бассейнъ, главный изъ всѣхъ нашихъ соучениковъ, старый жрецъ *Тагуа*, вздумалъ поспрашивать своихъ земляковъ, жителей селенія, при кошоромъ надобно было намъ выйти. Онъ велѣлъ всѣмъ бывшимъ съ нами Нукагивцамъ спряхаться подъ шлюпочныя скамейки, такъ, что на шлюпкѣ, казалось, никого нѣтъ, кромѣ Европейцевъ. Едва замѣтили эпожишели, уже шедшіе къ намъ навспрѣчу, какъ со спрахомъ побѣжали обратно въ свои хижины, выводили изъ нихъ женъ и дѣтей, и поскорѣе спѣшили удаляться внутрь ошрова. Безъ сомнѣнія, такой ужасный спрахъ происходилъ отъ убійственной и враждебной высадки въ эпомъ мѣспѣ какого нибудь Европейскаго кишолова, оспавшейся въ памяти дикарей. Какъ-бы то ни было, но бѣгство было гошово, и его оспановило только появленіе въ шлюпкѣ *Тагуа* и спряхавшихся дикарей, награждавшихъ себя за шушку громкимъ смѣхомъ. Они призывали земляковъ своихъ по именамъ, кричали имъ, и не думая болѣе о побѣгѣ, испуганные дикари первые смѣялись надъ оспроумными запѣями спараго жреца.

Мы прямо пошли подъ госпепрімный кровъ его. Я подарилъ спарику разныя бездѣлки, и въ благодарность за то, онъ ошдарилъ меня красивымъ вѣеромъ изъ ивовыхъ прущиковъ, полукруглой фигуры, выбѣленнымъ извешкою, съ черенкомъ изъ крѣпкаго чернаго дерева, ошлично полированнымъ. Хижина *Тагуа* была обширнѣе всѣхъ донинѣ оспрошрѣнныхъ мною на оспровѣ. По срединѣ видѣнъ

былъ ящикъ, похожій формою на лодку, съ крышкою, искусно сдѣланною, обвязанный множествомъ покрововъ. Въ семъ ящикѣ хранились останки человѣка, милаго спарику — сына, умершаго за нѣсколько лѣтъ. Его поддерживало деревянное подножіе, въ два, или три фута вышиною. Кромѣ того увидѣлъ я два, или три большіе барабана; хорошо изваяннаго идола бога войны, возимаго дикарями въ лодкѣ, если бываетъ бѣдѣ на морѣ; военную дубину, убранныю волосами, копья, сѣкиры воинскія, каменный топоръ, и другія орудія и убранства.

Изъ дома Тагуа оправились мы гулять по селенію. Оно было опрятно, многолюдно и правильно построено. Главная улица, широкая и прямая, пересѣкалась по поламъ красивымъ пошохомъ, быстро стремившимся въ море. Каждая хижина имѣла подлѣ загородку, усаженную плодовитыми деревьями, и у каждой было по небольшому стаду свиней. Все показывало здѣсь обиліе и довольство.

Тутъ увидѣли мы морай, гораздо опрятнѣе Таійскихъ. Тагуа (это названіе по-Нукагивски значить: *священникъ*) проводилъ насъ въ сіи капища, гдѣ былъ онъ главнымъ жрецомъ. Одно изъ нихъ, построенное на каменномъ помостѣ, казалось главнымъ изъ всѣхъ. Тутъ увидѣли мы огромнѣйшаго идола, грубо сдѣланнаго изъ деревяннаго обрубка и заваленнаго приношеніями—кокосами, плодами хлѣбнаго дерева, и другими вносами добродѣтельныхъ дашелей. На разстояніи, какъ можно

бросивъ камень, подъ тѣнистыми деревьями, видна была гробница. На помостѣ, футовъ 20-ти квадратныхъ пространствомъ и футовъ $4\frac{1}{2}$ въ вышину, сдѣланномъ изъ широкихъ и тяжелыхъ камней, находился голбецъ, футовъ 6, или 8 мъ въ длину, поддерживаемый 40-ю столбами. На немъ лежалъ покойникъ, въ ящикѣ, похожемъ на находившійся въ хижинѣ Тагуа. Далѣе замѣтили мы другой морай, или, какъ говорилъ нашъ провожатый, «домъ шабу.» Во внутренности небольшой загородки видны были статуи, на каменныхъ подставкахъ при нелѣпые идола, одинъ лицомъ къ сѣверою, а два въ другія стороны. Почтеніе дикарей къ этимъ уродамъ показалось мнѣ неслишкомъ велико; многіе изъ нихъ брали своихъ кумировъ и вертели, какъ угодно, говоря, что они уже не ребяща, и боясь ихъ нестишающъ необходимою.

Опять «домъ шабу» находился отсюда шагахъ въ 30-ти; только это не было уже капище—статуя былъ почтенный дикарь больной; женщины окружали жилище его, плакали и вопили на всѣ манеры, а тагуа собрались къ нему помогать въ болѣзни, только не Медициною. вмѣсто лекарствъ и рецептовъ, они колдовали надъ нимъ и заклинали смерть, ему угрожавшую. Собравшись въ кружокъ подлѣ одра умирающаго, эти мошенники плясали, кривлялись, прыгали, были жалобно, рѣзали себя острыми камнями. Такой бѣсовскій балетъ продолжался, пока умирающій испустилъ послѣдній вздохъ. Жрецы извѣщающъ объ этомъ ужаснымъ общимъ ревомъ.

Когда смерть уже очевидна и несомнительна, приносясь нѣчто въ родѣ носилокъ, успиранныхъ изъ копій и другихъ военныхъ орудій, связанныхъ лановыми веревками. Покрывши эти носилки рогожками, спавяя ихъ въ ближнемъ къ умирающему домѣ. Между шѣмъ приготавливаютъ трупъ, надевая на него новое платье, кладутъ его потомъ на носилки, и на нихъ оспавяется онъ нѣсколь-ко дней. Друзья и родня безпрестанно сперегуя его, по ночамъ зажигая вокругъ него факелы, а жрецы поютъ во все это время погребальные гимны. Главнѣйшее дѣло между здѣшними дикарями пиръ, который обязано дать семейство покойника; усройство и роскошь его должны соотвѣтствовать состоянію мерзвца. Приглашенія дѣлаются предвари-тельно, посредствомъ нарочныхъ, богато одѣтыхъ, и держащихъ въ рукахъ длинныя палки съ семью ло-скупами шкани. Эти нарочные бѣгають вездѣ, зо-вуть старшинъ и почешныхъ людей, называя пригла-шаемаго по имени при дверяхъ его жилища, и сказы-вая ему о предметѣ своего посольства словами: *Ту-ки*, крапкими но выразишельными. Всѣ, приглашен-ные гостуются къ пиру жестокимъ постомъ, такъ, что въ окрестностяхъ дома, куда сходятся всѣ они, не смѣютъ даже зажигать огня для изгото-вленія кушанья. Пѣніе жрецовъ прекращается, ког-да празднество совсѣмъ гостово. Полуослуженныя кушанья шавя изъ печей. Старшій въ семействѣ покойника рѣжетъ въ куски свиное мясо бамбуко-вымъ ножомъ, и ошдѣляетъ онъ косней ошрымъ камнемъ. Свиная голова, по безспорному праву,

передается старѣйшему жрецу, но онъ не лишается однакожь права на выборъ другихъ, лучшихъ кусковъ. Остальные учаски дѣлятся между главнѣйшими начальниками, а шѣ приглашаютъ уже своихъ подчиненныхъ къ дальнѣйшему дѣлежу. За шѣмъ приносятъ деревянныя чаши, наполненныя различными ѣствами, соспавленными изъ плодовъ хлѣбнаго дерева, кокосовъ и банановъ. Тушъ разыгрывается пиршество; взаимно возбуждаютъ другъ друга госпи, ѣдятъ, сколько есть силъ, и когда ни мясу, ни плодамъ нѣтъ уже мѣста въ желудкѣ, осташки каждый госпъ опкладываетъ въ сшорону и несетъ домой, или берегутъ ихъ для другаго пира, пошому, что погребальное обжорство нерѣдко продолжается чешыре и пять дней.

На каждомъ шагу въ занимательной прогулкѣ нашей, мы находили что-нибудь доспойкое замѣчанія или обозрѣнія. Мораи, дома шабу шо и дѣло предспавлялись намъ. Капища всѣ походили на видѣнныя нами; въ нихъ замѣчали мы, шо одного огромнаго урода-идола, шо множество маленькихъ уродцевъ, но шѣ и другіе были равно завалены приношеніями. Однакожь, чѣмъ далѣе шли мы внутрь оспрова, шѣмъ огромнѣе являлись намъ сіи памянники. Такъ дошли мы наконецъ до зда-нія, огороженнаго весьма прочною каменною спѣною. Широкій входъ, съ нѣсколькими большими ступеньками, велъ въ эшошъ правильный чешыреугольникъ. Камни обличавшіе собою глубокую древность, были сложены шущъ съ большимъ искушвомъ; нѣкошорыя изъ нихъ были по шеспи фу-

шомъ квадрашныхъ, при двухъ и трехъ толщины. Для кладки ихъ надлежало имѣть механическія пособія, о кошорыхъ нынѣшніе Нукагивцы пошеряли поняшіе. Внутренность части сего зданія, покрытой кровлею, представляла также работу замѣчательную. Потому, что находилось въ этомъ зданіи—кучѣ военныхъ орудій, коній, мушкетовъ, тканей, рогожекъ, легко было замѣнить, что это жилище богатаго и знашнаго человека.

Упомянутый ворошилъ я съ этой прогулки въ прекраснѣйшей, какую едва можно себѣ вообразить, обласни. Филипсъ сопровождалъ мнѣ только при началѣ. Въ первой хижинѣ, гдѣ замѣнилъ онъ какую-то красавицу, силы его исчезли, будто у Телемака на островѣ Калипсы. Я негодился въ его Меншоры. «Плышите куда угодно—сказалъ мнѣ Филипсъ—мы сойдемся на приспани, пообедаемъ шамъ подѣшную кокосовъ, у ручейка и отправимся, вмѣстѣ домой.» Дѣйствительно, я нашелъ его въ назначенномъ мѣстѣ, и мы принялись за обѣдъ, окруженные полною дикарей, забавлявшихся каждымъ нашимъ движеніемъ и каждою подробностью нашего обѣда. Наши оловянные вилки, наши бушылки и ножи, казались имъ изумительными новосіями. Каждый кусочекъ, отдѣленный нами для нихъ, производилъ между ними радость, воспоргъ, хохотъ. Не споря за то, что имъ давали, они дѣлили между собою подачку на малѣйшія крупинки, чтобы каждому досталось отведать, что такое ѣдятъ бѣлые. Добродушіе, ошкровенность, смѣшная веселость казались общими свойствами этого народа. Когда мы

опправлялись, все народонаселеніе долины сполнилось подлѣ насъ; вплавъ переплывали на нашу лодку запасы, купленные Филисомъ, и когда мы поплыли наконецъ—громкій крикъ былъ прощальнымъ привѣшомъ дикарей.

Уже съ недѣлю находились мы на приспани Таіо-Гае, и не смотря на обѣщаніе хорошей плавы, снаряженіе и заботу добраго Гаапе, мы не могли запасти провизію. Все, что успѣли доставить намъ туземцы, раззоренные продолжительною войною, состояло въ дюжинѣ свиней. Марша 20-го, видя, что успѣха ждешь нѣчего, Пендлешонъ рѣшился перейти къ землямъ Таи-Пійскимъ, въ заливъ Уми, гдѣ надѣялся онъ большаго обилія.

Океанія вышла въ море и лавировала при сильномъ воспочномъ вѣтрѣ для достиженія Уми. Въ одинъ изъ нашихъ галсовъ (*bordées*), мы подошли почти къ подножію острова *Руа-Пуа*, лежащему въ 2-хъ, или 3-хъ миляхъ, высокому, романтическому собранію остроконечныхъ утесовъ, будно шпицы возносящихся къ небу. Марша 21-го спали мы въ заливѣ Уми, гораздо менѣе надежномъ и спокойномъ, нежели заливъ Таіо-Гае, по причинѣ глубины, даже подлѣ самыхъ береговъ его. Укрѣпясь на якоряхъ, мы обратили наши взоры на берегъ и увидѣли его въ непріязненномъ состояніи. Тушъ невидно было, какъ въ заливѣ, только что оспавленномъ нами, дружескаго нападенія лодокъ на нашу Океанію, такъ, что опъ докучливой пріязни надобно было опбиваться силою. Мершное молчаніе, совершенная неподвижность царствовали

по всему побережью. Казалось, мы спали у безлюдной пустыни. Но взглядываясь съ большимъ вниманіемъ, можно было замѣнить шамъ и сямъ, сквозь древесныя вѣтви, бронзовыя головы, внимашельно надзиравшія за нами. Безъ сомнѣнія, эшо были лазутчики, осмавленные въ арріергардѣ, когда другіе убѣжали въ горы.

Такой пріемъ неудивилъ насъ. Мы предвидѣли его. Нашъ повѣренный и маклеръ между Нукагивцами, Моррисонъ объяснилъ намъ причину непріязни и показать средсва отвращенія ее. Отправясь съ нами, онъ взялъ еще Таи-Нійца, кошорый женился и издавна поселился между жителями окресностей Таю-Гае. Эшошъ дикарь служилъ для насъ посредникомъ между родичами, ибо права единоплеменства свято уважающаеся между здѣшними дикарями. Онъ отправился на берегъ съ Моррисономъ, изъясняя, съ какими мирными намереніями пришли мы въ Умискій заливъ. Въ нѣсколько минутъ заключены были миръ и дружба. Опасеніе смѣнилось довѣренностью, безмолвіе радостнымъ шумомъ. Какъ будто по мановенію волшебнаго прушика, ожило приморье. Тысячи дикарей, словно Сильваны, выпрыгнули изъ за-деревьевъ; на море спустились множество лодокъ, и вскорѣ палуба Океаніи покрылась мужчинами и женщинами, а что еще лучше было — запасами всякаго рода. Почешный людъ не замедлилъ посѣпить насъ. Первый изъ такихъ, къ намъ явившійся, былъ первосвященникъ, снаршій надъ всѣми шагуями и сопровождаемый первымъ гражданскимъ снаршиною. Лобъ и виски архи-ша-

гуа были украшены плешушками изъ бѣлыхъ и красныхъ перьевъ. Сановникъ эшошъ подарилъ насъ разгадкою спреха, причиненнаго нашимъ явленіемъ. Послѣ торжественнаго пріема нашего, начальники Гапайскіе прислали нарочныхъ къ Таи-Пійскому царю, извѣщая его, что вскорѣ наступитъ часъ гибели ему и его народу; что корабль Поршера вошелъ и вошелъ въ шѣсный союзъ съ Гапа и Таи, и что на слѣдующей недѣлѣ, бѣлые придутъ къ нимъ съ моря, между шѣмъ, какъ Гапа и Таи пойдутъ сухимъ путемъ, съ сильнымъ войскомъ. Испуганные такими угрозами, Таи-Піи только и помышляли о средствахъ защиты, и даже начали черезъ долину свою каменное укрѣпленіе. Къ эшому изъясненію дикарь прибавилъ: «Теперь все хорошо; вы пришли мирно; вы привезли съ собой земляка нашего Тамаге. Наша долина и все, что у насъ есть, все ваше. Можете идти на берегъ, гулять тамъ въ полной безопасности и брать что вамъ понравится. Мы друзья ваши.»

На такія рѣчи нельзя было слишкомъ довѣряться, пошому, что Таи-Піи славятся своимъ звѣрствомъ, вѣроятно, въ слѣдствіе какихъ нибудь прежнихъ опытовъ. Въ слѣдствіе сего, Пендлешонъ велѣлъ принять всѣ предосторожности. Запрещено было даже мапрозамъ удаляться отъ приморья, когда они сойдутъ на землю, за припасами, или за водою.

Но это общее табу до меня некасалось. Въ тотъ-же день, воспользовавшись поѣздкою шлюпки,

я немогъ отказаться отъ предложенія прогулки внутрь острова. Одинъ изъ служителей архи-шагуи предложилъ проводить меня къ царскому жилищу въ долину, и хотя сношенія наши съ туземцами небыли еще опредѣлены, я принялъ предложеніе безъ запинки. Я разсуждалъ такъ, что подъ пушками Океаніи, едва опомнясь отъ страха, причиненнаго даже ложною тревогою, дикари не смаялись шевеливаться, и особливо накликавъ на себя жестокое мщеніе за убійство одного, и безъ всякой пользы. Мы отправились съ дикаремъ. По дорогѣ видѣлъ я произрастаніе, подобное тому, которое и прежде меня удивляло, и такъ-же, какъ въ Таіо-Гае, тамъ и здѣсь замѣчалъ я зданія, построенныя съ религіознымъ назначеніемъ — гробницы, съ деревянными гробовыми ящиками; моран, съ ихъ идолами, изъ коихъ нѣкоторые были покрыты зеленымъ мохомъ; дома шабу, принадлежащіе почешнымъ дикарямъ.

Такъ добрались мы до шагуа, или мѣста народныхъ сборищъ у Таи-Пійцевъ, отдаленнаго на милю отъ приморья, столь-же пространнаго, правильнаго и хорошо содержимаго, какъ Гапайскія мѣста собраній. Неподалеку отсюда находился домъ, и на вѣншемъ каменномъ помостѣ его лежала дикарка, по видимому, весьма больная. *Магі-оа, магі-оа* (больна, больна)!» отвѣчала она на вопросъ моего спутника. Скоро шли мы пошомъ къ царскому морая, и нѣсколько разъ, при встрѣчѣ съ извилинами потока, бѣгущаго по долину, спина моего провожащаго служила мнѣ для перепра-

вы черезъ воду. Мы были уже почти при цѣли нашего спранспивованія, когда внезапно подбѣжалъ къ намъ дикарь, казалось, съ усиліемъ догонявшій насъ нѣсколько времени. Мнѣ онъ не сказалъ ничего, но сердито взглянулъ на моего чичероне, произнося нѣсколько грубыхъ и опривисныхъ словъ. Мой товарищъ перемѣнился въ лицѣ, оборошилсѣ ко мнѣ, и сказалъ: « Уйдемъ! » Мнѣ хотѣлось узнать причину такой неожиданной перемѣны — « Пойдемъ, пойдемъ поскорѣе назадъ! » было единственнымъ отвѣтомъ. Сопутникъ мой схватилъ меня за руку, принуждая идти назадъ. Я повиновался. Между тѣмъ, въ обратномъ пути я не замѣчалъ никакой перемѣны въ физіогноміяхъ, встрѣчавшихся съ нами. Безпрерывно видѣлъ я по прежнему только смѣющіяся рожи и дружескія привѣтствія. Едва только немногіе поглядывали на меня печально и угрюмо. Изъ числа такихъ особѣнно замѣтилъ я рослаго дикаря, сидѣвшаго въ обществѣ идоловъ, въ какомъ-то домѣ шабу, и отвѣчавшаго на мой привѣтъ гримасою, точно бѣсовскою. Каждый разъ обращался я при такихъ встрѣчахъ къ моему проводнику. Онъ отвѣчалъ унылымъ: *Ка-кино* (худо)! и толкалъ, тащилъ меня, понуждая идти скорѣе. Наконецъ, по добру, по здорову достигли мы берега; только я едва не адыхался опъ усалосни. Видя меня въ безопасности, мой услужливый дикарь скрылся, и никакъ немогъ я узнать причины, побудившей его къ поспѣшному возвращенію меня. Было-ли это слѣдствіе ложной тревоги, распространенной Гапами?

Не могъ-ли я застать дикарей, можетъ быть, за человѣческимъ жертвоприношеніемъ, или увидѣшь еще свѣжіе слѣды такого варварства? Незнаю ничего, кромѣ одного обстоятельства, что я достигъ берега напуганный и до-смерти уставшій.

Заливъ Уми, образуя самую восточную часть обширнаго залива, находящагося на Ю. В. берегахъ Нукагива, подраздѣляется на двѣ бухты; одна, въ срединѣ, *Гака-Гаа*, лежитъ близъ неупральныхъ земель Гапа и Тай-Пии; другая совсѣмъ къ западу, *Гака-Паа*, омываетъ земли Гапа. Принужденный вездѣ искать запасовъ, Пендлешонъ послалъ шлюпку въ Гака-Пааскую бухту, и я сопровождалъ посланнаго имъ офицера.

Мы обошли сначала восточный край Гака-Гаа, утесистый полуостровъ, одѣтый зеленью. Тупъ въ глубь другой бухты, называемой Кака-Пае, на узкомъ прибрежьи, омываемомъ съ одной стороны моремъ, съ другой задвинутомъ высокою скалою, увидѣли мы селеніе, на которое какъ будто спремился ниспастъ водопадъ, мчавшійся съ вершины скалъ. Рыбачьи лодки лежали тупъ по берегу, и въ числѣ ихъ находилась одна военная, замѣтная по черепамъ Тай-Пійцевъ — трофеямъ послѣдней войны.

Снова были мы тупъ у спарыхъ пріятелей Гапа, и едва только замѣшили насъ, какъ все народонаселеніе бросилось къ намъ на встрѣчу. Насъ повели къ Тагуа-Тини, духовному спаршинѣ этого народа, какъ Пиа-Роро былъ его гражданскимъ начальникомъ. Его жилище находилось въ срединѣ селенія, на по-

мостѣ, окруженномъ великолѣпными деревьями. Мы увидѣли почтеннаго сшарца, высокаго, сшройнаго, съ благороднымъ, спокойнымъ лицомъ. Онъ принялъ насъ съ почтительною важностью и папріархальною просшпошою. Сидя въ углубленіи своей хижины, на широкой рогожкѣ, онъ былъ окутанъ большимъ лоскутомъ бѣлой шкани. Сверхъ этой одежды, узкій плащъ, изъ шкани болѣе крѣпкой, прелестнаго алаго цвѣта, драпировалъ его, ниспадая съ плечъ на колѣна, укрѣпляясь на груди широкимъ узломъ. Бѣлая повязка была на лбу его, и волосы его, связанные въ два пука, укрѣплялись леншами такой-же шкани. Все это вмѣстѣ внушало почтеніе и засшавляло повиновашься ему.

Перекинувъ нѣсколько словъ, Тагуа-Тини предложилъ намъ закуску, а мы поднесли ему нѣсколько бездѣлокъ. Тушъ все семейство его, жившее въ ближней хижинѣ, вступило въ хижину, гдѣ мы были. Семью Тагуа-Тини составляли жена и чешыре дочери, изъ кошорыхъ младшей едва-ли было 14-ть, а старшей съ чѣмъ нибудь 20-ть лѣтъ—всѣ замѣчательной красшны. Только по скромному виду и благородству въ осанкѣ можно было угадать происхожденіе эшихъ красавицъ, а совсѣмъ не по сходству съ видомъ, или цвѣтомъ шѣла опцовскаго. Дикарки эти были почти бѣлыя, а почтенный ошець, съ его шашуированною кожею, былъ шочь въ шочь Мозамбіецъ, или Малгашъ. Одежду красавицъ, какъ всѣхъ до сихъ поръ видѣнныхъ мною Нукагивокъ, составляли лоскуты и покршмки бѣ-

лой шкани, красиво расположенныя около шѣла и миленькихъ личиковъ ихъ.

Подлѣ жилища Тагуа-Тини находился морай, самый огромный и красивый изъ всѣхъ видѣнныхъ мною. На каменномъ помосиѣ, окруженномъ пандановымъ плешнемъ, было мѣсто для сбрасыванія костей шѣхъ несчастныхъ, которыхъ приносили въ жертву, оставляя попомъ шѣла ихъ гниѣть на жертвенникѣ. Пропивъ него, въ колодѣ, кошорая съ одного конца была украшена грубо сдѣланною, безобразною головою, лежала одна изъ жертвъ — безобразный трупъ, до того изгнившій, что едва можно было различить въ немъ нѣкоторое подобіе человѣческое. Подлѣ возвышался на подножіи идолъ, утучненный кровью сей жертвы. Направо видѣнъ былъ *тапапау*, или погребальница, гдѣ лежалъ трупъ, заражавшій воздухъ зловоніемъ; налѣво еще алшаръ, съ парюю кумировъ. По полу разбросаны были всюду приношенія идоламъ — кокосовые орѣхи, хлѣбнаго дерева плоды, рыба, куски свинины, двѣ собаки, пригошовленные къ пожранію, но уже пожираемые мухами и издающія смердящую вонь.

Съ спѣсненнымъ сердцемъ спѣшили мы онѣмъ позорища человѣческихъ заблужденій. И какъ будто для пропивоположности опврашительному зрѣлищу, природа раздвигала въ его окрестностяхъ самыя веселыя, самыя поржесшвенныя красоты свои! Сквозь купы свѣжей, яркой зелени, мы увидѣли падающую съ вершины ушесовъ серебряную скаптерть водоскапа; онѣ лился послѣдовательными прыж-

ками, полузаперянный въ изломахъ скалъ и въ густомъ кустарниковъ ; попомъ, соединяя всю мощь свою на гребнѣ одного утеса, падалъ онъ вдругъ съ высоты 300 фузовъ, и сливался въ обширномъ бассейнѣ, резервуарѣ долины.

Прекрасно было зрѣлище, но день вечерѣлъ, и подобно было думать о поворотѣ на корабль. Мы уже стояли на берегу, когда къ намъ приблизился какой-то дикарь. Это былъ одинъ изъ почешныхъ начальниковъ, оплеченный видомъ и приемами, человекъ лѣтъ подъ сорокъ. Онъ учтиво просилъ насъ завернуть къ нему на нѣсколько минутъ и немного освѣжиться. Мы согласились. Намъ предложили кокосовъ и другихъ вкусныхъ плодовъ. Все семейство хозяина находилось при нашемъ угощеніи, но не смотря на ласковость, и на то, что приемъ и угощеніе насъ доставляли добрымъ дикарямъ явное удовольствіе, я замѣнилъ признаки печали и праура, слезы почти у всѣхъ на глазахъ, и никакъ не догадался-бы о причинѣ такихъ противоположностей, если-бы Моррисонъ не изъяснилъ мнѣ семейной шайны. Года за два, или за три до нашего прибытія, Американскій корабль приспалъ въ заливѣ Уми, какъ будто желая вступитъ въ сношенія съ шужемцами. Гошювые предупредили чужеземцевъ, семеро дикарей бросились въ лодку и приспали къ кораблю, оснановившемуся въ ошкрыномъ морѣ. Только этого и ждалъ крейсеръ. Всѣхъ семерыхъ допустили взойдши на палубу. Двое попомъ вырвались и уплыли въ своей лодкѣ; попомъ еще двое броси-

лись въ море, и съ большимъ трудомъ спаслись вплавь. Но проихъ успѣли задержать на кораблѣ. Въ числѣ ихъ былъ молодой дикарь, лѣтъ 20-ти, единственный сынъ нашего хозяина, предметъ скорби всего окружавшаго насъ семейства — матери, сестры, жены. Безсовѣстнымъ, хищническимъ образомъ, бѣдный молодой человѣкъ былъ вырванъ отъ родныхъ и друзей. Вѣроятно, поверстанный въ мапрозы, онъ, сынъ начальника Нукагивскаго, счастливый въ любящей его семьѣ, долженъ былъ погибнуть въ трудахъ и путешествіяхъ по отдаленнымъ морямъ. Видя скорбь, столь законную, столь естественную, мы были разстроганы, спарались утѣшить нашихъ хозяевъ надеждой на возвращеніе сына ихъ, обѣщали имъ даже употребить всѣ средства къ его возвращенію, если гдѣ нибудь успѣемъ встрѣтить его.

Подобное похищеніе дикарей Европейскими кораблями не единственное и рѣдкое событіе. Обыкновенно, замѣчая недостатокъ людей на кораблѣ, отъ побѣговъ, или отъ болѣзней, шкиперъ приспаетъ къ какому нибудь острову, захватываетъ туземцевъ, увозитъ ихъ, и сколько можетъ приучаетъ замѣняя недостатокъ болѣе опытныхъ. Несчастный плѣнникъ можетъ негодиться, неумѣетъ приучить себя къ тяжелой и бѣдной жизни мапроза, умираетъ черезъ два, три мѣсяца послѣ похищенія, отъ тоски по родинѣ, или истощенія силъ — что за дѣло! Трупъ кинутъ въ море, а убывъ замѣняетъ новымъ дикаремъ — вмѣсто Нукагивца будешь Ново-Зеландецъ, Каролинецъ, Па-

пуюць, жишель Таиши, или Тонга. Мспя за шакое злодѣйство, дикари захвапывають Европейцевъ и эшо поддерживають непрерывныя насилія и ненависть, споль часто знаменующія собою плаванія Европейцевъ въ Океанійскихъ моряхъ.

Поѣздки наши въ разныя мѣста острова подкрѣпили доспамошно наши запасы, и Пендлемонъ рѣшился выйдти въ море 24-го Марша. Тѣмъ болѣе снѣшилъ онъ, что ему хопѣлось приспашь мимоходомъ у *Тао-Вати*, для нѣкопрыхъ гидрографическихъ изслѣдованій. Тао-Вати принадлежитъ къ числу острововъ, долго извѣстныхъ подъ именемъ *Маркизскихъ*, первоначально ошкрытыхъ Миндана, попомъ видѣнныхъ Кукомъ, и наконецъ осмошрѣнныхъ Вильсономъ и Фаннингомъ.

И шакъ, на другой-же день, захвапывая сколько можно болѣе вѣпра, быспро понеслась Океанія между *Руа-Гуга* и *Руа-Пуа*, при благопріятномъ направленіи погоды опъ В. С. В. Марша 25-го шли мы въ лѣе разстояніемъ около цвѣшущаго берега *Огива-Гоа*, и черезъ нѣсколько часовъ попомъ вступили въ небольшой заливъ, названный Миндана 3. *Богоматери* (*Madre de Dios*); а Кукомъ 3. *Рѣшительности* (*Resolution*). Эшо небольшое зашишье съ западной спороны острова, заслоненное опъ В. вѣпра, но ошкрытое бурунамъ и вѣпрамъ съ 3. Въ наспоющее время года, на здѣшнемъ морѣ дують иногда жестокіе ураганы С. 3., съ величайшимъ свирѣпствомъ. Попому споянку нашу хопѣли мы ограничить немногими часами, и за шѣмъ дущъ было не попались въ бѣду.

Киполовка наша быспро опдѣлилась ошъ корабля и полешѣла къ берегу. Разумѣется, я былъ ея пассажиромъ; безъ меня ничто недѣлалось. Экипажъ былъ вооруженъ. Самъ Филипсъ командовалъ имъ. Ему приказано было сообщаться съ дикарями оспорожно и недовѣрять имъ, ибо часно показывали они непріязнь свою къ Европейцамъ. Кромѣ того, Пендлешонъ подтвердилъ опнюдь не мѣшкашь, и ворошишь на корабль прежде двухъ часовъ срока. Можно-бы подумать, что опытный морякъ предчувствуетъ невзгду. Неопредѣленные шквалы, пролепавшіе по временамъ, неказались опасными, но видъ неба, моря, земли, предрекалъ что-то страшное, и гавань, всегда оживляемая лодками дикарей, была теперь пуста.

Беспечно, нераздѣляя заботливости капишана, мы пристали съ нашею киполовкою въ маленькомъ заливѣ, окруженномъ утесами. Толпа дикарей пѣснилась на пристани. Они окружили насъ, едва спутили мы на берегъ. Ошибиться было тутъ невозможно. Одинакій щипъ съ Нукагивцами, таже одежда, тѣже нравы, тотъ-же языкъ. Обхождение съ нами казалось ласковымъ и пріятнымъ. На опушкѣ побережья увидѣлъ я нѣсколько хижинъ, совершенно похожихъ на видѣнныя мною недавно. И между тѣмъ, не смотря на всѣ сходства и соство, величайшее ошращеніе раздѣляетъ Тао-Ваши и Нука-Гива. Когда напоминалъ я нѣкоторымъ изъ оспровишанъ о Таи-Пи, чувство свирѣлой ненависти являлось на ихъ лицахъ. « Если-бы не вы, бѣлые, но Таи-Пи пріѣхали теперь къ намъ —

говорили дикари — мы давно-бы ихъ побили и съѣли.» — Но можно было опасаться, чтобы наконецъ и мы не показались имъ немножко похожими на Таи-Пи. То, что ни одна лодка дикарей не плыла къ кораблю, могло означать злыя намѣренія. Я спросилъ ихъ объ этомъ, и они указали мнѣ на небо, кошорое точно закрывалось тучами, но все еще не могло быть доспапночно для удержанія такихъ опчаянныхъ пловцевъ. Къ умноженію недо-вѣрчивости нашей, мы услышали, что у насъ украли весло. Тутъ мы приготовились къ опплынію. И время уже было. Ободренные маленькимъ похищеніемъ, дикари явно хотѣли остано-вить нашу шлюпку. Надобно было приняться за угрозу ружьями, чтобы заспавить ихъ разбѣжаться. Въ то же время съ Океаніи раздался выспрѣлъ, и мы увидѣли на ней флагъ, показывавшій готовность къ опплынію. Якорь былъ поднятъ и паруса распускались. При совершенномъ и тяжеломъ безвѣтріи, всѣ шлюпки принялись буксировать корабль, вытгивая его медленно изъ гавани. Тутъ гребцы нашей киполовки принялись работать веслами. Мы полетѣли по волнамъ, не уважая тучи каменьевъ, какую послали въ слѣдъ намъ дикари, опять сбѣжавшіеся на приморье.

Мы догнали Океанію, когда она поравнялась съ крайними точками выхода изъ залива. «На буксиръ, киполовка!» закричалъ намъ Пендлешонтъ, едва только приблизились мы на столько, что могли слышать голосъ его. Часа два продолжалась наша работа, пока мы опплынулись почти на

милю отъ берега. Тутъ все собрались на корабль, и я рассказалъ капишану о непріязненной встрѣчѣ дикарей. « Это вздоръ—оповѣчалъ онъ—и нѣсколькими выспрѣлами мы ошдѣлались-бы отъ ихъ нападений, но по другимъ причинамъ надобно было поскорѣ бѣжать изъ этой ловушки. Посмотрите на небо. Замѣтите, что вѣтеръ отъ В. понемногу переходилъ къ С. В., а потомъ къ С. З.—Слышите-ли глухую пѣсню моря, видите-ли волненіе, когда вѣтра вовсе нѣтъ? Еще до ночи, любезный мой пассажиръ, разыграется нашъ сердитый Океанъ, и пирушка будетъ порядочная—вошъ вамъ слово Пендлемона!

Конецъ V-й части.

ОПИСАНІЕ

рисунковъ, принадлежащихъ къ пятой частии *Всеобщаго путешествія*.

Листы. Изображ.

XXVIII. 193. Видъ приморья, на островѣ *Пилла*, въ архипелагѣ *Бонинѣ—Симсколѣ*, близъ Японіи (ч. V, стр. 16).

XCIX. 194. Портретъ *Кау-ике-ули*, нынѣшняго царя Гавайскаго (ч. V, стр. 47).

195. Часовня, и жилище *Боки*, губернатора въ *Гоно-Руру*, на Гавайскомъ островѣ *Оагу* (ч. V, стр. 39).

C. 196. Портретъ *Наггейны—Гейны*, или *Гарріэпты*, сестры *Кау-ике-ули* (ч. V, стр. 53).

197. Долина *Уаская*, на *Оагу* (ч. V, стр. 68).

CI. 198. Остатки древняго укрѣпленія, близъ нещеръ *Каи-Руаскихъ*, на островѣ *Гаваи* (ч. V, стр. 91).

199. Видъ рѣки *Ваи-Акеа*, на *Гаваи* (ч. V, стр. 105).

СП. 200. Долина *Ваи-Піоская*, на приморьи Гавайскомъ (ч. V, стр. 101).

201. Водопады рѣки *Ваи-Руку*, на *Гаваи* (ч. V, стр. 105).

СIII. 202. Жилище *Миссіонеровъ* въ *Ваи-Акеа* (ч. V, стр. 106).

203. Портретъ *Макоа*, чиновнаго Гавайца (ч. V, стр. 107).

Листы. Изображ.

СIV. 204. Огнедышашія жерла въ долинь *Кирау-Еаской*, на Гаваи (ч. V, стр. 111).

205. Огнедышашія разсѣлины въ долинь *Пуна-Гогоаской*, на Гаваи (ч. V, стр. 126).

CV. 206. Морай, и погребальница царскихъ костей, въ *Гонаунау*, на Гаваи (ч. V, стр. 142).

207. Морай, и царское кладбище, видѣнные Кукомъ, въ 1778 году, на Гавайскомъ островѣ Тауаи (ч. V, стр. 171).

CVI. 208. Внутренность сего морая, могилы и идолы въ немъ (ч. V, стр. 172).

209. Почеспи, какія воздавали Куку на островѣ Гаваи, считая его богомъ *Роно* (ч. V, стр. 174.)

CVII. 210. Корабли Кука передъ Гавайскою гаванью *Ке-ара-кекуа*, 22 Февраля 1779 года (ч. V, стр. 184).

211. Портретъ царя Гавайскаго, *Тамеа-Меа*, снятый живописцемъ Хорисомъ, бывшимъ при Русской экспедиціи, въ 1816 году (ч. V, стр. 226).

CVIII. 212. Семейный морай Тамеа-Меа, въ Ке-ара-Кекуа (ч. V, стр. 225).

213. Портретъ *Нома-Ганы*, одной изъ женъ Тамеа-Меа (ч. V, стр. 246).

CIX. 214. Крещеніе Гавайскаго министра *Караи-Моку*, на Французскомъ кораблѣ Уранія, въ гавани То-вои-Гаи, въ 1819 году (ч. V, стр. 238).

215. Портретъ *Караи-Моку* (ч. V, стр. 239).

CX. 216. Молодая дѣвушка Гавайская (ч. V, стр. 250).

217. Портретъ *Куа-Кини*, губернатора на Гаваи и шестя царскаго (ч. V, стр. 248).

CXI. 218. Гавайская женщина, съ ожерельемъ, или *раи*, на шеѣ и головѣ (ч. V, стр. 266).

219. Гавайскій начальникъ въ военномъ нарядѣ, *маро* (плащъ) и съ *иге* (кошмемъ) въ рукахъ (ч. V, стр. 258).

III

Листы. Изображ.

СХІІ. 220. Народный плачь , по кончинѣ Гавайской царицы Ке-опуо-лани (ч. V, стр. 279).

221. Гавайцы въ шушовскихъ маскахъ (ч. V, стр. 266).

СХІІІ. 222. Дѣтская *гура* , или пляска Гавайцевъ , при звукахъ шамшамовъ (ч. V, стр. 268).

223. Каррикатурная пляска Гавайскаго дикаря (ч. V, стр. 269).

СХІV. 224. Портретъ *Кагу-Маны* , вдовы Тамеа-Меа (ч. V, стр. 235).

225. Крѣпость и гавань *Гоно-Рурская* , въ Маѣ 1825 года (ч. V, стр. 245).

СХV. 226. Изображенія идоловъ Гавайскихъ (ч. V, стр. 271).

227. *Гура* , или пляска Гавайская , при звукахъ калемасъ (ч. V, стр. 268.)

СХVІ. 228. Нукагивскіе воины , изъ племени *Гапа* , въ военномъ вооруженіи (ч. V, стр. 315).

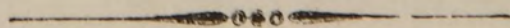
229. Военная Нукагивская лодка (ч. V, стр. 313).

СХVІІ. 230. Морай въ *Таіоа* , на оспровѣ Нука-Гива (ч. V, стр. 329).

Къ сему-же *пятому* пому *Всеобщаго путешествія* принадлежатъ рисунки:

Л. СХІХ, изображ. 235. Видъ селенія въ долинѣ *Таіоаской* , на Нука-Гива (ч. V, стр. 329).

Л. СХХ, изображ. 236. Другой морай *Таіоаскій* (ч. V, стр. 330).

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТОЙ ЧАСТИ.

Стран.

ВСЕОБЩЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. *Океанія: острова Гавайскіе, или Сандвичевы; острова Нукаивскіе, или Маркизскіе.*

ГЛАВА XLV. *Плаваніе отъ Японіи къ островамъ Гавайскимъ, или Сандвичевымъ. Опъѣздъ изъ Іеддо на Японской жонкѣ. Встрѣча съ Американскимъ шунеромъ Океанія. Капитанъ Пендлешонъ. Переходъ на Океанію. Путь до острововъ Гавайскихъ: архипелагъ Бонинъ-Сима — островъ Пилъ, богатства произрастанія, ловля черепахъ. Лейшенантъ Филиппсъ. Спрашиваетъ Пендлешона къ Гидрографіи и досада Филиппса. — Мнимые острова Маргариты. Утесъ Лотова жена. Утесъ Кресно. Множество острововъ на пути. Островъ Морелла. Островъ Покровительства. Скалы Pearl и Hermes. Островъ Лисьянскаго, или Лассіонъ. Утесы Маго. Островъ Гарднеръ. Утесы de Piton. — Острова Гавайскіе. Прибытіе къ острову Оагу.....*

7

ГЛАВА XLVI. *Острова Гавайскіе. Оагу. Городъ Гонолулу—строенія, жилища, странность одежды; аудиенція у Кеу-ике-ули, царя Гавайскаго. Дворецъ, войско, обряды пріема. Визиты придворнымъ. Прогулка въ долину Нуу-Ану. Поездка верхомъ. Княжна Нагей-*

на-Гейна. Царица Ке-куа-ноа. Горе Филиппа. Мѣсто бившвы. Ужась и прелеснь *Пари*. Ужинъ у царя. Ферма Маршини. Соленое озеро. *Ваи-Пити* — развалины капища. Долина *Уа*. Несогласія Миссіонеровъ и Европейскихъ переселенцевъ. Любопытная шаяба. Указъ царя. Мысли о подвигахъ и поведеніи Миссіонеровъ.....

37

ГЛАВА XLVII. *Острова Гавайскіе. Гаваи.* Плаваніе на островъ *Гаваи*. Видъ острова *Кааса-Рса* — Мѣсто смерти Кука. Подземныя пещеры, развалины, укрѣпленія. Происхожденіе волканическаго мыса. Мысь *Упулу*. Храмъ *Макини*. Преданія о древнихъ плаваніяхъ Гавайцевъ — *Міо-Міои*. Разсказъ объ юности Тамеа-Меа. *Лаупа-гои-гои* — паденіе горы. *Ваи-Піо* — кровавыя жершвы. *Ваи-Акеа* — прелеснь страны. Сборы въ пушешествіе къ волкану *Кирау-Еа*. Макоа, сопушникъ пушешествія.....

85

ГЛАВА XLVIII. *Путешествіе къ огнедышащей долинь Кирау-Еа.* Алеуришовыя рощи. Начало волканической области. Углубленіе волкана. Прелеснь зрѣлища. Происхожденіе волкана. Спускъ въ самый волканъ. Ночлеги. Разказы о богинѣ волкана *Пеле* и другихъ богахъ. Изверженіе. Другіе волканы и сообщенія ихъ. Малая *Кирау-Еа*. Огнедышащая долина *Пуна-Гогои*. *Капа-Пала*. Разсказъ о смерти Ке-уа. *Гону-Апу*.....

409

ГЛАВА XLIX. *Остальное пребываніе на Гаваи.* Округъ *Пуна*. Холмъ *Бу-о-кагавари*. Разсказъ о бившѣ *Пеле* съ *Кагавари*. Гавайскія горы. Пошухшій волканъ. Разсказъ объ ушесѣ *Казеро-Геа*. Игры паге и майша. Пещера въ *Кеа-Насе*. *Гонанау*. Морай, или погребальница царскихъ костей. Идолы — анекдотъ. *Пагу-Табу*, или мѣста убѣжищъ. Поле *Моко-Гуа* — разсказъ о смерти *Кау-ике-ули*. Обратное плаваніе къ *Оагу*. Островъ *Мави* — жилища и церковь Миссіонеровъ въ *Лагайна*. Ошплышіе Океаніи изъ *Гонору*.....

433

ГЛАВА I. *Общій очеркъ острововъ Гавайскихъ.* Число ихъ, названія, величина, видъ, свойство. Климашъ, произведенія природы. Геологія.....

452

ГЛАВА LI. *Исторія острововъ Гавайскихъ. Мифологическія преданія, происхождение, переселенія жителей. Первое открытіе Испанцами. Исторія Роно. Древнія преданія. Родословіе царей. Открытіе Кукомъ. Названіе Сандвичевыми. Смерть Кука. Междоусобія. Тамеа-Меа — дикарь великій человекъ. Его предпріянія и побѣды. Начало преобразования. Ванкусеръ — пріемъ его, угощенія, игры, праздники, подданство Англіи. Начало флота. Единодержавіе и подвиги Тамеа-Меа. Появленіе Русскихъ — Шефферъ, Коцебу. Успѣхи Гавайцевъ. Смерть Тамеа-Меа. Его наслѣдники. Появленіе Французовъ — Фрейсине — крещеніе Караи-Моку. Введеніе христіанской вѣры. Типографія. Путешествіе Ріо-Ріо въ Англію. Второй пріѣздъ Коцебу. Нынѣшнее состояніе и будущность царства Гавайскаго.....*

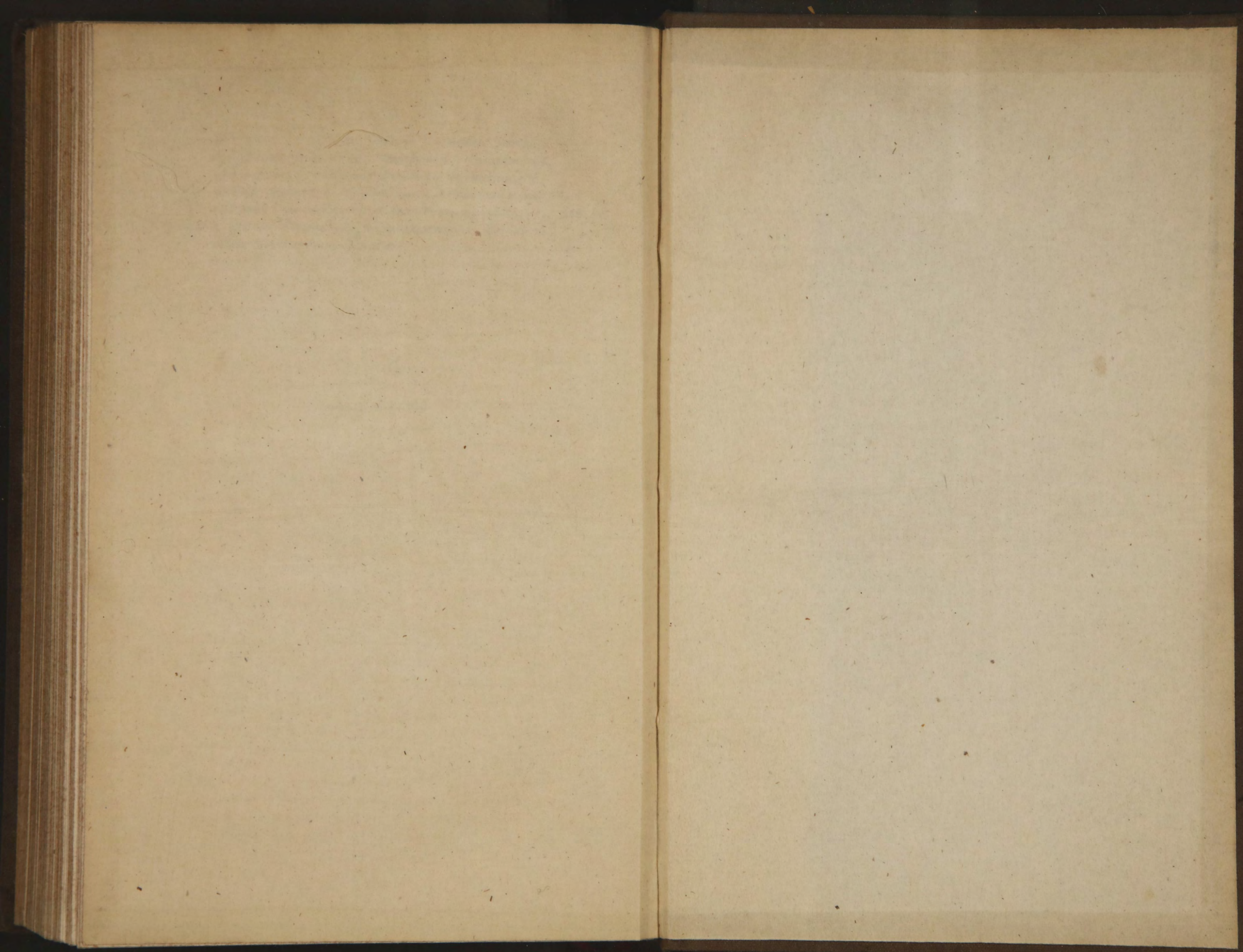
162

ГЛАВА LII. *Народонаселеніе, нравы, обычаи, религія на островахъ Гавайскихъ. Тѣлесное сложеніе жителей, болѣзни. Характеръ. Госпепріимныя пѣсни. Правленіе — званія и имѣнія, подаши и законы. Военное устройство. Обряды при войнѣ и мирѣ. Оружіе. Участь плѣнныхъ. Образъ жизни, жены, дѣти, дома, селенія, пища, одежда, промышленность, лодки, пѣніе, музыка, пляски, игры. Мифологія и праздники. Установленія табу. Трауръ. Языкъ, письмена, счещъ.....*

250

ГЛАВА LIII. *Плаваніе отъ острововъ Гавайскихъ къ Нукагивскимъ. Жалобы Филиппа. Острова Фатугу и Гіау — природа здѣшняя. Островъ Нука-Гива. Людоѣды. Заливъ Таіо-Гае. Прибытіе дикарей Гапаскихъ. Старшины Гаапе и Піа-Роро. Договоръ. Корабль-шабу. Англичанинъ Моррисонъ. Городъ Маддисонъ. Торжественный пріемъ Пендлешона. Происхожденія Пука. Царское жилище и окрестности его. Тагуа, или мѣста народныхъ сборищъ. Посѣщеніе корабля дикими. Прогулка на Нукагивскую пляску. Войны Гапаскіе. Видъ острова съ горы. Описаніе плясокъ и пѣнія. Красавицы, щеголи и поэты. Прогулка въ долину Таіоа. Мораи, похороны.*

Заливъ Ули. Таи-Пи. Заливъ Кака-Шог. Гапаи и начальникъ ихъ Тини. Похищенія оспровишанъ кишоловами. Оспровъ Тао-Вати — прогулка на берегъ. Опплышіе Океаніи ошъ оспрововъ Нука- гивскихъ. Приближеніе сильной бури.....	282
Описаніе сорока рисунковъ, принадлежащихъ къ пятой частии Всеобщаго путешествія.....	I

ДЮМОГЪ-ДЮРВИ.

ВСЕОБЩЕЕ

ПУТЕШЕСТВІЕ

V.

Д. В.